

ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

АНТИЧНАЯ ИСТОРИЯ

Дионисий Галикарнасский

РИМСКИЕ
ДРЕВНОСТИ

В трех томах

АНТИЧНАЯ ИСТОРИЯ

Дионисий Галикарнасский

РИМСКИЕ
ДРЕВНОСТИ

Том первый

УДК 94(37)
ББК 63.3(0)32

Историческая библиотека основана в 1995 г.
Автор проекта и основатель серии: Кузаков Владимир Александрович
Автор серийного оформления: Яковлев Анатолий Тимофеевич
Ответственный редактор: Маяк Ия Леонидовна

Редакционная коллегия серии «Античная история»

Маяк И. Л. — председатель коллегии
Кофанов Л. Л.
Майорова Н. Г.

Сморчков А. М.
Токмаков В. Н.
Шпабага И. Ю.

Фролов Э. Д.
Маринович Л. П.

Д46 **Дионисий Галикарнасский.** Римские древности. Том I.
Перевод с древнегреческого. Ответственный редактор: И. Л. Маяк. — М.,
Издательский дом «Рубежи XXI». 2005 г. — 272 с., с иллюстрациями

Книга представляет собой первый русский перевод знаменитых «Римских древностей» греческого историка I века до н. э. Дионисия Галикарнасского, последовательно излагающего в I–XI книгах предысторию и историю Древнего Рима от его основания до середины V века до н. э. Последующие XII–XX книги, освещающие события IV–III веков до н. э., сохранились лишь во фрагментах. Это произведение содержит множество интереснейших подробностей древнейшей истории Рима, его законов, религии и обычаев. Книга предназначена для студентов исторических и юридических вузов, историков, юристов, филологов-классиков, а также для всех тех, кто интересуется римской историей.

УДК 94(37)

ISBN 5-347-00002-3 (1)

- © Майорова Н. Г., перевод кн. I, гл. I–IX, кн. III–IV.
- © Маяк И. Л., перевод кн. I, гл. X–XC, кн. II.
- © Бисенгалиев В. К., рисунки для заставок и концовок к главам.
- © УпакГрафика, допечатная подготовка, обработка иллюстраций и карт, 2005.
- © Рубежи XXI, 2005.

**ЭТОЙ КНИГОЙ, ИЗДАННОЙ В РАМКАХ ПРОЕКТА
«ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА»,
ИЗДАТЕЛЬСТВО ОТКРЫВАЕТ СЕРИЮ
«АНТИЧНАЯ ИСТОРИЯ»**

ЦЕНТР ИЗУЧЕНИЯ РИМСКОГО ПРАВА
CENTRUM IURIS ROMANI INVESTIGANDI

---

*Центр изучения римского права
посвящает издание
250-летию со дня основания
Московского государственного университета
им. М. В. Ломоносова*

Предисловие

«Римские древности» Дионисия Галикарнасского были написаны на греческом языке в конце I века до н.э. Это — одно из немногих античных сочинений, которые дошли до наших дней, сохранившее последовательное изложение римской истории с незапамятных времен. Сохранилось оно не полностью. Однако первые книги остались. Это очень важно, потому что в них описаны события древнейшей истории Рима вплоть до конца ранней Республики (IV в. до н.э.), наименее освещенные в не утраченной части античной историографии.

К тому же грек Дионисий писал для своих соплеменников, стараясь осветить непонятные им явления римской жизни. Отсюда его внимание к мелочам, к деталям, на чем обычно не останавливались собственно римские авторы, писавшие на латинском языке для римлян, которые не нуждались в объяснении того, что было неизвестно грекам. Это тоже составляет привлекательную сторону труда Дионисия Галикарнасского.

Несмотря на высокую информативность «Римских древностей», она целиком никогда на русский язык не переводилась. Исключение составляют лишь отдельные, немногие её части или главы, что были выполнены для учебных пособий в основном теми же переводчиками, что и в данной публикации.

Таким образом, предлагаемое издание — это первый полный перевод труда Дионисия Галикарнасского.

Издание носит научный характер. Оно включает комментарии исследовательского плана, кроме того, его сопровождает источниковедческая статья.

В I томе дан перевод книг I–IV; во II — с V по VIII; в III — с IX по XX. В последний том включены статья, посвященная творчеству Дионисия как историка, а также обширный указатель имен, этнических названий и предметов ко всем книгам «Римских древностей».

Вместе с тем произведение Дионисия интересно не только для специалистов-антиковедов, но и для очень широкого круга читателей. Ведь в нем рассказано об увлекательных событиях, запечатлены яркие образы римских деятелей с их сложными судьбами, описаны ушедшие в прошлое традиции оригинальной римской культуры. Все эти сведения полезны историкам, правоведам, особенно исследователям римского права, религиоведам, филологам-классикам. Поясняющий комментарий облегчает понимание рассказа Дионисия, который расширяет знания и оживляет представления современного человека об античном мире и его неповторимой цивилизации.

Мы надеемся, что предлагаемое издание принесет особую пользу преподавателям и студентам, не владеющим древнегреческим языком, потому что позволит впервые ввести в лекции и семинарские занятия недоступный ранее исторический источник.

Одновременно мы выражаем надежду на то, что наш скромный труд будет стимулировать усилия по созданию новых антиковедческих работ, в том числе переводов Дионисия; т.е. послужит отправной точкой и этим в какой-то мере облегчит эти их труды.

Перевод и комментирование осуществлены И.Л. Маяк, Л.Л. Кофановым, А.М. Сморгочевым, Н.Г. Майоровой, В.Н. Токмаковым, А.Я. Тыжовым, А.В. Щеголевым. Координатором работ является Л.Л. Кофанов. Ответственным редактором издания — И.Л. Маяк.

Москва, март 2002
Проф. И.Л. Маяк

Дионисий Галикарнасский

**РИМСКИЕ
ДРЕВНОСТИ**

**ТОМ ПЕРВЫЙ
КНИГИ I-IV**

**Ответственный редактор доктор исторических наук,
профессор Н. Л. Маяк**

Книга I

Размышления автора о римской державе — Выбор автором исторических изысканий о древности — Описание автором плана своего повествования — Народы, от которых ведет начало римский род — Происхождение племени энотров — Города, в которых сначала жили аборигины — Разногласия, из-за которых между народами возникла война — Происхождение племени пеласгов — Объединение аборигинов с племенем пеласгов. Их завоевания — Начало бедствий пеласгического племени — Происхождение названия племени тирренов — Ошибочное мнение того, что тирренский и пеласгический народ — это одно и то же — Походы и завоевания эллинов — Освящение участков, алтарей и изображений богов. Установление священнодействия и жертвоприношения — Аркады — Приход в Италию эллинов под предводительством Геракла — Рассказ о прибытии Энея в Италию. Ссылки на исторические источники — Поход и деяния троянцев — Свидетельства о приходе Энея и троянцев в Сицилию — Предание об основании троядцами города — Объединение эллинов с аборигинами. Соглашения между обоими народами — Основание аборигинами и троядцами города Лавиний — Различные рассказы древних писателей по поводу тех времен, в какие был основан Лавиний — Война тирренов и рутулов с латинами — Основание Асканием, сыном Энея, города. Легенда о чуде, свершившемся во время основания города, а также относительно троянских святынь — Наследование власти после смерти Энея. Годы правления властителей — Основание Рима. Разногласия относительно времени основания и относительно основателей города. Мифы и легенды — Изложения того, что случилось во время самого основания Рима — Обычай, сохраняемый римлянами при основании городов — Заключение. Об эллинском происхождении римлян

I. Меньше всего желая произносить избытые для вступлений к историческим сочинениям слова, я вынужден прежде сказать о себе самом, но не собираюсь превозносить себя в похвалах, что, я знаю, несносно для слушателей, и решил не злословить по поводу других сочинителей, как это сделали во вступлениях к своим историям Анаксимен¹ и Теопомп². Я лишь изложу мои собственные размышления, которыми я руководствовался, когда приступил к этому труду, и поведаю об источниках, из которых я почерпнул знания о том, о чем пойдет речь далее. 2. Ведь я убежден, что тем, кто хочет оставить последующим поколениям память о своей душе, память, которая не исчезнет во времени вместе с бранными телами, а более всех тем, кто пишет исторические сочинения, в которых, как мы все верим, живет основа разума и мудрости — истина, необходимо прежде всего выбирать темы достойные, о великом, выгодно оттеняющие то, о чем пойдет речь, а затем с большим старанием и трудолюбием подготовить необходимые для разработки этой темы источники. 3. Ведь те, что полагали в основание своих работ дела либо бесславные, либо дурные, или вообще малозначительные, тщась ли достигнуть сколько-нибудь известности, желая ли продемонстрировать избыток способностей к сочинительству, не удастанваются от потомков ни похвалы за знания, ни одобрения за усердие и оставляют славу тем, кто потом снова возьмется за их рассказы, потому что они восхвалили жизнь тех, чьи писания выпустили в свет: ведь все справедливо полагают, что сочинения — это подобие души каждого. 4. Другие же, хотя и обращаются к предметам примечательным, составляют свои труды наудачу и легкомысленно из того, что случайно ими услышано, вовсе не обретают славы за свой выбор: ведь мы не считаем, что исторические сочинения о знаменитых городах и о мужах, когда-то власть предержавших, должны создаваться скоропалительно либо легкомысленно. 5. Посчитав, что эти правила для историка являются необходимыми и первоочередными, я уделил большое внимание обоим, не пожелав ни пройти мимо них, ни поместить их в каком-либо ином месте, кроме как во вступлениях.

II. И вот, поскольку мне думается, что я взялся за тему и достойную, и величавую, и полезную для многих, нет нужды растекаться мыслью перед теми, кто совершенно не знаком со всеобщей историей. Ведь если кто-нибудь обратит свое внимание к сложившемуся с давних времен могуществу городов и народов, а затем исследует каждое явление по отдельности и в сравнении друг с другом и захочет выяснить, который из них установил большую власть и явил более блистательные деяния, как в мирное время, так и на войне, то узрит, что могущество римлян далеко превзошло все, что было до того, сообразно не только с величием их власти и блеском деяний, из коих ни одно еще достойно не отмечено в писаниях, но и с продолжительностью времени его существования, которое длится еще и в наши дни. 2. Так, держава

¹ Анаксимен из Лампсака, греч. писатель-историк, живший в конце IV в. до н.э.

² Теопомп (Феопомп) Хиосский, греч. историк IV в. до н.э.

ассирийцев, будучи древней и восходя к мифическим временам, раскинулась лишь на небольшой части Азии. Мидийское царство, низложившее ассирийское, приобретает еще большее могущество, удерживало его недолго и было низвергнуто на четвертом поколении³. Персы же, покорившие мидийцев, в конце концов овладели едва ли не всей Азией, но, напав на европейские народы, подчинили себе немногих и господством обладали не более двухсот лет. 3. Македонское же государство, уничтожив державу персов, величием мощи превзошло все, что было до него, но расцвет его длился недолго: после смерти Александра оно начало клониться к упадку. Ведь тотчас разъятое на части многочисленными правителями, из диадохов, хотя сохраняя после них ещё силу шествовать впереди всех вплоть до второго или третьего поколения, царство македонян ослабело из-за собственных распрей и, в итоге было сокрушено римлянами. 4. И даже оно не подчинило себе всю землю и все моря, так как оно не сделало подвластной себе Ливию за исключением лишь небольшой области, что находилась рядом с Египтом, и не завоевало всей Европы, но македоняне продвинулись на север лишь до Фракии⁴, а на запад до Адриатического моря.

III. Итак, славнейшие из держав, о которых мы знаем из истории, пережив такой расцвет и такое могущество, были уничтожены; ведь не стоит даже сравнивать с ними эллинские государства, которые не знали ни величия власти, ни столь продолжительной славы, которой обладали те державы. 2. Но Афины властвовали лишь над самым побережьем только шестьдесят восемь лет — и не надо всем даже, а только над тем, что простирается между Понтом Эвксинским и Памфилийским морем, когда их морское владычество переживало расцвет. А лакедемоняне, господствуя над Пелопоннесом и прочей Элладой, простерли свою власть вплоть до Македонии, но власти этой, продлившейся неполных тридцать лет, положили конец фиванцы. 3. А Рим правит над всей землей, куда только можно дойти и где только обитают люди, и господствует над всем морем, не только тем, что находится по сю сторону от Геракловых столпов, но и над Океанским простором⁵, куда только можно доплыть, будучи первым и единственным из тех городов, что с древнейших времен сохранились в памяти, установив границами своей державы место восхода и захода солнца. И господство его оказалось не кратковременным, но таким продолжительным, какого не было ни у одного города или царства. 4. Рим с самого начала, тотчас после основания, принялся подчинять себе проживающие поблизости народы, сильные и воинственные, и постоянно продвигался вперед, покоряя противников; и этому в консульство Клавдия Нерона (который получил консульскую власть второй раз, и

³ Поколение у Дионисия — около 30 лет.

⁴ Фракия — территория к востоку от Македонии и Эпира, ограниченная с юга Эгейским, а с востока Черным морями.

⁵ Геракловы Столпы — Гибралтар. Здесь речь идет о так называемом «Внутреннем, или Нашем море», т. е. о Средиземном море. (Страбон. География. V. I. 18).

Пизона Кальпурния, избранных на эту должность в сто семьдесят третью Олимпиаду⁶) уже семьсот сорок пять лет. 5. После того как Рим обрел господство над всей Италией и отважился простереть власть вообще над всеми, изгнав с моря карфагенин, обладавших чрезвычайно сильным флотом, и подчинив себе Македонию, которая до той поры считала, что у неё великое могущество на суше, и не имея больше соперником ни варварское, ни эллинское племя, он продолжает владычествовать повсюду уже седьмое поколение. И нет ни одного народа, который состязался бы с ним в господстве или пытался бы выйти из-под его длани. 6. Поэтому, дабы мне не выбрать ничтожнейшую из тем, я решил не тратить время на мелкие и неприметные события (как я говорил), но пишу об известнейшем городе и о таких деяниях, блистательнее которых никто не смог бы явить, и я не ведаю, что еще нужно прибавить.

IV. Так как я не без расчета и не без серьезного размышления обратился к тому, что рассказывают о древности, но будучи в состоянии дать такому выбору разумнейшие объяснения, то я хочу сделать небольшое вступление, чтобы никто из тех, кто все на свете принимает на веру и не стремится получить доказательства и кто, услышав, что воспеваемый нами теперь Рим начало имел безвестное и совершенно незначительное, недостойное упоминания в истории, а к известности и славе пришел лишь немногими поколениями ранее, когда разгромил Македонскую державу и преуспел в Пунических войнах, не упрекнул меня, будто я, имея возможность заняться какими-то значительными страницами его истории, обратился к прежней его совсем не славной жизни. 2. Ведь древняя история римского города неведома почти всем эллинам, и некие намеки, далекие от правды, но возникшие из крупиц случайно услышанного, весьма многих ввели в совершенное заблуждение, дескать, основатели города — это какие-то бездомные, бродяги, варвары, даже несвободные люди, и что он со временем обрел господство надо всеми не вследствие благочестия, справедливости и прочих добродетелей, но из-за какой-то своенравной и несправедливой судьбы, которая наугад бросает больше благ тому, кто менее всего их достоин; и потому такие люди открыто порицали судьбу за то, что она дает блага, предназначенные эллинам, самым дурным из варваров. 3. И что же говорить о прочих, если даже отдельные сочинители дерзнули написать подобное в своих книгах, охотно родня варварских царей, которые ненавидели эту державу и которым сочинители, рабски прислуживая, подносили несправедливые и неправдивые исторические труды?

V. Желая, чтобы эти действительно ошибочные, как я сказал, суждения не удержались бы в мыслях многих читателей, а их место заняла бы правда, я в своем сочинении поведаю о тех, кто основал этот город, каковы они были, при каких обстоятельствах сошлись друг с другом, согласно какому жребию покинули отцовские

⁶ Олимпиада — календарный срок в четыре года. Дата первых Олимпийских игр (776 г. до н. э.) реконструирована в IV в. до н. э.

жилища. И здесь я обещаю показать и то, что сами они являлись эллинами, а не сбродом из немощных или мелких народов. 2. После описания сего, я перво-наперво расскажу и о деяниях, явленных сразу же вслед за основанием города, и о тех деяниях, благодаря которым потомки основателей достигли столь великого могущества, притом не пренебрегая (насколько это будет мне по силам), историческими сочинениями, кои того достойны. Я сделаю это, чтобы познавшим истину открылось, как надо судить об этом городе, если они не питают вражды и злобы к нему, и чтобы им не тяготиться зависимостью от него, возникшей по справедливости (ведь есть закон природы, общий для всех, который не подвластен времени, дабы сильнейшие властвовали над более слабыми), и не винить судьбу, которая подарила достойному этому городу столь великую мощь и на столь долгое время. 3. В самом деле, у тех, кто из исторических сочинений узнал, что многие из людей, отличившихся при основании города, не были ни излишне благочестивы, ни слишком справедливы, да и в жизни своей не отличались особым благоразумием, и что ни один город — ни эллинский, ни варварский — не имел более сильных противников в войне, рассказ мой не встретит враждебности: ведь именно ожидание невероятного и удивительного чревато ею. 4. Все, кто приписывает Риму такое величие могущества, не известны эллинам, которым не пришлось располагать историком, достойным упоминания. Ведь о римлянах не вышло — вплоть до нашего времени — ни единого исторического труда на эллинском языке, за исключением очень кратких рассказов, повествовавших лишь о самых главных событиях.

VI. Ибо первым (насколько мне известно) римского прошлого коснулся историк Гиероним Кардийский⁷ в сочинении об эпигонах; затем раннюю историю описал Тимей Сицилийский⁸ в труде по всеобщей истории, но войны с Пирром Эпирским он поместил в специальный труд. Одновременно же с ними к точно таким же произведениям, но по-разному, приступили Антигон⁹, Полибий¹⁰, Силен¹¹, и многие другие, каждый из которых записал то, что им было собрано, вкратце и без подробностей, составив свои сочинения из случайно услышанного. 2. Подобные и ни в чем от них не отличающиеся исторические сочинения обнародовали и те из римлян, кто изложил по-гречески старинные события, происшедшие в городе. А старейшими из них можно назвать Квинта Фабия и Луция Цинция¹², чей расцвет творчества

⁷ Гиероним Кардийский — греческий историк второй половины IV — первой половины III в. до н. э.

⁸ Тимей Сицилийский — греческий историк второй половины IV — первой половины III в. до н. э.

⁹ Антигон — греческий историк, творивший после Тимея (см. примеч. 47), но до Полибия (см. примеч. 50).

¹⁰ Полибий — величайший греческий историк эпохи эллинизма. Сведения о древнейшей истории Рима из его труда, к сожалению, сохранились лишь в скудных фрагментах. См. примеч. 210.

¹¹ Силен — из Кале Акте греческий историк, живший в конце III — начале II в. до н. э.

¹² Луций Цинций Амент — старший анналист, как и Фабий (см. примеч. 14), писал на греческом языке.

пришелся на период Пунических войн. Каждый из них описал подробно те события, очевидцем которых выступал, основываясь на собственном опыте, а прежних, случившихся после основания Рима, коснулся лишь в общем. 3. По этим-то причинам мне и не следует оставлять в стороне ту прекрасную историческую эпоху, что была забыта старшими историками: из их подробного изложения получается наилучший и блестящий итог; достойным мужам, которые исполнили то, что им было предназначено судьбой, досталась вечная слава и хвала потомков, что делает природу смертных подобной природе божественной, и дела человеческие не умирают вместе с ними. 4. А потомки этих богоравных мужей — живут ли они сейчас или придут потом — сознают, что, происходя из благородного истока, следует избрать жизнь не приятнейшую и легчайшую, но благороднейшую и в высшей степени замечательную. И им надлежит всерьез задуматься, насколько в их силах не сделать ничего, что было бы недостойно предков. 5. А поскольку я помню и о воспитании, и о прочих благах, которые я вкусил, проживая в этом вот городе, и не похвалы ради пришел к данному труду, но прежде всего помышляя об истине и справедливости, к коим должно стремиться во всяком историческом сочинении и в первую очередь явить собственное мнение, поскольку это полезно для всех людей добрых и ценящих благородные и великие дела, то мне и следует воздать хвалу городу, насколько у меня хватит сил.

VII. Поведав о своем выборе, я хочу еще добавить о тех источниках, которыми я воспользовался, когда вознамерился приступить к этому сочинению; ведь те, кто прочитал Гиеронима, Тимея, Полибия, или кого-либо из прочих историков, о которых я говорил немного ранее как о сочинителях, небрежно составивших свои труды, и не найдя у них много того, о чем пишу я, подумают, что и я делаю все поверхностно, и посчитают необходимым узнать, откуда я получил сведения обо всем описанном. Чтобы такое представление обо мне ни у кого не сложилось, лучше разъяснить, на каких сочинениях и памятных записках я основывался, приступая к своему труду. 2. Я приплыл в Италию одновременно с окончанием внутренней смуты, которая была прекращена Цезарем Августом в середине сто восьмьдесят седьмой олимпиады, после этого прожил в Риме в течение двадцати двух лет вплоть до сего дня, выучил римский язык, изучил местные писания, и в течение всего времени занимался тем, что вело меня к означенной цели. 3. Что-то я узнал от весьма сведущих мужей, с которыми мне приходилось беседовать, другое вычитал в исторических сочинениях, которые написали весьма уважаемые самими римлянами Порций Катон¹³ и Фабий Максим¹⁴,

¹³ Марк Порций Катон Цензорий (или Старший) (234–149 гг. до н. э.), римский политический деятель, прославившийся строгостью цензуры, и историк, писавший на латинском языке. От его труда «Происхождение» сохранились лишь фрагменты.

¹⁴ Дионисий имеет в виду Квинта Фабия Пиктора — старшего анналиста (III в. до н. э.), писавшего на греческом языке.

Валерий Антиец¹⁵ и Лициний Макр¹⁶, Элий¹⁷ и Геллий¹⁸, Кальпурний¹⁹ и многие другие наряду с ними, отнюдь не безвестные люди. Основываясь на таких сочинениях (а они сходны с эллинскими хронографиями), я и приступил тогда к настоящему труду. 4. Но довольно говорить о себе. Теперь осталось сказать о самом историческом сочинении: какое время я охватываю в нем, о каких событиях буду повествовать, какой вид придам своему труду.

VIII. Начинаю же я историю с самых древних сказаний, которые сочинители, писавшие до меня оставили в небрежении, поскольку их трудно разыскать, не приложив к этому большого старания. 2. А доведу я свое повествование до начала первой Пунической войны, которая началась в третий год сто двадцать восьмой олимпиады²⁰. Я освещаю все войны с чужеземцами, которые Рим вел в это время, и внутренние смуты, всякий раз когда они его приводили в волнение. Я отмечаю, по каким причинам они возникли и посредством каких дел и слов они были прекращены; я описываю также все виды государственного устройства, которые существовали в городе как во время появления царей, так и после упразднения царской власти, и каков был порядок при каждом из них; и обычаи наилучшие, и законы славнейшие я излагаю и показываю в целом всю прежнюю жизнь Города. 3. Вид же своему труду я придаю не такой, какой давали историческим сочинениям те, кто освещал только войны, и не такой, как те, кто описывал виды государственных устройств, и не такой, как в хрониках, что сделали достоянием публики историки, занимавшиеся историей Аттики. Ведь все их работы просты и быстро утомляют читателей. А мой исторический труд, будучи сочетанием приемов всякого рода: и ораторского искусства, и заставляющих размышлять, и просто приятных для чтения, — кажется, содержит в себе достаточно, чтобы удовлетворить запросы любителей политики и тех, кто занят философскими вопросами, а также тех, кто пожелает проводить время в покое, за чтением исторических сочинений. 4. Таковым будет предмет моего повествования и таковой вид примет моя история. А составил её я, Дионисий, сын Александра, из Галикарнасса. И с этого места я начинаю.

IX. Передают, что древнейшими и приснопамятными обитателями Города, повелителя всей земли и моря, который теперь населяют римляне, были варвары сикелы, туземный народ; о том же, что было до них — владели ли Городом другие народы или

¹⁵ Валерий Антиец — историк, принадлежал к «младшим анналистам» (I в. до н. э.), писал на латинском языке.

¹⁶ Гай Лициний Макр — младший анналист.

¹⁷ Квинт Элий Туберон — (I в. до н. э.) — анналист младшего поколения, написал историю Рима от основания города до гражданских войн после смерти Цезаря.

¹⁸ Геллий Гней — историк, принадлежавший к так называемым средним анналистам (2-я половина II в. до н. э.), писал на латинском языке.

¹⁹ Луций Кальпурний Пизон Фруги — так называемый «средний анналист».

²⁰ 265 г. до н. э.

он был незаселен — никто с уверенностью утверждать не может. Но позже его захватывают аборигины, отняв его в ходе большой войны у прежних обитателей. 2. Сначала аборигины жили на горах, деревнями без оборонительных стен и отдельно друг от друга, но потом пеласги и какие-то прочие эллины, соединившиеся с ними, помогли им в войне против соседей. Принудив народ сикелов сняться с этого места, аборигины одержали победу над многочисленными городами и сделали все для того, чтобы земля, границами которой служат две реки — Лирис²¹ и Тибр, оказалась бы под их властью. А реки эти, беря начало в отрогах Апеннинских гор, которые разрезают всю Италию вдоль на две части, отстоя одна от другой в устье на расстоянии около восьмисот стадиев, изливаются в Тирренское море: Тибр впадает в море севернее, близ города Остия, а Лирис — южнее, огибая Минтурну²² (оба города — колонии римлян). 3. Аборигины же остались обитать на одном и том же месте, никем более не изгнанные, но хотя они оставались теми же самыми людьми, они дважды переменили название: ведь до Троянской войны они еще сохраняли прежнее наименование аборигинов, но при царе Латине, который правил во время Илионской войны, начали зваться латинами. 4. Когда же шестнадцатью поколениями позже падения Трои, Ромул основал город, названный его именем, они приняли прозвание, которое и сейчас носят. Со временем они достигли того, что народ из малого стал многочисленным, а из неизвестного в высшей степени знаменитым, не только человеколюбивым принятием к себе искавших место проживания и предоставлением гражданских прав тем, кто благородно сражался и проиграл им в войнах, но и разрешением любому из рабов, получивших от них свободу, оставаться среди них и тем, что не пренебрегали ни одной человеческой судьбой, если человек мог принести пользу обществу. А превыше всего причина заключается в порядке государственного устройства, который они установили, пройдя через многочисленные испытания, всякий раз как только представится удобный случай, перенимая себе нечто полезное.

Х. Одни объявляют аборигинов, от которых ведет начало римский род, автохтонами²³ Италии — племенем, возникшим само по себе. Италией же я называю все побережье, какое охватывают Ионийский залив, Тирренское море, а с третьей стороны, с суши — Альпы²⁴. Говорят, что первое название аборигинам было дано потому, что они породили тех, кто жил после них, так что мы могли бы назвать их

²¹ Лирис — река (древний Кланис, современный Лири), течет южнее Рима.

²² Минтурны — город к югу от Рима, между Формиями и Сикуссой (*Страбон*. География. V. III. 6).

²³ Автохтоны — греч. «местные, туземцы». Это одна из версий объяснения лат. этнонима, связанная с ab origine, т.е. «изначально», «древнего происхождения».

²⁴ Дионисий не случайно называет северной границей Италии Альпы, так как со времени завоевания римлянами в 222 г. до н.э. области бассейна р. Пад (совр. По) и до 49 г. до н.э., т.е. до получения её населением прав римского гражданства, север современной Италии до р. Рубикон назывался Цизальпинской Галлией. Италией же первоначально считалась лишь южная часть Апеннинского полуострова.

родоначальниками или прародителями. 2. Другие же утверждают, что какие-то бездомные скитальцы, собравшиеся из разных весей, по воле божества встретились друг с другом именно в этом месте, основали укрепленные поселения и стали жить разбоем и пастушеством, название же им поменяли сообразно с обстоятельствами на более подходящее — аберригины²⁵, так как в нем они себя явили «скитальцами». Согласно этим писателям, оказывается, что племя аборигинов несколько не отличается от тех, кого древние называют лелегами²⁶; ибо они в большинстве случаев давали наименование аборигинов бездомным, полукровкам и не проживавшим ни в какой земле постоянно, как на родине. 3. А иные плетут, что они были колонистами²⁷ лигуров²⁸, граничивших с омбриками²⁹; ведь лигуры живут в Италии повсюду и кочуют по ней и по Галлии. Не ясно, какая именно у них родина. Больше о них ничего достоверного не известно.

XI. Наиболее же сведущие из римских писателей, — в их числе Порций Катон³⁰, тщательнейшим образом собравший генеалогии городов Италии, и Гай Семпроний³¹, а также многие другие, — утверждают, что это были сами элины, населявшие некогда Ахайю и переселившиеся оттуда за много поколений до Троянской войны. Однако они не определяют ни элинского племени, к которому те принадлежали, ни города, от которого те отложились, ни времени, ни предводителя колонии, ни обстоятельств, в силу которых они покинули отчизну. Следуя греческому преданию, эти авторы все же никого надежного из греческих историков не нашли, так что истина осталась неясной. А если они все же правы, то пожалуй, колонисты не могли принадлежать ни какому иному племени, как к тому, что прозывается ныне аркадским. 2. Ведь именно эти элины первыми, переправившись через Ионийский

²⁵ Наименование аберригинов Дионисий связывает с лат. глаголом *aberrare* (*блуждать*), что соответствует греч. *πλανάω*.

²⁶ Лелеги — догреческое население Малой Азии, Средней и Южной Греции и прилегающих островов, неясной этнолингвистической принадлежности. Античные авторы чаще всего сближают их с карийцами (*Геродот*. I. 171; *Павсаний*. I. 39. 6; III. 1, 1; IV. 1. 1; VII. 2. 8) либо из-за места их совместного обитания (*Гомер*. Илиада. 21. 86; *Каллистрат*. II. F. Gr. H. 124. F. 25), либо из-за зависимости от последних (*Phil*. II. F. Gr. H. 741), либо из-за происхождения (*Страбон*. География. VII. 7. 1, 2).

²⁷ Т.е. жителями выселок, позднее жители которых теряли гражданство в метрополии.

²⁸ У Дионисия — лигии, лигустины, лат. лигуры; племена, населявшие с эпохи неолита обширные территории современной Испании, Франции, Швейцарии и Италии (*Страбон*. География. IV. 1. 3, 5. 7; 6. 1–2. 6; V. 1. 3, 10; 2. 1. 5), не получившие в науке точной этнолингвистической характеристики, некоторые считают их язык индоевропейским.

²⁹ Омбрики — лат. умбры; племя, обитавшее в восточной Италии, родственное оскам, говорившее на языке, относящемся к итальянской ветви индоевропейцев.

³⁰ Порций Катон Цензорий, Марк (см. примеч. 13).

³¹ Семпроний, Гай — историк, живший в последней трети II в. до н.э., автор сухих без прикрас сочинений.

залив, под предводительством Энотра, сына Ликаона³²; заселили Италию. Энотр был пятым от Эзея и Фороней³³, первых владык в Пелопоннесе; ведь от Фороней рождается Ниоба; а сын её и Зевса, как говорят, — это Пеласг; сын же Эзея — Ликаон; а его дочь — Деянира; а сыном Деяниры и Пеласга был другой Ликаон; от него же родился Энотр за семнадцать поколений до похода на Трою. Значит, именно в то время эллины послали колонию в Италию. 3. А Энотр выселился из Эллады, недовольный своей земельной долей. Поскольку у Ликаона родились двадцать два ребенка, понадобилось разделить аркадскую землю на столько же уделов³⁴. По этой-то причине Энотр, оставив Пелопоннес и снарядив флот, пересекает Ионийское море в сопровождении Певкетия, одного из своих братьев. За ними последовали многие из их народа (ведь рассказывали, что их народ был первоначально многочисленным) и из прочих эллинов, кто имел земли меньше, чем требовалось. 4. И так Певкетий устраивает свой народ на полуострове Япигия³⁵, там, где они впервые в Италии высадились, и от него поселенцы этого края стали именоваться певкетями. Энотр же во главе большей части войска прибывает к другому заливу, расположенному с западной стороны Италии, который тогда назывался Авзонийским по живущим там авзонам³⁶. Когда же тиррены стали господами на море, залив обрел то название, которое носит поныне.

XII. Обнаружив обширные земли для пастбищ, обильные и удобные для земледелия, но преимущественно безлюдные или не населенные большим количеством людей, Энотр очистил часть этой страны от варваров и основал небольшие городки на горах, связанные друг с другом в соответствии с обычаем поселения у древних. И вся обширная страна, которой он завладел, стала называться Энотрией, и все люди под его властью — энотрами, поменяв в третий раз свое наименование. Ведь в царствование Эзея они превратились в эзеев, когда же власть принял Ликаон, опять-таки от него они были поименованы ликаонами. Когда же Энотр привел их в Италию, в течение некоторого времени они назывались энотрами. 2. А свидетелем того мне служит трагик Софокл своим повествованием в драме «Триптолем»; ведь у него изображена Деметра, которая поучает Триптолема необходимости пройти всю страну, засеивая её данными богиней семенами. Упомянув сначала о восточной Италии, которая расположена от Япигской возвышенности до Сикелийского залива

³² Ликаон — в греческой мифологической традиции аргосский царь, сын Пеласга и Деяниры.

³³ Фороней — в греческой мифологии аргосский царь, сын Инаха и нимфы Мелии, дед Пеласга, сына Зевса и Ниобы.

³⁴ Греч. «клер» (*жребий, жеребьевка*) — наследственный участок по жребию на условиях владения, позднее — собственности.

³⁵ Япигия — область на юго-востоке Италии, ограниченная Тарентинским заливом, Адриатическим морем и Апенниннами, населенная племенами япигов, позднее вошла в состав Апулии (современные области Пулья и Калабрия).

³⁶ Авзоны (лат. аврунки) — племя италиков, близкое оскам, обитавшее в Центральной Италии.

и затем, вновь достигнув Сикелии³⁷, она обращается к западной Италии и перечисляет большую часть населяющих эту прибрежную область народов, начиная с поселения энотров. Достаточно только одного из ямбов, в которых Софокл говорит:

*Сзади с правой руки,
И Энотрия вся, и Тирренский
Залив, и земля Лигустикская³⁸
Примут тебя.*

3. А Антиох Сиракузский³⁹, очень старинный писатель, перечисляя древнейших обитателей Италии и, отмечая какую часть её каждый из них имел, передает о том, что энотры первые из упомянутых там народов поселились в ней, такими словами: «Антиох, сын Ксенофана, написал об Италии на основе древних преданий самое верное и очевидное, а именно: “той землей, которая ныне зовется Италией, в древности владели энотры”». Затем он исследовал, каким образом они управлялись и как со временем царем у них стал Итал, по которому они были переименованы в италиков, а от него власть получил Моргет, по которому они стали называться моргетами, и что Сикел, принятый в качестве гостя Моргетом, установил собственную власть и разделил народ. И вот что приводит Антиох: «Таким образом появились сикелы, моргеты и италийцы, бывшие энотрами».

XIII. Теперь покажем, откуда пошло племя энотров, подкрепив свидетельством другого человека из древних писателей, афинянина Ферекида, никому в учености из генеалогов⁴⁰ не уступающего. У него по поводу царей Аркадии сказано следующее: «От Пеласга и Деяниры родился Ликаон; он женился на Киллене, нимфе Неиде⁴¹, от которой получила название гора Киллена». Затем, описывая их детей и местности, населяемые их потомками, Ферекид упомянул об Энотре и Певкетии, говоря так: «И Энотр, по которому именуются энотры, обитавшие в Италии, и Певкетий, по которому называются певкетии, живущие у Ионийского залива». 2. Вот так сказано древними поэтами и мифографами относительно расселения и происхождения энотров. Если действительно племя аборигенов было эллинским, как уверяют Катон, Семпроний⁴², а также многие другие, я лично, следуя этому, полагаю, что оно было потомком тех самых энотров. В самом деле, я нахожу, что и пеласги, и критяне, и сколько бы других племен в Италии ни обитало, прибыли в более позднее время. И я не могу обнаружить никаких выходцев из Элады на запад Европы в более ранние времена, нежели участники этого похода. 3. Я разумею, что энотры не только заняли

³⁷ Сикелия — лат. Сицилия.

³⁸ Лигустикская — Лигурийская, см. примеч. 28.

³⁹ Антиох — сицилийский историк, живший во второй половине V в. до н.э.; см. также примеч. 82.

⁴⁰ Специалисты, изучающие происхождение отдельных людей, семейных, родоплеменных, этнических групп.

⁴¹ Неида, или Наяда — нимфа вод в греч. мифологии.

⁴² Имеются в виду Марк Порций Катон и Семпроний Азеллион, авторы II в. до н.э.

многие другие области Италии, захватив частично безлюдные, частично малонаселенные края, но и от земель омбриков часть отторгли. А аборигинами они прозывались от привычки жить на горах⁴³ (кстати и аркадское племя любит горы), подобно тому как жители возвышенностей в Афинах называются гиперакрийцами, а приморской полосы — паралийцами. 4. Если же кто-то имеет обыкновение не принимать с ходу на веру известия о старинных событиях, пусть они не торопятся причислять лигийцев, омбриков, или иных варваров к аборигинам, но, подождав сбора полных сведений, отберут из всего наиболее убедительное.

XIV. Из городов, в которых сначала жили аборигины, до моего времени сохранились немногие. Большинство из них остаются брошенными и разрушенными из-за войн и других бедствий. Эти города стояли в Реатинской земле недалеко от Апеннинских гор, как пишет в «Археологии» Теренций Варрон⁴⁴, ближайший из городов на расстоянии от Рима всего одного дня пути. Я перечислю известнейшие из них, следуя повествованию Варрона. 2. Так, Палатин⁴⁵ находится примерно в двадцати пяти стадиях от Реаты⁴⁶ — города, населенного римлянами еще и при моей жизни близ Квинциевой дороги; Трибола⁴⁷, отстоящая от того же города приблизительно на шестьдесят стадиев, расположена на пологом холме; Свесбола⁴⁸, удаленная на то же самое расстояние от Триболы, близ Керавнийских⁴⁹ гор. А в сорока стадиях от неё — знаменитый город Суна⁵⁰; там находится очень древний храм Марса⁵¹. 3. А Мефюла⁵² лежит примерно в тридцати стадиях от Суны; можно видеть её руины и остатки стен. В сорока же стадиях от Мефюлы — Орвиний⁵³, как и любой другой из здешних городов, славный и крупный. Ибо сохранились фундаменты его стен, некоторые почтенной древности погребения и очертания обширных погостов, раскинувшихся на высоких холмах; и там же — древний храм Минервы⁵⁴, сооруженный на возвышенном месте. 4. А в восьмидесяти стадиях от Реате путникам по Куриевой

⁴³ Попытка объяснить название аборигинов, связав слог «ор» с греческим словом *ὄρος* (*гора*).

⁴⁴ Упоминаемое здесь не сохранившееся сочинение М. Теренция Варрона (116–27 гг. до н.э.) называлось «Древности деяний человеческих и божеских» и содержало важнейшие сведения по истории и культуре архаического Рима.

⁴⁵ По-гречески Палатион, лат. Palatinum — Палатинский холм в Риме.

⁴⁶ Реате — сабинский город, родина М. Теренция Варрона.

⁴⁷ Трибола — лат. Требула, вероятно Trebula Mutuesca в Сабинской области.

⁴⁸ Свесбола — вероятно, Суэсса (лат. Suessa Aurunca или Suessa Pometia) в Лацин, скорее чем Суэссула (лат. Suessula) — город в Кампании.

⁴⁹ Керавнийские горы — совр. Monte Rotondo.

⁵⁰ Суна — город в Сабинской области, точное местоположение не определено.

⁵¹ Греч. Арес, бог войны, аналог итальянского Марса, или Маворса

⁵² Мефюла — лат. (Mephyla) город в Сабинской области.

⁵³ Орвинион — лат. Орвиний (Orvinium), город на востоке Сабинской области.

⁵⁴ Минерва — лат. аналог греч. богини Афины.

дороге⁵⁵ вдоль горы Корета⁵⁶ предстает недавно разрушенная Корсула⁵⁷. И виднеется некий остров, называемый Исса, который омывается водою болотистого залива. Говорят, что аборигины заселили его без оборонительных укреплений, а используя стоячие воды как городские стены. Близ же ИССЫ находится Марувий⁵⁸, стоящий позади того же самого болота на расстоянии сорока стадиев от так называемых Семи вод. 5. А шествующим в обратную сторону от Реате по Листинской⁵⁹ дороге встречается в тридцати стадиях Батия; Тиора же, называемая Матиеной — в трехстах стадиях. Сообщают, что в ней имелось очень древнее прорицалище Марса. А по характеру это прорицалище, как говорят, было близко известному по преданиям и существовавшему у додонцев⁶⁰. Только передавали, что в Додоне пророчествует голубь, сидящий на священном дубе; у аборигинов то же самое совершала посланная богом птица, появляющаяся на деревянном столбе, которую они называют «пик», а *аллины* на своем языке дятлом. 6. В двадцати четырех стадиях от названного города отстоит Листа, метрополия аборигинов, её еще в глубокой древности, внезапно захватили сабиняне, выступив ночью из города Амитерна. Спасшиеся от плена, будучи приняты реатинцами, они предприняли много усилий вернуть прежнюю землю, но не будучи в состоянии отобрать ее у неприятелей, посвятили ее богам, словно собственную, предав проклятию тех, кто будет впоследствии пользоваться ее дарами.

XV. В семидесяти стадиях от Реате лежит у подножия горы славный город Котилия⁶¹. Недалеке от неё находится озеро сорока плетров в поперечнике, как говорят, бездонной глубины, с обильными, постоянно бьющими ключами. Местные жители считают его посвященным Виктории⁶², поскольку здесь есть нечто, достойное божества; и они охраняют его как священное, оградив со всех сторон частоколом, чтобы никто не приблизился к озеру, кроме тех кто приходит в определенное время ежегодно на островок и совершает священнодействия, установленные обычаем. 2. Островок же почти пятидесяти футов в диаметре и возвышается над водой не более чем на фут. Он не стоит на месте и время от времени перемещается туда и сюда от легкого дуновения ветра. И растет на нем трава, похожая на «бутом», а также какие-то кустики. И это явление для тех, кто не знаком с чудесами природы, кажется невероятным и удивительным.

⁵⁵ Куриева дорога в сабинской области, между Реате и Интерамной названная в честь М. Курия Дентата.

⁵⁶ Гора Корета не известна.

⁵⁷ Корсула — может быть Карсеоли (Carseoli), латинский город на Валериевой дороге, скорее, чем Карсулы (лат. Carsuli), город в Умбрин.

⁵⁸ Маруион — лат. Марувий (Maruvium), одноплеменный город марсов на Фудинском озере.

⁵⁹ Есть другие чтения — Λατίνην (Латинской), Λιμνην (Болотистой).

⁶⁰ Жители Додоны в Эпире.

⁶¹ Котилия — город, находившийся к востоку от Реате близ минеральных источников и озера Аквы Котилиевы (лат. Aquae Cutiliae).

⁶² Греч. Ника, богиня победы, аналог рим. Викторин.

XVI. Говорят, аборигины основали в тех местах первое поселение, изгнав из них омбриков. Двинувшись оттуда, аборигины стали воевать за землю с другими варварами, особенно с сопредельными сикелами⁶³; а некая, посвященная для этого молодежь — немного людей — была послана родителями в мир искать счастья; это было, как мне известно, древним обычаем⁶⁴ и у многих варваров, и у эллинов. 2. Ведь когда в городах скапливалось чрезмерное множество народа, так что возникал недостаток в жилье и пропитании для всех, или когда из-за ниспосланных небом перемен земля не приносила обычных урожаев, или иная беда такого рода постигала города и возникала нужда в сокращении численности населения, эллины, посвящая тем или иным богам поколение молодежи соответствующего года, высылали юношей из своей земли, снабдив их оружием. Если же они воздавали должное богам за доблесть и победу в войне, принося заранее установленные жертвы, то при благоприятных ауспигиях⁶⁵ выводили колонии. Если же они ощущали гнев божеств, то моля об избавлении от бедствий, совершали такие же обряды, но в печали прося прощения у юношей, изгоняя их. 3. А переселившиеся, понимая, что им не приобрести отчей земли, если они не смогут добыть новую, рассматривали другие края, которые их принимали либо по дружбе, либо в силу завоевания, как свое новое отечество. И божество, которому были посвящены эти изгнанники, как кажется, большей частью содействовало им и укрепляло поселение в соответствии с ожиданиями людей. 4. В самом деле, основываясь в те времена на этом самом законе, иные из аборигинов, по мере того как места обитания оказывались перенаселенными (поскольку они считали, что нельзя убивать никого из потомства, полагая, что нет вины худшей, чем такое убийство), посвятив кому-нибудь из богов потомство определенного года, после его возмужания выселяли из своей земли в колонию, а те, оставив свои пределы, постоянно теснили и грабили сикелов. 5. По мере того как они завоевывали некоторые местности во вражеских краях, и остальные из аборигинов, уже из соображений безопасности, нуждаясь каждый в земле, наложили руку на владения соседей и основали новые города, населенные до сих пор — Антемны, Теллены, Фикулы, которые находятся у так называемых Корникульских гор, а также Тибур, где еще и поныне часть города зовется Сикеликон. И были они наиболее тягостными для обитавших по соседству сикелов. А из этих распрей между народами возникла война, какой никогда раньше не бывало в Италии, и продолжалась она длительное время.

XVII. Затем иные из пеласгов, обитавшие в стране, которая называется ныне Фессалией, вынуждены были покинуть свою землю, оказались живущими вместе с

⁶³ Сикелы — лат. сикулы.

⁶⁴ Древний обычай «священной весны», практиковавшийся всеми италиками. В условиях перенаселения родоплеменные общины высылали юношей на поиски новых земель и их колонизации. Это было заменой убийства «лишних» людей, т.е. непроезжих групп населения — детей и стариков. См.: Fest. О значении слов. С. 519, ver sacrum.

⁶⁵ Ауспигии — птицегадания.

аборигинами и совместно с ними начинали войну против сикелов. И аборигины приняли пеласгов, может быть, в надежде, что те будут им обязаны, а (как я убежден) более всего из-за родства с ними. 2. В самом деле, племя пеласгов было исконно эллинским — пелопоннесским. Оно претерпело множество различных невзгод, но больше всего долгие скитания и отсутствие надежного места поселения; ибо ранее они, будучи туземцами, населяли так называемый ахейский Аргос, как сообщают о них многие. С самого начала они приняли для себя название по царю Пеласгу. А Пеласг был, как говорят, рожден Зевсом и Ниобой, дочерью Фороней; с ней, первой смертной женщиной, по преданию, соединился Зевс. Шестью же поколениями позже пеласги, покинув Пелопоннес, переехали в землю, называвшуюся тогда Гаймонией, а ныне — Фессалией. Во главе переселенцев стояли Ахей, Фтий и Пеласг, сыновья Ларисы и Посейдона. Придя же в Гаймонию, они изгоняют живущих там варваров и делят страну на три части, поименовав их по предводителям Фтиотидой, Ахайей и Пеласгиотидой. Там оставались они в течении жизни пяти поколений, и достигли на долгое время процветания, пользуясь в полной мере плодами равнин Фессалии; а примерно на шестом поколении они изгоняются из Фессалии куретами⁶⁶ и лелегами, которые ныне называются этолийцами, и локрами, а также многими другими, кто обитал близ Парнаса. А предводительствовал этими захватчиками Девкалион, сын Прометея и матери Климены Океаниды.

XVIII. Рассеянная во время бегства часть пеласгов удалилась на Крит, другая же захватила некоторые из Кикладских островов, третья поселилась около Олимпа и Оссы в местности, называемой Гестиатидой, а иные переправились в Беотию, Фокиду и Эвбею. Те же из пеласгов, которые проникли в Азию, завладели большими пространствами Гелеспонтского побережья, а также многими из прилегающих к нему островов, включая и называемый ныне Лесбосом, где смешались с теми, кто основал там их первую колонию из Элады под предводительством Макара, сына Кринака. 2. Но большая часть пеласгов пошла через внутреннюю область к своим живущим в Додоне сородичам, с которыми никто не предполагал вести войну, так как они считались священными, и провела там определенное время. Когда же они почувствовали свою обременительность для хозяев страны, поскольку земли для прокормления всех не хватало, то они покинули её под влиянием оракула, повелевавшего им плыть в Италию, которая тогда называлась Сатурнией. 3. Снарядив много кораблей, пеласги достигают Ионийского залива, стремясь достичь ближайших земель Италии. Отнесенные к северу дувшим с юга ветром, а также из-за незнания местности, они бросили якорь у одного из протоков в устье Пада, называемого Спинетом⁶⁷. Они оставляют там суда и множество соплеменников, наименее выносливых

⁶⁶ Куреты — мифическое племя, жившее на греческих островах, в том числе на Крите. отождествлялись с кабирами и корибантами (*Аполлодор*. I. 1. 6–7; 8. 3; II. 3. 1; III. 3. 1). См. примеч. 86.

⁶⁷ Спинет — один из рукавов р. Пад (совр. По) при впадении в Адриатическое море.

в трудностях, выделив им охрану, чтобы располагать убежищем, если дело у них не заладится. 4. Оставшись в этой местности они окружили стоянку стеной и доставили на судах жизненные припасы, а когда им показалось, что дела у них идут успешно, то пеласги, как они и замыслили, основали город под тем же именем, что и рукав устья реки. И они достигли благоденствия более всех обитавших вокруг Ионийского моря, будучи его властелинами долгое время, и отсылали богу в Дельфы десятину самых замечательных из всех возможных даров моря. 5. Однако позднее, когда соседствующие варвары с огромным войском двинулись на них войной, пеласги покинули город Спину. Варвары же со временем были изгнаны римлянами. Таким образом погибло племя пеласгов, оставшееся в Спине.

XIX. А те пеласги, которые продвинулись во внутреннюю область Италии, переправились через хребет и прибыли в землю омбриков, граничащую с аборигинами. Омбрики населяли много и других мест в Италии. И был этот народ в те времена многочисленным и древним. Так что пеласги сперва овладели землями, где утвердились поначалу, и захватили некоторые городки омбриков. Когда же на пеласгов двинулось огромное войско, они испугались численного перевеса врагов и отступили, приблизившись к аборигинам. 2. А аборигины посчитали, что к ним приближаются враги, и поэтому быстро сошлись из ближайших окрестностей, чтобы изгнать пеласгов. Пеласги же по воле божества оказались в ту пору в окрестностях Котилии⁶⁸, города аборигинов, расположенного близ священного залива. Уразумев, что островок в нем действительно крутится, и услышав от захваченных в поле пленных название места, пеласги поняли, что для них сбылось пророчание. 3. Ведь в Додоне им был дан оракул, который, по его собственным словам, видел Луций Манлий⁶⁹, весьма известный муж. Оракул этот был высечен древними письменами на одном из треножников, находившихся на священном участке Зевса, и вот в чем он состоит:

*Идите, стремясь в Сатурнийскую землю сикелов
И в Котилию аборигинов, где движется остров;
С ними смешавшись, пошлите десятину Фебу
И головы Зевсу Кроницу, и мужа пошлите отцу.*

XX. Когда же аборигины выступили крупным войском, пеласги устремились безоружными навстречу, протягивая знаки мольбы⁷⁰; толкуя о своей участи и умоляя по-дружески принять их под свой кров, разъясняя изречение в том смысле, что не послужат они коренным жителям в тягость, не даром ведь божество направляет их именно в эти пределы. 2. Когда аборигины убедились в их добрых намерениях, они рассудили, что следует повиноваться оракулу и заключить общеэллинский союз против

⁶⁸ Котилия — впоследствии принадлежала сабинам (сабинианам). См. примеч. 55.

⁶⁹ Луций Манлий, вероятно, Ацидин — римский политический деятель. В 208 г. до н.э. находился в качестве посла в Греции (*Ливий*. XXVII. 35. 3-4).

⁷⁰ Знаки мольбы — увитые лентами ветви оливы.

враждебных им варваров, тем более что в то время сами они вели тяжкую войну с сикелами. И, соответственно, установив мир с пеласгами, аборигины выделяют им уголья из собственных земель, раскинувшихся вокруг священного залива, среди которых было много болотистых и которые теперь созвучно древнему наречию называются Велией. 3. Ведь у древних эллинов был обычай именам, которые начинаются с гласных, предпосылать «у», которое пишется одной буквой. Был этот знак подобен гамме, связанной двумя боковыми линиями в одну прямую, как это видно по «Велена», «Ванакс», «Войкос», «Ваэр»⁷¹ и т.п. 4. Хоть доля их была не худшей, но когда земли всем хватать перестало, пеласги, убедив аборигинов сняться с места и отправиться вместе с ними, начинают войну против омбриков. Внезапным приступом они захватывают их богатый и большой город Кротон⁷². Используя его как оплот боевых действий против омбриков и укрепление, достаточно пригодное для обороны, притом имеющее сельскую округу с тучным пастбищем, пеласги овладели и множеством других территорий и вместе с аборигинами с особенным усердием принялись превозмогать тяготы войны против сикелов, до тех пор пока не изгнали их из своих пределов. 5. Много городов пеласги начали заселять совместно с аборигинами — одни ранее принадлежали сикелам, а другие ими самими были основаны. Среди них город цэритов⁷³, тогда именовавшийся Агиллой, Пиза, Сатурния, Алсий и ряд других, которые потом были захвачены тирренами⁷⁴.

XXI. Но Фалерии⁷⁵ и Фесценний⁷⁶ еще в мое время населены римлянами и сохранили мало остатков пеласгийского рода-племени, а сначала принадлежали сикелам. В них пеласги сохраняли долгое время немало из древнего образа жизни, чем ранее пользовалось эллинство, например, прекрасное воинское снаряжение, арголдские щиты и копья. Так, всякий раз как они начинали войну или отражали нападавших,

⁷¹ Греческие слова, видимо, ахейского диалекта, три последние означают «правитель», «дом», «воздух».

⁷² Кротон — греческая колония в южной Италии. Дионисий спутал здесь этот город с Кортоной, городом, находившимся севернее Тразименского озера и вошедшим в состав северного этрусского Двенадцатиградья.

⁷³ Цэриты — жители города, заселенного и переименованного этрусками в Цэре (Caere), что близ Рима на правобережье Тибра.

⁷⁴ Греки называли тирренами этрусков.

⁷⁵ Фалерии — город фалисков, родственного латинам племени, расположенный при впадении р. Треيي в Тибр, в 394 г. до н.э. сдавшийся римлянам (*Ливий*. V. 27; *Валерий Максим*. VI. 5. 1; *Плутарх*. Камилл. 10), но затем в союзе с этрусками в 293 г. до н.э. и во время первой Пунической войны воевавший с Римом (*Ливий*. Ер. 20; *Поллибий*. I. 65. 1–2; *Диодор*. XIV. 96. 5), после чего он был разрушен, а жители его переселены во вновь выстроенный поблизости город. Согласно мифологической традиции, Фалерии были основаны аргивянином Алезом (*Овидий*. *Фасты* IV. 73; *Сервий*. *Комментарии к Энеиде*. VII. 695).

⁷⁶ Фесценний или Фесценния — город в Этрурии, откуда, согласно преданию, были заимствованы римлянами насмешливые песенки, фесценнины (*Фест*. О значении слов. С. 76, *Fescennini*).

посылая в чужие пределы войско, некие благочестивые и безоружные мужи шествовали впереди в качестве мирноосцев. Сохранялось и обустройство храмов, алтари богов, обряды очищения, жертвоприношения и многое другое. 2. А самый знаменитый памятник людям, которые изгнали сикелов, показывающий, что некогда они обитали в Аргосе, это храм Юноны в Фалериях, построенный в духе Аргосского. Бытовал там и подобный аргосскому обычай жертвоприношений, и священные жены обслуживали священный участок⁷⁷, и так называемая канефора — незамужняя дева — ведала предварительными обрядами при жертвоприношениях, и хоры девственниц распевали гимны и отеческие песни во славу богини. 3. Пеласги же владели не самой малой частью Кампанских долин, удобных для пастбищ скота, очень живописных, изгнав с них варварский народ аврунков⁷⁸. Они же основали там разные города, в том числе и Ларису, дав ей имя по своей прародине в Пелопоннесе. 4. Кстати, из различных небольших городов имеются и такие, часто меняя состав населения, сохранились до моего времени. Что касается Ларисы, то она была опустошена с давних времен, а если и была некогда густо заселена, то о ней ясного представления сейчас ни у кого не осталось, кроме как об имени, да и то лишь у немногих людей; а находилась она недалеко от так называемого Попилиева форума⁷⁹. Кроме того, пеласги овладели многими другими областями как в приморской, так и во внутренней зоне, вытеснив оттуда сикелов⁸⁰.

XXII. Сикелы же, вовлеченные в противоборство пеласгами и аборигинами и не будучи в состоянии им сопротивляться, забрали с собой детей и жен, а также все имущество из золота или серебра. Повернув на юг через хребет и пройдя всю нижнюю Италию, где их отовсюду изгоняли, сикелы со временем, снарядив в гавани плоты и установив стражу в южных водах, переправились из Италии на ближайший остров. 2. Островом же владели сиканы⁸¹, иберийское племя, незадолго до того там осевшее, беглецы из Лигурии, которые называли остров, прежде именовавшийся из-за его треугольной формы Тринакрией, по своему племени Сиканией. Однако на большей его части поселенцев было мало, и значительные просторы страны были еще безлюдны. Поэтому сикелы, переместившись на остров, прежде всего заселили западные его области, а затем и прочие местности, и именно по ним остров этот стал называться Сикелией. 3. Итак, сикелийское племя таким вот способом покинуло

⁷⁷ «Священный участок» — греч. *τέμενος*, соответствующий лат. *templum*.

⁷⁸ Аврунки — см. примеч. 36.

⁷⁹ Форум Попилия (*Forum Popilii*).

⁸⁰ Сикелы — лат. *сикулы*, племена, родственные лигурам (см. примеч. 28). После заселения во II тыс. до н.э. Апеннинского полуострова италиками, часть их, родственная латинам, ассимилировала сикулов и приняла их название.

⁸¹ Сиканы в латинской традиции часто идентифицировались с сикулами. Но, возможно, это было первоначально неиндоевропейское, неродственное лигуро-сикулам население.

Италию, как передает Гелланик Лесбосский⁸², тремя поколениями ранее Троянской войны и на двадцать шестой год жречества в Аргосе Алкионы. По его же словам, в Сикелию было совершено два вторжения: первое — переселение элимов, которые, как говорит Гелланик, были изгнаны энотрами, а после него (на пятый год) — поход авзонов, которые бежали от япигов; и царем их он объявляет Сикела, по которому и получили имя и люди, и остров. 4. Филлист же Сиракузский⁸³ пишет, что переход из Италии состоялся за восемьдесят лет до Троянской войны, а народ, переселившийся оттуда, не был ни авзонами, ни элимами, но лигиями под предводительством Сикела. Он же, продолжает Филлист, был сыном Итала, и люди по его царствованию были названы сикелами. 5. А лигуры были изгнаны из своих пределов омбриками и пеласгами. Антиох же Сиракузский⁸⁴ не указывает времени перехода, но утверждает, что сикелы переместились на остров под натиском энотров и опиков⁸⁵, сделав предводителем колонии Стратона. А Фукидид⁸⁶ пишет, что переселенцами были сикелы, а их изгонителями опики, время же — много лет после Троянской войны. Итак, таковы рассуждения достойных упоминания людей о сикелах, перенесших место обитания из Италии в Сикелию.

XXIII. Пеласги, овладев обширной и прекрасной страной, заняли много городов, а другие возвели сами и превратились скоро в многочисленный и богатый народ и достигли всякого иного благополучия, чем, впрочем, им пришлось наслаждаться недолго. Как только всем стало казаться, что они в полном расцвете сил, они были настигнуты божественным гневом и одни из них погибли от несчастий, ниспосланных богами, а другие — по вине обитавших по-соседству варваров. Большая же часть пеласгов оказалась рассеяна по Элладе и, в том числе, по варварским землям (о чем можно бы поведать гораздо больше, если бы я намеревался писать подробно), а меньшая их часть осталась в Италии по предусмотрительности аборигинов. 2. Дело в том, что вначале пагуба в городах, вероятно, случилась по причине засухи, что опустошила поля, ибо всякий плод на деревьях, не созревая, опадал неспелым и сколько бы ни всходило семян, ростки их не расцветали, а время, необходимое для наливания колоса, проходило согласно закону природы, и никакой травы не произрастало в достаточной мере для корма скоту, и не хватало воды для питья, некоторые источники летом мелели, а другие пересыхали. 3. Что до потомства как у скота, так

⁸² Гелланик Лесбосский — греч. писатель V в. до н.э. из Мителены, видный логограф, автор «Генеалогий», первый из аттидографов, т.е. из историков, писавших специально об Афинах.

⁸³ Филлист Сиракузский — греческий историк, живший в последней четверти V — первой трети IV в. до н.э., автор «Сицилийской истории», сохранившейся в незначительных отрывках.

⁸⁴ Антиох Сиракузский — греческий историк (V в. до н.э.), автор книг «Сицилийские дела» и «Италийские дела», от которых сохранились немногие фрагменты.

⁸⁵ Опики или оски — племя италиков, населявшее юг Лация и запад Кампании.

⁸⁶ Фукидид — великий греческий историк V в. до н.э.

и у людей, то приключилось у них нечто сходное: либо происходил выкидыш, либо плод погибал при родах, что нередко губило рожениц. Если же при родах удавалось избежать смерти, то уродливое, неполноценное или в силу других причин немощное потомство не было смысла растить. Кроме того, множество живых существ, уже будучи в полном расцвете сил, страдало от неожиданных болезней и погибало, подобно остальным. 4. Когда же пеласги вопрошали оракул, кого из богов или духов они оскорбили, раз терпят такое, и что сделать, чтобы побудить надежду на прекращение бедствий, бог отвечал, что они, достигнув желаемого, не исполнили того, что обещали, к тому же самого сокровенного. 5. Ведь пеласги, когда у них в стране возникла всеобщая нужда, дали обет Юпитеру, Аполлону, и Кабирам⁸⁷ принести в жертву десятину всего, что у них в будущем появится. Завершив же молебствие, они отобрали часть растительных плодов и скота и принесли её в жертву богам, словно это было всё, что обещано. А повествует об этом Мирсил Лесбийский⁸⁸, сообщая об этом почти то же, что и я сейчас, кроме того, что звать их следует не пеласгами, но тирренами. О причине же этого я расскажу несколько позднее.

XXIV. Когда пеласги узнали изреченное богом, они не сумели постичь его смысл. Но кто-то из старцев, понявший божественный глагол, разъяснил недоумевающим соплеменникам, что они заблуждаются, если мнят, будто боги осуждают их несправедливо. Ведь что касается имущества и плодов, они поступили правильно и справедливо, но надлежало отдать первинки всего, включая часть новорожденных людей, и этот дар по праву считается у богов наиболее ценным. И если на самом деле боги примут положенную часть первинок, то оракул, данный пеласгам, исполнится. 2. В результате, одним виделось, что изречение истинно, а другим — что оно толкуется как сплошь козни. После того как кто-то высказал мнение, что следует узнать у бога, любо ли ему получить десятину в виде людей, пеласги послали спросить бога вторично. И бог изрек, что надо поступить именно так. С тех пор среди пеласгов начинается раздор по поводу способа определения десятины. И в первую очередь были взбаламучены друг другом лица, начальствующие над городами. 3. А затем и остальную толпу соплеменников обуяли подозрения в отношении руководителей. Развернулось беспорядочное переселение, которое только можно ожидать от безумства и нечестивости, и многие совсем крепкие домашние очаги оказались покинуты, так как часть семей поменяла местожительство. Ведь пеласги считали несправедливым, что близкие теряют уходящих, расстаются с ними и из любимейших становятся их

⁸⁷ Кабиры — в греческой мифологии хтонические божества малоазийского происхождения, особенно популярные на греческих островах и в Беотии. Их считали детьми нимфы Кабиры и Гефеста, свидетелями рождения и хранителями младенца Зевса. Входили в окружение Реи, Великой матери, отождествлялись с демонами корибантами и куретами. См. примеч. 66.

⁸⁸ Мирсил Лесбийский, или Лесбосский (III в. до н.э.) родом из г. Метимны, автор истории Лесбоса и парадоксографического сборника, т.е. собрания удивительных, странных случаев.

врагами. 4. Действительно, первые, кто выселился из Италии, разбрелись по Элладе и по большей части варварских пределов. А после них и остальных постигла та же самая участь, и это происходило каждый год. Ибо властители общин не переставали отбирать первинки из цвета юношества, стремясь воздать богам должное и боясь скрытых мятежников. И многое было отнесено под всяким благовидным предлогом к враждебным действиям; так что произошло много выселений, и пеласгическое племя рассеялось по большей части земли.

XXV. И переносили вражду к себе люди, обитавшие среди воинственных народов лучше многих, благодаря своему опыту в морском деле, приобретенному в опасностях из-за соседства с тирренами. Последнее побудило живущих в тяготах людей стать отважными. Это обстоятельство оказалось для них как бы вождем и наставником во всех начинаниях, так что они без труда брали верх, куда бы ни приходили. 2. Именовывать же их разные люди стали как по названию страны, из которой они произошли, так и в память о древнем племени — тирренами и пеласгами равнозначно. Я высказал о них это мнение, дабы никто не удивлялся всякий раз, когда слышит от поэтов и писателей, что пеласги прозываются также и тирренами, так как один и тот же народ имеет оба наименования. 3. Например, у Фукидида имеется упоминание об Акте на Фракийском побережье и о лежащих там городах, которые населяют двуязычные народы. А по поводу народа пеласгов у него есть такие слова: «есть же там и что-то халкидское, но по большей части пеласгическое, так как тиррены некогда населяли и Лемнос, и Афины». 4. У Софокла же в драме «Инах» устами хора в анапестах дано следующее:

*Многоструйный Инах, прародителя
Вод, Океана, дитя. Твою славу блюдут
В утробе Ариоса, на холмах Геры
И среди тирренов-пеласгов.*

5. Ведь название Тиррения было тогда распространено по Элладе, и вся западная Италия, лишенная наименования по народам, получила это обозначение, как это случилось повсюду в Элладе и относительно называемого так ныне Пелопоннеса. Ведь, по одному из обитавших там народов — по ахейскому — весь полуостров был назван Ахайей, а на нем проживали и аркадский, и ионийский, и многие прочие народы.

XXVI. Времена, в которые пеласгическое племя начало испытывать напасти, почти на два поколения отстояли до Троянских событий, но продолжались они и после Троянской войны, до тех пор пока численность народа не сократилась до крайности. Ведь кроме Кротона, достойного упоминания города омбриков, если и остались ещё какие-нибудь поселения в земле аборигинов, все остальные небольшие города пеласгов погибли. Кротон же, надолго сохранив древний облик, лишь недавно поменял название и обитателей. И теперь ещё существует колония римлян, которая называется Кортонней. 2. После того как пеласги оставили свою страну, их

городами завладели другие различные народы, которые оказывались им соседями, а среди них большими и лучшими городами — тиррены. Тирренов же одни объявляют автохтонами Италии, а другие — пришельцами. Те, кто считает народ туземным, говорят, что название им дано по укреплениям, которые они построили на этом месте до прихода новых поселенцев. Ибо у тирренов, как и у эллинов, защищенные стенами и крышами жилища называются «башнями»⁸⁹. По этому случаю, они полагают, им дано имя, подобно тому как в Азии — моссинойкам. Действительно, ведь и те живут в высоких бревенчатых укреплениях, как бы в башнях, называя их моссинами.

XXVII. А приверженцы преданий сообщают, будто они — какие-то прибудные, и заявляют, что Тиррен, став предводителем колонии, дал народу имя по самому себе. Родом же он был лидийцем из называемой прежде Меонии и переселился оттуда в древние времена. Утверждают также, что он был пятым рожденным от Зевса, а именно: от Зевса и Геи⁹⁰ родился Манес⁹¹, первый царь в этой земле. А у него от Каллирои, дочери Океана, родился Котис. У Котиса же, женившегося на Галии, дочери Тилла, рожденного Землей, появилось двое детей — Асий и Атис. 2. А от Атиса и Каллитеи, дочери Хорайя, родились Лид и Тиррен. И Лид, оставшись на родине, получил отцовскую власть, и по нему земля была названа Лидией. Тиррен же, став во главе колонии, приобрел большую часть Италии и дал свое имя участникам возглавляемого им похода. 3. У Геродота же сказано, что переселение в Италию детей Атиса, сына Манеса, которые сопровождали Тиррена, а также меонов, не было добровольным. Поскольку он передает, что в правление Атиса в стране меонов разразился неурожай, и люди, пока они испытывали глубокую привязанность к своей отчизне, прибегали ко многим средствам для отвращения беды и в иной день употребляли умеренное количество пищи, а в другой вовсе воздерживались от еды. Так как это бедствие не кончалось, они, поделив весь народ на равные части, бросили жребий для решения своей судьбы — кому выпадет исход из страны, а кто останется на месте — из детей Атиса один присоединился к одним, другой ко вторым. 4. После того, как части, бывшей с Лидом, выпала лучшая доля, другая, собрав свои пожитки, выселилась из страны и, причалив к западным берегам Италии, где имелись поселения омбриков, осталась там и основала города, существующие еще и поныне.

XXVIII. Как мне известно, многие писатели разделяли это мнение о тирренском племени, либо присоединяясь к изложенному, либо изменяя причины и время событий. Так, некоторые говорят, что Тиррен был сыном Геракла от лидийской

⁸⁹ По-гречески «турсис» (=лат. *turris*) — башня, слово пеласгического происхождения. Его сближали в древности с тирсенами, тирренами или этрусками.

⁹⁰ Гея — греческая богиня Земли.

⁹¹ Манес согласно античной традиции был отцом Атиса и дедом Лида и Тиррена (*Гесиод.* I. 7, 94; VII. 74), а также Асия, сына Котия (*Гесиод.* IV. 45).

Омфалы⁹², что он, придя в Италию, изгнал пеласгов, но не из всех городов, а только из тех, что располагались по ту сторону Тибра, т.е. в северной части страны. Другие же писатели объявляют Тиррена сыном Телефа⁹³, явившегося в Италию после падения Трои. 2. Ксанф⁹⁴ же Лидиец, более чем кто бы то ни было сведущий в области древней истории, а в отношении отечественной надежный как никто из историков, не назвал нигде в своем сочинении Тиррена правителем Лидии, не знает он и колонии меонов, выведенной в Италию, и не упоминает о Тиррении как о колонизованной лидийцами, хотя помнит о других, значительных вещах. Ксанф говорит, что у Атия родились сыновья, Лид и Торэб, и оба они, поделив отцовскую власть, остались в Азии, а каждому народу, которым правили, дали название по своему имени, и заявляет следующее: «От Лиды произошли лидийцы, от Торэба — торэбы». Языки же их мало различаются, и теперь еще они пользуются многими словами друг друга, подобно ионийцам и дорийцам. 3. Гелланик же Лесбосский сообщает, что тиррены назывались раньше пеласгами, а когда они поселились в Италии, то приняли наименование, которое носят и ныне. В «Форониде» у него имеется такой рассказ: «От царя Пеласта и Менишпы, дочери Пенейя, родился Фрастор, а от него — Аминтор, а от этого — Тевталид, а от него — Навас. В его правление пеласги были изгнаны элинами и, оставив корабли у реки Спинет в Ионийском заливе, захватили город Кротону во внутренней части страны и, двигаясь оттуда, дали начало области, называемой теперь Тирсенией». 4. Мирсим же высказывает противоположное Гелланику мнение и заявляет, что, когда тиррены оставили свою землю, во время блужданий они были переименованы в пеларгов, уподобленные одному виду птиц — так называемым аистам, так как они перемещались стаями в Элладу и в варварскую землю, а у афинян сложили вокруг акрополя стену, называемую «Пеларгикон».

XXIX. Однако мне кажется, что все, убежденные в тождестве тирренского и пеласгического народов, ошибаются. Ведь нет ничего удивительного в том, что они получили наименование друг от друга, поелику и у некоторых иных народов (как элинских, так и варварских) происходило то же самое. Так, например, троянцев и фригийцев, живших по-соседству друг с другом, многие считали принадлежащими к одному и тому же корню, различными лишь по названиям, а не по природной сущности, и не менее часто, чем у народов, которых смешивали по названиям в различных местах, то же имело место и в Италии. 2. В самом деле, было время, когда латинов и омбриков, авзонов и многих других элины называли тирренами, потому что рас-

⁹² Омфала — в греческих легендах лидийская царица, вдова Тмола, у которой Геракл по одной версии был рабом, а по другой — мужем (*Аполлодор*. I. 9. 19; II. 6. 3–4; 7. 8).

⁹³ Телеф — греческий герой, сын Геракла и Авги (*Аполлодор*. I. 8. 6; II. 7. 4.), по более поздней версии, отраженной в Оксиринхском папирусе (11.1359), троянец.

⁹⁴ Ксанф Лидийский (V в. до н.э.), сын Кандавла, родом из Сард, автор лидийской истории на греческом языке, от которой остались немногие отрывки.

селение народов на большом пространстве делало неясным и неточным их наименование для людей, живущих вдалеке от них. И многие писатели предполагали, что и сам Рим — тирренский город. Так вот, я убежден, что у народов изменялось название с изменением образа жизни, но не уверен, что они имели общий корень, по той причине (среди прочих), что их языки различны и не сохранили ничего общего. 3. «Ведь и кротонийцы⁹⁵, — как говорит Геродот, — не имеют единого языка ни с кем из ныне окрест живущих, как и плакиенцы⁹⁶, хотя говорят на одном языке с первыми. Но ясно, что плакиенцы, придя в эти места, принесли с собой характерные черты своего языка и сохраняют его». Хотя кто-нибудь, пожалуй, подивится тому, что с плакиенцами, живущими возле Геллеспонта, кротонийцы имеют общее наречие, но ведь оба народа в древности относились к пеласгам, с тирренами же, ближайшими соседями, их язык не имеет никакого сходства. В самом деле, если предполагать, что родство является причиной близости речи, то отсутствие родства — причиной несходства языков. 4. Ведь нельзя по одному и тому же признаку судить и о том и о другом. Одно дело, когда одни и те же народы, поселившись вдали друг от друга, уже перестают сохранять единый язык из-за общения с близживущими, но чужими людьми. В то же время, если живущие в стране люди, вышедшие из единого племени, не сходятся друг с другом ни в чем по языку, то это представляется лишенным смысла.

XXX. Так вот, опираясь на это рассуждение, я пришел к убеждению, что пеласги отличны от тирренов. И я не думаю, что тиррены были выходцами из Лидии. Так как тиррены не имеют общего языка с ними, и нельзя сказать, что они пусть даже не употребляют близкое наречие, но сохраняют какие-то следы языка метрополии. Ведь тиррены не признают тех богов, каких почитают лидийцы, и не пользуются схожими законами и установлениями, но во всем этом больше отличаются от лидийцев, чем от пеласгов. 2. Сдается мне, что те, кто объявляет этот народ ниоткуда не пришедшим, но туземным, более близки к правде, потому что народ сей очень древен и ни на какое другое племя не похож по языку и образу жизни. И ничто не мешает эллинам называть его именем, которое он носит, как по обитанию в башнях, так и по мужу-правителю. 3. Однако римляне применяют к нему другие названия. Так по стране, в которой они когда-то жили, по имени Этрурия, они называют этих людей этрусками, а по опытности в богослужениях, в чем они отличаются от прочих, именуют тусками, — это ныне совсем непонятно, а раньше римляне точно знали их имя, как и эллины, и называли их «тюосками». Сами же они обозначают себя, по имени какого-то вождя Расенна, также расеннами. 4. О том, какие города населяли тиррены, какие порядки в них установили, какой силой они обладали, и какие принопамятные деяния совершали, а также какая участь им выпала, будет изложено в другой книге. 5. Так вот, пеласгическое племя, все, которое не погибло и не рассе-

⁹⁵ Кротонийцы, они же кротониаты — жители Кротона, греческого города в южной Италии.

⁹⁶ Плакиенцы — жители греческого г. Плакия на Геллеспонте (Геродот. I. 57).

ялось по колониям, но сохранилось малым числом от некогда великого, осталось согражданами аборигинов в тех же краях, где со временем их потомки вместе с другими⁹⁷ основали Рим. Вот каковы предания по поводу рода-племени пеласгов.

XXXI. Спустя немного времени эллины отправляются в странствие в эти же земли Италии, а именно за шестьдесят лет до Троянской войны, как говорят сами римляне, выступив из аркадского города Паллангия. А предводительствовал переселенцами Эвандр, как говорят, сын Герма и одной местной аркадской нимфы, которую эллины именуют Фемидой и называют пророчицей, а писавшие о ранней римской истории называют её на отчем языке Карментой. Но возможно на эладском наречии имя нимфы было «Феспнода»⁹⁸. Дело в том, что римляне называют песни «кармина», а женщину эту единодушно считают одержимой божественным духом, прорицающей множеству людей с помощью песни о том, что случится в будущем. 2. А поход этот самый был отправлен не по общему решению, но потому что народ⁹⁹ восстал и потерпевшая поражение часть его добровольно удалилась. Тогда же царскую власть над аборигинами обрел Фавн, как говорят, потомок Марса, человек деятельного характера и большого ума; римляне почитают его как местное божество жертвоприношениями и песнопениями. И этот вот муж, приняв с великим радушием аркадцев, немногих числом, дает им из своих земель столько, сколько они пожелали. 3. Аркадцы же, как посоветовала им Фемиды, выбирают небольшой холм, недалеко от Тибра, который находится теперь прямо-таки посреди города Рима, и устраивают близ него небольшое селение, достаточное для пристанища двум рыбацким суденышкам, на которых они покинули Эладу. Судьба со временем возжелает вознести это селение на такую высоту, какой ни один эллинский ли, варварский ли город ни по размерам ни могуществу, ни по всему прочему не достигнет, и помнить о нем будут среди смертных больше, чем о других городах. 4. А имя этому маленькому городу дают Паллангий по их метрополии в Аркадии. Теперь, однако, он называется у римлян «Палатиум»¹⁰⁰, потому что время смешало точность наименований, чем и предоставило многим повод для неуместных этимологий.

XXXII. А как передают некоторые, в том числе и Полибий Мегалополитанец, название было дано в честь некоего отрока Палланта, здесь скончавшегося. Был же он сыном Геракла и Лавинии¹⁰¹, дочери Эвандра. Дед по матери соорудил ему гроб-

⁹⁷ Население Рима было гетерогенным, в его состав вошли потомки этруски и другие племена, но преобладали разные группы латинов и сабинов. См.: *Маяк И.Л.* Рим первых царей. М., 1983.

⁹⁸ «Феспнода» по гречески буквально означает «божественно поющая», «вдохновенная богом», «вещая».

⁹⁹ Народ (демос) — как социальная категория, т.е. население, организованное в родоплеменную общность, либо граждане города, либо в позднюю эпоху — престолярное, противостоящее сначала родовой аристократии, а потом — городской верхушке.

¹⁰⁰ Т.е. Палатином.

¹⁰¹ В латинской версии предания Лавиния была дочерью Латина.

ницу на холме, и по этому отроку место стало называться Паллантием. 2. Я же, однако, не видал в Риме могилы Палланта, не слышал о совершении возлияний, и не сумел обнаружить ничего другого из подобных обрядов, но род этот не оставлен в забвении и не лишен почестей, которыми люди отмечают божества. Так, я узнал о жертвоприношениях Эвандру и Карменте, совершаемых римлянами публично из года в год, так же как остальным героям и божествам; и увидел алтари, водруженные Карменте под так называемым Капитолием у Карментских ворот, а Эвандру — у другого из холмов, называемого Авентином, недалеко от Тридимских ворот. К Палланту же, насколько мне известно, ничто из этого не относится. 3. И вот аркадцы, поселившиеся все вместе у подножия холма, принялись и во всем остальном обустраивать основанное ими поселение, согласно отчим законам, и воздвигать святилища — в первую очередь Ликейскому Пану, по велению Фемиды. Ведь у аркадцев самым древним и почитаемым из богов является Пан. Они отыскивали подходящее место, которое римляне именуют Луперкалий, а мы могли бы назвать Ликейон. 4. Кстати, ныне, вследствие густой застройки вокруг священного участка, вид древней местности стал неузнаваемым. А представляла она собой, как говорят, во время оно большую пещеру под холмом, защищенную густым лесом, с подземными родниками под скалами, а также примыкающую к крутому отрогу тенистую долину с высокими ветвистыми деревьями. 5. Поставив там алтарь богу, аркадцы совершили жертвоприношение по отеческому обычаю, которое римляне отправляют вплоть до нашего времени в феврале месяце после зимнего солнцеворота, не внося никаких изменений в тогдашнее установление. О виде жертвоприношения будет рассказано далее. Выбрав на вершине холма участок, посвященный Нике¹⁰², они и ей учредили ежегодные жертвоприношения, которые римляне соблюдают и в мое время.

XXXIII. Аркадцы хранят предание, что Ника — дочь Палланта, сына Ликаона, и что почести от людей, которые теперь имеет, она обрела по желанию Афины, будучи вскормленной вместе с богиней, поелику Афина тотчас после рождения была отдана Зевсом Палланту и воспитывалась у него до тех пор, пока не повзрослела. Аркадцы также возвели храм Цереры¹⁰³ и приносят ей безвозлиянные жертвы с помощью женщин, как это в обычае у эллинов, который время и донныне никак не изменило. 2. Они отвели также священный участок Нептуну¹⁰⁴ Коннику, и учредили празднество, которое аркадцы именуют Гиппократиями, а римляне — Консуалиями, когда у них по обычаю отдыхают от работы лошади и мұлы, чьи головы украшаются венками цветов. 3. Вдобавок они осылали также много других священных рощ, алтарей и кумиров богов и ввели священнодействия по отчим обычаям и жертвоприношения, которые совершаются вплоть до моего времени неизменным образом. И я не удив-

¹⁰² Ника — греческая богиня победы, её римский вариант — Виктория.

¹⁰³ Греч. Деметра — греческая богиня плодородия, отождествляемая с Церерой.

¹⁰⁴ Греч. Посейдон — греческий бог водных стихий, позднее в римском варианте — Нептун.

люсь, пожалуй, если даже некоторые из них стерлись из памяти потомков из-за их глубокой древности, но их и теперь еще довольно, чтобы засвидетельствовать их принадлежность давним аркадским установлениям. Подробнее о них расскажем в других книгах. 4. Говорят, что первыми эллинскую грамоту принесли в Италию аркадцы, а также и мелодии, исполняемые на инструментах, которые называются лирами, треугольниками и флейтами, в то время как предшественники здесь никаким музыкальным изобретением кроме пастушьей свирели не пользовались. Именно они установили законы и изменили звероподобный образ жизни на в высшей степени культурный, и обучили здешних людей искусствам и ремеслам, а также многому другому полезному для общества. И благодаря этому аркадцы удостоились большого уважения у принявших их жителей. 5. Это второй эллинский народ, после пеласгов, прибывший в Италию, который основал общее с аборигинами поселение — в наилучшей части Рима.

XXXIV. Немного лет спустя после аркадцев заявляются в Италию другие эллины под предводительством Геракла, который предварительно подчинил Ибернию и все земли вплоть до крайнего Запада. Некоторые из прибывших, упростили Геракла отпустить их с воинской службы и остались близ этих мест, где и основали город, найдя расположенный в трех стадиях от Палантия удобный холм, который ныне зовется Капитолийским, а тогдашними людьми назывался Сатурнийским, т.е. можно, пожалуй, на эллинском языке, сказать — Кронийским. 2. Большую часть оставшихся составляли фенеаты, которые были пелопоннесцами, и эпейи, уроженцы Элиды, которые не имели уже желания вернуться домой, так как их родина оказалась разоренной в войне против Геракла; когда Геракл овладел их городом, к ним примешалась какая-то часть пленных троянцев Лаомедонта¹⁰⁵, происходящих из Илиона¹⁰⁶. Но мне думается, что и все остальное войско, поскольку тяготилось трудами и утомилось в своих скитаниях, испросив увольнения от военной службы, осталось в этой самой местности. 3. Как я уже сказал, некоторые думают, что название холма — древнее, и потому эпейи весьма привязались к холму в память о холме Кроноса в Элиде. Он находится в области Писатиде, близ реки Алфей, и элейцы¹⁰⁷, считая его посвященным Кроносу, на общих сходках чествуют бога жертвоприношениями и другими способами в установленные для того сроки. 4. Эвксен же, древний поэт, а также некоторые другие из итальянских песнопевцев думают, что имя этому месту дано самими писийцами из-за сходства с их холмом Кронием, и что алтарь Сатурну

¹⁰⁵ Лаомедонт, сын Илия и внук Троса, царь Трои, отец Приама, в греческой мифологической традиции рисуется как обманщик, за что его с сыновьями кроме Приама убил Геракл.

¹⁰⁶ Илион — одно из названий Трои, происходит от имени Илия, или Ила, сына Троса, правнука Дардана.

¹⁰⁷ Эпейи — древнейшие греческие поселенцы Элиды, народ, известный по Гомеру (И. 2. 619), по Пиндару (Оды. 9. 54 и след.), Страбону (VIII. 11. 30) и Павсанию (V. 1. 4. 4). Позднее были переименованы в элейцев.

эпейи воздвигли вместе с Гераклом. Алтарь этот еще и теперь находится у подножья холма на подъеме от Форума¹⁰⁸ на Капитолий. Что касается жертвы, то её и в мое время римляне приносят, соблюдая эллинский закон, так, как установили её ещё эпейи. 5. По моему личному разумению, и до прибытия Геракла в Италию холм этот был посвящен Сатурну и назван местными жителями Сатурнийским¹⁰⁹. И весь остальной приморский край, зовущийся ныне Италией, находился под покровительством этого бога и назывался у коренных обитателей Сатурнией, и эти сведения можно почерпнуть в некоторых Сивиллиных¹¹⁰ изречениях и в других оракулах, данных богами. И повсюду в стране стояли святилища этому богу, и некоторые города назывались тогда, как и вся прибрежная страна, таким же образом, в частности многие земли и даже скалы и небесные явления именовались по этому божеству.

XXXV. А с течением времени Италия получила свое имя по правителю Итагу. Антиох Сиракузский сообщает, что Итаг, доблестный и мудрый от рождения, покориł всю землю между Напетинским и Скиллетинским заливами, одних из соседей силой убеждения, а других оружием. Именно этот край был первым назван Италией по Итагу. Усилившись и подчинив своей власти множество людей, Итаг незамедлительно обратился к захватам и овладел многими городами. Происходил же он из энотров. 2. А Гелланик Лесбосский передает такой рассказ: когда Геракл угонял быков Гериона в Аргос, он очутился в Италии, там одна из телок отбилась от стада, убежала, прошла вдоль всего берега и, переплыв морской пролив между Италией и Сицилией, оказалась в Сицилии. Тогда Геракл, преследуя телку, постоянно расспрашивал чуток понимающих эллинский язык местных жителей, среди которых он оказался, не встречал ли ее где-нибудь кто-либо из здешних людей. Поскольку на их родном языке животное в виде телки называлось, как и теперь, *uītulus*, то по этому слову всю страну, по которой он прошел, Геракл назвал Витумией. 3. Не удивительно, что со временем это название перешло в нынешнюю форму, ведь даже многие из эллинских названий претерпели превращение. Кроме того, будь то Италия поименована, по словам Антиоха, по предводителю (что, возможно, и более убедительно), будь то по мысли Гелланика, по теленку, но и то и другое мнение подтверждают, что страна обрела свое наименование при жизни Геракла или несколько ранее. А до этого эллины называли страну Гесперией¹¹¹ и Авзонией, местные же жители — Сатурнией, как я рассказывал ранее.

¹⁰⁸ Форум — городская площадь, место проведения народных собраний и рынок в Риме.

¹⁰⁹ Латинский Сатурн, согласно мифам, отождествлялся с греческим Кроносом, сыном Урана (бога Неба) и Геи (богини Земли), младшим из титанов. Оба были символами «золотого века» всеобщего благоденствия.

¹¹⁰ Сивиллы — легендарные пророчицы, обитавшие в разных странах. Названы по имени первой, которая считалась дочерью Дардана, сына Зевса. В Риме почиталась Кумская сивилла, современница царя Тарквиния Древнего, или Тарквиния Гордого (VI в. до н.э.). Ей приписывалось составление так называемых Сивиллиных книг, т.е. сборника пророчеств, почитавшегося римлянами.

¹¹¹ Гесперия — греч. «Западная (страна)», с точки зрения жителей Эллады.

XXXVI. Но существует и другой рассказ, отраженный местными писателями в предании о том, что до правления Зевса в этой стране правил Сатурн, и, как говорят, жизнь при нем была изобильна всем, что только ни порождает природа во все времена года, так что жизнь у прочих народов оказалась не богаче, чем у них. 2. И если кому-либо, отбросив из рассказа мифологические детали в этой истории, захотелось бы удостовериться в достоинствах страны, от которой только что возникший род людской обрел наибольшую радость, — от её земли или иным каким способом, как сообщают древние, — то он не обнаружил бы ничего удобнее данного края. Ибо при сравнении его с каким-либо другим такого же размера — не только в Европе, но и на прочих частях мира, — то наилучшей, по-моему, окажется Италия. 3. Хотя не секрет, что многие считают, будто и Египет, и Ливия, и Вавилон, и многие другие страны являются счастливыми, лично я все же полагаю, что богатство — не в одной только земле и сорте плодов, и я не завидую поселению, где лишь тучные нивы, а из прочего нет ничего полезного; мне представляется лучшей та земля, которая обладает множеством собственных благ и испытывает лишь самую незначительную нужду в привозимых, и я убежден, что Италия изобилует всем полезным в сравнении с любой другой страной.

XXXVII. В самом деле, в ней много добрых нив, но нет недостатка в лесах, как в хлебодородной стране. С другой стороны, хотя она пригодна для произрастания всех видов растений, Италия при засевании не производит скудных урожаев, словно лесистая страна. А кроме того, хотя она изобильна как зерном, так и лесом, она будто отнюдь не пригодна для скотоводства. И никто, пожалуй, не скажет, что хотя она богата плодами и в ней много лесов и прекрасных пастбищ, она, скорее, предоставляет людям непривлекательные условия обитания. Напротив, всякий скажет, что в ней полно всего для удовольствия и пользы. 2. Что же до плодородных земель, орошаемых не реками, а небесными водами, так Италия располагает так называемыми кампанскими равнинами, на которых я сам видел пашни, трижды в год плодоносящие, где вызревает посев летний — после зимнего, а осенний — после летнего; а какие там земли из маслиноносных, так это — мессапийские¹¹², давнийские, сабинские и многие другие, что до производящих вино — так это тирренские, альбанские и фалернские области, удивительно богатые виноградной лозой и пригодные для получения множества отменных плодов при незначительных усилиях труда. 3. Но кроме плодоносной, возделанной земли можно, пожалуй, найти и обширную часть её незасеянных полей, удобных для пастбищ, пригодных для пропитания овец и коз, но еще более замечательных — для разведения лошадей и крупного рогатого скота. Ведь изобильные болотные и луговые травы, освежаемые росой, в безгра-

¹¹² Мессапы обитали на юго-востоке Италии, давны были их северными соседями. Их сближают с иллирийцами. Первоначально составляли часть Япигии, затем — Апулии. Сабинь — оскское племя.

ничном количестве летом и зимой, обеспечивают благополучие стад. 4. Самым удивительным из всего являются дубовые рощи вокруг скалистых кражей, долины и невозделанных холмов, где добывают много отличной древесины для постройки судов, а также для разных поделок. И ни одно из этих мест не труднодоступно и не удалено от всего, что необходимо человеку, но все удобно расположено и достигаемо благодаря множеству рек, которые пересекают все побережье и делают легкой и выгодной перевозку плодов земли и обмен ими. 5. Край богат также источниками теплых вод, которые встречаются во многих местностях, способными доставить приятные купания и отменно вылечить хронические заболевания, и всевозможными рудами металлов. Он благоприятствует охоте на диких зверей, богат многообразными дарами моря и множеством другого полезного и удивительного. Но самое замечательное из всего — это воздух, который равно благоприятен во все времена года и наносит меньше всего вреда ужасными перепадами морозов или жары созреванию плодов и живым существам.

XXXVIII. Так вот, ничего нет удивительного в том, что древние предполагали, будто страна эта — священная обитель Сатурна. Понеже они думали, что этот бог является подателем и умножителем всяческого благоденствия для людей. И называть бога надо то ли Кроносом, как считают эллины, то ли Сатурном, как римляне, но как бы его ни называли, божество это включает в себя всю природу мира. Древние люди видели, что страна эта исполнена всевозможными изобилием и благодатью, к коему стремится род смертных. Они также считали, что и для богов, и для людей она является самым желанным даром: горы и леса — для Пана; дуга и цветущие местности — для нимф; побережья и острова — для морских божеств; а прочее — что каждому богу и божеству подходит. 2. Говорят, что древние совершали человеческие жертвоприношения Сатурну, как в Карфагене, пока существовал этот город, как это происходит теперь у кельтов и у некоторых других западных племен, умерщвляющих в этих целях людей. Геракл же положил конец обычаям подобных жертвоприношений, пожелав воздвигнуть алтарь на холме, посвященном Сатурну, и начать непорочные приношения на очищающем огне. Но, чтобы у людей, лишившихся привычных жертв, не осталось уныния в душе, Геракл научил туземцев умилостивлять бога сбрасыванием в Тибр вместо людей, которых они связывали, чтобы лишить сил, изображения, изготовленные наподобие человеческих фигур, чтобы действительно зло, что когда-то пряталось в душах, изымалось, хотя приверженность древним обычаям еще сохранялась. 3. И римляне совершают этот обряд вплоть до моего времени, проводя его ежегодно немного позднее весеннего равноденствия, в мае месяце, в так называемые Иды¹¹³, которые они считают серединой месяца. И они хотят, чтобы в этот день, подготовив установленные священнодей-

¹¹³ Иды — в римском календаре средний день месяца; в марте, мае, июне и октябре падали на 15-е число, в остальные месяцы — на 13-е.

вия, понтифики¹¹⁴, знаменитейшие из жрецов, и вместе с ними девы, хранящие неугасимый огонь¹¹⁵, а также преторы и другие граждане, которые имели право присутствовать при священнодействиях, скидывали со священного моста в поток Тибра тридцать человеческих изображений, называя их Аргеями. 4. Однако о жертвоприношениях и других священнодействиях, которые город римлян совершает и по эллинскому, и по собственному обряду, мы поведаем в другом месте, а настоящий момент требует рассказать тщательнейшим образом о прибытии Геракла в Италию и не упустить каких-либо достопамятных свершений там.

XXXIX. Дело в том, что в сказаниях о Геракле присутствует и сказочное, и вполне правдивое. Так вот, сказочная история о пребывании его такова: когда по приказанию Эврисфея¹¹⁶ Геракл наряду с другими испытаниями должен был пригнать коров Гериона¹¹⁷ из Эрифен в Аргос, он завершил этот подвиг и на обратном пути миновал многие края в Италии и достиг той части земель аборигинов, которая примыкает к Паллантию. 2. Обнаружив обилие отличной травы для скота, он отпустил коров на пастбище, а сам, отягощенный усталостью, улегся на землю и предался сну. А в это время на пасущихся без присмотра коров наталкивается местный разбойник по имени Как и заманивает их к себе. Когда же он увидал, что здесь расположился Геракл, то смекнул, что не сумеет скрытно отогнать всех животных, и понял, что дело это — нелегкое. Однако, немногих из них, он укрывает в ближайшей пещере, в которой проживал сам, при этом таща каждую корову за хвост задом наперед. Это и помогло ему скрыть ушки, так как путь в пещеру оказался ведущим в сторону, противоположную направлению следов. 3. Спустя немного времени, Геракл встал и пересчитал коров. Как только он понял, что некоторых недостает, то, поскольку он не знал, куда они подевались, решил, что они покинули пастбище и принялся искать их по всей стране. Когда же он вернулся ни с чем, то отправился к пещере, но хотя обманулся следами, все же подумал, что следовало бы обыскать местность. Но Как, стоя у входа в пещеру, на вопрос Геракла отрицал, что видал коров, и не позволил их разыскивать,

¹¹⁴Понтифики (лат. pontifices) — жреческая коллегия, согласно античной традиции, учрежденная вторым царем Румой Помпилием, возглавлялась Великим понтификом. Этимологию дает Варрон (О лат. языке. V. 83) со ссылкой на Квинта Сцевода: слово составлено на основе posse (мочь) и facere (делать), т.е. «могущие действовать»; по мнению же самого Варрона — на основе pons (мост) и facere, т.е. «мостостроители». К. Циглер толкует pons как «тропу», «дорогу», «путь», иными словами, они — «прокладывающие дорогу». Первоначально понтифики, видимо, следили за границами Рима посуху и по воде, выступали хранителями сакрального права, позднее стали верховной коллегией, ведавшей всей сакральной общественной и частной жизнью в Риме, составляли записи об основных политических, религиозных и метеорологических событиях.

¹¹⁵Весталки — жрицы-хранительницы неугасимого огня Римской общины.

¹¹⁶Эврисфей, царь Тиринфа и Микен в Пелопонесе.

¹¹⁷Герион — в греческой мифологии трехголовое огромное чудовище с мифического острова Эритии, владевший прекрасными коровами, которых, исполняя 10-й подвиг, похитил Геракл.

да еще воззвал за помощью к находящимся поблизости, будто терпит оскорбление от чужеземца. Тогда Геракл, не зная, чем ещё можно помочь делу, придумал пригнать к пещере остальных коров. И вот, значит, когда находившиеся внутри пещеры коровы учуяли голос и запах стада, в котором все вместе паслись, они замычали, обращаясь к тем, кто был снаружи, и рев их разоблачил похищение. 4. Когда стало ясно, что Как совершил злодеяние, он призвал на защиту знакомых пастухов. Тут Геракл убивает его дубиной и выводит коров. Увидев, что местность подходит для совершения разбоя, он разрушает пещеру, засыпав ее вместе с воров. Очистив же себя речной водой от убийства, он воздвигает близ этого места алтарь Зевса Эврисейского¹¹⁸, который находится в сегодняшнем Риме у Тримидских ворот, и приносит богу за возвращение коров одну телку в качестве благодарственной жертвы. Данное жертвоприношение римский город совершает еще и в мое время, пользуясь всеми эллинскими установлениями именно в том виде, в каком их учредил Геракл.

XL. Как только аборигины и обитавшие в Паллантии аркадцы узнали о смерти Кака и узрели Геракла, то первого возненавидели за воровство и изумились наружности второго, в котором усмотрели нечто божественное, и воздали ему почести за большое счастье избавления от разбойника. А бедняки из них, сорвав ветви лавра, который во множестве рос в этих местах, увенчивали ими героя и себя, а цари их пришли, приглашая Геракла быть их гостем. И как только они узнали его имя и его род, ибо он поведал обо всех делах, то из дружеских чувств вручили ему страну и самих себя для дружбы. 2. Эвандр же, еще давно от Фемиды наслышанный, что Геракл, рожденный Зевсом и Алкменой, благодаря своей доблести определен судьбой поменять смертную природу на бессмертную, как только проведал про него, желая предупредить всех остальных, первым стал воздавать герою божеские почести. Эвандр немедленно со всем тщанием воздвиг отдельный алтарь и принес Гераклу в жертву безъяремную телку, сообщив ему о данном богами пророчестве, и молил его возглавить священнодействия. 3. А Геракл в благодарность людям за их гостеприимство начинает угощать народ, принеся в жертву некоторых из коров и выбрав из прочей добычи десятину. Царей же он одарил большой территорией лигий и других соседей, над которой они получили великую власть, и выслал из неё некоторых нарушавших закон людей. Говорят, что сверх этого Геракл совершил моления за местных поселенцев, так как они первые посчитали его богом, с тем чтобы они вечно воздавали ему почести, принося ежегодно в жертву безъяремную телку и отправляя священнодействия по эллинским обычаям. И дабы научить их жертвоприношениям, чтобы они всегда их ему совершали, он вменяет эту обязанность двум самым знатным семьям. 4. И были тогда обучены эллинским священнодействиям Потииции и Пинарии, потомки которых долгое время продолжали заботиться о совершении жертвоприношений в том виде, как их установил Геракл: Потииции предводительствова

¹¹⁸ Соответствует лат. Юпитеру Создателю.

ствиями и начинали сожжение жертв, Пинарии же были лишены вкушания внутренностей, но во всем другом, что полагалось для обоих родов, получили вторую по значению почесть. Такое умаление почести было им определено из-за опоздания, так как им было велено явиться на заре, а они прибыли в то время, когда другие уже прикоснулись к внутренностям жертвы. 5. Ныне, однако, попечение о священнодействиях уже не возлагается на их потомков, но совершают их юноши из рабов на общественный счет. По каким причинами изменился обычай и какие были божественные явления, касающиеся смены жрецов, я расскажу, когда дойду до этого в соответствующей части повествования. 6. А алтарь, на котором принес десятинные жертвы Геракл, называется у римлян Величайшим и находится близ так называемого Бычьего рынка, и местные жители чтут его как никакой другой. Ведь у алтаря даются клятвы и заключаются договоры теми, кто хочет надежно устроить дело, а также взимаются десятины всякого рода по обету. По внешнему украшению алтарь уступает своей славе. Но и повсюду в других местах Италии выделяют священный участок этому божеству и водружают алтари в городах, а также на дорогах, и редко кто сыщет там место, где бы не почитался этот бог. Вот таков мифологический рассказ о нем, каким его и передают.

XLI. А более правдивое, чем то, каким воспользовались многие из излагавших деяния Геракла в виде истории, таково: став сильнейшим из всех в его время полководцем, предводительствуя большими силами, пройдя всю землю вплоть до Океана, уничтожая всякую тиранию, тягостную и горестную для подданных, или город, оскорбляющий и позорящий близлежащие города, или преобладание людей дикого образа жизни, применявших нечестивые убийства чужестранцев, Геракл учредил законные царства, мудрое управление и для всех приемлемые и человеколюбивые обычаи. Сверх того, он перемешал эллинов и варваров, живших в глубине страны, с прибрежным населением, отношения которых до той поры были недоверчивы, и которые были отчуждены друг от друга. Он основал в пустынных землях города и повернул реки для орошения равнин, прорубил тропы в неприступных горах, а также изобрел еще и другое, так что вся земля и все море стали открытыми для всеобщей пользы. 2. Геракл прибыл в Италию не в одиночку и не вслед за стадом коров (ибо местность не лежала на пути переправлявшихся в Аргос из Иберии и не считалась достойной чести прохода через неё), но для подчинения и властвования в ней над людьми, ведя за собой большое войско и уже прибрав к рукам Иберию. Он вынужден был провести в Италии долгое время из-за отсутствия флота, наступившей зимней погоды и поскольку не все народы, обитавшие в Италии, охотно к нему присоединялись. 3. Ведь помимо прочих варваров многочисленное и воинственное племя лигуров, поселившееся в проходах Альпийских гор, попыталось оружием воспрепятствовать его вторжению в Италию. И произошло у них такое великое сражение с эллинами, что даже все стрелы во время битвы у них иссякли. Об этой войне из древних поэтов рассказывает Эсхил в «Освобожденном Прометее». Он говорит,

как Прометей, предсказывая Гераклу будущее, знает в том числе и о том, как именно случится с ним каждое событие во время похода к Герioniу и, конечно, о том, какой нелегкой будет Лигистикская¹¹⁹ война. В поэме сказано следующее:

*Ты идешь на бесстрашное войско лигуров,
Где, я знаю точно, если ты неутомимый,
За битву не будешь судьбу порицать, ведь
Определено судьбой стрелам тебя миновать.*

XLII. Когда же Геракл, покорив лигуров, овладел горными проходами, некоторые из их союзников добровольно открывали ему города, особенно те, что имели эллинское происхождение или не обладали достаточными силами для сопротивления, большая же часть была подчинена войной и осадой. 2. Среди побежденных в битве оказался Как, отмеченный в римских преданиях, вождь вполне варварский, предводительствовавший совершенно дикими людьми; обитал он в неприступных местах и в силу этого представлял немалую трудность для соседей. Когда же Как узнал, что Геракл расположился лагерем в соседней долине, он, по-разбойничьи изготoвившись, совершил внезапный набег, пока войско спало, окружил и угнал все, что сумел захватить из неохраняемой добычи. 3. Позже Как был осажден элинами, охрана его силой взята была в плен, а затем и он сам был уничтожен в своих укреплениях. Когда крепости были уничтожены, спутники Геракла — аркадцы, которые были с Эвандром, и Фавн, царь аборигинов — взяли и поделили между собой окрестные земли. Пожалуй, можно предположить, что те элины, что остались там, а это эпеи и аркадцы из Фенея, а также троянцы, были оставлены победителем для защиты страны. 4. В самом деле, среди деяний Геракла это присуще ему как воителю и ничуть не менее иных достойно удивления. Ведь, он привлек изгнанников из покоренных тогда городов к участию в походе, а после того как воодушевил их на совместное военное предприятие, начал расселять их по завоеванным краям и даровал богатства, отнятые у других. Именно благодаря этому деянию возвеличилось имя и воссияла слава Геракла в Италии, а вовсе не из-за того, что он-де проследовал через страну, в чем не содержалось ничего достойного преклонения.

XLIII. Иные передают, что Геракл в тех местах, кои ныне населяют римляне, оставил детей от двух женщин: во-первых, Палланта — от дочери Эвандра, имя которой, говорят, было Лавиния; во-вторых Латина — от некой гиперборейской¹²⁰ девы, которую он взял себе, отданную отцом в залог, и хранил её непорочной для брака. Но приплыв в Италию, Геракл влюбился в неё, и она понесла, а когда он вознамерился вернуться в Аргос, то отдал её в жены царю аборигинов Фавну. По этой причине многие считают, что Латин был сыном Фавна, а не Геракла¹²¹. 2. Ещё

¹¹⁹ Лигистикская война — война с лигурами, см. примеч. 28.

¹²⁰ Гиперборейская, т.е. живущая на севере.

¹²¹ По другой версии античной традиции Лавиния была дочерью Латина и женой Энея (*Ливий*. I. 1. 9.)

рассказывают, что Паллант, не достигнув юношеского возраста, умер, Латин же, возмужав, взял власть над аборигинами. Так как он, сражаясь против соседних рутулов, погиб, не оставив мужского потомства, власть перешла к Энею, сыну Анхиса¹²², который был зятем Латина. Но это случилось уже в другие времена.

XLIV. Когда же Геракл установил по Италии все по своему усмотрению и к нему прибыл из Иберии в целостности и сохранности военный флот, он принес богам десятину из добычи и основал названное по нему поселенье¹²³, где у него стоял на якоре флот, которое и теперь населяют римляне. А расположено оно между Неаполем и Помпеями на берегу залива и обладает надежными гаванями в любое время года. Достигнув у всех жителей Италии славы, восхищения и богоравных почестей, Геракл отбыл в Сицилию. 2. Оставленные же им в Италии ополченцы и поселенцы обосновались около Сатурнийского холма и пока стали сами управлять собой. Но спустя немного времени, объединив свой уклад жизни, законы и святилища богов с аборигинскими, подобно аркадцам (а еще раньше пеласгам), они воссоединились в одном и том же городе и сошлись на том, чтоб считаться единым народом. Пусть этого будет достаточно сказано о походе Геракла и о пребывании пелопоннесцев в Италии. 3. Двумя же поколениями после отбытия Геракла (и на 55-м году от этого события, как считают сами римляне) царем аборигинов стал Латин, сын Фавна, потомок Геракла, который удерживал власть тридцать пять лет.

XLV. В это время троянцы, которые спаслись бегством вместе с Энеем из Илиона, после взятия города врагом, прибыли к Лавренту на побережье Тирренского моря, расположенное недалеко от устья Тибра, которое принадлежало аборигинам. Получив от аборигинов место для поселения и все, чего ни посчитали нужным, троянцы основали на холме недалеко от моря город, и нарекли его Лавинием¹²⁴. 2. А спустя недолгое время, троянцы поменяли свое древнее наименование и стали вместе с аборигинами прозываться по имени царя этой страны латинами¹²⁵. Выселившись из Лавиния вместе с туземцами, они основали более крупный, окруженный стенами город, который называли Альба. Тронувшись из него далее, они возвели и другие города так называемых древних латинов, из коих многие обитаемы вплоть до моего времени. 3. Шестнадцатью же поколениями позднее взятия Илиона латины вывели колонию в Паллантий и в Сатурний, где устроили первое поселение пелопоннесцы

¹²² Анхис — в греческой мифологии внук троянского царя Ила, от Афродиты, имел сына Энея, по легенде переселившегося после гибели Трои в Италию.

¹²³ Геркуланум — вместе с Помпеями и Стабиями погиб во время извержения Везувия в 79 г. н.э.

¹²⁴ Остатки Лавиния идентифицированы с совр. Пратика ди Маре, несколько южнее Лаврента. Уже в древности эти два города путали (*Сервий*. Комментарии к Энеиде. 4. 620: lauronalavinium).

¹²⁵ Древние латины (*Latini Veteres*, или *Prisci*) — жители Древнего Лация, латинских городов, входивших в древнейший Латинский союз и отличавшихся от древних колоний Рима в области Лация, основанных же еще в царскую эпоху, а также от поселенцев Нового Лация, т.е. включавшего территории эвров и вольсков, покоренных римлянами в течение IV в. до н.э.

и аркадцы и где еще сохранялись остатки древнего племени. Латины начали заселять эти места и окружили Паллантий стенами, так что тогда он впервые приобрел вид города. Основанному городу они дают имя Рома по высланному колонию Ромулу, который являлся потомком Энея в семнадцатом колене. 4. Но поскольку одним писателям рассказ не известен, а у других он звучит по-разному, мне хочется не походя, а собрав сведения у наиболее достойных доверия эллинов и римлян, поведать о появлении Энея в Италии.

XLVI. После захвата Илиона ахейцами то ли обманом с помощью деревянного коня, как говорится у Гомера, то ли из-за предательства Антеноридов¹²⁶, то ли как-то иначе, масса людей в городе — и троянцы и союзники — были застигнуты и умерщвлены еще в постелях — действительно, так случилось, что на них, беззащитных, ночью обрушилось бедствие. Эней же и те, кто находился при нем в качестве помощников илионцев, т.е. троянцы из городов Дардана и Офриния, а также все прочие, кто заранее почуял опасность, сколько их осталось в живых после падения нижнего города, сообща ускользнули в крепость Пергам¹²⁷ и захватили акрополь, защищенный особой стеной. В нем у троянцев хранились и отеческие святыни, и огромные денежные богатства (что принято было содержать в укрепленном месте), а также отборная часть войска. 2. Очутившись там, они принялись отбивать попытки врагов взобраться на кручу и путем тайных вылазок, поднимать на гору толпу, рассеянную в поисках спасения от плена, для чего использовали теснины в обрывистых кручах. Так большинство жителей избежало пленения. Эней разгадал замысел врагов внезапно уничтожить город целиком, и, дабы укрепленный город с ходу не был весь захвачен, замыслил собственный план. Проницательно глядя в будущее и понимая, насколько безнадежно спасать город, большая часть которого уже утеряна, он задумал уступить противнику часть стены, лишённую защитников, а живую силу, отеческие святыни и сколько можно унести денег спасти. 3. Сообразуясь со своим планом, он приказывает детям, женщинам, престарелым и всем прочим, кто вынужден медленно передвигаться, покидать город по дорогам, ведущим к Иде¹²⁸, пока ахейцы, рвавшиеся захватить крепость, не додумались преследовать толпу, ускользающую из Трои. Одну часть войска Эней выделил охранять беглецов, чтобы по возможности обезопасить и облегчить их бегство. Этим же воинам было велено занять наиболее неприступные отроги Иды. Остальное войско, самое отборное, он оставил на стенах и обеспечивал уходящим щадящие условия для бегства, благодаря тому что враги в

¹²⁶ Антенориды — потомки гомеровского героя, троянца Антекора, советовавшего вернуть Елену грекам, за что при взятии Трои его дом и семья были пощажены. По одной версии традиции обосновался в Кирене, по другой — на Адриатическом побережье Италии (*Ливий*. I. 1; *Вергилий*. Энеида. I. 242 и след.; *Страбон*. География. V. 212).

¹²⁷ Пергам — цитадель Трои.

¹²⁸ Ида — горный хребет на территории Мизии и Фригии в Малой Азии близ Трои.

схватке за стену оказались разобщены. 4. Когда же Неоптолем¹²⁹ вместе с товарищами ворвался в одну из частей акрополя при общей поддержке ахейцев, Эней оставил крепость врагам и, открыв ворота, ушел с выстроенными колонной остатками беглецов, увозя на лучших колесницах отца, отчих богов, жену, детей, а также прочий люд и наиболее ценное имущество.

XLVII. Тем временем ахейцы овладели городом и предались грабежу, тем самым предоставив беглецам полную свободу для спасения. А спутники Энея, нагнав уже по дороге своих и, объединившись, заняли самую укрепленную из вершин Иды. 2. К ним явились не только тогдашние жители Дардана¹³⁰, которые как только увидели огромное пламя, бушующие в Илионе, покинули ночью опустевший город (кроме тех, кто вместе с Элимом¹³¹ и Эгестом¹³² подготовили несколько кораблей и еще ранее отчалили оттуда), но и все население Офриния и остальных троянских городов, жаждавших свободы. И военные силы у троянцев вскоре стали весьма значительны. 3. Конечно спасенные вместе с Энеем от порабощения, обретаясь в этих местах, спустя некоторое время возымели надежду вернуться назад в свои земли, когда враги отплынут. Ахейцы же, поработив полис и близлежащую округу, перерезав стражников, стали готовиться прибрать к рукам и тех, кто оказался в горах. 4. После того как троянцы отправили вестников с предложением прекратить военные действия и просили не заставлять их вновь браться за оружие, ахейцы, сойдясь на народное собрание, заключили с ними перемирие на следующих условиях: Эней и его спутники, забрав столько имущества, сколько спасли во время бегства, в назначенный срок удаляются из Троицы, передав ахейцам укрепления. Ахейцы же, согласно договору, предоставляют изгнанникам безопасность на всей захваченной ими земле, а также и на море. 5. Эней принимает эти условия, посчитав их в данных обстоятельствах самым лучшим и посылает старшего из детей, Аскания¹³³ вместе с отрядом союзнического войска, в большинстве состоявшего из фригийцев, в землю, называемую Даскилитийской,

¹²⁹ Неоптолем — в гомеровском эпосе сын Ахилла, герой, участник Троянской войны, изображался убийцей троянского царя Приама, пытавшегося отомстить ему за убийство сына, — троянского царевича Полита (*Вергилий. Энеида. II. 547*). В поздней эллинистической и римской литературе Неоптолем именуется Пирром.

¹³⁰ Дардан — город на Геллеспонте, согласно античной традиции, основан Дарданом, сыном Зевса, переселившимся в Малую Азию из Аркадии через Самофракию, одним из родоначальников троянцев.

¹³¹ Элим — согласно античной традиции, побочный сын Анхиза, переселившийся вместе с группой троянцев в Сицилию, и ставший их эпонимным героем (*Вергилий. Энеида. V. 73*). См. примеч. 159.

¹³² Эгест — по другой версии традиции, идущей от Вергилия (*Энеида. 7. 718*; см. также — *Serv. Aen. I. 550, Сервий. Комментарии к Энеиде.*), сын троянки Эгесты, или Сегесты, посланной отцом в Сицилию для спасения от морского чудовища. Там она родила от речного бога Кримиса Эгеста, или Алкеста, оказавшего Энею в Сицилии гостеприимство. См. гл. 52–53.

¹³³ Асканий — внук Анхиза, сын Энея и троянки Креусы, основатель города Лавиний в Лации, который был назван им в честь своей супруги, дочери царя Латина.

где расположен Асканийский залив. Ведь Асканий был призван местными жителями царствовать над ними, но проживал там недолго. После того как к нему явились Скамандрий¹³⁴ и другие Гекториды¹³⁵, отпущенные из Элады Неоптолемом, он повел их в отеческую землю и прибыл в Троию. 6. Вот что сообщается об Аскании. Собрав остальных своих детей, а также отца и изображения богов, Эней со снаряженным для этого флотом, переплыл Гелеспонт, держа курс на близлежащий полуостров, который лежит у побережья Европы, а зовется Паллена. Владел же им союзный фракийский народ, именуемый крусейским, который проявил наибольшую преданность из всех, поднявшихся вместе с троянцами на войну.

XLVIII. Так выглядит самый достоверный рассказ о бегстве Энея, которым из числа древних писателей воспользовался Гелланик в своем повествовании «О троянских делах». Но у некоторых других писателей встречаются и иные сообщения о том же самом событии, каковые лично я полагаю менее убедительными. Пусть каждый из читателей судит, как он пожелает. 2. Так, трагик Софокл в драме «Лаокоон» изобразил Энея в тот момент, когда городу предстояло пленение, собирающимся по приказу отца Анхиза на Иду, памятуя о тех, за кого просила Венера¹³⁶ и о тех знаменениях в отношении Лаоконтидов, какие все вместе возвещали грядущую гибель города. И содержатся в драме следующие ямбы, которые произносит некто под видом вестника:

*И вот Эней, сын боини, находится в воротах,
Неся на плечах отца, орошающего слезами
Мягкую ткань на пораженной молнией спине;
А кругом — вся масса ойкетов¹³⁷,
И сопровождает толпа, которую ты не представляешь,
Как говорят, присоедините к этой колонии фригийцев.*

3. Менеkrat же Ксантий¹³⁸ заявил, что Эней предал город ахейцам из вражды к Александру¹³⁹, и благодаря этому благодетельню ахейцы согласились на то, чтобы была спасена его семья. Примыкает же этот рассказ к тому, который начинается с похорон Ахилла, таким образом: «Тоска взяла ахейцев, и им показалось, что войско лишилось головы. Однако после погребального костра они стали воевать в полную силу, пока не был пленен ими Илион, отданный Энеем. Ведь будучи отлученным от

¹³⁴ Скамандрий, или Астианакт — по античной традиции, внук Приама, сын троянского вождя Гектора и Андромахи. После пленения Трои был сброшен с городской стены (Гомер. Илиада. 6. 400 и след.; Овидий. Метаморфозы. 13. 415 и др.).

¹³⁵ Гекториды — потомки Гектора, величайшего троянского героя.

¹³⁶ Греч. Афродита — аналогична римской Венере.

¹³⁷ Ойкеты — греч. «домашние рабы».

¹³⁸ Менеkrat Ксантий — греческий историк IV в. до н.э., автор «Ликийской истории».

¹³⁹ Александр — Парис, троянский герой, соблазнивший Елену.

святых даров из-за Александра, Эней отверг Приама. Совершив же это, он превратился в одного из ахейцев». 4. Некоторые же другие уверяют, будто Энею случилось в то время оказаться у троянской корабельной стоянки, а иные — что он с войском был послан Приамом по какой-то военной надобности во Фригию; но находятся и такие, которые изображают его изгнание более сказочно. Пусть каждый держится своего убеждения.

XLIX. То же, что произошло после ухода Энея, ставит многих перед еще большими трудностями. Ибо одни доводят его до Фракии, говоря, что он окончил жизнь там, — в их числе Кефалон Гергитий¹⁴⁰, а также Гегесипп¹⁴¹, написавший о Паллене, мужи старинные и достопамятные. Другие же, выводя его из Фракии, доводят его странствия до Аркадии и уверяют, что он поселился в аркадском Орхомене и в местечке Остров, который, хоть и расположен на суше, но получил название от влажных низин и реки. И добавляют, что Энеем и троянцами были основаны так называемые Капии¹⁴², а прозваны они так по троянцу Капию. Рассказывают, что данные об этом встречаются и у других писателей, в том числе у Ариайта¹⁴³, создавшего «Аркадику». 2. Находятся и такие, кто упоминает, будто Эней пришел в Аркадию, однако конец жизни встретил не в тех краях, но в Италии, об этом же свидетельствуют и многие другие и в числе прочих поэт Агатилл Аркадский, который пишет в элегии:

Он пришел в Аркадию и поселил

На Несе двух детей от ложа Кодоны и Антемоны.

Сам же поспешил в Гесперийскую землю,

А сына произвел Ромула.

3. Относительно прибытия Энея и троянцев в Италию являются надежными свидетелями все римляне, да и деяния их, нашедшие выражение в жертвоприношениях и празднествах, указывают на это событие, и речения Сивиллы и пифийских оракулов¹⁴⁴, как и многое другое, чем никто из-за величия дела не станет пренебрегать. Много ясных сведений сохраняется у эллинов до сего времени: где троянцы бросили якорь и среди кого пребывали, отказавшись от продолжения плавания из-за погоды. Хотя таких данных несть числа, суть их я изложу настолько кратко, насколько

¹⁴⁰ Кефалон Гергитий — псевдоним Гегесианакта из Александрии в Троаде, поэта, грамматика и историка конца III — начала II в. до н.э., написавшего сочинение астрономического характера «Явления», а под фиктивным именем роман о Трое.

¹⁴¹ Гегесипп из Мекиберны близ Олифа, историк IV в. до н.э.

¹⁴² Капии — Капуя, центр Кампании в Италии. См. I. 73. 3. Название получено по альбанскому правителю, потому что Энея (*Ливий*. I. 3: *Аппиан*. О царях. I. 1).

¹⁴³ Ариайт, или Ариэт, как и Агатилл Аркадский, известен лишь по упоминаниям у Дионисия Галикарнасского.

¹⁴⁴ Пифийские оракулы — пророческие изречения, которые давали в ответ на вопросы частных лиц и властителей жрицы в храме Аполлона в Дельфах, названные в память о победе бога над чудовищным змеем Пифоном пифиями.

сумею. 4. Сначала троянцы достигли Фракии, полуострова Паллены, и бросили там якорь. Владели же полуостровом, как я упоминал, варвары-крусеи. Они предоставили пришельцам безопасное пристанище. Пережидая зимнее время, троянцы воздвигли здесь на одном из мысов храм Венеры и основали город Энея¹⁴⁵, в котором оставили тех, кто не способен был продолжать плавание из-за усталости, и всех тех, кто хотел там задержаться, чтобы обосноваться, как на родной земле. Город этот существовал вплоть до начала власти македонян, которая установилась при диадохах Александра. Но в правление Кассандра, когда был основан город Фессалоника, он подвергся уничтожению, и энеаты вместе со многими другими народами перебрались в новый город.

Л. Покинув Паллену, троянцы прибывают на Делос, в то время когда им правил Аний¹⁴⁶, и много следов присутствия Энея и троянцев на Делосе сохранилось до тех пор, пока остров был населен и процветал. Затем, переправившись на другой остров, Киферу¹⁴⁷, который расположен близ Пелопоннеса, они воздвигают там святилище Венеры. 2. Совершая плавание от Киферы, они одного из спутников Энея, скончавшегося Кинетия, погребают недалеко от Пелопоннеса на одном из мысов, что по нему ныне носит имя Кинетий. Памятью о своем родстве с аркадцами (о чем я поведаю в следующем рассказе¹⁴⁸), троянцы остановились ненадолго в этих местах и оставили некоторых сотоварищей. Наконец, троянцы добираются до Закинфа¹⁴⁹. 3. Надо сказать, закинфяне приняли их дружески благодаря родственным связям; говорят ведь, что у Дардана, сына Зевса, и Электры Атлантиды, имелось двое детей, от Батейи — Закинф и Эрихтоний¹⁵⁰, из них второй стал предком Энея, а Закинф — первым поселенцем острова. В самом деле, изгнанники задержались здесь подольше как в память об этом родстве, так и в ответ на расположение туземцев, к тому же лишенные возможности продолжать плавание. Они приносят около сооруженного святилища жертву Венере (её закинфяне совершают сообща вплоть до настоящего времени) и устраивают состязания эфебов¹⁵¹ в разных видах борьбы и в беге, а

¹⁴⁵ Существование города Энея на севере Балкан упоминается Ливием и получило археологическое подтверждение: обнаружены монеты первой половины I тыс. до н.э. с именем героя. См.: *May M.F. Ainos, its history and Coinage. Oxf., 1950.*

¹⁴⁶ Аний в греческой мифологии — царь, сын Аполлона и Креусы, родившийся по одной из версий на Делосе. Он жил там с тремя дочерьми-волшебницами, был пророком, предсказал ахейцам взятие Трои лишь через 10 лет после начала войны.

¹⁴⁷ Кифера — остров в Миртойском море, омывающем северо-восточное побережье Пелопоннеса.

¹⁴⁸ См. гл. 61.

¹⁴⁹ Закинф — остров у западного побережья Пелопоннеса.

¹⁵⁰ Эрихтоний — по одной из версий мифологической традиции сын Дардана, родоначальника троянцев (см. примеч. 129), и отец Троса, царь дарданов.

¹⁵¹ Эфебы — греческие 19-ти и 20-тилетние юноши, проходившие обязательную для граждан воинскую службу.

победной награды достаивается вбежавший в храм первым. Бег называется Энеевым и Венереным, а в храме поставлены деревянные статуи обоих. 4. Оттуда морем троянцы попадают на Левкаду¹⁵² в те времена, когда этим островом владели акарнанцы. И в ней они опять-таки воздвигают святилище Венеры, которое и сейчас еще сохраняется на островке между Диориктом и городом, а зовется оно храм Венеры Энеады. Снявшись оттуда с якоря, по направлению к Акции, они пристают к мысу в Амбракийском заливе. А оттуда они посещают город Амбракий, где правил царь Амбрак, сын Дексамена, сына Геракла. И там и там они оставляют памятники своего пребывания: в Акции — храм Венеры Энеады и близ него — святилище великих богов (оба действующие в мое время), в Амбракии — святилище той же богини и героон Энея близ небольшого театра, в котором находилось маленькое деревянное старинное изображение Энея, о котором уже говорилось, и почитали его жертвами люди, называемые у них прислужниками.

LI. Направляясь из Амбракии на корабле вдоль берега, Анхис вместе со спутниками, достиг Бутрота¹⁵³, в заливе в Эпире. Эней же с воинами самого цветущего возраста, совершив двухдневный переход, прибывает в Додону, дабы спросить бога¹⁵⁴, и застает там троянцев, бывших с Эленом¹⁵⁵. Получив же оракул по поводу колонии и отблагодарив бога различными троянскими дарами, в том числе медными сосудами, некоторые из которых еще сохранились, а весьма древние надписи указывают на тех, кто их возложил здесь, они прибывают к стоянке флота после примерно четырехдневного пути. Присутствие в Бутроте троянцев подтверждается неким холмом, известным как Троянский, которым тогда воспользовались для разбивки лагеря. 2. Из Бутрота, идя вдоль берега до залива, тогда называвшегося Анхисовым, а теперь непонятно как, они воздвигли и здесь святилище Венеры, и переправились через Ионийское море. Водителями их флота были акарнанцы, которые добровольно отплыли вместе с ними, увлекая за собой тех, кто был с фурийцем Патроном¹⁵⁶. Когда войско в целостности и невредимости высадилось в Италии, большинство из них снова разошлись по домам. Патрон же, убежденный Энеем совместно основать

¹⁵² Левкада — северный из островов Ионийского моря, примыкающих к побережью Акарнании в Центральной (Средней) Греции.

¹⁵³ Бутрот — город в Эпире против о-ва Коркиры (совр. Корфу).

¹⁵⁴ В эпирском городе Додоне, находился древнейший в греческом мире оракул, который по легенде, переданной Геродотом (II. 54–58), был основан священной египтянкой, похищенной и проданной финикийцами на Балканский полуостров пеласгам. Гадание происходило по шелесту листьев посвященного Зевсу дуба и по журчанию бывшего рядом с ним источника.

¹⁵⁵ Элен — троянский царевич, сын Приама и Гекубы, предсказавший грекам гибель Трои лишь при содействии Филоктета и Неоптолема. После смерти последнего получил в наследство часть его эпирских владений.

¹⁵⁶ Патрон — по версии, переданной Вергилием (см. *Сервий*. Комм. к Энеиде. 298), был родом акарнанцем из Тирия (Thyrium), или Фирия, а не из Фурий.

колонию, и ряд его друзей остались вместе с ним продолжать поход. Некоторые писатели сообщают, что троянцы остались жить в сицилийском Адунтин. В память об этом благодетели римляне со временем и подарили акарнанцам Левкаду и Анакторий, лишив такого подношения коринфян, и позволили эниадцам¹⁵⁷, желающим того, отложиться, а также разрешили жителям Эхинадских островов¹⁵⁸ собирать плоды сообща с этолийцами. 3. Что же касается Энея и его спутников, то они сходили на берег не в одном только месте Италии, большинство кораблей пристали к мысу Япигии, который тогда назывался Салентином, а другие на остальных кораблях шли по так называемому Атенею и высадились там, где и сам Эней вступил в Италию. Это был мыс, а рядом с ним — летняя гавань, которая с той поры зовется гаванью Венеры. Так вот, они проследовали до пролива, имея по правую руку Италию, оставив и в этих местах следы своего пребывания, в том числе в святилище Юноны — медный фиал с древней надписью, содержащей имя Энея, одарившего богиню.

III. Приблизившись к Сицилии, троянцы, то ли решив бросить здесь якорь, то ли прибитые неблагоприятными ветрами, какие дуют в этом море, высаживаются на острове у так называемого Дрепана¹⁵⁹. Там они встречаются с троянцами, которые во главе с Элимом и Эгестом ранее вышли из Трои. Подстегнутые удачей и попутным ветром — к тому же не отягощенные грузной поклажей, — те быстро переправились прямо в Сицилию и поселились у реки Кримис, в земле сиканов, приняв от них по дружбе это местечко, благодаря родству их с Эгестом, родившимся и воспитанным в Сицилии вот по какому тяжкому случаю. 2. Кто-то из его предков, знаменитый муж троянского происхождения, воспротивился Лаомедонту, и царь, схватив его по какому-то обвинению, предал смерти его и все мужское потомство со страха, как бы не претерпеть чего от них. Дочерей же их, бывших еще девицами, умертвить он посчитал не приличествующим, но пренебречь тем, что они живут вместе с троянцами — небезопасным. Поэтому он отдает их купцам, приказав отвезти как можно дальше. 3. Вместе с ними отплыл некий отрок из знатных, охваченный любовью к одной из дев, на которой женился по прибытии в Сицилию. И родилось у них в Сицилии дитя по имени Эгест, который изучил обычаи и язык местных жителей. После смерти своих родителей в царствование в Трое Приама он добился того, чтоб ему дозволенно было вернуться. Эгест перенес вместе с троянцами войну против

¹⁵⁷ Эниады — название города и его жителей, которые входили в Этолийский союз, но после покорения греков римлянами были в 196 г. присоединены ими к Акарнании (*Ливий*. 38. 11. 9; *Полубий*. 21. 32. 14).

¹⁵⁸ Эхинадские о-ва, Эхинады — греческие острова близ побережья Акарнании у впадения р. Ахелой в море.

¹⁵⁹ Дрепан — город на западном побережье Сицилии. Название означает по-гречески «серп», обычно им нарекали порты, сами имевшие серповидную форму или такой же конфигурации вдающиеся в море косы.

ахейцев, а после того как троянский град пал, он снова отплыл в Сицилию, совершив побег вместе с Энимом на трех кораблях, которые имелись у Ахилла, когда тот грабил города Трояды, но поскольку они сели на подводные рифы, Ахилл их бросил. 4. Встретившись с упомянутыми мужами, Эней благосклонно принимает их и закладывает для них городки Эгесту и Эниму, а также оставляет в них некоторую часть своего войска — как мне кажется, по доброй воле, чтобы отягощенные усталостью или иначе пострадавшие на море обрели бы отдых и безопасные стоянки. Но по словам некоторых, после потери части флота, которую подожгли некие женщины, измученные блужданиями, Эней поневоле оставил там весь сброд со сгоревших кораблей, который по сей причине был лишен возможности продолжать совместное плавание.

III. Имеется много других свидетельств о приходе Энея и троянцев в Сицилию, но самые явные — это алтарь Венеры Энеады, воздвигнутый на высоте Элимы, и святилище Энея в Эгесте. Первый Эней водрузил здесь в честь матери, второе же — оставшими от похода в честь своего спасителя. А троянцы с Энимом и Эгестом осели в этих местах и зажили под именем элимов¹⁶⁰. Ведь Элим, будучи царского рода, отличался достоинством, потому от него все остальные и обрели имя. 2. А Эней со спутниками, плывущие из Сицилии через Тирренское море, сначала пристали к Италии в заливе Палинур¹⁶¹, который, как говорят, получил это название от одного из кормчих Энея, здесь скончавшегося. Затем они причалили к острову, которому дали имя Левкасия по двоюродной сестре Энея, почившей неподалеку от этого места. 3. Направившись оттуда к глубокому и прекрасному заливу в стране опиков, троянцы после смерти и там одного из знатных людей, Мисена, по нему окрестили этот залив. Волею случая пристав к острову Прохита и мысу Каийета, странники по той же причине, желая увековечить память умерших тут троянок, так их называют. Как передают, одна из них была родственницей Энея, а другая — кормилицей. Наконец, изгнанники в Италии¹⁶² достигают Лаврента, где и закончили странствия. Они воздвигают укрепления, а место, где они разбили лагерь, с той поры зовется Троей. Оно отстоит от моря примерно на четыре стады. 4. А поведал я обо всем об этом и отступление сделал в силу необходимости, поелику одни из писателей утверждают, будто Эней с троянцами не достигал Италии, другие — что приходил совсем другой Эней, рожденный не от Венеры и Анхиса, третьи же — что это был Асканий, сын Энея, а иные уверяют, будто заявлялись какие-то другие люди. Но есть и такие,

¹⁶⁰ Элимы — догреческое население западной Сицилии, согласно традиции именовавшиеся по переселившемуся туда троянцу Элиму. Названия их городов (Эрикс, Сегеста, Энтелла) лигурийского происхождения указывают на то, что лигуро-сикулы в Сицилии предшествовали им.

¹⁶¹ Палинур — один из героев «Энеиды», предназначенный Венерой к гибели ради спасения Энея и бежавших с ним других троянцев.

¹⁶² См. примеч. 124.

кто рассказывает, что Эней, сын Венеры, отправив в Италию отряд, вновь возвратился домой и царствовал в Трое, а присмерти оставил царство сыну Асканию, и род, пошедший от него, удерживал власть очень долго. Но мне лично кажется, что они были сбиты с толку неверно понятыми словами Гомера. 5. Ведь у него в «Илиаде» выведен Посейдон, который предсказывает будущее чудесное явление относительно Энея и его потомков таким манером:

*Будет отныне Эней над троянцами царствовать мощно,
Он, и сыны от сынов, имущие поздно родиться*¹⁶³.

Потому-то предполагая, будто Гомер знал, кто властвовал во Фригии¹⁶⁴ (ибо невероятно, живя в Италии, царствовать над троянцами), писатели и измыслили возвращение Энея. На деле, возможно, что Эней властвовал над троянцами, которых привел с собой, хотя и создававшими государство в других краях. Но у кого-нибудь, может быть, найдутся и иные причины поддаться обману.

LV. Если же некоторых смущает, что повсюду рассказывают о могилах Энея и показывают их, хотя невозможно быть похороненным в нескольких местах, то — принимая во внимание, что именно это обычно затрудняет всех, особенно коли речь заходит о мужах блистательной судьбы, но проведенной в скитаниях жизни, — пусть смущающиеся постигнут, что место упокоения их тел было единственным, памятники же им установлены во многих краях и весях из-за благорасположения людей, испытавших от них добро, в особенности, если остаются от последних некие следы, например, основанный город или знаки их длительного и милосердного пребывания и деяний. Вот такие предания мы знаем об этом герое. 2. В самом деле, Эней сделал для Илиона так, чтобы город не погиб окончательно в пылу погрома, и дал возможность вспомогательному отряду найти спасение в так называемой Бебрикии¹⁶⁵. Во Фригии же он поставил царем своего сына Аскания, а в Паллене основал город под тем же именем. В Аркадии он выдал замуж дочерей, а в Сицилии оставил часть войска, во многих других краях явил свое человеколюбие, за что и встретил везде искреннее расположение, благодаря чему, оставив земной мир, он был повсюду почтен возведенными в его честь памятниками и героонами¹⁶⁶. 3. Разве возможно измыслить причины установления ему памятников в Италии, не правь он в тех местах, не пребывая в них и будучи совершенно у них не известен? Но об этом

¹⁶³ Гомер. Илиада. XX. 307–308. (пер. Гнедича).

¹⁶⁴ Фригия — страна в Малой Азии. Фригийское царство было образовано на развалинах Хеттской державы в последние века II тыс. до н.э. переселенцами с севера Балкан, из Македонии и Фракии. Фригийцы помогали троянцам против греков.

¹⁶⁵ Бебрикия — район близ Лампсака на Геллеспонте, местопребывание племен бебриков, причисляемых Страбоном преимущественно к фригийцам, затем к фракийцам. (Страбон. География. VII. 3. 2; XII. 3. 3; XIV. 5. 23).

¹⁶⁶ Герон — святилище героя. В Риме и в Лации были распространены герооны в честь обожествленных правителей, основателей городов. См. I. 54. 4.

опять-таки пойдет речь тогда и в том случае, если повествованию потребуются объяснения.

LV. Причинами, по которым троянская экспедиция не двинулась дальше в Европу, стали как предсказания, исполненные в этих краях, так и многократно являвшее свою волю божество. Ведь вначале те троянцы, которые пристали в Лаврентской бухте и разбились на морском берегу палатки, страдали от жажды, так как место было безводным, (я сообщаю то, о чем узнал от местных жителей). Но затем они узрели родники с вкуснейшей водой, бьющие сами по себе прямо из-под земли. Из них потом утоляло жажду и все воинство, а участок стал орошаем до моря, куда стекала вода из всех ключей. 2. Однако ныне родники уже не так полноводны, чтобы переливаться через край, но лишь немного воды собирается во впадине, которую местные жители зовут Солнечным святилищем. А близ него показывают два алтаря троянцев: один — обращенный к востоку, другой же — к западу. На алтарях, рассказывают, Эней совершил первое благодарственное жертвоприношение богу за воду. 3. Затем, поскольку им пришлось трапезничать прямо на земле, для чистоты многие подстелили сельдерей послужить столом для яств, которыми стали, по словам некоторых, пшеничные лепешки. Когда же с пищей покончили, кто-то съел самую нижнюю лепешку, принялись и за подстилку из сельдерея. И так случилось, что то ли один из детей Энея, то ли из разделивших с ним шатер спутников, воскликнул: «Ну вот, у нас уже и стол съеден!» Лишь только эти слова достигли ушей остальных, все сразу всполошились и закричали, что сбылась первая часть пророчества. 4. Дело в том, что троянцам было дано прорицание, по словам одних, в Додоне, а по письменам других — в прорицалище Иды в Эритрах, где проживает местная нимфа, предсказательница Сивилла. Она молвила им плыть на запад, пока не достигнут они того места, где съедят столы; когда же они узнают, что это произошло, то сделают своим вожаком четвероногое животное и там, где оно притомившись остановится, изгнанники и заложат город. 5. И правда, вспомнив об этом пророчестве, одни, по приказу Энея, принялись выносить на предназначенные места кумиры богов из корабля, другие — устанавливать для них постаменты и алтари, женщины же, стеноя и приплясывая, сопровождали святыни. Эней со товарищи приготовив жертвы, с венками на головах окружили алтарь.

LVI. Во время совершения молебствия супоросая свинья, предназначенная в жертву, как только жрецы подступили к ней, задрожала и, вырвавшись из рук державших её, бросилась прочь. Эней же, сообразив, что этот четвероногий вожак и являет собой пророчество, устремился с немногими людьми преследовать свинью, держась от нее поблизости из опасения, как бы от шума преследователей свинья не отклонилась от предначертанного божеством пути. 2. Свинья же, промчавшись без малого двадцать четыре стадия¹⁶⁷ вглубь от моря, подбегает к какому-то холму и,

¹⁶⁷ Около 4,5 км.

сраженная усталостью, валится с ног. Когда Эней увидел (ибо стало ясно, что предсказанное свершилось), что местечко не имеет пригодной земли и далеко от моря, к тому же лишено удобной корабельной стоянки, то ему сделалось не по себе, и он пришел в недоумение, неужели, веря пророчеству, суждено осесть именно здесь, и провести безрадостную жизнь, не изведав ничего хорошего, или надлежит следовать далее на поиски лучшей земли. 3. Во время его размышлений об этом и порицаний богов, Энею внезапно, как сообщают, послышался из леса некий глас, причем сам возвещавший остался незрим. Глас повелел остановиться здесь, поспешить заложить город, и не отвергать хотя еще не наступившего, но грядущего счастья, если он устроит жизнь в благодатной земле, презрев трудности в настоящем. 4. Ведь ему выпало на долю, положив началом это унылое и крохотное поселение, со временем приобрести обширную и благодатную землю, а детям его и потомкам предстояло править, обладая огромной властью, весьма длительное время. И хотя теперь именно это поселение послужит убежищем троянцам, через такое количество лет, сколько свинья принесет поросят, его потомками будет основан другой город, счастливый и большой. Услышав такое и сочтя, что изреченное гласом — из рода божественного, Эней поступает, как велел ему бог. 5. Другие же уверяют, что сему мужу, впадшему в уныние и изнемогшему от горя до того, что он не смог ни вернуться в лагерь и ни добыть хлеба, но провел в этом месте ночь, предстал во сне великое и восхитительное видение, образом подобное одной из богинь его краев, которое подтвердимо изложенное нами чуть немного раньше. Насколько это правда, известно только богам. На следующий день, говорят, свинья родила тридцать поросят, и столько же лет спустя троянцами был основан новый город в соответствии с прорицанием, о чем я поведаю в своем месте.

LVII. Эней же посвятил потомство свиньи вместе с производительницей отеческим богам в том самом месте, где ныне высится его храм, который лавинийцы, охраняя совместно с другими как зеницу ока, считают священным. Приказав троянцам раскинуть лагерь на холме, он на самом лучшем участке воздвигает кумиры богов и тотчас же с головой окунается в обустройство города. Рыща по окрестностям, Эней завладевает всем, что потребно для строительства поселения, преимущественно железом, деревом и земледельческими орудиями, что обескуражило тех, кто лишился всего этого. 2. Латину же, который был тогда царем, воевавшим против соседнего народа рутулов и терпел неудачи в битвах, доносят о том, что творится, в очень преувеличенном виде, будто бы все побережье разоряется иноземным войском и, если он поспешно не пресечет все бесчинства, то тяжкая борьба с соседними городами покажется шуткой. В душу Латина, услышавшего такое, вселяется беспокойство, и он, тотчас оставив текущую войну, обрушивается на троянцев с большим войском. 3. Но при виде троянцев, вооруженных подобно элинам и ожидающих сражения в боевом строю в полной готовности и бесстрашии, Латин мигом отказывается от рискованного предприятия, ибо ему не одолеть их первым же натиском, как он

намеревался, выходя из дому. Расположившись лагерем на холме, Латин предпочел сначала дать отдых войску, утомленному долгим путем и изматывающим преследованием противника. 4. Проведя ночь под открытым небом, Латин принимает решение с восходом зари сойтись с врагами. Но представшее ему во сне одно из местных божеств просветило его, что надлежит принять эллинов в страну для совместного житья. Ведь они явились в качестве серьезной помощи Латину и для общего блага аборигинам. А посетившие той же самой ночью Энея отечественные боги призывают его убедить Латина добровольно предоставить им поселение в том месте, где они пожелают, и воспользоваться эллинским войском, как скорее союзным, чем враждебным. Таким образом обоим видения во сне помешали начать битву. А как только занялся день и боевые силы изготавились к сражению, примчались гонцы, передавшие, чтобы предводители обеих сторон в едином порыве сошлись друг с другом на переговоры. И это свершилось.

LVIII. Первым же Латин, обвиняя пришельцев во внезапной и необъявленной войне, посчитал необходимым потребовать, чтобы Эней доложил, кто он таков и чего желает, раз грабит местность, не претерпев никаких обид и зная, что всякий защищается от развязавшего войну. Местные жители могли бы по доброй воле предоставить ему из чувства дружбы помощь, в которой он нуждается, но пренебрегши законными требованиями людей, он решил получить то же самое гнусно, неблагоприятно и насильно. 2. После того как Латин высказал это, Эней отвечал: «Мы родом троянцы, а произошли из славного среди эллинов града. Когда он был захвачен ахейцами в итоге десятилетней осады, то мы оказались скитальцами. Блуждая вокруг в поисках города и края, в которых нам суждено прожить в силу безысходности, мы и прибыли сюда, ибо мы повинемся велениям богов. И для нас, как говорится в предсказании, конечной пристанью скитаний станет единственно данная земля. И мы добываем себе в краю то, что нам необходимо, скорее из горести, чем для обогащения, в то время как до сих пор желали только самого малого. 3. Но мы взамен возместим ущерб многими добрыми деяниями, вручая вам и тела и души наши, достаточно привыкшие ко всяческим бедам, чтобы вам использовать нас по своему усмотрению для защиты вашей земли от разора или для совместного и единодушного приобретения новой у врагов. И мы умоляем вас не принимать содеянное во гнев, а учесть, что не с намерением обидеть, но подгоняемые нуждой, творили мы это. А все, что совершено без умысла, достойно прощения. 4. И вам не следует решать, что надо попытаться как-то навредить нам, тем, кто протягивает вам руки. В противном случае мы, прося богов и гениев¹⁶⁸, которые владеют здешней землей, о снисхождении

¹⁶⁸ Гений — по римским религиозным представлениям, добрый дух римлянина, рождавшийся вместе с ним, а после смерти витавший поблизости от места его жизни и почитавшийся вместе с божествами — хранителями, духами дома, семьи и селения. Позднее в Риме поклонялись гениям всей общины, государства и императора.

за наши невольные проступки, предпримем все усилия для защиты от вас, если вы начнете военные действия. Понеже ныне уже не первой и не самой тяжелой войны мы хлебнем». 5. Выслушав это, Латин сказал Энею: «Лично я питаю расположение ко всему эллинскому роду и весьма сокрушаюсь по поводу вынужденных страданий людских. Я расценил бы превыше всего ваше спасение, если бы ясно убедился, что вы пришли в поисках крова и земли в количестве достаточном, а не чрезмерном, и по дружбе станете сообща с нами владеть тем, что будет вам подарено, но что вы не намереваетесь отобрать у меня власть силой. Если речь моя покажется вам искренней, то, по моему разумению, надо взаимным образом обменяться залогами, которые будут блюсти наше соглашение без обмана».

ЛIX. После одобрения Энеем сказанного, между обоими народами заключаются клятвенные соглашения такого рода: аборигины выделяют троянцам земли столько, сколько считают нужным — около сорока стадиев во все стороны от холма. Троянцы же разделят с аборигинами ведущуюся теми в настоящее время войну и будут сообща сражаться, где бы те ни потребовали. И обе стороны приложат все усилия чтобы стоять друг за друга и словом и делом. 2. Заключив такой договор и подкрепив доверие взаимной отдачей детей в заложники, они вместе двинулись войной против городов рутулов. Немного времени спустя аборигины и троянцы, прибрав к своим рукам все, что было у рутулов, возвращаются к небольшому городку троянцев, еще наполовину недостроенному, и все войско, в едином порыве, обносит его стенами. 3. А имя городу Эней дал «Лавиний», как полагают сами римляне, в честь дочери Латина, которую, говорят, звали Лавинией; но по сообщениям отдельных эллинских сказателей — в честь дочери царя дельийцев Ания, имя которой тоже было Лавиния¹⁶⁹, так как она скончалась от болезни примерно во время закладки первого города; поскольку ее погребли там же, где она страдала, то город сделался ей памятником. Передают, что она сопровождала троянцев, отданная отцом Энею, который нуждался в ней как в мудрой прорицательнице. 4. Согласно легендам относительно города Лавиния, троянцев посетили следующие знамения: когда самопроизвольно вспыхнул огонь, волк, таща в пасти сухое полено из роши, бросил его в огонь, а прилетевший орел раздум взмахами крыльев пламя. Лиса же, замышляя обратное, стала бить намоченным в реке хвостом и тушить разгорающийся пожар; и тогда те, что поджигали, брали верх, а лиса старалась им помешать, но в конце концов победила первых двоих и удалилась, в бессилии что-либо еще сделать. 5. Эней, узрев такую картину, объявил, что колония станет и знаменитой и дивной, и шествующей к вершинам славы, но с ростом превратится в предмет зависти и укоров для соседей, однако все же осилит противников, обретя по воле богов лучшую долю, невзирая на людскую корысть. Таким образом, говорят, были явлены полису ясные знаки грядущего. И на форуме лавинийцев сохранились памятники этих знамений в виде медных фигурок животных, издревле оберегаемые.

¹⁶⁹ Существует другое чтение — Лавна.

LX. После основания троянцами своего города, всех охватило воодушевление обрести обоюдную пользу, и первыми пример подають цари, укрепив достоинства местного и пришлого племен взаимными браками — например, Латин отдал свою дочь Лавинию в супруги Энею. 2. А затем и прочий люд перенял от царей то же стремление и в скором времени они смешали обычаи, законы, святилища богов, а также священнодействия богам, завязали родство друг с другом, и стали сообща воевать. Все они вкупе обозначили себя по имени царя аборигинов латинами и нерушимо соблюдали условия соглашения, так что уже никаким обстоятельствам не суждено было отторгнуть их друг от друга. 3. В итоге, сошлись вместе и объединили свой жизненный уклад следующие народы, от которых пошел римский корень, прежде чем населить существующий ныне город: во-первых, это были аборигины, которые изгнали из этих мест сикелов, они родом были древними элинами из Пелопоннеса (после того как они вместе с энотрами переселились из области, называемый ныне Аркадией, в чем я лично убежден); затем из тогдашней Гемонии, ныне Фессалии, пришли пеласги; третий же поток перебрался вместе с Эвандром в Италию из города Палантия; вслед за ними появились воевавшие вместе с Гераклом пелопоннесцы — эпееи и фенеаты¹⁷⁰, с которыми смешалась какая-то часть троянцев; наконец, прибыли с Энеем спасенные троянцы из Илиона, Дардана и других троянских городов.

LXI. О том, что троянский народ по большей части принадлежал к элинскому и некогда выселился из Пелопоннеса, отмечено у некоторых старинных писателей и будет поведано вкратце мной. Суть легенды такова. Первым царем в нынешней Аркадии был Атлант, обретавшийся близ Таумасийской горы¹⁷¹. У него родилось семь дочерей, которые ныне, как говорят, находятся на небе под именем Плеяд. Одну из них, Электру, взял в жены Зевс и произвел от нее детей — Ясона и Дардана. 2. Так вот, Ясон остался холостым, Дардан же женился на Хрисе, дочери Паланта, от которой у него родились дети — Идей и Деймант. В то время когда они, восприняв власть Атланта, правили Аркадией, во всей стране произошло страшное наводнение, равнины оказались залиты водой и на долгое время непригодны для земледелия. Людям пришлось жить на горах, с трудом добывая себе пропитание. Тогда по зрелому размышлению они пришли к заключению, что оставшейся в их распоряжении земли не хватит всем для прокормления, и разделились на две части. Одни из них остались в Аркадии, выбрав царем Дейманта, сына Дардана, а прочие, собрав пожитки, отправились в дальнее странствие из Пелопоннеса. 3. Плывя вдоль европейского

¹⁷⁰ Фенеаты — древнейшее греческое население Аркадии, известное еще Гомеру (Илиада. 2. 605).

¹⁷¹ Таумасийская гора — букв. «Чудесная», находится в Аркадии. Согласно мифологической традиции, переданной Павсанием (VIII. 36. 2), на ней под защитой гигантов скрывалась беременная Зевсом Рея, спасаясь от ожидаемого покушения Кроноса на их ребенка. Существует чтение — Кауконийская гора.

побережья, они достигают Меланского залива и случайно пристают к какому-то острову близ Фракии — не могу сказать, был ли он ранее заселен или необитаем. И они наделяют его прозвищем, составленным из имен человека и места — Самофракия. Ведь островок относился к Фракии, а основателем колонии был Самон, сын Гермеса¹⁷² и нимфы Киллениды, которая звалась Реной. 4. Недолго странники оставались на острове из-за тяжелой доли, ибо им приходилось бороться со скудной землей и бурным морем. Поэтому они, оставив на острове немногих поселенцев, в большинстве своем возобновили путешествие в Азию, где сделали основателем колонии Дардана (поскольку Ясон, как гласит молва, скончался на острове от удара молнии, ибо возжелал взойти на ложе Деметры). Сойдя с кораблей в Гелеспонте, они осели в краю, позднее названном Фригией. Идэй, сын Дардана, с частью воинства обосновался в горах, которые теперь в честь него зовутся Идэйскими. Там он воздвигнул святилище Матери богов и учредил таинства и празднества, кои справляются во Фригии и по сию пору повсеместно. Дардан же основал в Троеде город своего имени, поскольку выделил ему для этого землю Тевкр¹⁷³, отчего и земля эта в старину звалась Тевкрией. 5. Многие однако, в том числе Фанодем¹⁷⁴, написавший «Аттические древности», приписывали ему переход в Азию из Аттики в качестве правителя дома ксипетэев, и приводили немало свидетельств в пользу этого предания. А Тевкр, повелевая страной обширной, благодатной и мало населенной, охотно принял Дардана и прибывших с ним эллинов в надежде на союз с ними в войнах против варваров, а так же чтобы земля не оставалась безлюдной.

LXII. Однако необходимо прояснить происхождение самого Энея; что я и сделаю кратким отступлением. Когда пришел срок скончаться Хрисе, дочери Палланта, которая подарила Дардану первых детей, он женился на Батизе, дочери Тевкра. От нее родился у него Эрихтоний, который, как говорят, оказался благополучнейшим из всех людей, так как унаследовал власть от отца и деда по матери. 2. От Эрихтония и Калирон, дочери Скамандра, произошел Трос¹⁷⁵, который и передал народу свое имя. От Троса и Акалариды, дочери Эвмеда, родился Ассарак; от него и Клитодоры, дочери Лаомедонта, — Капис; от Каписа же и наяды Гиеромнемы — Анхис; а от Анхиса и Афродиты — Эней. А об исконных эллинских корнях троянского рода я уже сообщал.

¹⁷² Греч. бог Гермес аналогичен римскому Меркурию.

¹⁷³ Тевкр — в греч. мифологической традиции первый троянский царь, сын речного божества Скамандра и нимфы Идаи, или Идэи. Радужно принял Дардана, переселившегося из Самофракии в Магию Азию, дал ему землю и дочь Батизию в жены.

¹⁷⁴ Фанодем, сын Дилла из Афин, жил в IV в. до н.э., был автором «Аттических древностей» из девяти книг, сохранившихся в незначительных отрывках и освещавших эпоху не позднее времени Кимона, т.е. первой четверти V в. до н.э., особенно сакральную сферу.

¹⁷⁵ Трос — сын Эрихтония, внук Дардана — эпонимный герой Трои, отец Илия, или Ила, предок Энея.

LXIII. Существуют иные мнения разных авторов о времени основания Лавиния. Мне представляется, однако, более вероятными те, что переносят это событие на второй год исхода из Трои. Ведь Илион пал уже летом, за семнадцать дней до летнего солнцеворота и в восьмой день до конца месяца Таргелиона¹⁷⁶ по афинскому летоисчислению, поэтому в том году выпали лишние двадцать дней, наступившие после солнцеворота. В течение тридцати семи дней после падения Трои ахейцы, я думаю, расселись по окрестностям, приняли посольства от переметнувшихся к ним племен и обменялись с ними клятвами. 2. На следующий же год после падения Трои около времени осеннего равноденствия троянцы, с молитвами, снимаются с места, переправляются через Геллеспонт и, добравшись до Фракии, зимуют там, принимая в свою среду товарищей по изгнанию и готовясь к дальнейшему плаванью. С началом весны они из Фракии совершают промежуточный морской переход до Сицилии. Бросив там якорь, троянцы проводят лето и вторую зиму на острове, участвуя в заселении городов вместе с элимами. 3. Когда же открылся сезон мореплавания, троянцы покидают остров и направляются в Тирренское море. Наконец, в середине лета они достигают Лаврента на побережье племени аборигинов. Заняв местность, троянцы основывают в ней Лавиний на второй год после пленения Трои. И мое мнение об этом уже изложено выше.

LXIV. Эней же, устроив в городе святилища и другие живописные сооружения, большая часть которых сохранялась еще и по сию пору, в следующем году — на третий год от исхода — стал править одними троянцами. На четвертый же год, после смерти Латина, Эней принимает и его царство по причине как свойства по супружеству (ибо Лавиния стала наследницей Латина), так и ожидавшихся стычек с соседями. 2. Ведь от латинов вновь отложились рутулы¹⁷⁷, избрав себе предводителем некоего перебежчика по имени Тиррен¹⁷⁸, родственника супруги Латина Аматы. Тиррен порицал своего свойственника Латина за замужество Лавинии, потому что та пренебрегла узами родства, вступила в брак с чужеземцем, да и Амата подстрекала своего родича, нашлись также другие пособники. В результате Тиррен с возглавляемым им войском присоединился к рутулам. 3. Поскольку из-за этих козней разразилась война и жестокая битва, уже после смерти Латина, то Тиррена и всех прочих одолевают все те, кто был с Энеем. С этого момента Эней и принимает царскую власть, оказавшуюся у него ранее благодаря свойству. Продарствовав три года после смерти Латина, он погибает во время войны. 4. Дело в том, что рутулы единодушно двинулись против Энея, а с ними царь тирренов Мезенций, опасавшийся за свои владения. Ему было

¹⁷⁶ Таргелмон падает на май—июнь.

¹⁷⁷ Рутулы — народ в Лации, входивший в древнейший Латинский союз, этнически близкий латинам, центром их области была Ардея, а легендарным царем — Тури, племянник Аматы, супруги Латина.

¹⁷⁸ По другой версии — Тури (*Ливий*. I. 2. 1; 3; *Овидий-Фасты*. IV. 879–884; *Вергилий*. Энеида. X. 236–321).

отчего беспокоиться, наблюдая за усилением и численным ростом эллинского войска. В ходе кровопролитной битвы близ Лавиния, в которой пали многие с обеих сторон, с наступлением ночи вражеские войска были разделены, но тело Энея нигде не могли обнаружить. Поэтому одни уверяют, что он вознесся к богам, а другие, — что погиб в реке, на берегу которой разыгралось сражение. 5. Латины устроили ему героон, отмеченный таким посвящением: «Отцу и подземному божеству, который разгоняет воды реки Нумик». Но находятся такие, кто утверждает, что этот памятник сооружен Энеем Анхису, почившему за год до этой войны. От него остался небольшой холмик, а вокруг него — деревья, выросшие в ряд, приятно ласкают взор.

LXV. После того как Эней покинул мир людей, точно на седьмой год после гибели Илиона, предводительство над латинами принял Эврилеон, еще во время скитаний получивший имя Аскания. Троянцы в тот период подверглись осаде, причем силы врагов все возрастали, а латинские войска были бессильны оказать помощь осажденным в Лавинии. 2. Вначале Асканий со товарищи попытались склонять неприятелей к дружбе и к справедливым соглашениям. Но так как те не шли ни на какие уступки, латины вынуждены были обратиться к ним с предложением прекратить войну на условиях, которые те сочтут приемлемыми. Однако царь тирренов выставил им как почти поработанным всякие непосильные условия, в том числе доставлять тирренам ежегодно все вино, производимое на латинской земле. Латины посчитали это бремя нестерпимым и постановили, чтобы священный плод виноградной лозы принадлежал Юпитеру. Эту мысль подал им Асканий, после чего латины, ободряя друг друга, призывая к борьбе и моля богов разделить с ними опасную долю, в безлунную ночь совершили вылазку из города. 3. Тотчас же они обрушились на ту часть лагеря врагов, что была расположена ближе всего к городу и являлась передовым укреплением остального войска. Он был разбит на хорошо защищенной местности, и в нем находился цвет тирренской молодежи, которым предводительствовал сын Мезенция по имени Лавс. Внезапным приступом латины Аскания с легкостью овладели этим оплотом. После захвата сего укрепления неприятель в лагере на равнине, увидев неурочные огни и услышав вопли гибнущих людей, бросил лагерь и устремился с равнины в горы. 4. Тотчас всех охватило сильное смятение и начался переполох, обычный при ночном передвижении войска, так все боялись, что на него внезапно нападут враги, пока оно в беспорядке и при расстроенных боевых рядах. Когда же латины захватили внезапным натиском крепость и обнаружили, что остальное войско врагов рассеяно, они обрушились на них, сея смерть и преследуя. Никому из тирренов не пришлось в голову не то чтобы проявить боевой дух и сопротивляться, но даже осознать, в каком тяжком положении они очутились. От смятения и неразберихи одни погибали, бросаясь с круч, другие попадали в плен, застревая в непролазных ущельях, большинство же, не узнавая друг друга во тьме, всех и вся принимали за врагов, а потому гибли страшной смертью от рук своих же. 5. Мезенцию удалось захватить с горсткой людей какой-то холм, где он узнал о судьбе сына. Но когда от

недостатка припасов он лишился всего войска на том самом пяточке, где он закрепился, он принялся слать гонцов в Лавиний для мирных переговоров. Асканий счел положение безопасным и посоветовал латинам решить его судьбу по-хорошему. Поэтому, заключив перемирие, Мезенций удалился вместе с остатками войска, и с той поры навсегда прекратил вражду и сделался надежным другом латинов.

LXVI. На тридцатый год после основания Лавиния сын Энея Асканий закладывает новый город, согласно явленному Энею знамению, и переводит как жителей Лавиния, так и часть других латинов, кто возжелал лучшей доли, во вновь созданное поселение, назвав его Альбой¹⁷⁹. А на эллинском языке Альба значит «Белая»; и чтобы легче было отличить название города от одноименного другого, то его обозначили по его форме. Таким образом, название города оказалось сложным из двух — Альба Лонга, или «Белая Длинная». 2. Ныне она в запустении, ибо в правление римского царя Тулла Гостилия Альба Лонга была разгромлена, потому что вступила в распрю с колонией из-за верховенства; но население ее принял Рим, уничтоживший метрополию. Но это произошло гораздо позже; в самом же начале заселения город был выстроен между горой и озером, и они служили как бы оборонительной стеной города, делающей его неприступным. Ведь гора в тех краях очень кряжистая и высокая, а озеро глубокое и широкое, и равнина принимает его словно через открытые ворота, так что люди пользуются водой вдоволь. 3. А раскинувшиеся вокруг долины — дивные на вид, плодородные и обильные виноградом и всяческими плодами, нисколько не уступающими дарам природы остальной Италии. Особенно же славится Альбанское вино, сладкое и вкусное, оно превосходит по своим качествам все прочие, за исключением, разумеется, небезызвестного Фалернского.

LXVII. Во время основания города случилось, как говорят, великое чудо. После того как в неприступном месте был сооружен храм для богов, статуи которых Эней вывез из Троицы и водрузил в Лавинии, а затем кумиры были перенесены во внутреннее помещение святилища, с наступлением ночи — при том, что двери были заперты, стены ничуть не повреждены и крыша не тронута — они были обнаружены поставленными на прежних постаментах в Лавинии. 2. А когда их опять переправили из Лавиния с молитвами и умиловительными жертвами, они вновь заняли прежнее положение. И люд терялся в догадках, как поступить в подобных обстоятельствах, не желая ни разделить людей и богов на две части, ни вернуться на покинутое поселение. Вдруг их осенила мысль, способная утолить обе возможности: позволить богам пребывать на старом месте, а людей для попечения о них, возвратить из Альбы в Лавиний для проживания. И были выделены шестьсот блюстителей священнодействий, которые перебрались обратно вместе со своими домочадцами. Предводителем их был назначен Эгист. 3. Именуют же римляне этих богов Пенатами. Перелагая их

¹⁷⁹ Альба обычно фигурирует у других авторов как Альба-Лонга. Остатки поселения VIII—начала VII в. до н.э. — около совр. Кастель Гандольфо в Альбанских горах.

имя на греческий язык, одни толкуют их «Отечественными», другие — «Родовыми», третьи видят в них «Основателей», иные — «Внутренних», а прочие переводят как «богов Домашнего очага». Но складывается впечатление, что каждый нарицает их по чему-то близкому ему самому, и сдается, что все подразумевают одно и то же. 4. Вид и форму кумиров описывает Тимей: это железные и медные жезлы и троянские глиняные сосуды, которые установлены в качестве святынь в заповедном месте в Лавинии, — а узнал он об этом от местных жителей. Я же лично полагаю, что не следует глазеть всем на все и расписывать все, что узрели, и не полезно слушать всяческие рассказы от выдавших. И я негоую на охотников совать нос, куда не следует, и разузнавать больше дозволенного обычаем.

LXVIII. Но то, чему я сам был очевидцем и без всякой опаски могу поведать об этом, состоит в следующем: в Риме недалеко от Форума по кратчайшей дороге, ведущей к Каринам¹⁸⁰, возведен храм, довольно угрюмый и небольшой, а место на тамошнем¹⁸¹ языке зовется Велней. Вот там-то находятся изображения троянских божеств, которые открыты для обозрения, а сопроводительная надпись сообщает, что это и есть Пенаты¹⁸². 2. Они представляют собой двоих сидящих юношей с копьями, которые являются творениями древнего мастерства. Мы лицемерили в древних святилищах немало иных изображений тех же богов, но всегда в виде двух юношей в облике воинов. И действительно, видеть их можно, а узнать и сообщать о них следует то, что рассказывает Каллистрат¹⁸³, оставивший сочинение о Самофраккии, и Сатир¹⁸⁴, собравший древние предания, а также многие другие, старейшим из которых, как мы знаем, был поэт Арктин¹⁸⁵. 3. Так вот, передают следующее: дочь Палланта Хриса, выданная замуж за Дардана, принесла в качестве приданого

¹⁸⁰ Карины — римский квартал между Священной дорогой и Эсквилином, в конце Республики считался богатым, аристократическим.

¹⁸¹ Т.е. на латинском языке.

¹⁸² Пенаты — божества-покровители: дома, семьи, римской общины в целом — так называемые *Penates Publici*. Согласно преданиям, священные изображения последних привез из Трои Эней. Хранились они потом в храме Весты, в количестве двенадцати. Они считались особо почитаемыми богами, подобно тому как это имело место у греков, латинов из Габий, троянцев, этрусков и др. Но состав их у римлян в разных источниках варьируется, однако всегда включает Диоскуров, т.е. Кастора и Поллукса. Сам культ Пенатов возник в Лации в древнейшее время, но получил развитие под влиянием троянцев.

¹⁸³ Каллистрат, Домиций — видимо, из римских вольноотпущенников. От его сочинения сохранились отдельные отрывки.

¹⁸⁴ Сатир — трудно определим. Под этим именем известны два писателя: один — автор греческих эпитаграмм, другой — философ-перипатетик (II в. до н.э.), создавший несколько произведений, в том числе биографии знаменитых греческих политиков и деятелей культуры.

¹⁸⁵ Арктин (VII–VI вв. до н.э.) — автор двух утраченных так называемых циклических поэм, развивавших отдельные сюжеты гомеровского эпоса, к примеру, в «Эпикоиде» говорилось о победах и смерти Ахилла, в «Разрушении Илиона» — о троянском коне и гибели Трои.

дары Афины: Палладий и святыни великих богов, будучи сама сведущей в обрядах этих таинств. Когда же аркадцы, спасаясь от наводнения, покинули Пелопоннес и обосновались на острове «Фракия», Дардан поставил там святилище этих богов, сокрыв от других людей их собственные имена, и учредил мистерии в их честь, которые совершаются самофракийцами вплоть до данного времени. 4. Когда Дардан перевел большую часть народа в Азию, то предоставил святыни богов и мистерии пожелавшим не покидать остров, Палладий же и изображения божеств он собрал и увез с собой. Гадая о выборе поселения, Дардан среди прочего и по поводу сохранности святынь получил любопытный оракул:

*В город, который ты заложил,
Доставь предметы вечные почитания
И блюда их с помощью стражи, и жертв, и хоров.
Пока на нашей земле будут стоять эти святыни,
Дары твоей дочери Зевса для супруга,
Город твой останется невредим на вечные времена.*

LXIX. Дардан в городе своего имени выделил специальные места для хранения святынь. Когда же основал позднее поселение Илий¹⁸⁶, святыни были перенесены туда потомками Дардана. А илионцы воздвигли для них храм и священный участок на вершине неприступной горы и стерегут его с величайшим тщанием, на какое только способны, рассуждая, что они ниспосланы им богами в качестве залога спасения города. 2. После того как была захвачена низовая часть Трои, Эней продолжал удерживать крепость и спас из неприступных укрытий святыни великих богов и Палладий¹⁸⁷, еще сохранный (ведь, существуют домыслы, что следующей ночью проникнув в Илион, его выкрали Одиссей с Диомедом). Эней же вынес Палладий, покидая город, и доставил его в Италию. 3. По словам же Арктина, Дардану Зевсом был дарован единственный Палладий, именно он был сокрыт в неприступном убежище и оставался в Илионе вплоть до падения города. А копия его, изготовленная с целью обмануть злоумышленников, ни в чем не отличалась от оригинала и выставлялась открыто, ее-то и похитили злокозненные ахейцы. 4. Итак, я следую помянутым выше авторам, святыни доставленные Энеем в Италию были изображениями великих богов, которых из всех эллинов более всего почитают священнодействиями самофракийцы, а также Палладием, который, как известно, хранят святые девы. Он находится в храме Весты¹⁸⁸,

¹⁸⁶ Илий, или Ил — сын Троса, по разным версиям правнук или сын Дардана и отец Лаомедонта, царя дарданов. По велению Зевса он основал в Малой Азии, там, где остановилась корова, подученная им в награду за победу в атлетических состязаниях, город, названный по его имени Илионом, или Троей.

¹⁸⁷ Палладий — обычно резные из дерева фигурки богов-покровителей города, ниспосланные Зевсом. Считалось, что в Трое их было две, одну из которых увез Эней в Италию; это статуя Афины Паллады, которая и дала имя святыне.

¹⁸⁸ У Дионисия Гестия — греческого аналога Весты, богини очага римской общины и каждого отдельного дома.

где поддерживается неугасимый огонь, о чем будет сказано в свою очередь. Все же остальное в сравнении с изложенным, для нас, непосвященных, сокрыто мраком. А потому ограничимся сказанным о троянских святынях, и этого будет довольно.

LXX. По завершении на тридцать восьмом году царствования Аскания правление принял его брат Сильвий, родившийся уже после смерти Энея от дочери Латина Лавинии. Поговаривали, что его воспитывали в горах пастухи. 2. Ведь после того как Асканий вступил на царствование, Лавиния, будучи в тягости, опасалась какой-либо каверзы с его стороны, поскольку приходилась ему лишь мачехой. Поэтому она вверила себя попечению некоего Тиррена¹⁸⁹ из царских свинопасов. Она знала, что он слыл самым близким советником у Латина. Тиррен же отвел ее в непролазный лес, словно простолюдинку, из опасения, как бы не углядели знакомые. Там он содержал ее в срубленном им домишке в мало кому известной лесной долине. Родившееся у неё дитя Тиррен забрал к себе и стал воспитывать, нарекиши его Сильвием от слова «лес», что на эллинском языке звучит как «Лесовик». 3. По прошествии срока он проведал, что латины сбились с ног в поисках царицы, а в глазах простонародья на Аскании лежит вина за убиение младенца. Тогда Тиррен раскрыл народу правду и привел Лавинию вместе с ребенком из леса. Таким вот образом благодаря уготованной ему необычайной судьбе Сильвий обрел означенное имя, а после него и весь его род. Когда его брат скончался, возникло сомнение в правах на царство одного Юла, старшего из детей Аскания, считавшего себя достойным принять отеческую власть. 4. Но народ вынес справедливое решение не без влияния всяческих соображений и более всего того, что мать Сильвия была единственной наследницей царства. Юл же вместо царской власти был наделен некой священной силой и почетом, как для безопасности свойственной монархии, так и для приятной жизни¹⁹⁰, чем еще и в мою пору пользуется пошедший от него род Юлиев. Род этот прославился величием и вместе с тем стал блистательнейшим из всех родов, какие мы знаем. Он дал самых выдающихся полководцев, доблести которых не позволяют усомниться в их благородном происхождении. Подробнее о них будет рассказано в другой книге.

LXXI. Сильвий двадцать девять лет находился у власти. Сын его, Эней, унаследовал ее и царствовал тридцать один год. А вслед за ним пятьдесят один год правил Латин; затем тридцать девять лет — Альба; после же Альбы двадцать шесть лет — Капет; потом двадцать восемь лет — Капис. А после Каписа около тринадцати лет владел тронем Кальпет. 2. Его сменил Тиберин, который процарствовал всего восемь лет. По слухам, он погиб в бою у реки и был унесен ее потоком. В память об его имени

¹⁸⁹ Имя или этноним «Тиррен» стоит в первом парижском (1546 г.) издании (Стефана) «Римской археологии»; Гелений (1586 г.) читает «Тириец», но в рукописях встречаются «тиранн» и *στύρρινω*, т.е. «встречный».

¹⁹⁰ Вероятно, имеется в виду сан Великого понтифика, которым обладали Юлий Цезарь и Октавиан Август, что здесь звучало бы как анахронизм.

река получила название Тибр, вместо прежнего — Альбула. Потомок Тиберина, Агриппа, властвовал сорок один год. 3. Вслед за Агриппой в течение девятнадцати лет власть пребывала в руках Аллодия, который отличался тираническими поведенческими и был ненавистен даже богам. Презирая все божеское, он велел изготовить некие подражания молниям и механизмы, издававшие шумы, подобные громам. Они использовались по его требованию для устрашения людей, будто бы их насылало божество. Когда же настоящие ливень и молнии поразили его жилище, а озеро, на берегу которого, как получилось, стоял его дом, словно по волшебству, вышло из берегов, Аллодий потонул и погиб со всеми домочадцами. И теперь еще, когда определенный участок озера просвечивает, а вода схлынет, а рябь устоится, то на дне видны обломки колоннад и другие руины. 4. От Аллодия власть перешла к Авентину, по которому получили имя один из семи холмов Рима. Он удерживал ее тридцать семь лет, а вслед за ним Прока — двадцать три года. Затем Амулий неправым образом отнял царскую власть у Нумитора, который приходился ему старшим братом, и правил сорок два года. 5. Когда же Амулий был свергнут Ромулом и Ромом¹⁹¹, родившимися от священной девы, как вскоре будет сказано, то власть по закону вернулась к Нумитору, делу этих юношей по матери. А в следующем году правления Нумитора и на четыреста тридцать второй год после взятия Илиона альбанцы, выслав колонистов под водительством Ромула и Рома, основывают Рим в первый год седьмой Олимпиады, в которой победил в беге на стадий Даикл Мессенский, в то время как у афинян архонтом был Хароп в первый год десятилетия¹⁹².

LXXII. Поскольку существует много разногласий относительно как времени, так и основателей Рима, мне и самому кажется, что не следует без предварительных замечаний подступать к рассказу, как если бы все были согласны. Так, Кефалон Фергитий, писатель очень древний, сообщает, что город был основан при втором поколении после Илионской войны людьми, спасшимися из Илиона вместе с Энеем; а основателем он объявляет предводителя колонии Рома, который был одним из детей Энея. По словам Кефалона у Энея было четверо детей — Асканий, Эврилеон, Ромул и Ром. Демагор¹⁹³ же, Агатилл и многие другие согласны с ним в отношении как времени, так и личности основателя колонии. 2. Но создатель¹⁹⁴ истории жриц Аргоса и событий, происходивших при каждой, утверждает, что Эней прибыл в

¹⁹¹ В латинской традиции — не Ром, а Рем.

¹⁹² Греческое летосчисление основывалось на Олимпиадах. Общегреческие спортивные состязания в Олимпии проходили начиная с 776 г. до н.э. раз в четыре года, значит, первый год седьмой Олимпиады соответствует 752 г. до н.э. В Афинах сверх того существовал счет времени по архонтам — должностным лицам, составлявшим выборную коллегию, и год именовался по архонту-эпониму. Первоначально архонты выбирались лишь из родовой аристократии сроком на 10 лет.

¹⁹³ Демагор Самосский — видимо, автор труда о Самофракии и Трое, Агатилл Аркадский — поэт (см.: Дионисий. I. 49. 2). Биографические сведения о них отсутствуют.

¹⁹⁴ Автором этого труда был Гелланик Лесбоский (V в. до н.э.). См. I. 22. 3.

Италию вместе с Одиссеем от молоссов¹⁹⁵ и, стал основателем города, а назвал его по одной из троянок Ромой¹⁹⁶. Именно она, продолжает он, устав от блужданий, подговорила остальных троянок сообщать сжечь корабли. С ним соглашается Дамаст Сигейский¹⁹⁷ и некоторые другие. 3. Но философ Аристотель дает свое толкование, что некоторые из ахейцев, возвращавшиеся из-под Трои, после того как обогнули мыс Малею¹⁹⁸, были застигнуты суровой бурей и сбитые с пути гонялись ветрами по волнам туда и сюда, наконец, достигли того самого места Опика¹⁹⁹, которое простирается вдоль берега Тирренского моря и называется Латинием²⁰⁰. 4. Исполнившись радости при виде земли, они выволакивают на берег корабли и зимуют, готовясь к дальнейшему плаванию с наступлением весны. Но после ночного поджога кораблей они лишились возможности сняться с места, а потому против воли и по нужде они обосновываются в том краю, где оказались. Приключилось с ними это из-за пленных женщин, которых они увезли из Илиона. Они-то и спалили суда из страха, что по возвращении ахейцев домой им предстоит рабство. 5. Каллиас же, описавший Агафокловы деяния, упоминает, что какая-то троянка Рома из прибывших вместе с другими троянками в Италию вышла замуж за Латина, царя аборигинов, и родила ему трех детей — Рома, Ромула и Телегона²⁰¹... которые заложили град и нарекли его именем матери. Писатель Ксенагор²⁰², сообщает, что у Одиссея и Кирки²⁰³ родилось трое сыновей — Ром, Антей и Ардей, которые основали каждый по городу и дали им свои имена. 6. А Дионисий Халкидский²⁰⁴ объявляет основателем города Рома и заявляет, что он, по одним версиям, был сыном Аскания, по другим — Эматона²⁰⁵.

¹⁹⁵ Молоссы — одно из греческих племен, обитавшее первоначально в Фессалии, а затем в Эпире.

¹⁹⁶ По другой версии, название Рима происходит от Ромула (см.: *Ливий*. I, 7, 2), что ставится под сомнение современной наукой.

¹⁹⁷ Дамаст Сигейский, сын Диоксиппа (V в. до н.э.) — географ и историк, считается учеником Гелланика Лессбоского. Труды Дамаста не сохранились, известны лишь примерно их названия: «Каталог (или Перипл?) народов и городов», «О событиях в Элладе», «О предках и потомках сражавшихся в Илионе», «О поэтах и софистах».

¹⁹⁸ Малея — мыс на юго-востоке Пелопоннеса, являющийся отрогом хребта Парнона.

¹⁹⁹ Опика — страна опиков, или осков, близких по языку латинам.

²⁰⁰ В рукописях чтение варьируется: Λάτιον — по Стефану, Λαούτιον — по Киссингу. Таким образом речь идет о Тирренском побережье Лация.

²⁰¹ В оригинале здесь лакуна.

²⁰² Ксенагор — автор произведений исторического и, видимо, географического характера «Времена» или «Прошлое» и «Об островах», от которых остались незначительные фрагменты. Время жизни неизвестно.

²⁰³ Кирка, или Цирцея — в греческой мифологической традиции волшебница, дочь солнечного бога Гелиоса, обольстившая Одиссея, удерживавшая его на своем острове и родившая ему сына Телегона.

²⁰⁴ Дионисий Халкидский — автор сочинения, посвященного основанию городов, сохранившегося в нескольких отрывках. Предположительное время жизни — IV в. до н.э.

²⁰⁵ Эматон — согласно греческой мифологии сын богини зари Эос, пал от руки Геракла.

Но есть и такие, кто уверяет, будто Рим был основан Ромом, сыном Итала, а матерью его была Левкария²⁰⁶, дочь Латина.

LXXIII. Хотя можно привести мнения многих других эллинических писателей, которые по-разному именуют основателей города, дабы не показаться многоречивым, я перейду к писателям римским. Так вот, у римлян нет ни одного старинного писателя или логографа²⁰⁷. Однако сохранились древние писания на священных таблицах, и каждый потом в своих сочинениях что-либо заимствовал из них. 2. Одни утверждают, что основателями Рима являются Ромул и Ром, сыновья Энея; другие же — что они являлись детьми дочери Энея, не уточняя отцовства, и уверяют, что они были даны Энеем царю аборигинов Латину в качестве будущих заложников, когда у местных жителей с чужестранцами будут заключены договоры о доверии. Латин же полюбил их, окружал всяческими заботами и, умирая без мужского потомства, оставил их преемниками своей власти над какой-то частью страны. 3. Другие же отстаивают мнение, что после смерти Энея Асканий, став единоличным властителем над латинами, разделил страну и власть на три части между собой и братьями — Ромулом и Ромом. Сам он основал Альбу и другие небольшие города; Ром — Капую, названную по имени прапрадеда Каписа, Анхису — по пращуре Анхису, Энейю (позднее ставшую Яникулом) — по отцу, и Рим, наименованный по себе самому²⁰⁸. Рим на какое-то время был покинут, но после того как появилась новая колония, которую вывели альбанцы во главе с Ромулом и Ромом, город принял свое древнее имя. Таким образом, Рим был основан дважды: в первый раз спустя немного времени после Троянских событий, а во второй — через пятнадцать поколений после первого. 4. Если же кому-нибудь придет охота заглянуть еще дальше вглубь веков, то он сможет обнаружить и третий Рим, еще древнее первых двух, и возникший раньше, чем Эней и троянцы явились в Италию. Но об этом не поведал никто ни из старинных, ни из современных писателей, а только Антиох Сиракузский, о котором я упомянул ранее. Он уверяет, что в царствование в Италии Моргета — а Италией называлась тогда прибрежная страна от Таранта до Посейдонии — явился к нему некий беглец из Рима. И рек он следующее: «Когда Итал состарится, воцарится Моргет. А к нему прибудет беглец из Рима. Имя ему — Сикел». 5. Действительно, согласно сиракузскому историку, существовал какой-то древний Рим, предшествовавший троянской эпохе.

²⁰⁶ Кислинг приводит другое чтение: «Электра» и «Левктра».

²⁰⁷ Логографы — греческие историки VI–V вв. до н.э., преимущественно происходившие из Ионии (т.е. городов Малой Азии и прилегающих островов). Источником для них служили мифы, к которым они относились с доверием, предметом их интереса были история отдельных городов либо родословные мифических героев. Древнейшим из видных логографов был Гекатей Милетский (ок. 540–478 г. до н.э.), автор «Генеалогий» и «Землеописания», к младшему их поколению принадлежал Гелланик Лесбосский, автор «Генеалогий», а также истории Афин, открывший список писателей, специально писавших об Аттике, т.е. аттидографов.

²⁰⁸ Видимо, здесь выпало звено античной традиции об участии Ромула и Рема в первом основании Рима.

Я лично не могу прийти к определенному выводу, так как Антинох оставил неясным, стоял ли он в тех самых краях, где ныне находится заселенный город, или иное место носило такое название. Как бы то ни было, я полагаю, что вполне достаточно высказался по поводу древних оснований Рима.

LXXIV. Тимей Сицилийский, не знаю, на основании каких источников, передает, что возникновение последнего по времени поселения Рима или его основание, или как бы иначе ни назвать это событие, произошло одновременно с основанием Карфагена²⁰⁹ за триста восемь лет до первой Олимпиады. Луций же Цинций²¹⁰, муж из сенаторского совета, относит его примерно к четвертому году двенадцатой Олимпиады, а Квинт Фабий²¹¹ к первому году восьмой Олимпиады. 2. Порций Катон, не разделяя эллинского летоисчисления, но как никто заботясь о собирании фактов древней истории, заявляет, что основание произошло позже Троянских дел на четыреста тридцать два года. Срок этот, согласно «Хронографиям» Эратосфена²¹², падает на первый год седьмой Олимпиады. А о точности используемых Эратосфеном канонных летоисчисления и о порядке соразмерения римских дат с эллинскими, изложено у меня в другой истории. 3. К тому же я не счит оправданным, как Полибий Мегалополец²¹³, ограничиться только заявлением, что убежден, будто Рим основан на втором году седьмой Олимпиады, и оставить без внимания доказательство, содержащееся в одной-единственной таблице, хранящейся у жрецов²¹⁴. Но я решил в центр внимания поставить свои обоснования, которые окажутся полезными для желающих разобраться в данном вопросе. 4. Так вот, в той таблице содержится точное указание, но подробности о выводах, заключенных в ней, воспоследуют далее. А дело обстоит таким образом: нашествие кельтов, во время которого был захвачен

²⁰⁹ Основание Карфагена датируется 825 или 814 гг. до н.э.

²¹⁰ Имеется в виду Л. Цинций Агимент, (см. примеч. 12.), он дает 724 г. до н.э.

²¹¹ Старший анналист Квинт Фабий Пиктор дает, таким образом, дату — 744 г. до н.э.

²¹² Эратосфен Киренский — выдающийся ученый-математик, астроном, философ и географ III в. до н.э. Считается основателем географии как специальной науки. Создал много трудов, в том числе посвященных вопросам хронологии. Он датирует основание Рима 748 г. до н.э.

²¹³ Полибий (ок. 200 — после 120 г. до н.э.), родом из Мегалополя, сын стратега Ахейского союза Ликорты — крупнейший историк эллинистической эпохи. Проживал в качестве заложника в Риме, где был принят в круг образованной элиты, пользовался дружбой знатного, и талантливого деятеля П. Корнелия Сципиона Эмилиана Африканского Младшего, победно закончившего III Пуническую войну (т.е. войну с Карфагеном). Полибию принадлежат биография Филопемена в 3-х книгах, сочинение посвященное военной тактике, а также труд географического плана — о пригодности жизни в экваториальной зоне. Но сохранился в значительной части только его научный труд «Всеобщая история». Его дата основания Рима — 747 до н.э.

²¹⁴ Вероятно, текст этой таблицы входил в состав «Великих анналов» (Annales maximi), которые были собраны и опубликованы в 130 г. до н.э. П. Муцием Сцеволой. В основе «Великих анналов» лежали записи понтификов (см. примеч. 115), составлявших религиозный календарь и отмечавших знаменательные явления и примечательные события года.

город римлян, что признается почти всеми, произошло, когда архонтом в Афинах был Пиргион, иными словами в первом году девяноста восьмой Олимпиады. Период же от захвата до первых в Риме после ниспровержения царей²¹⁵ консулов Луция Юния Брута и Луция Тарквиния Коллатина, охватывает сто двадцать лет. 5. Еще более проясняют дело и многочисленные так называемые цензорские списки, которые передаются от отца к сыну и выше всего ценятся потомками как семейные святыни; и немало выдающихся мужей из цензорских семей хранят их. В этих заметках я нахожу двумя годами ранее захвата города цензовую перепись римского гражданства, в которой, как и в других, отмечено его время: «В консульство Луция Валерия Потита и Тита Манлия Капитолийского на сто девятнадцатом году после изгнания царей». 6. Как видим, кельтское нашествие, случившееся на второй год после того ценза, отстояло на сто двадцать лет от первого консульства. Поскольку данный период укладывается в тридцать Олимпиад, необходимо согласиться, что первые избранные консулы приняли власть, когда в Афинах архонтом был Исагор, т.е. на первом году шестьдесят восьмой Олимпиады.

LXXV. Так вот, время, исчисляемое от изгнания царей до первого правителя города Ромула, составляло двести сорок четыре года. Оно устанавливается по количеству царей и по времени правления каждого. Считается, что основатель города Ромула владычествовал тридцать семь лет. А после смерти Ромула город оставался без царя в течение одного года²¹⁶. 2. Затем Нума Помпилий, избранный народом, царствовал сорок три года. После же Нумы Тулл Гостилий правил тридцать два года. А вслед за ним царствовал двадцать четыре года Анк Марций. После же Марция Луций Тарквиний, прозванный Приском²¹⁷, находился у власти тридцать восемь лет. Наследовавший ему Сервий Туллий занимал трон сорок четыре года. Устранивший Сервия Луций Тарквиний, человек тиранического склада и заслуженно прозванный за надменность Супербом²¹⁸, удерживался у власти двадцать пять лет. 3. А поскольку исполнилось двести сорок четыре года правления царей и прошла шестьдесят одна Олимпиада, остается признать, что первый правитель города, Ромул, принял власть в первый год седьмой Олимпиады, когда в Афинах в первый год десятилетия архонтом был Хароп. Ведь это вытекает из подсчета лет. А число правления лет каждого из царей мне кажется точным, благодаря свидетельству таблицы, изложенному выше. 4. Таковы рассуждения о времени возникновения господствующего ныне города как моих предшественников, так и мои собственные. А кем являлись основатели Рима, какими судьбами они создали колонию и какая разногласица звучит при рассказах

²¹⁵ Изгнание царей из Рима и установление Республики датируется по эре Варрона 510/509 г. до н.э.

Дионисий датирует первое консульство 508 г. до н.э.

²¹⁶ Римляне называли такое время междуцарствием (interregnum).

²¹⁷ Приск в переводе с латинского — «Древний».

²¹⁸ Лат. *superbus* — «гордый, надменный, спесивый».

многих об этом событии, обо всем поведаю и я, но все же ограничиваясь наиболее правдоподобными сведениями. Начнем же так.

LXXVI. Приняв царствование над альбанцами, Амулий²¹⁹ отстранил старшего брата Нумитора от трона отцов, отняв у него власть насильно, высказав полное презрение ко всякой справедливости. Он совершил и другое злодеяние, замыслив в конце концов из страха перед неотвратимым возмездием и из желания никогда не потерять власть лишить дом Нумитора продолжения рода. 2. Давно задумав это, он сперва завлекает только еще взрослеющего сына Нумитора Эгеста в лес и подбивает на охоту, предварительно устроив в потайном месте засаду. Решившего же поохотиться племянника он приказывает убить и подстраивает все так, чтобы после злодеяния разнесся слух, будто юноша погиб от рук разбойников. Однако надуманная лож не заслонила Амулия от правды, которую он пытался скрыть, и у многих вопреки опасности достало смелости говорить о том, что было действительно содеяно. 3. Нумитор прознал об этом, но предпочтя расчет чувству, притворился, что ничего не ведает, решив отложить возмездие до более подходящего случая. Амулий же в уверенности, что преступления в отношении отрока остались сокрыты в тайне, совершает второе, вот какое деяние: дочь Нумитора Илию, а, как именуют ее некоторые, Рею и по прозвищу Сильвию, находящуюся в брачном возрасте, он назначает жрицей Весты²²⁰, так, чтобы она не вошла в сношения с мужчиной и не родила мстителей за свой род. Не менее пятилетнего срока²²¹ нужно было священным девам оставаться безбрачными. На них была возложена обязанность поддержания неугасимого огня, и все другие таинства, что были установлены законом и исполнялись девами ради общего блага. 4. Амулий же воспользовался для своих целей благовидным предлогом, как бы во имя чести и славы рода. Притом, он не сам вводил закон, а принудил брата последовать общему правилу, ведь в обычае (причем добром) у альбанцев было назначать служительницами Весты самых знатных девственниц. Нумитор же почувал, что брат руководствуется в этом отнюдь не лучшими побуждениями, но не стал проявлять гнев, чтобы не вызвать недовольства народа, и затаил в себе обиду за эту каверзу.

LXXVII. Четыре года спустя Илия посещает как-то священную рощу Марса²²² ради святой воды, которую она намеревалась использовать для жертвоприношений, и в этом святом месте подвергается насилию со стороны кого-то. Некоторые рассказывают, что это был один из женихов девушки, влюбленный в нее с детства.

²¹⁹ Амулий, согласно античной традиции, был братом четырнадцатого царя Альбо-Лонги Нумитора, деда Ромула и Рема по матери.

²²⁰ Жрицы Весты начинали впоследствии служение в 6–10 лет, сохраняя девственность, главной коллегией был Великий понтифик.

²²¹ Есть другие данные — тридцатилетний срок, поскольку далее (II. 67. 2) при Нуме было установлено время служения девственниц Весте в 30 лет. Впрочем, это могло быть нововведением именно Нумы.

²²² У Дионисия Арес — аналог римского Марса, бога войны и живительных сил природы.

Иные же сообщают, что это был сам Амуний, скорее не из похоти, а по злему умыслу, прикрытый доспехами, в которых он собирался выглядеть устрашающе, так что смог сделать свою известную всем внешность неузнаваемой. 2. Большинство же предпочитает сказ о явлении божества, которому принадлежала эта роща, и наряду с этим о многих других божественных знаменьях, возбуждающих чувства, а именно: о затмении солнца, о тьме и мраке в небе. Видение имело необычайно дивный облик, который превосходил человеческий статью и очарованием. И, говорят, что надругатель, утешая горюющую деву, произнес нечто такое, что прояснило его божественную сущность, — что нечего огорчаться из-за приключившегося, ибо она вступила в союз с божеством, владеющим этой местностью, и произведет на свет двух мальчиков, самых могучих среди людей по доблести и по воинственности. Изрекши такие слова, он окутался облаком и, оторвавшись от земли, вознесся ввысь. 3. Здесь не место решать, как же следует относиться к взглядам на это происшествие: то ли пренебречь ими как примером человеческого легковерия касательно богов (хотя божество не способно к какому-либо поступку, недостойному его бессмертной и блаженной природы), то ли принять эти предания как проявление смешанной сущности мироздания — т.е. о находящейся между богами и смертными некоей третьей природе, каковой является племя демонов, порой смешивающихся с людьми, порой — с богами, из чего, как говорят, рождается мифологический род героев. Как я уже сказал, тут не время рассуждать об этом, да и к настоящему времени философы достаточно высказались по этому поводу. 4. Так вот, после насилия девушка на людях выглядела немощной (необходимость такого поведения ей внушила мать ради ее безопасности и благочестия к богам), она уже не приближалась к святыням, но пребывала среди других дев, которые исполняли все те обязанности, что были возложены на нее.

LXXVIII. Амуний же, то ли зная о том, что случилось, то ли одолеваемый подозрениями о вероятном ходе дел, учинил следствие, по какой-токой причине происходит столь длительное воздержание племянницы от святынь, и пригласил наиболее доверенных знахарей. А когда женщины принялись растолковывать, что существует неведомая для мужчин хворь, он приставил к деве соглядатаем собственную жену. 2. Она-то сумела изобличить причину тягости девушки, с женской сообразительностью догадавшись о непонятном для мужчин, и сообщила об этом мужу. Тогда Амуний приставил к девушке вооруженную стражу, чтобы она не родила тайно, ведь она была на сносях. А сам он, призвав брата на совещание в сенате, стал обличать скрытую для остальных пагубу потери девственности и обвинять родителей в сообщничестве с ней, а также потребовал от Нумитора не прятать виновника и привести его на суд. 3. Нумитор возразил, что слышит чудовищные речи и что дочь неповинна в предьявленных прегрешениях. Он потребовал времени для выяснения истины. С трудом добившись отсрочки, Нумитор выведал подробности дела от своей жены, которая сообщила, что именно рассказала сама девушка. После этого он объявил о насилии, совершенном божеством, и сообщил о его словах по поводу рождения близнецов, а

также потребовал установить их истинность — окажется ли потомство после родов именно таким, как предсказал бог. Ведь дева вот-вот родит, так что, если она бесчестна, это скоро обнаружится. Поэтому он приставил к девушке прислужниц в интересах расследования, дабы ни одна из улик не была оставлена без внимания. 4. Во время речи Нумитора большинство сената склонилось к признанию правоты его доводов, но Амулий не признал его требования здоровыми, а изо всех сил старался погубить роженицу. Пока суть да дело, примчались отряженные наблюдать за родами и доложили, что дева произвела на свет младенцев — близнецов мужского пола. И Нумитор тотчас же в пространной речи объявил это делом бога и потребовал не подвергать девушку противозаконным карам, ибо она невиновна в своем позоре. Однако Амулию почудились какие-то людские махинации в связи с родами, будто бы кто-то из повитух тайком от стражи или при ее содействии подложил второго младенца, и он долго распространялся на этот счет. 5. Когда же члены сената уяснили, что царь преисполнен непреклонной решимости, они также осудили запятанную, как он того и требовал, т.е. что надлежит применить закон, предписывающий опозорившую свое тело весталку забить палками до смерти, а ее отродье выбросить в речной поток²²³. Теперь, однако, священный закон велит таких закапывать заживо.

LXXIX. До этого момента большинство писателей излагают почти одно и то же, склоняясь, одни к мифологическому варианту, другие к житейскому. Но в изложении последовавших событий они расходятся. 2. Ведь одни говорят, что дева была умерщвлена немедленно, другие — что она сгинула в неизвестной темнице, что дало народу повод подозревать о тайной казни. Амулий же был подвигнут на это из-за своей собственной дочери, которая умоляла его пощадить двоюродную сестру, ибо они вместе воспитывались, были ровесницами и любили друг друга, как родные сестры. И будто бы Амулий из любви к дочери, поскольку она была у него единственной, избавляет Илию от казни, но запирает ее в темницу. Однако со временем после смерти Амулия, она была освобождена. 3. Насколько древнейшие сказания об Илие разнятся друг с другом, настолько каждое содержит зернышко истины. Поэтому я и упомянул об обеих версиях, а какой нужно верить, пусть каждый из читателей решает сам. 4. О судьбе потомства Илии Квинт Фабий, прозванный Пиктором (ему следовали и Луций Цинций, Катон Порций, Пизон Кальпурний, и большинство других сочинителей) написал, что некие слуги по приказу Амулия, положили младенцев в корыто и отнесли к реке на расстояние от Альба-Лонги примерно в сто двадцать стадиев. 5. Приблизившись к Тибру, слуги застали его в разгар половодья вздувшимся от непрерывных бурь и затопившим долины. Они спустились с вершины Палантия к поднявшейся воде, — ведь они сумели приблизиться лишь к тому месту,

²²³ Именно такой вид казни весталки Минуции зафиксирован Ливием (VIII. 15. 8.) под 335 г. до н.э., Квинтилиан (Институции. 7. 8. 3) и Сенека (Контroversии. I. 3. 1.) упоминают о казни совершивших прегрешение весталок в виде сбрасывания их с Тарпейской скалы.

где разлив реки достигал предгорья, — и бросили корыто в воду. Корыто некоторое время держалось на воде, а затем вода немного отступила от залитых участков и корыто, зацепившись за камень, перевернулось, и младенцы вывалились из него. 6. Они лежали в образовавшемся болоте, хныча, но тут появилась недавно ошенившаяся волчица с налитыми млеко сосцами и вложила их в уста младенцев, принявшись слизывать языком грязь, в которой они полностью вымазались. Случайно в это время пастухи выгоняли стада на пастбище — поскольку луга уже обнажились для прохода, — и один из них, увидав как волчица ласкала младенцев, на какое-то время застыл с разинутым ртом от изумления, не веря глазам своим. Затем, он бросился прочь, собрал, сколько мог из людей, пасших поблизости скот, и повел их взглянуть на это чудо, ибо словам его не поверили. 7. Когда же и остальные пастухи приблизились и увидели, что волчица обходится с близнецами, как со своими детенышами, а они льнут к ней, как к матери, то они возомнили, что узрели нечто божественного рода, и всем скопом подступили поближе, пугая зверя криком. А волчица, не озлившаяся при виде людей, но словно ручная, спокойно отошла от младенцев и удалилась с полным безразличием к толпе пастухов. 8. Неподалеку имелось священное урочище, густо заросшее дремучим лесом, а в нем — поля скала с бьющими из нее родниками. Поговаривали, что роща принадлежит Пану и помещался там алтарь этого бога. В этом-то месте волчица и скрылась. Так вот, священная роща уже не существует, но пещера, из которой изливается струя, расположенная рядом с Паллантием по дороге, ведущей к Цирку²²⁴, еще виднеется. И поблизости расположен священный участок, где стоит бронзовое изделие старинной работы, изображающее это явление — волчица, протягивающая сосцы двум детям. Говорят, что это место считалось некогда самым священным у аркадцев, живших здесь с Эвандром. 9. Когда же зверь отошел, пастухи подбирают младенцев, и порываются их накормить, поскольку боги возжелали их спасти. Среди них был один добродетельный человек, смотрящий за царскими свинными хлевами, по имени Фаустул, который оказался в городе по какой-то надобности как раз тогда, когда обнаружили погибель Илии и рождение детей. Когда после этого младенцев доставляли к реке, он шел по той же самой дороге вслед за несущими их, держа путь по божескому наитию к Паллантию. Смешавшись с прочими и делая вид, будто бы в неведении об обстоятельствах дела, он просит уступить ему младенцев, с общего согласия забирает их у пастухов и относит жене. 10. Застав ее после родов и опечаленную, поелику ребенок оказался мертвым, он утешает ее и взамен него как бы подменяет его детьми, поведав с самого начала всю постигшую их судьбу. Когда они подросли, он дает имена — одному Ромул, другому Ром. Возмужав, они внешней статью и остротой ума выказали себя не свинопасами, не пастухами, но всякий готов был отнести их к царскому роду или считать

²²⁴ Дионисий называет Великий цирк ипподромом, он расположен в низине между Палатином и Авентином.

их порождением божественного семени, как распевается еще и теперь римлянами в отечественных гимнах. 11. Но жизнь они вели пастушескую и пропитание добывали собственным трудом, живя в горах в хижинах, которые они построили из дерева и покрыли камышом. Одна из них стояла еще в мое время на крыже Паллантия, обращенном к Цирку. Называется она Ромуловой, ее как святыню охраняют те, в чье попечение она входит. И ничего в ней не утрачивают, но чинят ее и возвращают ей прежний облик, буде в ней что-нибудь приходит в негодность от непогоды и времени. 12. Когда же близнецам исполнилось около восемнадцати лет, у них возник спор с пастухами Нумитора, которые держали загоны вокруг Авентина, — холма прямо напротив Паллантия. Они нередко обвиняли друг друга то в делении пастбища ненадлежащим образом, то в том, что только одна группа занимает общий луг, то в чем-то еще. И из-за этих перепалок вспыхивали драки то в рукопашную, а то и с оружием. 13. Люди же Нумитора, получив множество увечий от юношей и потеряв нескольких своих людей и будучи изгнаны уже силой соперников с этой земли, стали строить козни против них. Они устроили засаду в скрытой части долины и, условившись о времени нападения с теми, кто поджидал юнцов в засаде и остальные целой толпой ночью набросились на их загоны. Так вышло, что Ромул в это самое время вместе с наиболее уважаемыми из поселян направился в местечко под названием Ценина, собираясь справить там священнодействия на общее благо в соответствии с обычаями отечества. 14. Ром же, проведав о нападении противников, быстро схватил оружие, собрал немногих из поселян и бросился на выручку брату. Но враги уклоняются от боя с ними и отступают туда, куда хотели, чтобы, развернувшись в удобном для себя месте, напасть на преследователей. Ром же, не подозревая до поры до времени об их кознях и преследуя их, минует место засады, тотчас же оттуда выскакивают люди, а бегущие разворачиваются назад. И все они, окружая соратников Рома и забрасывая их градом камней, захватывают в полон попавших в их руки, так как они получили приказание от хозяев доставить юношей живыми. Вот таким образом схваченный Ром и был ими уведен.

LXXX. А как пишет Элий Туберон, почтенный муж, старательно собиравший сведения по истории, люди Нумитора, узнав, что юноши собираются праздновать посвященные Пану²²⁵ Луперкалии²²⁶ по аркадскому обычаю, который установил Эвандр, и устроили засаду, подгаданную ко времени, когда полагалось, чтобы живущие вокруг Паллантия юноши, принеся жертву и выйдя из Луперкала, нагими обежали селение, прикрыв стыд свежими шкурами жертвенных животных. Эта церемония служила неким очищением поселян, и оно совершается и поныне. 2. Вот тогда-то

²²⁵ Пан — греческое божество, сын Гермеса и какой-то нимфы, имел звероподобный облик: волосатое тело, козьи рожки и ноги, считался богом лесов, хранителем стад и позднее покровителем пастухов.

Римляне в этой функции сближали с ним Фавна.

²²⁶ Греческому празднеству «Ликея» аналогом являются «Луперкалии».

пастухи и сделали в теснине засаду юношам, отправлявшим священные обряды; когда же появился перед ними первый отряд во главе с Ромом — остальные же, которые были с Ромулом, а также третьи, запаздывали (они были разделены на три отряда и бежали на расстоянии друг от друга), — то не дожидаясь этих отставших, пастухи двинулись против первых, с дружным кличем окружив их, и забросали их кто дротиками, кто камнями — что у кого оказалось под рукой. Будучи приведенными необычайным нападением в замешательство и не зная что делать, сражаясь безоружными против вооруженных, близнецы со товарищи были с легкостью пленены. 3. Затем Ром, оказавшись в руках врагов, как передал Фабий, был в оковах препровожден в Альбу. Когда Ромул узнал о беде брата, то вознамерился тотчас преследовать похитителей с самыми отборными пастухами, чтобы перехватить Рома еще в пути. Но его удержал от такого шага Фаустул. Он видел, что рвение юноши слишком безрассудно. Считаясь их отцом и сохраняя до сих пор для отроков тайну, он поступал так, чтобы они не отважились быстро на что-либо рискованное, прежде чем вступят в пору расцвета. Но теперь Фаустул, побужденный необходимостью, рассказал обо всем Ромулу наедине. 4. Когда же юноша узнал подробности о постигшей их участи, с самого начала он был тронут страданиями матери и заботами Нумитора. Поэтому после многократных бесед с Фаустулом он решил удержаться от немедленного броска, но подготовив силы побольше, освободить всю свою семью от беззакония Амулия. И он отважился на крайний риск за величайшие награды судьбы и уже вместе с дедом по матери совершить то, что тому показалось бы угодным.

LXXXI. Когда Ромул решил, что так будет лучше всего, он созвал всех поселян и попросил их поспешить изо всех сил в Альбу, но не входить всем вместе в одни и те же ворота, дабы у находящихся в том городе не возникло никакого подозрения, а затем дожидаться на площади и быть готовыми выполнить любое приказание, после чего сам он первым отправился в город. 2. Тем временем те, кто вел Рома, представили его царю и начали рассказывать про все оскорбления, полученные от близнецов. Они выставляли свои раны, грозясь покинуть загоны, если не добьются отмщения. Амулий же, возжелав угодить как сошедшейся толпе, так и Нумитору (тот случайно присутствовал там и разделял негодование вместе с клиентами²²⁷), а также стараясь, чтобы в стране был мир и вместе с тем с подозрением глядя на самонадеянность юноши, в чьих словах сквозила непреклонность, изрекает такой приговор: назначить Нумитора ответственным за наказание Рома, говоря, что лучше всего, чтобы совершивший ужасное деяние претерпел бы за это не от кого иного, как от пострадавшего. 3. Пока пастухи Нумитора вели Рома со связанными сзади руками и осыпаемого оскорблениями, сопровождавший их Нумитор был поражен какой-то царственной

²²⁷ Клиенты — люди, которые искали и обретали покровительство богатых или знатных патронов и становились зависимыми от последних. Социальный состав клиентов с течением времени менялся. Узы патроната-клиенты считались священными, нерушимыми.

красотой тела юноши и заметил благородство духа, которое тот сохранил в тяжелых обстоятельствах, не взывая к жалости, не проявляя назойливости, как поступают все в подобных случаях, но шел навстречу своему жребию в благопристойном молчании. 4. Когда же они добрались до своего поселения, Нумитор, приказав прочим удалиться, спросил оставшегося с ним наедине Рома, кто он и из каких, так как он способен оказаться не тем человеком, кем был. На это Ром отвечал, что знает от своего воспитателя лишь то, что он с братом-близнецом еще младенцем был выброшен в лес сразу после рождения и воспитан, подобранный пастухами. Помедлив немного после краткого раздумья, Нумитор, то ли заподозрив толику правды, то ли по внушению божества, для прояснения дела говорит ему: 5. «То, что ты оказался передо мной, Ром, дабы претерпеть, что бы я тебе ни присудил, и так как доставившие тебя сюда много ущерба понесли от твоих рук и свято уверены, что ты должен умереть, — все это понимающему человеку объяснять не надо. Если же я избавляю тебя от казни и всякого другого наказания, почувствуешь ли ты ко мне благодарность и поможешь ли мне в нужде, что послужит общему благу для нас обоих?» 6. Отрок в ответ заявил, что надежда на спасение вдохновляет лишенного ее все говорить и обещать владыкам. Нумитор, повелев освободить его и всем уйти прочь, знакомит его со всеми перипетиями собственной судьбы: как его брат Амулий, лишив его царства и отнял у него детей, тайно умертвив сына на охоте и заключив дочь в темницу, а кроме того совершал все прочие злодеяния, обращаясь с ним, как господин с рабом.

LXXXII. Выказав это и пролив много слез вместе со словами, Нумитор начал просить, чтобы Ром сделался мстителем за все бедствия, причиненные его семье. После того как юноша охотно принял его предложение и потребовал, чтобы тот немедленно приступил к делу, Нумитор похвалил его пыл и сказал: «Я выберу подходящее время, а ты пока походи брату тайно от всех других весть, давая знать, что ты жив, и требуя, чтобы он явился как можно скорее». 2. Вслед за ним находят и отправляют того, кто способен добросовестно выполнить службу. Тот же, встретив недалеко от города Ромула, разъясняет доверенную ему весть. Ромул же возрадовался и устремился к Нумитору. Заключив обоих в объятия, он сначала приветствует их, а затем рассказывает о том, как его с братом выбросили и воспитали и обо всем прочем, что он узнал от Фаустула. А так как остальные ждали, чтобы история оказалась правдой, то нуждались в немногих свидетельствах, чтобы поверить, и рассказ был им в радость. Когда же они узнали друг друга, то сразу условились обо всем и стали раздумывать, каким способом и случаем удобнее предпринять нападение. 3. Пока они занимались этим, Фаустула отводят к Амулию. Поскольку он из опасения, как бы Нумитору не показалось неправдой, то, что говорит Ромул, который оказался обличителем столь важного дела без достаточных доказательств, захватив в качестве свидетельства корыто, в котором выбросили младенцев, вскоре поспешил в город. 4. Но когда он проходил в большом смятении через ворота и больше всего старался,

чтобы никто не понял, что он несет, его заметил один из стражников (так как из опасения перед нападением врагов ворота охраняли самые верные царю люди). Этот страж хватается Фаустула и, считая, что можно разузнать то, что он скрывал, силой срывает с него одежду. Но как только он увидел корыто и опознал смущенного человека, он потребовал сказать, откуда такое смущение и с каким намерением он не вносит открыто барахло, которое не имеет смысла скрывать. 5. Тем временем к нему стекаются многие стражники, один из них узнает корыто, в котором он сам доставлял детей к реке, и он возвещает об этом присутствующим. Тогда собравшиеся влекут Фаустула к самому царю и рассказывают о том, что случилось. 6. Амулий начал запугивать Фаустула угрозой пытки, если он добровольно не скажет правду, но прежде спросил, живы ли дети. И как только узнал об этом, поинтересовался, каким образом они спаслись. А после того как Фаустул изложил, как все случилось, царь сказал: «Ну-ка, коли ты действительно владеешь истиной, скажи, где они теперь могут находиться? Несправедливо ведь им владеть жизнью среди пастухов, в то время как мне они приходится родственниками и спасены не иначе как по промыслу богов».

LXXXIII. Фаустул же, заподозрил неладное в такой необъяснимой нежности и встревожился, что тот говорил не то, что думал на самом деле, а поэтому отвечает такими словами: «Дети находятся в горах, ведя жизнь пастухов, я же лично был послан ими к матери, чтобы открыть ей, какова их участь. Услыша, что она под твоей охраной, я намеревался связаться с твоей дочерью, чтобы она отвела меня к ней. А корыто я нес, чтобы сопроводить слова ясными доказательствами. И вот теперь, когда ты решишь доставить юношей сюда, я рад. Так что отправь, кого хочешь вместе со мной. Я предоставлю пришедшим детей, и они расскажут им о твоих намерениях». 2. На самом деле он так сказал, пытаясь найти для юношей отсрочку от верной смерти и вместе с тем надеясь скрыться от ведущих его, когда он окажется в горах. Амулий же срочно посылает вернейших из оруженосцев с тайным приказом схватить тех, на кого им укажет свинопас, и как можно скорее доставить к нему. Продолав это, он замыслил тотчас призвать брата и держать его под стражей без оков, до тех пор пока обстоятельства не улучшатся. Так что он призывает Нумитора под видом каких-то дел. 3. Но отправленный вестник, благодаря расположению к находящемуся в опасности Нумитору и жалея его в беде, и из сострадания к его судьбе, изобличает перед Нумитором замысел Амулия. Нумитор, указав юношам на нависшую над ними опасность и приказав им проявить себя доблестными мужами, прибыл ко дворцу, ведя немалый вооруженный отряд из клиентов, друзей и верных слуг. К ним присоединились люди, крепким боевым строем пришедшие с полей в город, минуя Форум, спрятав под одеждой мечи. Все они единым натиском преодолевают вход, охраняемый немногими тяжеловооруженными пехотинцами, без труда закалывают Амулия и после этого захватывают крепость. Такое освещение событий дано Фабием.

LXXXIV. Другие же, уверенные, что историческому сочинению не пристало ничего из мифологических рассказов, утверждают, что выбрасывание младенцев

так, как было приказано слугам, невероятно. Они насмеяются также над ручной волчицей, которая дала детям свои сосцы, как над полной неленицей, свойственной драматургическому жанру. 2. Возражающие против этого говорят, что, когда Нумитор узнал о беременности Илии, приготовив других новорожденных, он подменил у роженицы младенцев. Затем он дал присутствующим при родах избавиться от чужого потомства, то ли купив верность за деньги, то ли замыслив подмену детей с помощью женщин. Амулий, взяв их, действительно каким-то способом избавился от них. А дед по матери, выше всего ставя спасение рожденных Илией, вручил их Фаустулу. 3. Фаусту же этот, говорят, был родом аркадец из потомков тех, что прибыли с Эвандром, а жил он около Паллантия, опекая владения Амулия. И угодил он Нумитору взятием на воспитание детей, послушавшись своего брата по имени Фаустин, который пас около Авентина стада Нумитора. 4. Добавляют, что выкормившая детей и давшая им сосцы была не волчицей, но, вероятно, женщиной — сожительницей Фаустулы по имени Ларенция²²⁸. Так как она предоставляла свое цветущее тело в общее пользование тем, кто проживал около Паллантия, то ей дали прозвище «Луна». Это эллинское древнее наименование, которым наделяются те, кто получает плату за любовные утехы — ныне они называются более пристойным именем гетер. Некоторые же неосведомленные писатели сочинили миф о волчице, так как на языке латинского народа этот зверь зовется «лупой»²²⁹. 5. Когда же дети были отняты от груди, они были отданы воспитателям в город Габии²³⁰, расположенный недалеко от Паллантия, чтобы они усвоили греческое образование. И там у людей, которые были связаны узами частного гостеприимства с Фаустулом, они и росли вплоть до юношеских лет, изучая литературу, музыку и владение греческим оружием. 6. А когда они вернулись к тем, кто считался их родителями, возникла у них ссора с пастухами Нумитора по поводу пастбищ. После они их даже побили как прогонявших стада. Сделано это было по указанию Нумитора, чтобы дать повод к обвинению и одновременно создать предлог для присутствия в городе толпы пастухов. 7. Когда это случилось, Нумитор вызывает к Амулию, заявляя, что терпит ущерб от его пастухов, и требует, что, если за ним нет ни в чем вины, следует пастуха и его сыновей передать ему, Нумитору, для суда. Амулий же, желая очистить себя от обвинения, приказывает не только тем, кто действительно виновен, но и всем прочим, обвиненным в участии в этих событиях, явиться пред Нумитором, чтобы тот все-таки произвел разбирательство. 8. А когда многие пришли вместе с обвиненными под предлогом суда, дед по матери подробно рассказал юношам о доставшейся им судьбе и, сказав, что сейчас (или никогда) наступил удобный миг для воздаяния, внезапно вместе с

²²⁸ По другим источникам — Акка Ларенция.

²²⁹ Лат. *lupa* — 1) волчица; 2) блудница, проститутка.

²³⁰ Археологические изыскания последних лет, а также эпиграфические материалы позволяют говорить о Габиях VIII в. до н.э. как о городе богатом, находившемся в сфере влияния греческой культуры.

толпой пастухов напал на Амулия. Вот что сообщается о рождении и воспитании основателей Рима.

LXXXV. А к изложению того, что случилось во время самого основания Рима (ведь мне остается еще эта часть сочинения), я теперь и перехожу. Так вот, когда Амулий умер, Нумитор восстановил свою власть, спустя немного времени вернул прежние порядки в городе, пребывавшему до последнего времени в расстройстве, и тотчас задумал подготовить для юношей их собственную власть путем основания другого города. 2. Вместе с тем, когда толпа граждан²³¹ возросла, он подумал, что было бы полезно избавиться от какой-то части людей, особенно некогда несогласных с ним, чтобы ему не питать к ним подозрения. Договорившись с юношами и получив их согласие, он выделяет им земли, которыми им предстоит править, расположенные там, где они детьми воспитывались. И в частности он решил, что не только оказавшиеся у него на подозрении в том, что вот-вот устроит переворот, но и все те, кто желал добровольно, могли удалиться. 3. Были же среди них, как это обычно бывает в городе при отселении, множество простого люда, но также знатнейшие из наилучшей части народа, а также из троянцев признаваемые благороднейшими, потомки которых сохранились еще до моего времени, — а именно пятьдесят семей. И Нумитор стал собирать для юношей и деньги, и оружие, и хлеб, и рабов, и тягловый скот и все прочее, потребное для строительства города. 4. После того как юноши вывели своих людей из Альбы и смешали их с местными жителями на Паллантии и вокруг Сатурнии, они поделили всю эту массу на две части. Это было сделано для возбуждения честолюбия и стремления во взаимном соперничестве скорее завершить начатое дело, но это же стало причиной величайшего зла — их распри. 5. Суть в том, что каждая часть присоединившихся к близнецам, восхваляя своего предводителя, стала возвеличивать его как способного начальствовать над всеми; и сами братья, более не испытывая согласия и не считая нужным питать друг к другу братские чувства, так как каждый предполагал командовать другим, отбросили принцип равенства власти и стали стремиться к преобладанию. До поры до времени их корыстные побуждения не были заметны, а затем прорвались при следующих обстоятельствах. 6. Местность, где они намеревались основать свой город, каждый выбрал свою. Так, у Ромула была мысль заселить Паллантий среди прочего и потому, что место оказалось счастливым, так как предоставило им и спасение, и пропитание; Рому же представлялось нужным заселить участок, теперь называемый по нему Реморией. Действительно, там было место, подходящее для города, — холм, неподалеку от Тибра, примерно в тридцати стадиях от центра Рима. И из этого соперничества вскоре стала проступать разобщающая страсть к власти. Ведь для уступившего в выборе места победа брата грозила распространиться вообще на все.

²³¹ Дионисий не видит разницы между гражданством и членством в общине, еще не порвавшей с первобытным строем.

LXXXVI. При этом время тянулось, а раздор нисколько не стихал, тогда они прибыли в Альбу поведать деду по матери о своих замыслах. Он же предложил им такой выход: сделать судьями богов, дабы они определили, кому принадлежать колонии и кому иметь власть в ней. Назначив определенный день, Нумитор приказал им сесть на заре отдельно друг от друга в том месте, которое каждый из них сочтет достойным для себя, и, заранее принеся богам установленные жертвы, поджидать вещих птиц; тому же, кому птицы первому окажут благоволение, и править колонией. 2. Юноши, воздав хвалу этому решению деда, удалились и в соответствии с соглашением явились в условленный для проверки день. Ромулу местом для птицегадания послужил Паллантий, где он счел нужным основать колонию, Рому же — лежащий напротив него холм, называемый Авентином, а как передают некоторые — Реморией. И к обоим была приставлена стража, дабы не позволить им объявить то, что не было явленным. 3. Когда же они заняли надлежащие места, Рому некоторое время спустя от ревности и зависти к брату, — а может быть и божество подталкивало его к тому же, — и даже прежде чем увидеть какое-либо знамение, послал к брату вестников и потребовал, чтобы он как можно быстрее шел, так как он первым увидел вещих птиц. В то время как посланные им, посчитав обман позором, двигались не спеша, Рому дали знак шесть коршунов, летящих справа. И он, увидев птиц, возликовал, но немного времени спустя, посланные Ромулом, попросили его подняться и повели на Паллантий. 4. Когда они сошлись вместе, Ром спросил Ромула, каких именно птиц он увидел первым, а Ромул оказался в затруднении, не зная, что ответить. И в это время появились двенадцать вещих коршунов. При виде их Ромул осмелел и, указывая на них, ответил Рому: «Что тебе за нужда узнать о случившемся прежде, ты ведь, небось, сам видишь этих птиц». Тот же вознегодовал и посчитал ужасным, что он обманут братом, поэтому заявил, что не уступит ему колонии.

LXXXVII. А от этого вражда разгорается пуще прежнего, так как каждый тайно преследуя цель получить преимущество, открыто присоединяется к законному равенству по следующим причинам. Ведь дедом по матери им было установлено: кому первому показался знак в виде большего числа птиц, тому и править колонией. Так как род птиц обоим явился одинаковый, то один утверждал, что победил тот, кто увидел их первым, а другой, что тот, кто насчитал большее число птиц. Остальной люд также ввязался в их ссору и, кое-как вооружившись, развязал войну без приказа вождей; и разразилась жестокая битва, и много крови пролилось с обеих сторон. 2. Некоторые говорят, что во время этой битвы Фаустул, который вскормил юношей, желая покончить с враждой братьев, но ничего не в состоянии сделать, безоружным ворвался в гущу сражающихся, ища скорой смерти, что и случилось. Сообщают также, что каменный лев, который стоял на римском Форуме в самом лучшем месте около ростр²³², был воздвигнут над телом Фаустула, которого нашедшие погребли там, где

²³² Ростры — ораторская трибуна на Форуме.

он упал. 3. Поскольку Ром погиб в этом бою, Ромул, одержавший несчастную победу над братом и соплеменниками, хоронит Рома на Ремории, потому что при жизни тот сам определил это место для поселения. Сам же Ромул с горя и раскаяния в содеянном, потеряв интерес к жизни, впадает в угнетенное состояние. Так как Ларенция которая, приняв новорожденных, вскормила их и любила не меньше чем мать, умоляла и утешала его, он, повинувшись ей, воспрял духом. Собрав латинов, всех, избежавших гибели в бою, числом чуть более трех тысяч из той, вначале весьма многочисленной толпы, когда он выводил колонию, Ромул строит город на Палантии. 4. Итак, мне кажется, что мое мнение наиболее убедительно из всех рассказов о конце Рома. Однако, если кто-нибудь сумеет передать это по-другому, пусть поведаст. Все же, некоторые говорят, будто уступив первенство Ромулу, Ром в печали и гнев на обман, когда была построена городская стена, желал показать, что защита эта негодная, заявил: «Пожалуй, любой из ваших врагов перешагнет ее без труда, как и я», — и тотчас перепрыгнул через стену. А Целер²³³, один из стоявших на стене, который был надзирателем за строительными работами, воскликнул: «Ну, что до этого-то врага, то кто угодно из нас может отразить его без труда», — ударил Рома заступом по голове и тут же на месте убил его. Так вот, рассказывают, закончилась вражда братьев.

LXXXVIII. Когда же не осталось никаких препятствий для основания города, Ромул назначил день, в который он намеревался, умиловив богов, положить начало строительству, приготовил все, сколько необходимо для жертв и для приема людей, и собрался употребить это с пользой для дела. Как только наступил условленный час, он и сам первым принес жертвы богам и приказал остальным делать по мере сил то же самое. Сначала же он замечает вещей птиц, которые дают благоприятные знамения. После этого, повелев зажечь костры перед палатками, он выводит людей, чтобы они прыгали через пламя ради очищения от скверны. 2. Когда Ромул решил, что все, что было угодно богам, уже исполнено, он созывает весь люд в намеченное место и начертывает на холме плугом четырехугольник, проводя с помощью быка, сопряженного с телкой, длинную борозду, на которой будет воздвигнута стена. С того времени при основании городов у римлян сохраняется этот обычай опахивания их территории. Закончив это и принеся в жертву обоих животных, а также совершив многие другие жертвоприношения, он приставляет людей к работам. 3. Еще и по сию пору город римлян ежегодно чествует этот день, считая, что он не менее значителен, чем любое другое празднество, а называют его «Парилии»²³⁴. В этот день в начале весны земледельцы и пастухи приносят умиловительную жертву за приплод четвероногих. Но проводили ли раньше этот день в отдохновении и поэтому сочли именно его наиболее подходящим для основания города, или он знаменовал

²³³ Целер — букв. «быстрый, скорый». Здесь — приверженец Ромула.

²³⁴ Парилии, или Палилии считаются праздником пастухов и одновременно днем рождения Рима.

начало города и священным днем сделали его те, кто полагал, что следует почитать в этот день богов-покровителей пастухов, я точно сказать не могу.

LXXXIX. Вот, что удалось найти мне, с большим тщанием изучив многочисленные сочинения эллинов и римлян о корнях римского племени. Так что действительно любой, отважившись многократно повторить «прощай» тем, кто представляет Рим убежищем варваров²³⁵, беглецов и бездомных, может утверждать, что это — город эллинский, показав, что он — самый общедоступный и приветливый из городов, обратив также внимание на то, что племя аборигинов было элотрским, а оно в свою очередь — аркадским. 2. Следует вспомнить и о поселившихся вместе с ними пеласгах, которые, будучи родом аргивянами, оставили Фессалию и пришли в Италию. Надо учесть также, прибытие Эвандра и аркадцев, которые осели близ Палантия, где аборигины предоставили им место; а еще сказать о пелопоннесцах — спутниках Геракла, которые поселились на холме Сатурний; наконец, об изгнанниках из Трояды, которые смешались с предыдущими. Ведь, пожалуй, не найдешь ни единого среди народов ни более древнего, ни более эллинского. 3. А смешение с варварами, вследствие чего полис подзабыл многие из древних установлений, началось в более поздние времена. И для многих, размышляющих об этом, пожалуй, поразительно, как это Рим весь не варваризовался, приняв опиков и марсов, самнитов и тирренов, бруттиев, и омбриков, а также лигиев, иберов и кельтов, и мириады других народов вдобавок к уже названным, одних — из самой Италии, прочих — пришедших из других мест, не имевших ни общего языка, ни схожего образа жизни; и естественно, поскольку жизнь случайно собравшихся вместе людей пришла в расстройство из-за такого разноязычия, это вносило много нового в древнее устройство полиса. 4. Так как другие народы, жившие среди варваров, спустя какое-то время утратили все эллинское, так что и не говорили по-эллини, и не пользовались эллинскими нормами жизни, и не почитали тех же самых богов, и не пользовались подобающими законами (чем особенно отличается эллинская природа от варварской), и не принимали других признаков эллинизма и вообще чего бы то ни было эллинского, это доказывают живущие по берегам Понта²³⁶ ахейцы: элейцы по происхождению, т.е. из глубин эллинизма, являющиеся ныне самыми дикими из всех варваров.

ХС. Римляне же не употребляют ни чисто варварской речи, ни полностью эллинской, но, говорят на какой-то смешанной из обеих, основная часть которой — эолийская, испытывая от смешения многих народов только то неудобство что они не все звуки произносят правильно. В отношении же всего остального есть признаки их эллинского происхождения. Они, как никто другой из покинувших родину, сохранили их, сразу начав жить в дружбе со всеми, а не теперь только, когда имеют великую и удачно текущую судьбу, являясь наставником прекрасного, и не оттого,

²³⁵ Варвары для римлян, как и для греков, — говорящие на чужом языке, букв. «бормочущие», «чужаки».

²³⁶ Понт — букв. «море», здесь — Черное море.

что сперва устремились к заморским краям, сокрушив владычество карфагения и македонян, но все время с тех пор, как они воссоединились здесь для основания города, они ведут жизнь на эллинский манер. И они не упражняются ни в чем более выдающемся в доблести ныне по сравнению с прошлым. 2. Я имею бесчисленные возможности поведать об этом и в состоянии подкрепить мои слова множеством свидетельств, а также привести суждения людей, достойных доверия, но я все это оставляю для своего повествования, которое будет посвящено их государственному устройству. Теперь я продолжу по главам свое сочинение, подытожив вкратце во введении к следующей книге то, что содержалось в данной.

Книга II

Народы, владевшие городом римлян — Ромул — основатель города, которому он дает название по собственному имени — Рассмотрение вопроса о порядке управления общиной — Назначение Ромула людьми и богами царем — Порядок управления, введенный Ромулом — Установившиеся обычаи у римлян относительно патроната — Учреждение совета старейшин. Распределение прав и почестей — Упорядочение расселения и быстрота решения военных дел — Установленное Ромулом государственное устройство — Выполнение религиозных обрядов — Закон о браке — Взаимоотношения отцов и детей — Учреждение судов — Решение устроить браки всех римлян с помощью похищения девушек — Первые общины, начавшие против Ромула войну — Учреждение Ромулом победной процессии, названной впоследствии триумфом — Решение вопроса о покоренных городах — Начало войны римлян с сабинянами — Захват Тацием и сабинянами Капитолия и большей части военных укреплений — Решающие сражения обеих сторон — Решение римских женщин самим начать переговоры о примирении — Заключение договора о дружбе. Соединение в одну общину, с сохранением наименования «Рим» — Относительно общины куритов — Совместное царствование Ромула с Тацием в течение пяти лет — Вторичное единовластие Ромула после смерти Тация — Триумфальные войны Ромула — Различные версии по поводу кончины Ромула, основанные на мифах — Междоцарствие. Приход Нумы на царство — Сферы управления Нумы. Законодательство, касающееся божественных дел — Сооружение святилища. Осуществление охраны негаснущего огня — Мифологические рассказы о явлениях богини несправедливо обвиненным девам — Святилище, расположенное на Палатине — Законоположение об определении имущества — Предоставление необходимых средств жизни

I. Город римлян расположен в западной части Италии у реки Тибр, которая впадает в Тирренское море, примерно посередине побережья, и отстоит от моря на 120 стадиев. А первыми из упомянутых выше им владели некие варвары — автохтоны, называемые сикелами¹, которые обитали и во многих других краях Италии. От них до наших времен сохранилось немало неясных памятников и помимо этого названия некоторых мест, считающихся сикелийскими, что доказывает древность их расселения. 2. Изгнав их, аборигины², потомки энотров³, населявших побережье от Таранта⁴ до Посейдонии⁵, сами завладели этой местностью. Некая священная часть молодежи, посвященная богам по местному обычаю, говорят, была отправлена родителями для заселения страны, предназначенной им божеством. Племя же энотров являлось аркадским из Ликаонии, как она называлась тогда, а ныне — Аркадии. Оно охотно отправилось, чтобы обосноваться на лучшей земле, причем предводителем колонии в то время был Энотр, сын Ликаона, от которого и пошел народ. 3. Когда же аборигины овладели местностью, первыми соседями вместе с ними оказались пеласги⁶, скитальцы из называвшейся некогда Гаймонию, а теперь — Фессалию, в которой они какое-то время обитали. После же пеласгов явились аркадцы, происходившие из города Паллантия, утвердившие предводителем переселенцев Эвандра, сына Гермеса и нимфы Фемиды. Они остановились у одного из семи холмов, который расположен как раз в центре Рима, и назвали его Паллантием в честь своей родины в Аркадии. 4. Некоторое время спустя в Италию пришел Геракл, когда он возвращал войско из Эритрей⁷ по домам, тогда определенная часть эллинских воинских сил осталась и обосновалась неподалеку от Паллантия, иными словами, у одного из холмов, который ныне включен в черту города. Туземцами он тогда прозывался Сатурнием, теперь же римлянами зовется Капитолийским. Большинство из этих эллинов составляли эпеи, отколовшиеся от полиса Элиды, после того как их отечество было разрушено Гераклом.

II. Через шестнадцать поколений после Троянской войны альбанцы заселяют оба этих места, окружив их стеной и рвом. До поры до времени они служили овчарнями и пристанищем для пастухов, пасших коров, поскольку земля здесь изобиловала

¹ Сикелы — см. I. 22. 5, примеч. 85.

² Аборигины — см. I. 13. 10.

³ Энотры — см. I, 11–12.

⁴ Совр. Таранто, в лат. традиции — Tarentum (Тарент).

⁵ Пест (лат. Paestum) — город в Лукании, основанный в конце VII или в VI в. до н.э. ахейскими (*Геродот.* I. 167) или дорийскими (*Аристотель.* Политика. V. 2. 10; *Солон.* II. 10) греками, в V в. до н.э. попал в подчинение к луканам (*Страбон.* VI. 1. 1; 3), в 274–273 г. до н.э. туда была выведена колония латинского права (*Ливий.* Периохи. XIX; *Веллей.* I. 15; *Плиний.* III. 15).

⁶ См. I. 17. В современной науке пеласгами считают выходцев с Балканского полуострова, негров. В. Георгиев определил их язык как индоевропейский.

⁷ Эритрея, или Эрития — в греческой мифологии остров в Океане на Крайнем Западе.

травой не только в зимнее, но и в летнее время, благодаря рекам, освежающим и орошающим ее. 2. Народ же альбанцев произошел из смешения пеласгов и аркадцев, а также эпеев родом из Элиды и, наконец, прибывших после взятия Илиона троянцев, которых в Италию привел Эней, сын Анхиса и Афродиты. Вероятно, какое-то варварское население из соседствующих или уцелевших древних поселенцев также смешалось с эллинами. А все вместе они получили общее имя латинов по правившему в этих краях мужу Латину, утратив, таким образом, прежние названия по племенам. 3. И вот, этими-то народами город был обнесен стеной на четыреста тридцать второй год после взятия Трои, в седьмую Олимпиаду. Вывели же поселение братья-близнецы, принадлежавшие царскому роду. Имя одного из них было Ромул, а другого — Ром. По материнской линии со стороны Энея они принадлежали к Дарданидам, от какого отца они рождены, сказать точно нелегко, римляне же верят, что они являлись сыновьями Марса. Однако совместно они не стали предводителями колонии, так как поссорились из-за власти. Но Ромул после гибели в борьбе с ним второго брата становится основателем города и дает ему название по собственному имени. Количество же участников в основании колонии, большое поначалу, затем сократилось до трех тысяч пеших и трехсот всадников.

III. И вот, когда у них был вырыт ров и завершено сооружение укреплений, а поселенцы предприняли необходимые работы для строительства жилищ, возникла необходимость рассмотреть вопрос о том, какой порядок управления общиной следует установить. Тогда Ромул, созвав народное собрание по совету деда по матери, который научил его, о чем вести речь, заявил, что недавно основанный город уже достаточно украшен общественными и частными сооружениями. Но он попросил, чтобы все приняли во внимание, что не это является наибольшим достоинством полисов. 2. Ведь и во внешних войнах глубокие рвы и высокие укрепления недостаточны, чтобы предоставить тем, кто внутри них, праздность и надежду на спасение, но они способны лишь дать людям возможность не потерпеть никакого ущерба от неожиданного нападения врагов, а, когда внутренние беспорядки овладевают обществом, они не оставляют никому безопасного убежища в их собственных домах и жилищах. 3. Ведь по этой причине люди склоняются находить утешение в безделье и в легкости жизни, из-за чего и козни близких не встречают противодействия злу; а тот, против кого направлен злой умысел, не уверен, что достиг безопасности. И ни один полис, подвергнутый этому, не сможет надолго оставаться счастливым и мощным. И опять-таки если случится кому-нибудь воспрепятствовать в устройстве собственных и общественных дел, требующих больших расходов, полис не станет великим и счастливым. Ведь спасение полисов и превращение из малых в великие заключено в ином. 4. Во внешних войнах сила — в оружии, и она связана с отвагой и трудами, а во внутренних смутах — в единодушии подданных, а это выявляет разум и добродетель каждого, столь нужную для общества. 5. Действительно, предающиеся ратному делу и держащие в крепкой узде свои страсти возвеличивают собственное отечество, а также ставят

неприступные стены и безопасные для своей жизни убежища на общее благо. Такие смелые и справедливые люди, преданные и другим добродетелям, составляют план государственного управления для тех, кто установил его разумно, изнеженный же и себялюбивый люд, а также рабы своих постыдных страстей, наоборот, совершают гнусные поступки. 6. И Ромул сказал, что слышал от старцев и сведущих людей, что многие могучие колонии, возникшие в прекрасных краях, либо в скором времени погибали, впад в раздоры, либо, недолгое время борясь с соседями, оказывались принужденными покориться им и вместо лучшей земли, которой они владели, получить худшую, став из свободных рабами. Другие же малолюдные полисы, возникшие в не слишком благоприятных местностях, но изначально свободные, затем обрели власть над другими. И причиной благоденствия немногих и уничтожения многих является не что иное, как образ правления. 7. Так вот, если бы существовал какой-то единственный для всех народов порядок жизнеустройства, дарующий полисам счастливую жизнь, то нетрудно, пожалуй, для них было бы сделать выбор. «Ныне же, — продолжал Ромул, — известны многие устройства, бытующие у эллинов и варваров». Но, как он слышал, из всех них наиболее возносят те, кто ими пользуется, только три, причем из этих государственных управлений ни одно не является чистым, но каждому присущи какие-то природные пороки, так что выбор вида правления нелегок. Поэтому Ромул посчитал, что сами римляне, посоветовавшись на досуге, дадут ответ, хотят ли они находиться под властью одного человека или немногих, либо же, учредив законы, вручить попечение над общим делом всем сообща. 8. «Я же, — закончил он речь, — готов принять такое государственное устройство для вас, какое вы сами учредите, и не против того, чтоб властвовать, и не отвергаю того, чтоб подчиниться. Что же касается почестей, которые вы мне воздадите, назначив меня первым предводителем колонии и затем дав городу имя в мою честь, то мне этого вполне достаточно. Ведь их не отнимет у меня ни грозная война, ни междоусобные распри, ни время, губящее все прекрасное, и никакая другая злая судьбина. Но и для живых, и для покинувших земную юдоль я останусь при этих почестях на веки вечные».

IV. Вот что поведал Ромул, выступая перед собранием, памятуя о наставлениях деда по матери. Римляне же, обменявшись мнениями, дают следующий ответ: «Мы нисколько не нуждаемся в новом государственном устройстве, понимая, что проверенное отцами является наилучшим, и не изменяем его, следуя выбору предшественников, которые установили его, как мы думаем, по зрелом размышлении, довольные своей судьбой. Ведь мы не можем порицать строй, который доставил нам, пребывающим под рукою царя, величайшее из благ у людей — свободу, а также господство над другими. 2. Мы решили по поводу государственного устройства следующее. Мы полагаем, что высшая почесть подобает тебе более, чем кому-либо другому благодаря и царскому происхождению, и доблести, — особенно же потому, что, поставив тебя во главе колонии, мы сознаем в тебе огромную силу и великую мудрость, постигая ее не столько в твоих словах, сколько в делах». Услышав это, Ромул сказал, что ценит

то, что по суждению людей он достоин царской власти; однако он не примет этой почести, прежде чем божество не явит знамения через вещих птиц.

V. Так, в соответствии с их желанием был назначен день, в который Ромул намеревался провести гадание о власти, а когда настал срок, он на заре вышел из палатки. Встав под открытым небом в чистом поле и принеся положенные жертвы, он стал молиться владыке Юпитеру и другим богам, которых он объявил господами колонии, вопрошая, желательно ли им, чтобы он царствовал в общине, и небесные знамения были явлены добрыми. 2. После моления прошла слева направо молния. Римляне полагают, что молнии, идущие слева направо — благоприятны, либо потому, что их так научили тиррены, либо потому, что так считали отцы. Основанием таких рассуждений, как я убежден, служит то, что сидеть и стоять, обратившись к востоку, откуда начинается восход солнца и луны, а также звезд и планет, является лучшим положением для совершающих птицегадание; и вращение вселенной, из-за которого в ней все оказывается то над землей, то под землей, начинает свое круговое движение отсюда. 3. Тем, кто глядит на восток, части, обращенные к северу, кажутся левыми, а части, обращенные к югу, — правыми. Сложилось представление, что первые более ценные, чем вторые. Ведь оконечность земной оси, вокруг которой происходит вращение, начинается в северной части, и из пяти кругов, опоясывающих земную сферу, так называемый арктический всегда здесь виден, а южные круги спускаются к так называемой антарктической, невидимой отсюда части. 4. И можно признать, что наиболее значимым из небесных знамений, идущих по воздуху, является то, которое показывается со стороны лучшей части. А так как часть, обращенная к востоку, превосходит часть, обращенную к западу, а в самих восточных частях северные — более высокие, чем южные, они, пожалуй, и самые лучшие. 5. Но некоторые уверяют, что еще с древности, прежде чем научиться этому у тирренов, у римлян считались благоприятными молнии слева. Поскольку, как говорят, рожденный Энеем Асканий, когда он воевал и был осажден тирренами, во главе которых стоял царь Мезенций, отчаявшись в успехе и намереваясь отступить, стал просить Юпитера и других богов подать благоприятные знаки. В этот момент, хотя погода была ясной, небо метнуло молнии с левой стороны. А поскольку сражение это получило счастливый исход для Аскания, у потомков создалось убеждение, что знаменье было благоприятным.

VI. И вот, когда Ромул получил надежные знамения от божества, созвав народ⁸ на собрание и объявив о пророчестве, он был выбран царем; и он устанавливает обычай для всех не принимать ни царской, ни другого вида власти, пока божество не изречет им пророчество. И это установление относительно птицегаданий, соблюдаемое римлянами, оставалось в течение долгого времени, не только когда цари правили общиной, но и после свержения монархии при выборах консулов, преторов и других

⁸ Здесь — первоначальное римское население. Латинский аналог слова — *populus*.

законных магистратов. 2. Но оно пришло в упадок в наши времена, если не считать того, что остается некая его видимость благодаря его святости. Ведь те, кто намеревается принять власть, ночуют под открытым небом и, встав с зарей, выходят наружу и совершают некие моления. Некоторые же из присутствующих птицегадателей, получающие вознаграждение из общественной казны, возвещают о том, что показывает молния, появившись слева, хотя бы ее и не было. 3. Получающие же знамения о принятии власти по их крикам, удаляются, полагая достаточным то, что ничего из противоречащего и запрещающего в знамениях не оказалось, а другие, вопреки желанию божества, скорее насильно похищают власть, чем принимают ее. 4. Из-за таких людей многие римские войска полностью были уничтожены на суше, другие же — потеряли всех людей в морских походах; случались и прочие крупные и ужасные неожиданности в полисе как во время внешних войн, так и во внутренних раздорах. Но самое известное и огромное бедствие произошло примерно в то время, когда Лициний Красс⁹, муж, не уступающий никому из современных ему полководцев, повел войско против народа парфян, несмотря на несогласие божества, презрев тех, кто хотел отворотить его из-за бесчисленных знамений от выступления в поход. В защиту небрежения божества и того, как с ним обходятся некоторые вплоть до наших дней, можно сказать много слов.

VII. Ромул, объявленный таким образом людьми и богами царем, обещает быть сильным и смелым в ратных делах и как можно разумнее управлять наилучшим государством¹⁰. Я расскажу о его свершениях в политических делах и в военных, о которых кое-кто смог бы создать историческое повествование. 2. Я начну с рассказа об устройстве государства, который я лично считаю наиболее самодостаточным из всех и в мирное время, и на войне. А было оно следующим: поделив весь народ на три части, он поставил над каждой из них наиболее выдающегося предводителя. Затем, разделив снова каждую из трех частей на десять, Ромул назначил начальников из наиболее храбрых. Большие части он назвал трибами, а меньшие — куриями, как они зовутся еще и в наше время. 3. На эллинский же язык названия эти можно перевести так: триба — это фила и триттия¹¹, курия — фратрия и военный отряд¹² тех мужей, которые предводительствуют трибами, т.е. филархов и триттиархов, которых римляне называют трибунами; тех же, кто начальствует над фратриями и военными отрядами, они зовут курионами. 4. А курии поделены Ромулом на десятки,

⁹ Лициний Красс, Марк (115–53 гг. до н.э.) — крупный политический деятель, по прозвищу Богач. Входил в состав I триумvirата (60–53 гг. до н.э.), получил в качестве провинции, т.е. поручения, войну на Востоке. В 53 г. до н.э. предпринял поход против парфян, во время которого был разбит в битве при Каррах и погиб.

¹⁰ Здесь пример модернизации истории со стороны Дионисия.

¹¹ Триттия — треть народа.

¹² Дионисий употребляет здесь термин «лох», что соответствует лат. центурии.

порядок в каждом из них блюдет предводитель, называемый на местном языке декурионом. Когда же все были разделены и распределены по трибам и куриям, он, поделив землю на тридцать равных клеров¹³, выделил каждой курии один клер, отрядив достаточно места для святилищ и священных участков и оставив определенную часть земли для общинного пользования. Вот таким было произведенное Ромулом разделение людей и земли, заключающее в себе для всех величайшее равенство.

VIII. Но было и другое деление уже самих людей, которое распределяло милости и почести по достоинству, о чем я намереваюсь рассказать. Ромул знатных родом и доблестью, а также состоятельных и удачливых в достаточной мере для того времени, и у кого уже были дети, отделил от безвестных, бедных и нуждающихся. И тех, что с незавидной участью, он назвал плебеями, как сказали бы эллины, демотиками¹⁴; тех же, кому выпала лучшая доля, — отцами, либо из-за большего возраста по сравнению с другими, либо потому, что у них уже были дети, либо из-за знатности рода, либо из-за всего вместе. Как можно судить, он взял пример с государственного устройства афинян, сохранявшегося еще в то время. 2. Дело в том, что они, поделив людскую массу на две части, назвали патрициями тех, кто был из знатных домов и обладал средствами, на них было возложено руководство полисом; «мужичьем»¹⁵ же назвали других граждан, которые не принимали участия тогда в общественных делах, но со временем и они были допущены к управлению. 3. Те, кто рассказывает вполне достоверно о государственном устройстве римлян, говорят, что именно по таким причинам те мужи были названы отцами, а потомки их патрициями. Другие же, рассматривая дело из личной неприязни, обвиняют город в низком происхождении и говорят, что они были названы патрициями не по такой причине, но оттого, что только они имели возможность указать на своих отцов, тогда как другие, будучи беглецами, свободных отцов назвать не могли. 4. В качестве доказательства они приводят то, что, всякий раз как царям требовалось созвать патрициев, глашатаи призывали их по имени и имени отца, простолюдинов же всех вместе собирали на народное собрание какие-то слуги, трубя в бычьи рога. На самом же деле призыв с помощью глашатаев не является признаком благородства патрициев, а звук трубы — символом безвестности простолюдинов, но одно — знаком почести, а другое — быстроты действия. Ведь за короткое время невозможно было назвать массу людей по имени.

IX. Когда же Ромул отделил лучших от худших, он стал после этого заниматься законодательством и определил, что нужно делать каждому из названных: патрициям — быть жрецами и управлять, вершить суд и вместе с ним самим — общественные дела, посвящая себя государственным заботам; простолюдинов же освободить от этих дел

¹³ См. примеч. 34 к кн. I.

¹⁴ Демотики у греков — принадлежащие народу, простолюдины. По сути дела, имеется в виду община.

¹⁵ ἄγροικοί — буквально 1) сельские, деревенские; 2) некультурные, грубые, но члены афинского гражданства, или народа, и потому имевшие права на земельную собственность.

как неопытных в них и не имеющих за недостатком средств свободного времени, но предоставив им заниматься земледелием, скотоводством и полезными ремеслами, чтобы они не устраивали бунты, как в других государствах в тех случаях, когда оскорбляют низших или когда бедные завидуют выдающимся. 2. И он предназначил простолоудинов патрициям, поручив каждому из них того из толпы, кого он сам пожелает опекать в качестве покровителя, взяв за лучший образец древний эллинский обычай, которому следовали очень долго фессалийцы и с самого начала — афиняне. Ведь фессалийцы третируют своих клиентов, поручая им занятия, не подобающие свободным, а всякий раз как те не выполняли чего-нибудь из приказанного, применяли побой и использовали их во всех делах, словно купленных рабов. А афиняне стали называть клиентов «поденщиками» по роду их службы, фессалийцы же — «зависимыми», порицая уже самим названием их участь. 3. Ромул же украсил дело как благопристойным наименованием, назвав покровительство бедных и низких патронатом, так и предоставлением тем и другим честных обязанностей, определив их связи как гуманные и гражданственные.

Х. И были тогда им определены сохранявшиеся в течение веков у римлян такие обычаи относительно патроната: патрициям надлежало разъяснять своим клиентам их права, в которых те были несведущи; заботиться о них и в присутствии, и в отсутствии их; выполнять все, что выполняют отцы в отношении детей насчет имущества и договоров, касающихся имущества; вчинять иск за обиженных клиентов, если кто-нибудь нанесет им вред в связи с договорами; оказывать поддержку тем, кого призывают в суд, а, коротко говоря, — оказывать им всякое благо и в частных, и в общественных делах, где они особенно нуждаются. 2. И следовало клиентам помогать своим покровителям выдавать замуж дочерей, если их отцы стеснены в средствах, и платить выкуп врагам, если кто-нибудь из покровителей или детей их оказывался в плену. Клиенты были обязаны выплачивать штраф в пользу частных лиц, если патроны к тому присуждались, или в пользу общины, если те несли наказания за долги, причем следовало также, чтобы клиенты, как относящиеся к роду, принимали участие в расходах на магистратуры, отправление почетных обязанностей и в прочих расходах на общественные нужды. 3. И обеим сторонам не было дозволено и не приличествовало выступать в тяжбах, свидетельствовать или подавать голос перед народом друг против друга, а тем более выступать на стороне противников. Если же кто-нибудь из них бывал уличен в совершении какого-то неблагоприятного проступка, то он подлежал наказанию по закону о предательстве, который утвердил Ромул и который разрешал всякому желающему убить избличенного в качестве жертвы Юпитеру Подземному. Ведь у римлян существовал обычай: телá тех, кого они хотели безнаказанно убить, посвящать тем или иным богам, чаще всего подземным. Вот что совершил тогда Ромул. 4. Итак, во многих поколениях сохранялись ничуть не отличающиеся от кровных связей узы клиентов и патронов, и они передавались детям их детей, и было великой честью для знатных семей иметь как можно больше

клиентов и не только сбересть наследственный патронат прародителей, но и благодаря своей добродетели приобретать других клиентов. И настолько значительной была борьба за благоволение и за то, чтобы не пресекалось взаимное расположение, что во всем, о чем клиенты просили покровителей, последние, сколько было сил, помогали; а так как патриции менее всего хотели отягощать клиентов, то они не допускали никаких денежных подношений. Таким образом, жизнь у них была воздержанной от всяческих удовольствий, а мерилом счастья служила доблесть, а не удача.

XI. И не только в самом римском государстве простой народ состоял под патронатом патрициев, но и каждая колония Рима и каждый город, вошедшие в союз и дружбу с ним, будучи побежденными в войне, получали покровителей и патронов в лице тех римлян, кого они предпочитали. И нередко сенат отправлял дела о спорах этих городов и народов на рассмотрение их патронов, считая их решения предпочтительными. 2. Так вот, столь прочным было у римлян согласие, берущее начало от установленных Ромулом обычаев, что они никогда не решали дела друг друга кровопролитием и смертоубийством в течение шестисот тридцати лет, хотя в народе возникало множество раздоров с власти предержавшими по поводу общественного блага, как это обыкновенно случается во всяких малых и крупных государствах. 3. Но убеждая и наставляя друг друга, частично уступая, частично получая взамен уступки, они разрешали несогласия политическими мерами. Но со времени, когда Гай Грахх¹⁶, получив трибунскую власть, начал губить гармонию государственного устройства, они уже не переставали убивать друг друга, отправлять из города людей в изгнание и не удерживались от жестокостей ради достижения победы. Однако для речи об этом будет другой, более подходящий, момент.

XII. Когда Ромул привел все это в порядок, то тотчас он решил назначить советников, с которыми намеревался вести общественные дела, избрав сто мужей из патрициев. Их он разделил по такому порядку: он назначил одного, наилучшего, кому посчитал возможным вверить управление городом всякий раз, как сам он поведет войско за пределы Рима. 2. А каждой из триб он предписал выбрать трех мужей, пребывавших тогда в наиболее рассудительном возрасте и отличающихся благородством происхождения. Вслед за этими девятью Ромул приказал каждой курии избрать опять-таки трех самых подходящих человек из патрициев. Затем, к первым девяти, назначенным трибами, Ромул добавил по девяносто, которых выдвинули курии, поставив предводителем их того, кого выбрал сам, таким образом Ромул довел число сенаторов до ста человек. 3. Сенат этот по-эллински можно обозначить как совет старейшин, и он называется римлянами так до сих пор. Затрудняюсь сказать, произошло ли такое название из-за старости избранных в него мужей или из-за достоинств их. Ведь древние имели обыкновение называть сенаторами¹⁷ старших и лучших.

¹⁶ Гай Семпроний Грахх — плебейский трибун 123 и 122 гг. до н.э., демократический деятель.

¹⁷ Сенатор — от лат. senex, nis, т.е. «старый», «старец».

А еще заседающие в сенате были названы «отцами, внесенными в список»¹⁸, и это прозвище сохраняется вплоть до моего времени, — так вот, и этот обычай был эллинским. 4. Так как при всех эллинских царях, — и тех, кто принимал отеческую власть, и тех, кого сама народная масса устанавливала вождем, — имелся совет из самых лучших людей, как свидетельствуют Гомер и древнейшие из поэтов. И не было правление древних царей, как в наши времена, равноправным и единоличным.

XIII. Уже после учреждения совета старцев из ста мужей Ромул, видя, вероятно, что ему понадобится и юношеский отряд, который он намеревался использовать для своей охраны, а также для срочных дел, он набрал триста человек из знатнейших домов, притом самых крепких телом, которых назначили курии тем же самым образом, что и сенаторов, — каждая курия по десять юношей, — и держал их всегда при себе. 2. Все вместе они носили общее наименование — «целеры». По мнению большинства, — по быстроте¹⁹ выполнения службы (ведь римляне называют целерами всегда готовых и скорых в исполнении дел) но, как говорит Валерий Анциат, — по их командиру с таким именем. 3. Командир же их был славнейшим, ему подчинялись три центуриона, ниже них, в свою очередь, стояли другие, с меньшей властью. По городу Ромула сопровождали копьеносцы и выполняли его приказания, а в походе они были передовыми бойцами и помощниками. Много в сражениях зависело от них, так как они первыми начинали битву и последними отступали; они сражались на лошадях там, где была удобная равнина для конного боя, и пешими в неровных местах, непригодных для конницы. 4. Мне кажется, этот обычай был заимствован у лакедемонян. Он предписывал, как и у римлян, наиболее родовитым из юношей числом триста составлять стражу царей, и те использовали их во время войн в качестве помощников и всадниками, и пехотинцами.

XIV. Закончив эти установления, Ромул распределил почет и права, которые он хотел иметь для каждого. Так вот, за царем он закрепил следующие почести: прежде всего осуществлять руководство священнодействиями и жертвоприношениями, чтобы все, касающееся богов, совершалось при его участии; затем, выступать на страже законов и отеческих обычаев, печься о всяческой справедливости, основанной на природе или договорах, и судить тяжчайшие из преступлений, а менее тяжкие поручать сенаторам, предусмотрев, чтобы не случилось ничего небрежного в отношении правосудия; собирать сенат и созывать народ; вносить предложения и исполнять то, что угодно большинству. Эти привилегии он предоставил царю, а, кроме прочего, еще и единовластное командование на войне. 2. А сенату он назначил почести и власть следующие: прежде всего обсуждать все, что бы ни высказал царь, и вносить это на голосование, и что бы ни показалось правильным большинству, это мнение

¹⁸ В латинском это — *conscripti* («приписанные»), по наиболее распространенной версии «приписанные» противопоставлялись в сенате отцам (*patres*) как позднее их внесенные в список сенаторов.

¹⁹ *Celer* — быстрый, скорый.

пусть и одерживает верх. Сие Ромул также перенял из лаконского государственного устройства. Ведь лакедемонские цари не являлись самодержцами, которые делали то, что хотели, но совет старейшин был полновластен во всем, что касалось общего блага. 3. Простонародью Ромул даровал три таких права: выбирать должностных лиц, утверждать законы и выносить решение о войне, когда прикажет царь. И даже в этих делах власть народа не была безусловной, если его решение не покажется верным сенату. А голосование народ проводил не весь целиком, но собираясь по куриям, и то, что казалось нужным большинству курий, народ вносил в сенат. Но в наше время обычай изменился, так как сенат не утверждает то, что постановил народ, но сам народ имеет власть над решениями сената. Лучший ли это из обычаев, я оставляю в общем рассмотреть всем желающим. 4. Благодаря такому разделению Ромул обеспечил не только разумное ведение государственных дел и упорядочил управление, но и расселение, и воинские дела решались быстро и со строгим послушанием. Ведь всякий раз когда ему требовалось выводить войско на войну, не надо было ни военных трибунов назначать по трибам, ни центурионов по центуриям, ни начальников конницы, ни определять численность, ни распределять по отрядам, ни назначать место в строю, надлежащее каждому воину. Но царь отдавал приказ военным трибунам, те, в свою очередь, центурионам, а, получив сигнал от них, каждый декурион выводил тех, кто находился у него в подчинении. И по единой команде либо все воинские силы, либо какая-то призванная часть их с оружием в руках прибывала в полной готовности в назначенное место.

XV. Обустроив и упорядочив город в достаточной мере для мирной жизни и готового к войне на основе этого государственного устройства, Ромул довершил создание государства, великого и густонаселенного. 2. Первым делом он связал его жителей обязательством воспитывать мужское потомство и первородных дочерей и не убивать никого из младенцев до достижения трех лет, за исключением случаев, если дитя оказывалось увечным или уродцем уже с рождения. Их он не воспрещал родителям выбрасывать, но при условии, что они предварительно покажут его пяти ближайшим соседям и все они одобряют. А на неповинующихся закону Ромул наложил разные наказания, в том числе и то, чтобы половина их имущества становилась общенародным достоянием. 3. Затем, выведав, что многие из городов Италии скверно управляются тиранами и олигархами, Ромул постарался привлечь беглецов из таких городов, довольно многочисленных, не разбирая ни их несчастий, ни удач, лишь бы были свободными, и перевести их под свою руку, желая усилить римлян и уменьшить силы соседей; и он сделал это, изыскав благовидный предлог, разнося слух, что он выказывает почтение к божеству. 4. Дело в том, что место между Капитолием и крепостью, которое ныне называется на языке римлян «Между двумя рощами», да и тогда употреблялось то же прозвище, было тенистым благодаря раскинувшимся на склонах с обеих сторон лесам. Ромул сделал его священным и устроил в нем убежище, безопасное для просящих защиты, и там же соорудил храм, — а вот кому из богов

или демонов, сказать точно не могу. А для прибегающих к нему как к убежищу просителей Ромул выступил поручителем в том, что они не потерпят никакого зла от врагов благодаря благочестию в отношении божества, и обещал, если они пожелают остаться у него, дать им права гражданства, а также участок земли, которую сможет отобрать у неприятелей. И люди стекались изо всех мест, убегая от домашних бедствий, и уже не помышляли об уходе в другое место, удерживаемые ежедневными беседами и благодеяниями с его стороны.

XVI. Третьим основанием правления Ромула, что более всего по необходимости развивали еще эллины, было наилучшее начало для всех государственных институтов, как дошла до меня молва, то, что заложило исток прочной свободы у римлян и в немалой степени способствовало возрастанию их владычества. Состояло оно в том, чтобы не губить покоренное в результате войн взрослое население городов, не обращать его в рабство и не пускать их землю под пастбища, но высылать туда поселенцев и на определенную часть сельской округи выводить в покоренные Римом города колонии, а некоторым из них предоставлять римское гражданство. 2. И на самом деле, учредив данные и подобные им общественные порядки, Ромул создал великий город из ничтожной колонии, как это выявили сами обстоятельства. Ведь число присоединившихся к Ромулу в заселении Рима не превышало трех тысяч пеших и примерно трехсот всадников; в то время как оставленных им, когда он исчез из мира людей, оказалось сорок шесть тысяч пехотинцев, а всадников — немногим менее тысячи. 3. Поскольку он заложил такие начала управления, то и цари, правившие городом после него, сохраняли его предначертания, и те, которые приняли годичную должность после них, тоже увеличивают таким образом, насколько возможно, население, так что римский народ стал не меньше, чем любой другой народ, каким бы многочисленным тот ни был.

XVII. Сравнивая с этими обычаями эллинов, я не понимаю, как можно восхвалять устои, присущие лакедемонянам, фиванцам и весьма гордящимся мудростью афинянам, которые, ревниво храня свое благородство, за редким исключением не давали никому своего гражданства (позволю себе сказать, что некоторые даже изгоняли чужеземцев), при этом сами они, не вкусив никакого блага от подобной кичливости, наносили себе большой вред. 2. Например, спартиаты, сокрушенные в битве при Левктрах²⁰, где их потери составили тысячу семьсот человек, не смогли уже возвысить свое государство до прежнего уровня после такого несчастья, но с позором утратили господство. А фиванцы и афиняне из-за одной проигранной битвы при Херонее²¹ вместе с главенством в Элладе были лишены македонянами свободы, доставшейся от

²⁰ В битве при Левктрах (371 г. до н.э.) спартиаты были побеждены фиванским полководцем Эпаминондом.

²¹ В битве при Херонее (338 г. до н.э.) Александр Македонский разбил союзные греческие войска, после чего Греция потеряла независимость.

предков. 3. Римское же государство, оказавшись ввергнутым в тяжкие опасности — имея множество врагов в Иберии, вновь приобретающую было Сицилию и Сардинию, в то время как события в Македонии и по всей Элладе угрожали ему войной, да и Карфаген вновь стал претендовать на господство, а Италия не только почти вся восстала, но и призывала к Ганнибаловой войне — не только не понесло урона из-за тогдашних превратностей судьбы, но и черпало в них силу, еще большую, чем прежняя. 4. И так же случилось, когда по воле судеб Рим был почти сокрушен после разгрома при Каннах²², где из шести тысяч конницы спаслось только триста семьдесят, а из общего числа в 80 тысяч призванных в войско пехотинцев уцелело немногим более трех тысяч.

XVIII. В самом деле, я восхищаюсь свершениями этого мужа и намерен добавить к этому, что он усматривает истинные причины прекрасного обустройства полиса; о нем болтают все политики, но заботятся немногие. Что касается благосклонности богов, то при ее наличии у людей все идет к лучшему. А благодаря мудрости и справедливости люди менее вредят друг другу и скорее достигают согласия и подготавливают счастье не постыдными удовольствиями, а добром. Если же коснуться внешнего благородства в войнах, то оно также подготавливается людьми, и полезно для обладающих прочими добродетелями. И Ромул считал, что не случайно присуще добро каждому. 2. И он понял, что дельные законы и ревностное отношение к благу развивают в государстве благочестивость, мудрость, справедливость и отвагу в военных делах. Ромул обладал большой дальновидностью, положив в основу власти почитание богов и гениев. Ромул установил храмы, священные участки, алтари и статуи из дерева с изображениями и символами богов, определил значимость их и дары, которыми род людской благодарит божества, а также праздники, сколько их ни полагается устраивать каждому из богов или божеств, и жертвы, с помощью которых люди их почитают, — всему, чему боги радуются, — и сроки перемирий, и опять-таки всенародные празднества и дни отдохновения от трудов, и все в том же роде он учредил с помощью наилучших из эллинских законов. 3. А слагаемые о богах басни, в которых содержатся какие-либо хулы или злословия против них, Ромул все отринул, полагая, что они являются дурными, вредными и безобразными и что они не достойны ни богов, ни добрых людей, и он настроил людей на то, чтобы говорить и думать о богах только самое лучшее и чтобы люди не касались обычаев, не достойных блаженной природы.

²² В битве при Каннах (216 г. до н.э.) римляне потерпели самое страшное поражение от карфагенского полководца Ганнибала во время второй Пунической войны.

XIX. Ведь у римлян и речи нет о том, что Урана²³ охолостили собственные дети и что Крон²⁴ уничтожал свое потомство из страха, что оно восстанет против него, а Зевс покочил с владычеством Крона и запер своего отца в темнице Тартара²⁵; или, к примеру, о войнах, ранах, оковах богов и о служении богов людям. 2. И ни одно празднество не проводится у римлян в черных одеждах или как траурное, сопровождаемое биением в грудь и плачем женщин по исчезнувшим богам, подобно тому, как это совершается у эллинов по поводу похищения Персефоны²⁶, страданий Диониса²⁷ и всякого подобного рода. И никто, пожалуй, у них не обнаружит — хотя их нравы уже испортились — ни одержимости богами, ни корибантствований²⁸, ни сборищ, ни вакханалий²⁹, ни недозволенных таинств, ни всеошных бдений в святилищах мужчин и женщин скопом, и ничего близко похожего на такого рода чудеса, но все в поступках и словах относительно богов делается богобоязненно, чего не увидишь ни у эллинов, ни у варваров. 3. Я же лично поражаюсь более всего тому, сколь много чужестранцев ни бывало бы в Риме, которым требовалось почитать родных богов в соответствии с домашними правилами, город римлян ни разу не проявил ненависти публично ни к одному иностранному ритуалу, что многим уже выпало испытать в других местах, но если даже согласно оракулам и приносились сюда чужие святыни, то Рим, отбросив всяческие баснословные хитросплетения, начинал почитать их, используя собственные обряды, подобно тому как это произошло со священнодействиями в честь Идэйской богини³⁰. 4. Ведь консулы³¹ ежегодно совершают в ее

²³ Уран — в греческой мифологии бог неба, супруг богини земли Геи, отец божеств, олицетворяющих дикие силы природы — титанов, гекатонхейров, киклопов, которых он заточил в подземном мире.

²⁴ Крон — в греческой мифологии сын Урана и Геи, один из титанов, восставший против своего отца. Одним из его сыновей был Зевс. В римской мифологии Крон был отождествлен с Сатурном.

²⁵ Тартар — в греческой мифологии глубинная часть преисподней, куда Зевс заключил Крона.

²⁶ Персефона — в греческой мифологии дочь Деметры и Зевса, похищенная Аидом, богом подземного мира, ставшая его супругой и царицей преисподней. Римским аналогом ей является Прозерпина.

²⁷ Дионис — в греческой мифологии бог растительного мира, виноградной лозы и виноделия. Он был сыном Зевса и Семелы, погибшей из-за происков ревнивой Геры. По одной из версий, во время морского путешествия был захвачен тирренскими пиратами, заковавшими его с целью продать в рабство. Но чудесным образом оковы упали с его рук, пираты от страха попрыгали в море, превращаясь в дельфинов, а Дионис получил свободу. В Риме почитался как Вакх.

²⁸ Корибанты — жрецы фригийской богини Кибелы, чей культ носил оргиастический характер. В Греции почиталась Кибела, слившаяся с Реей, дочерью Крона и Геи. В Риме корибанты идентифицировались с куретами. См. примеч. 35.

²⁹ Вакханалии — римские празднества во славу Диониса-Вакха, носившие оргиастический характер. В 184 г. до н.э. под предлогом опасности для государства и нравов предков были запрещены, а участники их подверглись преследованиям.

³⁰ Идэйская богиня — в греческой мифологии Рея Кибела. Получила прозвище от горы Иды на Крите, где она родила Зевса и прятала его от своего супруга Крона, глотавшего собственных детей.

³¹ Консулы — старшие магистраты в Риме, обладавшие высшей военной властью (*imperium*), а также правом ауспий.

честь жертвоприношения и проводят состязания по римским законам, но жрецами ее являются фригиец и фригийка, и попеременно они обносят по всему городу ее изображение, собирая подношения в соответствии со своим обычаем, бия себя в грудь и сопровождая песнопения во славу Матери богов игрой на флейте и ударяя в тимпаны. 5. Но из римских уроженцев никто не расхаживает по городу в пестрых одеждах, собирая подношения и играя на флейте. В соответствии с законом и постановлениями сената никто не совершает этих таинств богине фригийскими оргиями. Таким образом общество выказывает осторожность к неместным обычаям в отношении богов и опасается всякой спеси, которой не присуще благочестие.

XX. Пусть никто не заподозрит, будто я в неведении, что иные из эллинских басен полезны людям. Ведь одни аллегорически объясняют явления природы, другие сложены ради утешения в человеческих бедах, а третьи унимают смятение души и страх и очищают нездоровое воображение, остальные же сочинены ради другой какой-нибудь пользы. 2. Но, хотя мне ведомо это не хуже любого другого, я все-таки отношусь к ним с осторожностью и скорее принимаю римское учение о богах, замечая, что польза, извлекаемая из эллинских мифов ничтожна и способна оказать помощь лишь немногим, причем одним только исследующим, ради чего они возникают, и редко находится тот, кто эту философию перенимает. Многочисленная же и далекая философии чернь предпочитает наихудшим образом воспринимать рассказы о богах и пытается склониться к одному из двух: либо презирать богов, которые оказались в великом несчастье, либо самим не воздерживаться ни от чего гнусного и беззаконного, видя, что подобное присуще и богам.

XXI. Однако оставим рассмотрение этого тем, кто выделил единственно теоретическую часть философии. Но относительно установленного Ромулом государственного устройства, я счел достойным упоминания в истории следующего. Прежде всего, сколь многим лицам предоставил Ромул иметь попечение о божественном. И, пожалуй, никто не назовет какой-нибудь другой новооснованный город, где с самого начала было бы назначено столько жрецов и служителей богов. 2. Ведь кроме тех, кто отправляя родовые священные обряды, в его правление были учреждены шестьдесят человек, которые совершали общественные священнодействия о благе государства по трибам и куриям. Я просто повторяю то, что написал в «Древностях» Теренций Варрон, наиболее сведущий муж в его время. 3. Затем, в то время как у других по большей части как-то дурно и необдуманно совершался выбор настоятелей храмов, и одни считали достойным объявлять оплату их службы в серебре, а другие распределяли жрецов по жребию, Ромул не позволил жречеству ни стать покупным за деньги, ни доставаться по жребию, но узаконил, чтобы из каждой курии назначались двое мужей старше пятидесяти лет, выделяющихся среди других происхождением, отличающихся добродетелью и обладающих солидным достатком, а также без телесных изъянов. И он установил, чтобы они сохраняли сан не в течение какого-то срока, а пожизненно, и чтобы они были освобождены по закону из-за возраста от военной службы и от государственных тягот.

XXII. А поскольку одни священнодействия следовало исполнять с помощью женщин, а другие — детей, у которых живы оба родителя³², дабы и это регулировалось наилучшим образом, Ромул назначил женам жрецов помогать в священнодействиях своим мужьям, и если по местному обычаю не было положено совершать таинства мужчинам, то женам исполнять их, а детям помогать в их обязанности. А бездетным жрецам надлежало выбрать из других семей в каждой курии самых милovidных юношу и девушку, первого он назначил помогать жрецам до возмужания, вторую же на столько времени, сколько она останется девственницей, т.е. до брака, — я убежден, что все это он заимствовал из эллинских законов. 2. Ведь какие таинства совершают в эллинских храмах так называемые канефоры³³ и аррефоры³⁴, как их именуют, такие же исполняют у римлян так называемые тутизлы³⁵, украсив голову венками, подобными тем, какими увенчивают статуи Артемиды Эфесской у эллинов. А то, что у тирренов, а еще раньше у пеласгов исполняли во время церемоний, посвященных куретам³⁶ и великим богам, величаемые у них «камиллы», ту же помощь ныне жрецам у римлян оказывают те, кого именуют «камиллами»³⁷. 3. А кроме того, Ромул повелел, чтобы от каждой трибы на жертвоприношениях присутствовал гадатель, которого мы называем гиероскопом, римляне же, сохраняя некоторое из древних названий, именуют гаруспиком³⁸. И он установил законом, чтобы всех жрецов и служителей богов назначали курии, а утверждали с помощью божественных знамений те, кто сведущ в их толковании.

XXIII. Сделав распоряжения относительно выполнения религиозных обрядов богам, Ромул вновь, как я сказал³⁹, распределил между куриями надлежащие им священнодействия, предназначив каждой богов и гениев, которых они обязаны всегда почитать, и определил расходы на священнодействия, которые необходимо выделять им из общественной казны. 2. И члены курий вместе со жрецами приносили назна-

³² В лат. *patrimi et matrimi*. Наличие обоих живых родителей было в Риме условием участия в различных сакральных делах.

³³ Канефоры — участники торжественных процессий, несущие корзины со священными предметами.

³⁴ Аррефоры — участники торжественной процессии в честь Афины, несущие священные предметы.

³⁵ Слово происходит от лат. *tutulum* (см. *Фест.* О значении слов. С. 484, 485), обозначающего головное украшение в виде пурпурной повязки, которая укладывает волосы в высокую прическу. Оно было отличительным знаком фламиники. Так же назывался и некий войлочный головной убор, который носили жрецы — фламины и понтифики.

³⁶ Куреты — первоначально божества растительности, затем у греков — спутники богини Реи и, наконец, — Реи и Кибелы. Их путали с корибантами (см. примеч. 66 и 86 к кн. I).

³⁷ Камиллы — лат. *samilli*, т.е. прислужники, помощники фламина Юпитера при жертвоприношениях, первоначально обслуживали культ кабиров (см. примеч. 86 к кн. I).

³⁸ Гаруспики — этрусские жрецы, пользовавшиеся популярностью в Риме, гадали по внутренностям жертвенных животных.

³⁹ См. гл. 21. 2–3.

ченные богам жертвы и совместно вкушали от них у очага курии во время празднеств; поскольку для каждой курии было устроено помещение с очагом, подобное пританеям⁴⁰ у эллинов, и был освящен общий очаг для всех членов курии. Название же у этих помещений было такое же — «курии», и они сохраняют его вплоть до наших дней. 3. Мне кажется, этот обычай римляне заимствовали у лакедемонян, из-за их фидитий⁴¹, которые тогда были в расцвете. Сдается мне, что ввел его Ликург⁴², проведая о нем у критян, и тем принес великую пользу государству, направляя жизнь людей в мирное время к умеренности и благоразумию в каждодневных занятиях, на войне же пробуждая в каждом и совесть, и заботу о том, чтобы не покинуть ближнего, с которым он вместе совершал возлияния, приносил жертвы и соучаствовал в общих священнодействиях. 4. И не только за такую мудрость Ромул достоин похвалы, но и за простоту жертвоприношений, которыми он велел почитать богов, большая часть которых, если не все, сохранилась до нашего времени и совершается согласно древнему способу. 5. Так вот, я своими глазами видел в домашних святилищах на древних деревянных столах предложенную богам в корзинах и на глиняных дощечках трапезу — ячменный хлеб⁴³ и лепешки, полбу и первинки каких-то плодов и тому подобное, простое и дешевое, лишненное всякого дурного вкуса. И я видел возлияния, смешанные не в серебряных и золотых сосудах, но в глиняных киликах⁴⁴ и кружках, и очень порадовался за людей, ибо они остаются верны отечественным нравам, ничуть не отклоняясь от древних священных обычаев в угоду крикливой роскоши. 6. В самом деле, существует ведь то достойное памяти и слова, что установил правивший городом после Ромула Нума Помпилий, муж, преисполненный разумом и умением толковать божественные знамения в немногих словах, о чем я расскажу позже, а также — Тулл Гостилий, бывший третьим царем, начиная от Ромула, да и все, обретшие царскую власть вслед за ним. Однако тем, кто предоставил им, так сказать, семена и первоначала, и кто учредил самое существенное относительно божеских законов, был Ромул.

XXIV. Представляется также, что Ромул начал упорядочение и прочих дел, благодаря чему римляне сохранили благополучие полиса на протяжении жизни многих поколений. Он учредил прекрасные и благодатные законы, по большей части неписанные, но среди них есть и такие, что, возможно, были записаны. Ныне ряд из них вовсе нет необходимости описывать, но о других из тех, которыми я особенно

⁴⁰ Пританей — в греческом мире общественное здание, где заседали у городского очага пританы; в Афинах — выборные представители территориальных округов-фили; в других городах — главы государств.

⁴¹ Фидитии, или сисситии — в Спарте совместные трапезы спартиатов, полноправных членов государства.

⁴² Ликург — легендарный основатель Спартанского государства и его конституции.

⁴³ Лат. *far, -gis* — хлеб в зерне, полбленный пирог. Отсюда древнейший вид брака — конфареационный, при заключении которого использовался *far*.

⁴⁴ Килик — бокал, стакан.

восхищался, следует поведать, так как из них становятся ясными и особенности остального законодательства Ромула. Ведь оно было суровым, ненавидящим дурное и ближе всего стояло к той героической жизни. 2. Следует вкратце упомянуть прежде всего только то, что, по-моему, все создатели как варварских, так и эллинских государственных устройств правильно подметили нечто общее, а именно, что всякий полис, состоящий из многих семей, гораздо больше подобен идущему верным курсом кораблю, когда жизнь частных людей благополучна, и подвержен частым бурям всякий раз, как частные дела каждого человека находятся в плачевном состоянии. Поэтому обладающему государственным складом ума, будь то законодатель или царь, <следует> издавать такие законы, кои сделали бы справедливой и разумной частную жизнь людей. 3. По-моему, из них не все равным образом увидели, из каких обычаев и посредством каких установлений могли бы проявиться именно такие законы, но некоторые во многом, если не во всем, так сказать, в главных и первостепенных частях законодательства совершают ошибку. 4. К примеру, в отношении брака и связей с женщинами, с чего законодатель и надлежит начинать законотворчество, — одни, беря пример со зверей, допускали свободные и общие связи особой мужского и женского пола с целью освободить жизнь от любовных страстей и изгнать взаимостребляющее соперничество, а также покончить со многим другим злом, которое овладевает и отдельными семьями, и целыми городами из-за женщин. 5. Другие же изгнали из государств эти дикие и скотские сожителства, связав мужчину с одной женщиной. Но они не предприняли ни малейшей попытки издать законы относительно защиты браков и женской скромности, но отстранились от этого дела как от невыполнимого. 6. Третьи же не допустили любовных сожителств вне брака, как некоторые из варваров, и не оставили, как лакедемоняне, женщин без присмотра, но ввели немало законов для их обуздания. А есть и такие, кто учредил некоего заботливого магистрата для надзирания за благопристойностью женщин. Только попечение об их охране оказалось недостаточным, но более мягким, чем требовалось, и не способным направить из-за природной горячности смешение женщин с мужчинами по необходимости в целомудренное русло.

XXV. Ромул не дал возможность мужу обвинять жену в том, что она изменяет ему или беспричинно покидает дом, а супруге — обвинять мужа в злодеяниях или несправедливом оставлении ее, не издал законов относительно возврата приданого, вообще не касаясь ничего в тому подобных делах, установив один только закон, наиболее значимый из всех, как показало его применение, побудив женщин к благоразумию и полной благопристойности. 2. Закон этот был таков: женщина, вступившая в брак по священному закону, разделяла с мужем обязанности в священнодействиях. Древние называли эти браки священными и законными, определяя их, согласно римскому названию, «фарреатными» в связи с применением у них «фарра», что мы называем полбой. Ибо для всех римлян с давних пор и в течение долгого времени она была привычной пищей, а римская земля обильно родит прекрасную полбу. И подобно

тому как мы, эллины, полагая древнейшим ячменный колос, начинаем жертвы ячменем, называя его «жертвенными зернами», так и римляне, считая полбу наиболее ценным и древним лаком, начинают жертвоприношения с ее сожжения. Этот обычай соблюдается и поныне и не заменяется на принесение в жертву более дорогостоящих первинков. 3. На деле данный обычай выразился в том, что полба оказывалась священной и первой общей едой, и супруги соединялись в единой судьбе, а союз их получил наименование по «фарру», а это неизбежно приводило к неразрывной связи семьи, поэтому подобные браки были нерасторжимы. 4. Этот закон вынуждал замужних женщин жить, как бы не имея никакого другого выхода, не иначе как в браке, а мужьям — обладать женами как необходимой и неотчуждаемой собственностью. 5. Соответственно, благоразумная и во всем повинующаяся супругу жена была наравне с мужем госпожой в доме, а после его смерти становилась наследницей части имущества, подобно дочери у отца. Если же он умирал бездетным и без завещания, жена становилась хозяйкой всего оставленного имущества, если же у них имелось потомство, она получала равную с детьми долю. 6. А совершив прегрешение в чем-либо, она получала в его лице судью, который определял тяжесть наказания. И суд вершили родичи вместе с мужем. К проступкам относились осквернение тела или если какую-нибудь женщину застанут выпившей вино, что у эллинов считалось наименьшим из прегрешений. И то и другое как крайние из женских преступлений Ромул согласился наказывать смертью, считая телесное осквернение началом безрассудства, а опьянение — пагубы. 7. И в течение долгого времени оба эти проступка оставались у римлян предметом неумолимого гнева. Подтверждением же ревностного соблюдения закона о женщинах выступала сама долговременность его действия. Признано, что в течение пятисот двадцати лет в Риме не был расторгнут ни один брак. А в четыреста тридцать седьмую Олимпиаду в консульство Марка Помпония и Гая Папирия⁴⁵, говорят, первым отпустил свою жену Спурий Карвилий, муж, не лишенный знатности, принужденный цензорами поклясться, что он сходится с другой женщиной ради появления детей (жена его была бесплодной). Он же из-за этого обстоятельства, хоть и возникшего в силу необходимости, провел жизнь, ненавидимый народом.

XXVI. Вот, следовательно, то хорошее, что ввел законом Ромул в отношении женщин, и на основе чего он сделал их более скромными в отношении мужчин. А для воспитания стыдливости и послушания детей, дабы они почитали отцов, выполняя в делах и словах все, что бы те ни приказывали, было создано нечто, еще более вос-

⁴⁵ Т.е. в 231 г. до н.э. С ним согласен Геллий (IV. 3). Однако Валерий Максим (II. 1. 4) дает дату 233 г. до н.э. Более того, Валерий Максим (II. 9. 2) упоминает о разводе некоего Луция Антония в 306 г. до н.э. (в цензорство Г. Юния Бубулька и М. Валерия Максима — *Ливий*, IX. 43. 25). Возможно, здесь ошибка Дионисия. Высказывается предположение, что древние авторы имели в виду разные формы браков или основания для развода.

хитительное и грандиозное, нежели это, и имеющее серьезные отличия от наших законов. 2. Ведь те, кто творил эллинские общественные порядки, назначили для попечения какое-то совсем краткое время, чтобы дети оставались под властью отцов: одни — вплоть до третьего года возмужалости, другие же — на период, пока дети остаются холостыми, а иные — пока их не внесут в официальные списки дема⁴⁶, как я узнал из законодательства Солона, Питтака⁴⁷ и Харонда⁴⁸, чья мудрость достаточно засвидетельствована. 3. Наказания детям в случае их неповиновения отцам эллины наложили не тяжкие, разрешив отлучать их от дома и не оставлять им в наследство имущества, а сверх того — ничего. Но мягкие наказания недостаточны для сдерживания неразумия и своевольных нравов юности, а также для направления на стезю мудрости тех, кто не стремится к добру. Вследствие этого у эллинов много бесстыдного совершается детьми в отношении своих отцов. 4. Римский же законодатель предоставил отцу, так сказать, полную власть над сыном и притом на всю жизнь — заключать его в темницу и бичевать, держать в оковах на полевых работах и, коли предпочтет, предать смерти, даже если сын уже занимается государственными делами, исполняет высшие должности или стяжал похвалы на почетном общественном поприще. 5. Следуя этому закону знаменитых мужей, поднимающихся на ростры⁴⁹ с публичными речами, враждебными сенату, но угодными простолюдинам, весьма прославившихся благодаря им, отцы стаскивали с трибуны и подвергали наказанию по собственному усмотрению. И когда тех уводили с Форума, никто из присутствующих не осмеливался забрать их от отцов — ни консул, ни плебейский трибун, ни уещаемая ими чернь, считающая всякую власть ниже своей собственной. 6. В самом деле, я позволю себе напомнить, сколько отцы обрекли на смерть прекрасных мужей, движимых доблестью и рвением совершить какое-нибудь благородное деяние, не поддержанное их отцами, как в случае с Манлием Торкватом⁵⁰ и многими другими, о чем я поведаю в свое время.

XXVII. И римский законодатель не остановился на этом, но позволил отцу продавать сына, пренебрегши тем, что кто-то заподозрит, что постановление принято жестокое и более суровое, чем сообразно природе. А чему более всего может пора-

⁴⁶ Дем — территориально-административная единица в Аттике.

⁴⁷ Питтак (середина VII — первая четверть VI в. до н.э.) — считался одним из семи греческих мудрецов. Жил в Митилене на Лесбосе, для которой составил законы.

⁴⁸ Харонд — правитель и законодатель, родом из Катаны в Сицилии. Жил примерно в VII—VI в. до н.э., во всяком случае не ранее середины VI в. до н.э. Прославился как законодатель. Его законы, охранявшие частнособственнические начала, были приняты не только в Катане, но и в других городах Сицилии и Южной Италии.

⁴⁹ Ростры — ораторская трибуна на римском Форуме.

⁵⁰ Манлий Торкват, Тит (младший), сын Тита Манлия Торквата. Был казнен по приказу отца-консула за то, что во время II Латинской войны самовольно вступил в победоносный поединок с тускуланцем Геминном Месцием.

зится человек, воспитанный на вольных эллинских нравах, как тяжкому и тираническому, так это тому, что римский законодатель разрешил отцу обогащаться за счет сына, продавая его вплоть до трех раз, дав отцу власть над ребенком большую, нежели господину над рабом. 2. Ведь единожды проданный раб, обретя впоследствии свободу, впредь уже остается сам себе господином. Сын же, проданный отцом, даже став свободным, вновь переходит под отцовскую руку и вторично проданный и освобожденный, словно раб, пребывает во власти отца. Лишь после третьей продажи он освобождается от отца. 3. Именно этот закон, то ли записанный, то ли неписанный (этого я сказать не могу), в незапамятные времена блюли цари, считая его наиболее важным из всех законов. А после свержения монархии, когда впервые римлянами было решено обнародовать на Форуме для сведения всех граждан отчие обычаи и законы вкупе с принятыми иноземными, чтобы права общества не менялись вместе с полномочиями магистратов, децемвиры, получившие право собрать и записать их, включили и его вместе с другими законами, что расположены в четвертой из так называемых XII таблиц, которые эти магистраты выставили на Форуме. 4. То, что не децемвиры, которые тремястами годами позже были назначены для записи законов, первыми ввели этот закон у римлян, но что, обнаружив его применение издревле, они не осмелились его отменить, я узнал из многих других свидетельств, но особенно из законов Нумы Помпилия, правившего после Ромула, где был записан и такой: «Если отец позволит сыну привести жену, которой предстоит по законам стать соучастницей в священнодействиях и имуществе, да не будет у отца власти продать сына». И этого, пожалуй, он не написал бы, если бы во всех предыдущих законах не разрешалось отцу продавать сына. 5. Но об этом достаточно, а я хочу в общих чертах рассказать о другом, о том, чем Ромул упорядочил жизнь частных людей.

XXVIII. Итак, видя, что для того, чтобы всем жить разумно и предпочитать справедливость корысти, чтобы упражнять выносливость в тяготах и не считать никакую вещь ценнее доблести, Ромул привил гражданскому сообществу, в котором большинство склонно к непокорности, стремление не на словах, а на деле состязаться в достижении добродетели. Он понимал, что многие участвуют в этом по необходимости, а не по разумению, а затем, если никто не удерживает их, возвращаются к природному состоянию. Поэтому он повелел рабам и иноземцам предаваться занятиям возчиков и ремесленников, приводящим к низменным желаниям, которые уничтожают и калечат тела и души тех, кто им предается. И весьма долго подобные дела рассматривались как позорные, и никто из урожденных римлян ими не занимался. 2. Два только занятия оставил Ромул свободным — земледелие и военное дело, подметив, что, ведя такую жизнь, люди становятся повелителями своего желудка, меньше пленяются любовными излишествами и преследуют не корысть, вредящую друг другу, но пользу от обогащения за счет врагов. Он полагал, что каждый образ жизни по отдельности является несовершенным и чреватым склочностью, и не позволил одним только обрабатывать землю, а другим — только вести военные дела, как это было

узаконено у лакедемонян, но предназначил всем людям вести жизнь и война, и земледельца. 3. Он приучал всех в мирное время пребывать на полевых работах, если не возникает нужда посетить рынок, а в таких случаях сходиться в город на Форум для торговых дел каждый девятый день⁵¹. Когда же случалась война, он учил людей воевать и не уступать никому ни в ратных трудах, ни в получении выгоды, так как он разделял между ними поровну землю, сколько бы ни захватывали у врагов, а также рабов и имущество, и настроил их к тому, чтобы они охотно жемали участвовать в военных походах.

XXIX. По делам о взаимных обидах Ромул учредил суды не долгие, но незамедлительные, одни дела разбирая сам, а иные — поручая другим, и установил наказания в соответствии с тяжестью преступления. Видя, что страх наиболее способен отвлечь людей от всяческих позорных поступков, он приготовил для этого много устрашающего — и возвышение в самой заметной части Форума, восседая на котором творил суд, и грозных видом воинов, которые сопровождали его числом триста⁵², и розги и секиры, которые несли двенадцать мужей⁵³. Ими они секли прямо на Форуме тех, кто заслуживал бича, и у всех на виду обезглавливали тех, кто был виновен в тяжчайших преступлениях. 2. Таким вот, действительно, был порядок созданного Ромулом государственного устройства⁵⁴. Он достаточно ясен как из сказанного, так и в отношении других дел.

XXX. О других деяниях, которые совершались Ромулом, как в войнах, так и в городе, из которых всякое способно оставить след в исторических сочинениях, передают следующее. 2. Поскольку вокруг Рима обитало немало племен, выдающихся численностью и отважных в войне, из которых ни одно не было дружественным римлянам, Ромул стремился сблизиться с ними посредством обоюдных браков, что казалось древним наиболее надежным способом в достижении дружбы. Понимая, что жители соседних городов не явятся к ним добровольно и не поселятся вместе с ними, потому что римляне не сильны богатством и не проявили себя ни в каком славном подвиге, но что они уступят лишь насилью, если никакое бесчестие не будет сопутствовать принуждению, Ромул возымел замысел, к которому склонился и дед его Нумитор, — устроить взаимные браки всеобщим похищением девушек. 3. Приняв такое решение, Ромул прежде всего дает обет богу, повелителю неизреченных замыслов, буде задуманная попытка удастся, устраивать ежегодно жертвоприношения

⁵¹ В лат. яз. — нундины (nundinae от novem dies).

⁵² Это был отряд его телохранителей-целеров.

⁵³ 12 ликторов, вооруженные пучками розог (фасциями) и воткнутыми в них боевыми топорами. В эпоху Республики ликторы как стражники и торжественный эскорт высших должностных лиц, предшествовали магистратам во время их прохождения по городу.

⁵⁴ Звучит для эпохи Ромула модернизировано. В современных понятиях это означает «управление общиной».

и празднества. Затем, внеся предложение на собрание старейшин и получив одобрение предприятия, он объявил провести празднество и всенародное ристалище в честь Нептуна⁵⁵ и разослал вести в ближайшие города, призывая желающих из числа благородных принять участие в собрании и в состязаниях, поелику он намеревался устроить конные ристания и разнообразные соревнования мужей. 4. На празднество собралось множество гостей вместе с женами и детьми. После того как он справил жертвоприношения Нептуну и завершил состязания, в последний из дней, в который он намеревался окончить торжество, он отдал своим юношам приказ, как только сам подаст знак, хватать присутствующих на зрелище девушек, какая каждому из них попадется, и хранить их в ту ночь неприкосновенными, а на следующий день привести их к нему. 5. И в самом деле, когда юноши, смешавшись со скопищем людей, увидели поданный знак, они бросились похищать девушек, а среди гостей тотчас же поднялось смятение и началось бегство, потому что те заподозрили еще большее зло. На следующий день девы были приведены к Ромулу, и тот смягчил их отчаяние, уверив, что похищение совершилось не для насилия, а ради брака. Объявив обычай эллинским, старинным и наиболее известным из всех способом, которым заключаются браки с женщинами, он потребовал возлюбить данных им судьбой мужей. 6. И насчитав после этого дев в количестве шестисот восьмидесяти трех, Ромул, со своей стороны, отобрал из неженатых равное им число мужчин и обручил их согласно обычаям страны каждой девушки, основав брак на совместном пользовании огнем и водой, как это делается вплоть до наших дней.

XXXI. Некоторые пишут, что случилось это событие в первый год правления Ромула, а Гней Геллий — что в четвертый, и это более вероятно. Ведь сомнительно, чтобы новый правитель заселяемого города предпринял такую авантюру, прежде чем установить государственный строй. Причину же похищения девушек одни усматривают в недостатке женщин, другие же — в поводе к войне. Но те, кто пишет наиболее убедительно — с чем согласен и я, — относят ее к завязыванию дружбы с близлежащими общинами, вызванной необходимостью. 2. Учрежденный тогда Ромулом праздник римляне продолжают справлять и в наше время под именем «Консуалий», причем бог почитается жертвоприношениями и сожжением первинок на водруженном близ Большого цирка подземном алтаре, который для этого освобождается от земли, а также устраивается ристание запряженных в колесницы и незапряженных коней. А бог, для которого устраивается празднество, называется у римлян Консом. Некоторые при переводе на греческий язык отождествляют его с Посейдоном-Землеколебателем и считают, что и почтен он подземным алтарем за

⁵⁵ У Дионисия — Посейдон, который равен римскому Нептуну, богу вод и покровителю коневодства, отождествленному с богом земледелия Консом. В честь него справлялись в Риме Консуалии. Его имя производится либо от лат. глагола *condo* со многими значениями, в том числе «воздвигать», «укрывать», «прятать, хранить», либо от слова *consilium*, т.е. совет.

то, что является владыкой земли. 3. Я же сам по слухам знаю также и другое мнение, что праздник проводится именно в честь Посейдона, и конские бега устраивают именно в его честь, а вот подземный алтарь установлен уже позже для некоего неизреченного божества — подателя и охранителя тайных советов. Ведь Посейдону невидимый алтарь не сооружен нигде на земле ни эллинами, ни варварами. Но трудно сказать, как действительно обстоит дело.

XXXII. Когда весть о похищении девушек и их бракосочетаниях долетела до близлежащих городов, то в одних восприняли содеянное с гневом, а в других, поняв его причины и цели, ради которых это было сделано, восприняли все спокойно. Но все же со временем Ромулу пришлось перенести ряд войн, обычно легких, но одна, против сабинян, оказалась значительной и тяжелой. Всем им сопутствовал счастливый конец, каковой и был Ромулу наперед дан в предсказаниях, полученных прежде, чем взяться за дело, которые предвещали трудности и великие опасности, но успешное завершение. 2. Первыми из городов начали против него войну Ценина⁵⁶, Антемны и Крустумерий, выставив в качестве предлога похищение девушек и то, что они не получили правосудия, на деле же они возмущались самим основанием города и его заметным ростом в короткий срок и не считали возможным допустить возрастание угрозы, общей для всех соседей. 3. Но прежде всего они отрядили послов к народу сабинян, моля их взять на себя предводительство в войне, так как они располагают наибольшей военной силой, гораздо состоятельнее, достойны управлять соседями и не менее других оскорблены, поелику большинство похищенных были из сабинянок.

XXXIII. Но поскольку они не получили помощи, так как их опередили послы от Ромула, которые уещали сабинян и словами, и делами, то они гневались на пустую трату времени, поскольку сабиняне постоянно медлили и откладывали на длительное время решение о войне. Поэтому латины постановили воевать против римлян самим, полагая, что у них своих сил достаточно, если три города встанут как один, чтобы уничтожить один единственный небольшой полис. Таково было решение, но они не успели все вместе собраться в одном лагере, так как ценинцы, которые более всего ратовали за войну, смелее выступили тотчас же. 2. Когда ценинцы начали поход и стали разорять приграничные земли, Ромул вывел свое войско, внезапно напал на них, еще не укрепленных, и овладел только что сооруженным лагерем. Преследуя по пятам бежавших в город, жители которого предчувствовали беду, нависшую над ними, и найдя стены без охраны, а ворота нараспашку, Ромул сходу берет город, затем, встретив царя ценинцев с сильным отрядом, он собственными руками убивает его в сражении и снимает с него доспехи.

XXXIV. Когда таким образом город ценинцев был захвачен, Ромул приказал пленным сдать оружие и, взяв в заложники детей, сколько считал достаточным, обратился

⁵⁶Ценина — город в древнем Лации, близ Рима, откуда явствует, что похищенные девушки были не только сабинянками. К началу нашей эры город бесследно исчез.

против антемнатов. Одолев и их войско, как и в первом случае, напав неожиданно, когда они рассеялись в поисках фуража, он устроил пленных таким же образом, что и первых, отвел свое войско домой, везя доспехи павших в битве и отборную часть добычи для богов. И он совершил множество жертвоприношений вместе с воинами. 2. Сам Ромул шествовал в конце торжественной процессии, облаченный в пурпурные одежды, увенчав волосы лавром и, дабы соблюсти царское достоинство, выехав на квадриге⁵⁷. Остальное же войско из пеших и конных следовало за ним в боевых порядках по своим отрядам, воспевая богов в отеческих гимнах и восхваляя предводителя в импровизированных стихах. Горожане вместе с женами и детьми встречали их, сгрудившись по обе стороны дороги, поздравляя их с победой и выказывая всяческое благорасположение. Когда же войско вступило в город, оно нашло чаши с вином, смешанным с водой, столы, ломившиеся от изобилия яств, которые были выставлены у самых именитых домов, чтобы предоставить их желающим. 3. Так победную процессию с несением трофеев и последующим жертвоприношением, которую римляне называют триумфом, впервые учредил Ромул, и была она примерно такой. В наши же дни триумф стал чрезмерно пышным и хвастливым, скорее связанным с демонстрацией богатства, нежели доблести, и во всем отошел от древней простоты. 4. После описанной процессии и жертвоприношения Ромул основал храм на вершине Капитолийского холма, посвященный Юпитеру, которого римляне зовут Феретрием⁵⁸. Он невелик (ведь еще сохранились древние следы от него с самой длинной стороной менее пятнадцати шагов), и в нем Ромул освятил доспехи ценинского царя, которого убил собственными руками. Если кто-нибудь пожелает назвать Юпитера Феретрия, которому Ромул посвятил доспехи, Трофеедержцем или Доспехоносцем, как считают некоторые, потому что он превосходит всех и объемлет всю природу и движение сущего, либо Превосходящим, тот не погрешит против истины.

XXXV. А когда царь воздал богам умиловительные жертвы и первинки плодов, то, прежде чем перейти к другим делам, он собрал заседание сената по вопросу о том, как следует поступить с покоренными городами. И сам высказал мнение, которое считал наиболее верным. 2. Когда же всем присутствующим в сенате пришлось по душе и надежность предложений правителя, и их ясность, и то, что все они послужат на всякую пользу полиса не только в данный момент, но и на все будущее время, то они одобрили слова царя. Ромул же приказал собраться вместе всем женщинам, сколько их было из родов антемнатов и ценинцев, похищенным с остальными. А когда они собрались, рыдая, бросаясь ему в ноги и оплакивая судьбу своих отечеств, он, повелев сдержать сетования и замолчать, сказал: 3. «Отцам вашим, братьям и всем вашим городам следует вытерпеть все тяготы, потому что они сами возбудили войну против дружбы, вовсе ненужную и несправедливую. Мы же решили по многим

⁵⁷ Квадрига — колесница, запряженная четверкой лошадей.

⁵⁸ Лат. Feretrius связан с глаголом *fero, ferre* (нести, носить).

причинам поступить с ними благоразумно, памятуя о возмездии богов, направленном против всех возгордившихся, и опасаясь людской зависти, кроме того, мы считаем, что сострадать людям является немалым вкладом в исправление общественных бед и что нам самим когда-нибудь придется выбирать одно из двух, и мы думаем, что и вам, не жалуящимся до сих пор на ваших мужей, почет и благодарность будут немалыми. 4. Мы оставляем, однако, прегрешение их безнаказанным и не отбираем ни свободы, ни имущества и ничего другого из благ, которыми пользуются их граждане. И мы позволяем тем, кто сильно желает, остаться в своих городах, а тем, кто стремится изменить место жительства, — сделать выбор без опасения и без раскаяния. А чтобы они не совершили еще какой-нибудь ошибки и не выдумали чего-нибудь, что приведет к тому, что города разрушат дружбу с нами, мы посчитали, что лучшей мерой и весьма полезной для достижения доброй славы и безопасности для всех станет, если мы превратим те города в колонии и отправим в них отсюда достаточное число поселенцев для совместного проживания с местными горожанами. Так вот, ступайте, имея добрые мысли, и вдвойне по сравнению с прежним возлюбите и оцените мужей, которым родители и братья ваши обязаны спасением, а отчие города — свободой». 5. Как только женщины это услышали, они пришли в восторг и, пролив много слез от радости, покинули Форум. Ромул же отправил по триста человек в каждую колонию, и города уступили им треть своих земель для раздела ее на участки по жребью. 6. Ценинцы же и антемнаты, кто желал перевести свое жилище в Рим, переселились вместе с женами и детьми, и им позволили оставить свои наделы и взять с собой имущество, сколько его нажили. И царь тотчас же записал их в количестве не менее трех тысяч человек в трибы и курии, так что у римлян тогда впервые оказалось по спискам военнообязанных всего шесть тысяч пеших воинов. 7. Так Ценина и Антемны, города неизвестные, с эллинскими корнями (ведь аборигины, будучи частью прибывших из Аркадии энотров, владели ими, отобрав у сикелов, как уже мною сказано ранее), после этой войны стали колониями римлян.

XXXVI. Завершив эти дела, Ромул двинул войско на крустумерийцев, подготовленных лучше, чем предыдущие. Разбив их в битвах в открытом поле и у городских стен, поскольку они выказали себя в сражении доблестными мужами, он счел нужным не причинять никакого зла, но сделать их город колонией римлян, подобно тем, первым городам. 2. Крустумерий был выселками альбанцев⁵⁹ и основан за много лет до Рима. Когда же по многим городам разнеслась молва о благородстве военного вождя и о его добром отношении к противнику, к нему стали присоединяться многие влиятельные люди, которые вели за собой значительные отборные военные силы, переселявшиеся в Рим целыми семьями. По одному из их предводителей, пришедшему из Тиррении, чье имя было Целий, один из холмов, на котором он обосновался, и поныне называется Целием. Целые города вручали себя Ромулу, начиная с Медулли,

⁵⁹ Альбанцы — жители Альба-Лонги. См. примеч. 176 к кн. I.

и становились колониями римлян. 3. Сабиняне же, наблюдая происходящее, очень огорчались и обвиняли друг друга в том, что не воспрепятствовали мощи римлян с самого начала, а теперь им придется вступить в схватку со значительно возросшей силой, исправить прежнее недомыслие посылкой крупных воинских сил. Вскоре сабиняне собрали всеобщую сходку в самом большом и имевшем наибольший авторитет у этого народа городе под названием Куры и вынесли постановление в пользу войны, назначив предводителем войска царя куретов Тита, которого прозывали Тацием. Проведя совещание об этом и вернувшись по своим городам, они начали готовиться к войне, чтобы в следующем году с сильными отрядами напасть на Рим.

XXXVII. Тем временем Ромул в свою очередь самым тщательным образом готовился к тому, чтобы отразить храбрых и сильных в военном деле мужей; и чтобы стена Палатина была понадежнее, он принялся возводить более высокие укрепления над ней, а прилежащие к нему холмы — Авентин и так называемый ныне Капитолий — начал окружать рвами и крепкими частоколами. В этих укреплениях он велел земледельцам располагаться на ночь с небольшими стадами под надежной охраной и равным образом любое другое место, которое хотел бы сделать безопасным, он окружал рвом и частоколом и ставил стражу. 2. На помощь Ромулу прибыл из города Солония⁶⁰ деятельный и прославленный в военном деле муж по имени Лукумон, недавно ставший ему другом, ведя значительный отряд тирренов, а также явились от альбанцев посланцы деда — многочисленное войско и оружейных дел мастера, — он также доставил и хлеб, и оружие, и все нужное вдоволь. 3. Когда же для битвы с обеих сторон все было готово, сабиняне, намеревавшиеся с началом весны вывести военные силы, решили сначала отправить посольство к римлянам с требованием вернуть женщин и дать городам удовлетворение за их похищение, чтобы наглядно показать, что они решились на войну вынужденно, поскольку не добились справедливости; и для этого они отправили вестников. 4. Ромул, однако, считал, поскольку женщины ведут жизнь с мужьями не против воли, следует оставить их с супругами, а если сабинянам чего другого требуется, надо принять это от римлян, как от друзей, а не начинать войну. Сабиняне же, не внимая никаким его доводам, вывели войско в составе двадцати пяти тысяч пехотинцев и чуть менее тысячи всадников. 5. Войско же римлян было немногим меньше сабинского, численностью в двадцать тысяч пехоты и восемьсот всадников. И расположилось оно у города, разделенное на две части: одна часть заняла холм Эсквилин, где находился сам Ромул, а другая — Квиринал, еще не носивший тогда такого названия, где командующим был Лукумон-тирренец.

XXXVIII. Узнав об их приготовлениях, Таций, царь сабинян, подняв с наступлением ночи войско, повел его через сельскую местность, не чиня никакого вреда тем, кто был на полях, и до восхода солнца разбил лагерь на равнине между Квириналом и Капитолием. Видя же, что все надежно охраняется неприятелем и что для него не

⁶⁰ О. Мюллер предлагает чтение — Волсинии, Клувер — Ветулони, Казотон — Поццони.

оставлено ни одной крепкой позиции, он, не рискуя попасть в затруднительное положение, решил выждать. 2. Ему, ничего не придумавшему, выпала неожиданная удача, так как по счастливому для него случаю было предано сильнейшее из укреплений. Дело в том, что сабинян, пробравшихся вдоль подножья Капитолия для осмотра местности, не найдется ли какая-нибудь часть холма для захвата ее хитростью или силой, углядела с высоты некая дева по имени Тарпейя, дочь знатного мужа, которому была поручена охрана этого места. 3. По сообщениям Фабия⁶¹ и Цинция⁶², ее охватила страсть к кольцам и браслетам, которые они носили на левых руках и пальцах. Ведь сабиняне украшались тогда золотом, будучи не менее преданы роскоши, чем тиррены. А, как рассказывает цензор Луций Пизон⁶³, ее желание, напротив, было благородным — лишив их щитов, выдать своим гражданам врагов. 4. Какое из этих утверждений вернее, можно продемонстрировать на основе последовавших событий. Так вот, послав одну из служанок за калитку, которая была отперта, о чем никто не знал, она попросила, чтобы царь сабинов пришел к ней для переговоров один, так как она собирается условиться с ним о насущном и важном деле. Получив такое известие и рассчитывая на предательство, Таций пришел в назначенное место, девушка, подойдя туда, заявила, что ее отец отлучился ночью из укрепления по какому-то делу, а ключи от ворот хранятся у нее и она передаст им ночью крепость, потребовав в качестве платы за предательство то, что все сабиняне носят на левой руке. 5. А когда Таций согласился, она взяла с него клятву верности и сама дала клятву в том, что не обманет, после чего, определив место, куда должны прийти сабиняне в наиболее укрепленной части и точный час ночи, когда стража наименее бдительна, возвращается втайне от тех, кто находился в крепости.

XXXIX. Итак, до этого момента все римские писатели пишут одинаково, но о последующих событиях рассказывают по-разному. Ибо Пизон-цензорий, коего я упоминал раньше, утверждал, что ночью Тарпейей к Ромулу был послан вестник, чтобы сообщить ему о заключенных ею соглашениях с сабинянами, что она, дескать, хочет выманить у них щиты, воспользовавшись двусмысленностью ее предложения. И она попросила Ромула отправить ночью отряд для усиления крепости, дабы легко захватить лишенных щитов неприятелей со своим предводителем. Но вестник, перебежав к сабинскому вождю, выдал замысел Тарпейи. Приверженцы же Фабия и Цинция говорят, что ничего подобного не было, но утверждают, что девушка соблюла предательский договор. А о том, что было потом, все снова сообщают согласно. 2. По их словам, когда царь сабинян появился с сильнейшей частью войска, Тарпейя, верная обещаниям, открыла неприятелям условленные ворота, подняла на ноги стражу в крепости и понуждала спешно спасать самих себя через другие, неиз-

⁶¹ «Старший анналист» Квинт Фабий Пиктор.

⁶² «Старший анналист» Луций Цинций Алимпент.

⁶³ «Старший анналист» Луций Кальпурний Пизон Фруги.

вестные врагам выходы, поскольку сабиняне уже овладели укреплением. 3. И когда они разбежались, сабиняне, найдя ворота незапертыми, завладели лишенным стражи укреплением. Тарпей же, поскольку она исполнила все, что от нее требовалось по соглашению, стала настаивать на получении платы за предательство в соответствии с клятвами.

XL. Затем опять-таки Пизон передает, что, когда сабиняне были готовы отдать девушке золото, которое они носили на левой руке, Тарпей запросила у них не украшения, а щиты. А Тацием овладели подозрение в обмане и расчет, как действовать, не нарушив соглашений. И вот, он решил дать юной девушке оружие, как она и просила, но сделать так, чтобы, получив его, она никак им не смогла бы воспользоваться. И тотчас Таций, напрягшись, что было сил, метнул щит в девушку и приказал сделать так остальным. Таким образом Тарпейя, подвергаясь со всех сторон ударам, от их множества и силы свалилась с ног и под грудой щитов погибла. 2. А те, кто следует за Фабием, изображают сабинян виновниками нарушения соглашения. Ведь когда золото, что требовала Тарпейя, в соответствии с договоренностью они по необходимости отдали, то в негодовании от величины мзды бросили в нее щиты, будто это то, что они клятвенно обещали дать ей. Но представляется, что в рассказе Пизона изображена более верная картина. 3. Ведь Тарпейю сочли достойной погребения там, где она погибла, на самом священном холме города, и римляне ежегодно совершают в ее честь возлияния — я повторяю сказанное Пизоном, — и ничего из этого ей не полагалось бы, если б она умерла, предав родину врагам, ни со стороны преданных ею, ни со стороны убивших ее, и со временем останки ее были бы выкопаны и выброшены вон от ужаса и отвращения в назидание тем, кто посмел бы совершить нечто подобное. Но позволим любому судить об этом, как ему угодно.

XLI. Так как Таций с сабинянами овладели сильным укреплением и захватили без труда большую часть римского добра, то повели войну уже в безопасности. И вот, большая часть войск оказалась в силу множества причин в лагерях неподалеку друг от друга, поэтому происходили стычки и схватки войск, не приносящие каждому ни больших военных успехов, ни неудач, но дважды вступали и в крупные сражения в боевых порядках целыми войсками друг против друга, и огромное кровопролитие имело место с обеих сторон. 2. Так по прошествии времени обе стороны пришли к одной и той же мысли — окончить борьбу решительной битвой. Сойдясь на пространстве между двумя лагерями, вожди, отменные в ратном деле, равно как и воины, закаленные во многих боях, явили подвиги, достойные памяти, то нападая, то отражая нападения, то снова восстанавливая равновесие сил после отступления. 3. А те, кто стоял на валах, наблюдали за равносильной борьбой, часто перекидывавшей успех то на одну, то на другую сторону. Если кто-то из своих побеждал, то, подбадривая призывами и пением пеанов⁶⁴, они придавали ему воодушевления, а если кого-то

⁶⁴ Пеан — гимн, победный, благодарственный или скорбный, исполнявшийся хором.

теснили и гнали, вслед ему неслись мольбы и вопли, чтобы вконец не потерял мужество. По этой причине обе стороны были вынуждены через силу переносить опасности битвы. Проведя весь день таким образом в битве без чьего-либо перевеса, когда уже наступили сумерки, обе стороны с облегчением возвратились каждая в свой лагерь.

XLII. В следующие же дни они совершали погребение умерших и оказывали помощь раненым, а также, восстановив военные силы, когда им показалось возможным завязать новую битву, они, сошедшись в том самом месте, что и в первый раз, сражались до ночи. 2. В этой битве, когда на обоих флангах побеждали римляне — правым командовал сам Ромул, левым — тиррен Лукумон, а в центре дело решено не было, окончательному поражению сабинян помешал и остановил тех, кто противостоял побеждающим римлянам, один муж по имени Меттий Курций, человек огромной телесной силы и крепкой руки, особенно же почитаемый за то, что не смущался никаким страхом или опасностью. 3. Он был назначен командовать центром фаланги сражающихся и начал одолевать тех, кто стоял напротив. Пожелав же восстановить строй уже измученных и оттесненных на флангах сабинян, Меттий Курций, приказав своим держаться, пустился преследовать неприятеля, кто уже побежал, и гнал их до ворот города. Поэтому Ромул был вынужден, оставив мысль о неясной еще победе, повернуть людей назад и даже бросить их против побеждающей части противника. 4. Так терпевшие урон отряды сабинян вновь оказались в равном с врагом положении, когда войско, бывшее с Ромулом, отступило, а вся опасность сосредоточилась на Курции и его окружении. И вот, какое-то время сабиняне, отразив натиск римлян, блистательно сражались с ними. Затем, поскольку многие римляне превосходящими силами устремились прямо на них, сабиняне дрогнули, повернули и стали искать спасения за лагерным частоколом, так как Курций прикрыл их отступление и предоставил им возможность не бежать в беспорядке, но отходить безопасно шагом. 5. Ведь он стоял прочно, сражаясь, и поджидал приближающегося Ромула, а когда вожди схватились друг с другом, разразился ожесточенный и славный поединок. Израненный и потерявший много крови Курций стал понемногу отступать, и сзади его ожидало глубокое озеро, обойти которое было трудно, так как со всех сторон его теснили враги, а перейти — невозможно из-за массы ила на заболоченных берегах и глубокой воды, которая застаивалась в середине его. 6. Приблизившись к озеру, Курций бросился в полном вооружении в воду, а Ромул, поскольку был уверен, что этот человек неминуемо погибнет в озере — и вместе с тем невозможно было преследовать его по болоту и глубокому омуту, — обратился против других сабинян. Курций же с огромным трудом все же выбрался из омута, даже сохранив оружие, и удалился в лагерь. Место же это, теперь уже засыпанное, зовется в память об этом происшествии Курциевым озером и находится посреди римского Форума.

XLIII. А Ромул, преследуя остальных, оказался близ Капитолия в большой надежде захватить укрепление; однако, получив много ран, он был оглушен внезапно страш-

ным ударом камня в висок, его полумертвого подняли окружающие и отнесли за городскую стену. 2. На римлян же, которые уже не видели предводителя, нападает страх, и правый фланг их обращается в бегство. Но выстроенные на левом фланге войска вместе с Лукумоном до поры удерживают позиции, воодушевляемые своим военачальником, блистательным мастером в военных делах, который свершил многочисленные подвиги за время этой войны. Когда же и он пал без сил, пронзенный копьем меж ребер, его соратники не выдержали, после чего началось всеобщее бегство, а сабиняне, осмелев, преследовали их до самого города. 3. Но когда беглецы уже достигли ворот, их начали оттеснять свежие силы молодежи, вышедшие против них, которым царь поручил охранять стены. Да и сам Ромул, уже почувствовав облегчение после ранения, выступил как можно скорее на помощь, и тут удача повернулась и привела к значительным переменам в другую сторону. 4. Ведь как только бежавшие римляне увидели, что их предводитель неожиданно появился, они оправились от прежнего страха, восстановили боевой строй и, ничуть не медля, вступили в рукопашную с неприятелем. И пока сабиняне теснили их и полагали, что нет никакой возможности, кроме того, чтобы захватить город силой, увидев неожиданную и необычную перемену, задумались о собственном спасении. Но в условиях преследования их отступление к лагерю по косогорам и лощинам было нелегким, и бегство сопровождалось страшным кровопролитием. 5. Итак, сражаясь таким образом в течение целого дня с переменным успехом, обе стороны, столкнувшись с неожиданным поворотом судьбы, на заходе солнца разошлись.

XLIV. В последующие дни сабиняне держали совет, не распустить ли по домам войска, нанеся, сколько возможно, ущерба сельским угодьям неприятеля, или призвать из дому другое войско и упорно держаться, пока оно не положит счастливый конец войне. 2. Им казалось дурным отступить с позором, не принеся никакой пользы, и оставаться на месте в надежде, что никто на них не нападет. Сабиняне полагали, что им не более, чем римлянам, подобает говорить с врагами о примирении, которое они считали единственно достойным средством для прекращения войны. 3. Римляне же ничуть не менее, но даже более сабинян, очутились в затруднении, не зная, как воспользоваться обстоятельствами. Ибо они не считали достойным ни отдать женщин, ни удерживать их. Они были уверены, что в первом случае их постигнет добровольное поражение и неизбежность претерпеть все, чего бы им ни приказали сабиняне, а во втором случае они предвидели много несчастий, так как страна будет опустошена, а цвет молодежи погублен. А заведи они разговор с сабинянами о дружбе, то, по их разумению, ничего умеренного не вышло бы по многим причинам, особенно же потому, что из-за гордыни возникнет не умеренность в отношении противника, проявившего уважение, но суровость.

XLV. А пока обе стороны проводили время в подобных рассуждениях и не осмеливались ни начать битву, ни вести переговоры о мире, римские женщины, сколько их было сабинского рода, из-за которых и разразилась война, собрались отдельно от

мужей в одно местечко и, посоветовавшись между собой, сошлись на том, чтобы самим начать переговоры и с теми и с другими о замирении. 2. Ту из них, кто внесла такое предложение, звали Герсилией, и принадлежала она к знатному сабинскому роду. Одни говорят, что она была похищена как девица вместе с другими девушками, будучи уже замужней, а другие, кто пишет наиболее убедительно, рассказывают, что она вместе с дочерью осталась в Риме добровольно, поскольку была похищена и ее единственная дочь. 3. Когда женщины пришли к такому решению, они заявили в сенат и, получив слово, обратились к сенаторам с обильными мольбами, прося разрешения выйти к сородичам, уверяя, что они полны добрых надежд на объединение всех в один народ и на достижение дружбы. Когда присутствовавшие вместе с царем услышали об этом, они сильно обрадовались и посчитали, что это — единственный выход в сложившихся тяжелых обстоятельствах. 4. Вслед за тем появляется следующее решение сената: всем женщинам сабинского рода, имеющим детей, дать возможность, оставив детей у своих мужей, принять участие в посольстве к соплеменникам, а всем матерям с большим количеством детей, привести из них, сколько хотят, чтобы таким образом действовать в пользу объединения народов в дружбе. 5. После этого женщины вышли в скорбных одеждах, а некоторые из них, неся грудных детей. Как только они подошли к сабинскому лагерю, стена и припадая к коленям встречающих, а также подняв громкий плач на виду у всех, никто не смог сдержать слез. 6. Когда же ради них был собран совет из знатнейших людей и царь повелел поведать, для чего они пришли, Герсилья, которая предложила план и была предводительницей посольства, изложила продолжительную и прочувственную мольбу, прося даровать мир им, молящим за мужей, и пояснила, что война возникла из-за женщин, и что перемирие должно быть заключено на справедливых основах, когда сами вожди переберутся и договорятся друг с другом, предусматривая общую пользу.

XLVI. После таких слов все женщины вместе с детьми пали к стопам царя и оставались распростертыми, пока присутствующие не подняли их с земли, обещая сделать все надлежащее и возможное. Отослав их из сената и посоветовавшись между собой, сабиняне решили заключить договор. Сначала перемирие воцарилось между народами, а затем, когда встретились цари, был заключен договор о дружбе. 2. Между мужами было достигнуто соглашение такого рода, подкрепленное клятвами: быть царями над римлянами Ромулу и Тацию, облеченными равными полномочиями и пользующимися равными почестями, а городу — называться по его основателю, сохранив наименование «Рим», каждого из граждан⁶⁵ в нем по отдельности, как и прежде, называть римлянином, всем же сообща иметь одно определение и по родине Тация именоваться квиритами⁶⁶. А желающим из числа сабинян предоставить граждан-

⁶⁵ Возможны также переводы: «горожане» и «члены римской общины», что более точно.

⁶⁶ У Дионисия — куриты, название толкуется по-разному: как квириты (от сабинского слова «копье»), т.е. «копьеносцы», и как куреты (от сабинского города Куря), а также как члены курий.

ство в Риме с совместными святынями и будучи распределенными по куриям и трибам. 3. После того как они поклялись в этом и по обету воздвигли алтари как раз посередине так называемой Священной дороги⁶⁷, они объединились друг с другом. И все вожди, собрав отряды, возвратились по домам. Но царь Таций вместе с тремя мужчинами из самых прославленных родов остались в Риме и обрели почести, которыми пользовались роды, пошедшие от них. Это были Волузий Валерий, Талл, по прозвищу Туранний, и, наконец, Меттий Курций, который переплыл в доспехах озеро. С ними остались также их дружинники, сородичи и клиенты, числом не меньше местных жителей.

XLVII. Когда же дела пошли на лад, то, поскольку община получила значительную прибавку к числу народа, цари постановили удвоить число патрициев по сравнению с прежним, приписав к самым знатным семьям равное им количество из поселившихся позже, которых они называли «младшими патрициями»⁶⁸. И сто из этих мужей, которых выбрали курии, они приписали к прежним сенаторам. 2. Так вот, почти все, писавшие о римской истории, сходятся на этом, но некоторые же отличаются в определении количества приписанных сенаторов. Ибо они сообщают, что тех, кто вошел в сенат, было не сто, а пятьдесят. 3. Касательно почестей, которые цари воздали женщинам за то, что они привели враждовавших к дружбе, не все римские писатели единодушны. Так, некоторые из них пишут, что вожди даровали женщинам множество всяческих значительных привилегий, в том числе называли именами женщин курии, которых было тридцать, как я сказал, ибо столько же входило в женское посольство. 4. Но Теренций Варрон не соглашается в данной части, добавляя, что еще раньше Ромул дал куриям наименования, когда впервые разделил народ, частью по тем людям, кто был там вождем, а частью — по пагам⁶⁹; он утверждает, что женщин, участвовавших в посольстве, было не тридцать, а пятьсот двадцать семь, и думает, что при таком количестве женщин предводителям не подобает оказывать почести только немногим из них. Мне кажется, что никто из способных к тому больше не изрек и не запечатлел по сему поводу ни слова.

XLVIII. Относительно города куритов⁷⁰, из коего прибыли Таций со спутниками, — ведь повествование требует поведать и о них, кем именно они были и откуда, мы

⁶⁷ Священная дорога — римская улица, шедшая вдоль Форума от Веллии, т.е. юго-восточной части Палатина, к Капитолию. Названием своим она обязана построенным здесь зданиям сакрального назначения — жилищу весталок и Регии, где заседала коллегия понтификов и хранились святыни салиев, а впоследствии и других жреческих коллегий. В республиканскую эпоху по Священной дороге шествовала триумфальная процессия.

⁶⁸ В латинском варианте — *patricii minorum gentium*. Согласно Ливию (I. 35. 6) и Светонию (*Светоний*. Август. 2), патрициями младших родов были римляне, введенные в сенат царем Тарквинием Древним. В их потомках искал опору против большинства коренных патрициев последний царь, Тарквиний Гордый (*Ливий*. I. 47. 7).

⁶⁹ Паг — территория, принадлежавшая сначала родовым, позднее — соседским общинам.

⁷⁰ Полис куритов — сабин. город Куры.

узнали следующее. В реатинском краю в те времена, когда ими владели аборигины, некая местная девушка из наиболее знатного рода отправилась к святилищу Эниалия с намерением предаться танцам. 2. Этого Эниалия сабиняне и прозванные от них римляне величают Квирином, не имея возможности точно определить, то ли это Марс, то ли другой какой-нибудь бог, обладающий теми же почестями, что и Марс. Ведь одни думают, что оба эти имени даны одному и тому же богу, предводителю ратных дел, другие же полагают, что имена соответствуют двум разным воинственным божествам. 3. Как бы то ни было, девушка во время танца на священном участке внезапно впадает в экстаз и, прервав танец, бросается внутрь святилища бога. Затем, забеременев, как полагали люди, от бога, она рождает сына Модия по имени, Фабидия по прозвищу, который, возмужав, приобретает облик не человеческий, но богоподобный и становится блистательнее всех в военных делах. Его-то и обуяло стремление самому основать город. 4. Итак, собрав солидный отряд из окрестных жителей, он основывает в очень короткий срок так называемые Куры. Название городу, как рассказывают некоторые, он дал в честь божества⁷¹, от коего сам он производил себя, а, как пишут другие, — по копыю; ведь сабиняне называют копые — «курис»⁷². Так уверяет Теренций Варрон.

XLIX. Историк же Зенотот Трезенский рассказывает, что омбрики⁷³, туземное племя, населяли сначала окрестности так называемой Реатины. После изгнания оттуда пеласгами, они прибыли в ту землю, где обитают нынче и, переименовав заодно с местом расселения имя, стали взамен омбриков прозываться сабинянами. 2. Порций Катон передает, что имя народу сабинян было дано по Сабу, сыну Санка, местного божества, а некоторые этого Санка называют Юпитером Фидием. И Катон рассказывает, что первым их поселением была некая деревня, именуемая Теструной, расположенная близ города Амитерна. Из этого селения сабиняне двинулись на Реатину, населенную тогда аборигинами и пеласгами, и войною одолели и завладели их самым знатным городом Котилией. 3. Выведя из Реатины колонии, они основали много других городов, в которых жили без крепостных стен, в том числе так называемые Куры. По словам Катона, они захватили землю, которая лежала в стороне от Адриатического моря примерно на двести восемьдесят стадиев, а от Тирренского — на двести сорок; и простиралась она чуть менее тысячи стадиев. 4. Но в местных исторических преданиях имеется и другой рассказ о сабинянах, а именно, что лакедемоняне подселились к ним, в то время когда Ликург, воспитывая племянника Эвнома, дал Спарте законы. В самом деле, некоторые спартанцы были удручены жесткостью ликургова законодательства и, отделившись от прочих, вообще покинули город. Затем они, долгое время носимые по морским просторам, взмолились богам

⁷¹ Божество — т.е. Квирин.

⁷² Лат. и сабин. *quiris*.

⁷³ В лат. варианте — умбры.

(ведь ими овладело желание достичь какой бы то ни было земли), чтобы выпало им в первой попавшейся земле осесть. 5. А оказавшись в той части Италии, которая находится около так называемой Пометинской равнины, куда они сначала пристали, спартанцы назвали его Форонией в память блуждания⁷⁴ по морю и соорудили там святилище Форонии, которой воздали мольбы. Ее и теперь, изменив в слове одну букву, называют Феронией. Некоторые же из них, выселившись оттуда, стали жить среди сабинян, и благодаря этому многие из сабинских узаконений являются лаконскими, особенно же воинственность, неприхотливость и строгость во всех жизненных делах. Однако сказанного о племени сабинян достаточно.

Л. Ромул и Таций тотчас же расширили город, присоединив к нему еще два холма, называемых Квириналом и Целием. И отделив поселения один от другого, каждый из них имел собственное селение. Ромул обладал Палатином и горой Целием — а она примыкает к Палатину, Таций же — Капитолием, которым он овладел изначально, а также Квиринальским холмом. 2. Вырубив лес, произраставший на раскинувшейся под Капитолием равнине и засыпав большую часть озера, которое пополнялось спадающими с гор источниками, поскольку находилось в низине, цари превратили его в Форум, которым и сейчас еще римляне продолжают пользоваться. Там они проводили сходки, занимаясь общественными делами в храме Вулкана⁷⁵, который стоял несколько выше Форума. 3. И они воздвигли храмы и освятили алтари, у которых они возносили молитвы богам во время битв: Ромул — Юпитеру-Остановителю у Мугониевых ворот, которые ведут к Палатину от Священной дороги, потому что бог, услышав его мольбы, сделал так, что остановил его обратившееся в бегство войско и вдохнул в него отвагу; Таций же — Гелиосу⁷⁶ и Селене⁷⁷, Сатурну⁷⁸ и Рее⁷⁹, а сверх того — Весте⁸⁰, Вулкану, Диане⁸¹ и Эниалию, а также другим богам, имена которых трудно произнести по-эллинически. И во всех куриях он

⁷⁴ Дионисий изобретает здесь этимологию, связывая неизвестную Форонию с греческим глаголом «ферейн» (*носиться, перемещаться*). Феронией же называлась италийская богиня, которой была посвящена роща близ вольского города Анксур, ставшего в начале I в. до н.э. колонией римлян. См. примеч. 151 к кн. I.

⁷⁵ У Дионисия — Гефест, греческий бог огня и кузнечного дела, отождествлялся в Риме с Вулканом.

⁷⁶ Гелиос — греческий бог Солнца, отождествленный с V в. до н.э. с Аполлоном, у римлян идентичен богу Соль.

⁷⁷ Селена — греческая богиня Луны, позднее отождествленная с Артемидой, в Риме — с Дианой.

⁷⁸ Дословно — Кронос, греческое божество, младший из титанов, супруг своей сестры Реи, отец главных олимпийских богов, в Италии отождествлен с Сатурном.

⁷⁹ Рея — богиня земли, в греческой мифологии была супругой Кроноса, матерью главных олимпийских богов, отождествлялась с малоазийской Матерью богов Кибелой, которая с III в. до н.э. почиталась и в Риме.

⁸⁰ Дословно — Гестии, равной римской Весте, богине очага, домашнего и общеримского.

⁸¹ Диана — греч. Артемида, богиня, отождествленная с Селеной; считалась сестрой Аполлона.

учредил Юноне⁸², называемой Куритой, трапезы, которые существуют и до нашего времени. 4. И они совместно царствовали в течение пяти лет, не отличаясь друг от друга состоянием, и в это время решились на общий поход против войска камерийцев⁸³. Дело в том, что камерийцы, выслав отряды для грабежа и нанеся большой вред их сельской округе, не соглашались на установление справедливости, хотя римляне часто призывали к этому. Цари победили их в открытом поле (так как они столкнулись в одном месте). И после этого, взяв приступом их оборонительные укрепления, они в наказание разоружили камерийцев и отобрали треть земли, которую поделили между своими людьми. 5. Так как камерийцы продолжали вредить римским поселенцам, цари, выступив против них и обратив обидчиков в бегство, все их владения поделили между своими гражданами, но тем из камеринцев, кто того хотел, позволили жить в Риме. Оказалось же таких около четырех тысяч, которых цари распределили по куриям, город же камерийцев они превратили в колонию римлян. А Камерия была альбанским поселением, выведенным многими годами ранее основания Рима, в древности же она была повсеместно известным поселением аборигинов.

LI. На шестой год власть в государстве после смерти Тация, происшедшей из-за козней, вновь переходит к одному Ромулу. Устроили же эти козни против Тация предводители из числа лавинийцев⁸⁴, объединившиеся между собой по такой причине: некоторые из друзей Тация вывели разбойный отряд в страну лавинийцев, награбили большое количество добра и отогнали стада с пастбищ, а из поспевших на помощь одних убили, а других ранили. 2. Когда же от оскорбленных лавинийцев явилось посольство и потребовало удовлетворения, Ромул решил выдать тем, кто пострадал, совершивших злодеяние, Таций же, защищая интересы сотоварищей, не согласился, чтобы кто-либо из людей, к тому же сограждан, был уведен врагами. Поэтому он заявил тем, кто утверждал, будто они претерпели несправедливость, прибыть в Рим для судебного разбирательства. 3. Так вот, послы, не найдя справедливости, в негодовании удалились, а некоторые из сабинян последовали за ними в раздражении и, когда те раскинули палатки у дороги — поскольку их застал в пути вечер, — напали на спящих и отобрали у них пожитки, а всех, кого застали в постели, закололи; те же, кто сразу ощутил, что против них готовится тайное злодеяние, и сумел спастись бегством, возвратились в свой город. После этого из Лавиния и других крупных городов прибыли послы и стали обвинять сабинян в беззаконии, а также угрожали объявить войну, если не получат правосудия.

⁸² Юнона — в греческой мифологии Гера, супруга Зевса (в Риме — Юпитера). Первоначально почиталась в куриях, откуда ее прозвище — Курита.

⁸³ Камерийцы — жители латинского города Камерия (Cametia — *Ливий*. I. 38; *Плутарх*. Ромул. 33). Местоположение неизвестно.

⁸⁴ Лавинийцы — жители латинского города Лавиния.

ЛII. Ромулу случившееся с послами показалось ужасным злодеянием, как это и было на самом деле, и требующим скорейшего очищения, так как был нарушен священный закон. И он, как только увидел, что Таций пренебрегает обвинениями, без промедления сам схватил виновников в тяжком преступлении и передал их в оковах послам, чтобы те забрали их с собой. 2. Тацием же овладели гнев из-за оскорбления, перенесенного со стороны соправителя, который так возгордился в связи с передачей мужей, а также жалость по отношению к выданным (был среди них и некий его сородич, причастный к вине). И Таций, тотчас собрав воинов, поспешил на помощь своим, захватил в пути послов и отобрал уводимых. 3. Немного времени спустя, как говорят некоторые, он прибыл вместе с Ромулом в Лавиний для жертвоприношения отеческим богам за процветание города, которое полагалось совершать царям; но против Тация восстали друзья и сородичи убиенных послов и убили его на алтаре ударами кухонных ножей и огромных рогатин. 4. А как пишут последователи Лициния⁸⁵, Таций оказался не вместе с Ромулом и не ради жертвоприношений, но прибыл один, стремясь убедить претерпевших несправедливость оставить свой гнев на содеявших ее, но народ вознегодовал на то, что обидчики не были переданы им, как рассудил Ромул и постановил сенат римлян, и, когда близкие погибших двинулись толпой на Тация, он, не имея уже возможности избежать скорого наказания, был забит камнями до смерти. 5. Таков был конец Тация, который провоевал три года против Ромула и правил вместе с ним пять лет. Тело его было доставлено в Рим и предано почетному погребению; и над его могилой город ежегодно воздает ему заупокойное возлияние на общественный счет.

ЛIII. Вторично оказавшись единоличным властителем, Ромул производит очищение от скверны и объявляет, что совершившие позорное деяние в отношении послов лишаются воды и огня, так как они после смерти Тация бежали из города. После этого он предал суду лавинийцев, восставших против Тация и выданных своим городом, и когда, казалось, они оправдывались более справедливо, что лишь воздали насилем на насилие, он освободил их от наказания. 2. Покончив с этим, Ромул пошел войной на город фиденян, лежавший в сорока стадиях от Рима, в то время крупный и многолюдный. Ведь однажды, когда в Рим привезли на судах съестные припасы, которые послали крустумерийцы страдавшим от голода римлянам, фиденяне, напад целой толпой на суда, разграбили их и убили некоторых из бросившихся на помощь людей, а будучи обвиненными, отказывались дать удовлетворение. 3. Негодуя против них, Ромул вторгся на их территорию с большим войском и, овладев богатой добычей, собрался с войском возвращаться, но, когда подошли фиденяне, он вступил с ними в битву. После того как произошло жестокое сражение и многие с обеих сторон пали, побежденные фиденяне обратились в бегство. Ромул, преследуя их по пятам, ворвался за беглецами внутрь городских стен. 4. Когда же город был

⁸⁵ Лициний Марк, Гай — один из младших анналистов.

взят с ходу, он, наказав немногих из них и оставив в городе стражу из трехсот человек, а также отрезав у них часть земли, разделил ее между своими людьми и обратил город в колонию римлян. А был этот город основан альбанцами в то же самое время, что и поселения Номент и Крустумерий, тогда выводили колонии три брата, старший из которых основал Фидену.

LIV. После этой войны Ромул повел войско против камерийцев, напавших на римских колонистов в ту пору, когда римский город страдал от чумы; именно поэтому камерийцы, сильно возбужденные этим, полагая, что римское племя сгинет от этого бедствия, одних колонистов убили, а остальных изгнали. 2. Мстя за них камерийцам, Ромул после вторичного взятия города зачинщиков мятежа казнил, а воинам своим позволил разграбить город. Отрезав половину их угодий сверх данных колонистам ранее и оставив достаточный гарнизон, чтобы ничто уже не тревожило обитателей колонии, он отвел свое войско. В итоге этой кампании он вторично справил триумф и посвятил на средства из добычи медную квадригу Вулкану, а рядом с ней поставил свою собственную статую с описанием греческими буквами своих деяний. 3. Третья же война у него случилась с городом тирренского племени, находившегося тогда в полном расцвете сил. Имя этому городу было Вейи. Он отстоит от Рима на расстояние около ста стадиев и расположен на высокой крутой горе, а по размерам сравнится с Афинами. Вейяне избрали в качестве предлога для войны захват Фиден, и отряженные послы потребовали от римлян вывести гарнизон из этого города, а землю, которой римляне завладели, отобрав у фиденян, возвратить прежним владельцам. Но поскольку римляне не подчинились, вейяне с большим войском разбили близ Фиден лагерь, заметный даже издали. 4. А Ромул, предвидя их выступление, отправляется с отборными воинскими силами и останавливается в полной боевой готовности у города фиденян. Когда же все было готово к схватке, противники выдвинулись на равнину, вступили в битву и с неистовым пылом сражались долгое время, пока наступившая ночь не разведала их, оказавшихся равными в бою. Вот таким образом сразились они в этой битве.

LV. Когда же вскоре состоялась новая битва, римляне одержали победу благодаря мудрости вождя, который занял ночью некую гору, отстоящую недалеко от лагеря неприятеля, и разместил на ней в засаде лучшие силы из всадников и пеших воинов, позднее подоспевшие из Рима. 2. И вот, обе стороны сошлись на равнине и сражались таким же образом, когда Ромул подал сигнал тем, кто сидел на горе в засаде. Воины с боевым кличем обрушились с тыла на вейян и, напав на измученных людей, сами будучи бодрыми, без особого труда обратили их в бегство. Немногие из вейян погибли в битве, а большинство утонули, бросившись в реку Тибр (ведь она протекает мимо Фиден) с целью переплыть поток. Израненные и смертельно усталые, они оказались не в силах одолеть реку; а иные погибли в водоворотах от неумения плавать, не предвидя такого поворота событий, придя от страха в смятение духа. 3. Если бы теперь вейяне осознали, что они с самого начала замыслили дурное и сохранили бы

спокойствие, то никакого еще большего несчастья не испытали бы. Но понадеявшись отомстить за прежние поражения и рассуждая, что с легкостью победят в войне, если основательно подготовятся, сильным войском, набранным в своем городе, и вместе с явившимся по дружбе от единоплеменников, вейяне напали на римлян. 4. И вновь вспыхивает жестокая битва близ Фиден, в которой победу одержали римляне, много вейян убив, но еще больше взяв в плен. Был взят также их лагерь, ломившийся от имущества, оружия и рабов, а также захвачены лодки, полные разного товара, в них-то и была перевезена через реку толпа пленников в Рим. 5. И был отпразднован третий триумф Ромула, значительно более пышный, чем прежние. А немного времени спустя, когда от вейян пришли послы взыскав окончание войны и прощение за прегрешения, Ромул положил им следующее наказание: передать римлянам область, прилегающую к Тибру, так называемые «Семь пагов», и оставить соляные разработки, что в устье реки, а также выдать пятьдесят заложников в знак ручательства в том, что больше они никакого мятежа не замыслият. 6. После того как вейяне подчинились всем требованиям, Ромул заключил с ними договор на сто лет и начертал условия соглашения на стелах. Далее он отпустил без выкупа желающих уйти восвояси, а предпочитавших остаться (а их было гораздо больше, чем других), он сделал членами римской общины, распределил по куриям и предоставил им по жребию земельные наделы по эту сторону Тибра.

LVI. Таковы были войны, достойные хвалы и памяти, которые связаны с Ромулом. Представляется, что именно скорая кончина, постигшая его в цветущем возрасте, когда он готов был к ратным подвигам, явилась причиной того, что он не покорил ни одного из соседних племен; да и по поводу его кончины передается множество различных толкований. 2. Кто придерживается мифологической стороны обстоятельств, заявляют, что Ромул находился на сходке в лагере, когда внезапно с неба пал мрак и разразилась страшная буря, и он стал невидимым, и сочинители уверяли, что сего мужа похитил его отец Марс. 3. А другие, излагающие более убедительную историю, сообщают, что его смерть была делом рук собственных сограждан. Передают, что причиной его убийства был отпуск заложников, которых он взял у вейян, что произошло без общего согласия и вопреки обычаю, а также то, что Ромул уже не относился одинаково к коренным гражданам и к позднее приписанным, но первых возвеличивал, а вновь принятых презирал. Передают и мнение о его суровости в наказании преступников — ведь он, единолично верша суд, приказал ряд римлян, обвиненных в грабежах соседних земель, людей заметных и в немалом количестве, сбрасывать со скалы. Но особенно тяжким казалось его своеволие и то, что он властвует не как царь, но, скорее, как тиран. 4. По таким основаниям, говорят, составили заговор против него патриции и замыслили убийство, а совершили они его в здании сената, затем, расчленив тело, чтобы никто не заметил труп, они вышли оттуда, каждый скрывая под одеждами какую-нибудь его часть, после чего зарыли в землю по скрытым местам. 5. А иные сказывают, что он был убит в народном

собрании новыми римскими гражданами, и что они напали на него в тот момент, когда разразилась вдруг буря и тьма опустилась, народ разбежался со сходки, и царь оказался без охраны. Поэтому день, в который стряслась беда, говорят, был наречен по обращению в бегство людей и в наше время зовется «Бегством народа»⁸⁶. 6. Представляется, что свершенное по воле бога тем, кто обожествляет смертных и возносит на небеса души выдающихся людей, подвигает к сравнению и суждению о них. Ведь, говорят, что во время насилия над его матерью то ли кем-то из смертных людей, то ли божеством, солнце затмилось и всеобщая тьма объяла землю, словно настала ночь, и что при кончине Ромула случилось то же самое несчастье. 7. Итак, как передают, Ромул, основавший Рим и первый поставленный там царем, получил в удел такую кончину. Он умер, не оставив после себя никакого потомства, процарствовав тридцать семь лет, пятидесяти пяти лет от роду. В самом деле, он стал царем совсем молодым, в восемнадцать лет, с этим согласны все, кто излагает относящиеся к нему истории.

LVII. А на следующий год никакой римский царь не был избран, но особая магистратура, которую называют междуцарствием⁸⁷, взяла на себя надзор за общественными делами, причем создана она была следующим образом: включенные в сенат Ромулом из патрициев, числом двести, как я говорил, были распределены по декуриям⁸⁸. Затем, бросив жребий, они поручили первым десяти, на кого он выпал, отправлять в государстве высшую должность. 2. Но они царствовали не все вместе, а каждый по отдельности в течение пяти дней, имея фасции⁸⁹ и остальные знаки царского достоинства. После истечения срока своих обязанностей первый передавал правление второму, а тот — третьему, и так продолжалось вплоть до последнего. По окончании отведенного им пятидесятидневного срока правления первых десяти, следующая десятка принимала власть, а от них в свою очередь новые. 3. Когда же народ, раздраженный подобной переменой власти, порешил положить конец правлению десяти, ибо люди не обладают одинаковыми склонностями и природными данными, сенаторы, созвав народ на собрание по трибам и куриям, позволили рассмотреть вопрос о способе правления — предпочитает ли он вручить бразды власти царю или ежегодным магистратам. 4. Но народ не принял выбора на себя и передал решение дела сенаторам, заранее признав ту форму правления, какую бы они ни

⁸⁶ Лат. *porrifugia* — римское празднество, справлялось 5 июля и состояло в шествии римлян на Козье болото для отправления жертвоприношения в связи либо с вознесением на небеса Ромула (*Овидий*. *Фасты*. II. 496–5В), либо с победой над латинами или этрусками после галльского нашествия (*Варрон*. *О латин. языке*. VI. 18, *Плутарх*. *Ромул*. 29).

⁸⁷ Лат. *interregnum*.

⁸⁸ Декурия — группа из 10 человек.

⁸⁹ Фасции — пучок розог, перевязанный ремнем, с воткнутым в них боевым топором — символом высшей власти в Риме.

установили. А всем сенаторам казалось, что следует учредить царскую власть, по поводу же того, кто будет править, начался раздор, от какой именно стороны будет царь. Ибо одни полагали, что надо назначить правителя полиса из старших сенаторов, другие же — что из добавленных, которых называли «новыми».

LVIII. Поскольку спор затянулся, то в конце концов сошлись на таком решении: выполнить одно из двух — либо предоставить старшим сенаторам право объявить царя не из их среды, а обязательно кого-либо другого, кого они сочтут наиболее подходящим, либо младшим сделать то же самое. Старшие приняли выбор на себя и, обстоятельно посоветовавшись, одобрили следующее: поскольку сами они, согласно договору, от верховенства отстраняются, то и никому из приписанных сенаторов власти не прибавлять, а поставить царем какого-нибудь человека извне, но такого, чтобы он не примкнул ни к одной группировке, как наилучшее средство для искоренения распри. 2. Обсудив это, они наметили человека, родом сабинянина, сына Помпилия Помпона, знатного мужа по имени Нума, пребывавшего в самом рассудительном возрасте, около сорока лет, и обладавшего наружностью, полною царского достоинства. 3. Благодаря своей мудрости он пользовался огромной славой не только среди куретов⁹⁰, но и среди живущих окрест. Приняв такое решение, сенаторы создали людей на народное собрание и тогдашний междуцарь от лица сената заявил, что по единодушному мнению будет установлено царское правление, сам же он, как наделенный полномочиями по принятию решения о царской власти в полисе, выбирает Нуму Помпилия. И после этого он назначает послов из числа патрициев и отсылает их к нему для наделения сего мужа властью в третий год шестнадцатой Олимпиады, победителем в которой в беге на стадий стал Пифагор Лаконский.

LIX. Итак, касательно сказанного я не имею ничего возразить тем, кто оставил свидетельства об этом муже, а вот о последующем я затрудняюсь говорить с определенностью. Ведь многие написали, что Нума был учеником Пифагора⁹¹ и что именно тогда, когда римский полис назначил его царем, он проводил время, занимаясь философией в Кротоне. Но время жизни Пифагора противоречит этому рассказу. 2. Ибо Пифагор жил не только на много лет, но на целых четыре поколения позже Нумы, как мы узнали из исторических повествований. В самом деле, Нума принял царскую власть над римлянами в середине шестнадцатой Олимпиады, а Пифагор проживал в Италии после пятидесятой Олимпиады. 3. Я могу привести еще более красноречивое, нежели упомянутое, свидетельство того, что в исторических сочинениях об этом человеке спутаны времена событий, а именно, что тогда, когда Нума

⁹⁰ Куреты — жители сабинского города Куры (Курес), откуда, согласно традиции, происходил Нума (Ливий. I. 18. 1; Цицерон. О государстве. 13; Павел-Фест. О значении слов. Curis. С. 43.3; Плутарх. Нума. 3).

⁹¹ Пифагор (VI в. до н.э.) — знаменитый математик и философ родом с о. Самос. Основал в Кротоне свою школу.

был поставлен римлянами царем, не существовало еще города Кротона; ведь Мискел⁹² основал его в третий год семнадцатой Олимпиады, т. е. на целых четыре года позднее, чем Нума стал править над римлянами. И я не в состоянии признать, что Нума занимался философией одновременно с Пифагором Самосским, процветавшим четыре поколения спустя, или пребывал в Кротоне, в не существовавшем еще городе, когда его призвали на царство римляне. 4. Если же мне позволено высказать собственное мнение, то, по-моему, пишущие о нем соединяют два общеизвестных обстоятельства: пребывание Пифагора в Италии и мудрость Нумы, ведь все согласны, что он был мудрым человеком, и, связывая эти события воедино, они и превращают Нуму в ученика Пифагора, несколько не исследовав их жизнь, т. е. приходился ли расцвет их жизни на одно и то же время, как я лично проделал. Если только вместо Пифагора Самосского не подставить другого, учившего философии, жизнь которого совпадала с Нумой. Но я не знаю, как это можно доказать, потому что никто из достойных упоминания писателей — ни римлянин, ни эллин, — насколько известно, не сообщил в историческом повествовании таких сведений. Но довольно об этом.

LX. Когда призывающие в правители явились к Нуме, тот до поры до времени возражал и долго отбивался от того, чтобы принять власть; когда же начали настаивать его братья и, наконец, отец счел недопустимым отвергнуть столь великую почесть, он согласился стать царем. 2. Оповещенные об этом послами римляне, уже прежде чем увидеть сего мужа, возымели симпатию к нему, ибо посчитали его колебания достаточным свидетельством мудрости. В самом деле, если другие сверх меры ценят царскую власть и почитают в ней счастье жизни, то Нума презрел ее как нечто дурное и недостойное домогательств, так что еще по пути они встречали его вдоль дороги и сопровождали в город громкими хвалами, приветствиями и другими почестями. 3. Но лишь после того, как состоялось народное собрание, на котором члены триб подали в пользу него голоса по куриям, а патриции утвердили решение простонародья, и в заключение к тому же птицегадатели⁹³ объявили о благоприятных знаках, поданных божеством, Нума принял власть. 4. Римляне говорят, что человек этот не совершил ни одного военного похода, но, будучи благочестивым и справедливым, провел все время своего правления в мире и предоставил городу отменнейшее управление. И передают о нем много восторженных рассказов, возводя его человеческую мудрость к божественным заветам. 5. Так, передают легенды о том, что некая нимфа Эгерия обычно являлась к нему и наставляла его каждый раз царской премудрости, другие же — что это была не нимфа, а одна из муз. И сказывают, что это стало явным для всех, поскольку, как полагают, люди сначала не верили и считали, что рассказ о богине выдуман, он, желая ясно предъявить им неопровержимое доказательство общения с божеством, по ее наущению поступил так. 6. Позвав немало родовитых

⁹² Мискел — ахеец из Рип. (См.: Страбон. География. VI. 262; 269; VIII. 387).

⁹³ Римские жрецы-авгуры.

римлян к себе в дом, показав затем им его внутренние покои, скудно обставленные, недостаток припасов, необходимых для угощения, он приказывает всем удалиться, но приглашает их вечером на пир. 7. Когда же гости прибыли в назначенный час, он предъявляет им роскошные ложа и столы, уставленные множеством изысканных кубков, а когда они возлегли, угощает их всяческими яствами, какие любому человеку нелегко было состряпать даже за весьма изрядный срок. Поэтому римляне были потрясены увиденным, и с того самого времени утвердилось прочное мнение, что с ним поддерживает связь какая-то богиня.

LXI. Те же, кто очищает историю от всяческих домыслов, уверяют, что рассказ об Эгерии был выдуман Нумой, чтобы к нему прониклись люди, питающие страх перед богами, охотно приняли установленные им законы, словно ниспосланные богами. 2. Они же заявляют, что в этом он начал подражать эллинским образцам, став приверженцем мудрости Миноса Критского⁹⁴ и Ликурга Лакедемонского⁹⁵. Первый из них, как говорят, был последователем Зевса и, посещая Диктейскую гору⁹⁶, на которой, по рассказам критских мифов, был вскормлен куретами Зевс, спустился в священную пещеру, и, принеся составленные им там законы, объявил, что получили их от Зевса. А Ликург сказал, что посещая Дельфы, научился создавать законы под руководством Аполлона. 3. Но я понимаю, что тщательно обследовать все, касающееся мифологических историй, особенно то, что касается богов, требует долгого разговора, поэтому, мне кажется, лучше поведать о том, что римляне извлекли полезного из правления этого мужа, о чем я узнал из местных исторических повествований, я сообщу об этом, сказав сначала, в каких смятенных обстоятельствах оказались дела общины, прежде чем Нума вступил на царство.

LXII. После кончины Ромула во главе общины оказался сенат и в течение года, как я сказал, он удерживал власть, но внутри него начались раздоры и вражда по поводу верховенства и равенства. Ибо вся та часть альбанцев, которая выселилась в колонию вместе с Ромулом, считала себя вправе диктовать решения и получать величайшие из почестей, а также принимать услуги от пришельцев. 2. Те же из поселенцев, кто был позднее записан в патриции, полагали, что им не пристало лишаться почести и находиться в худшем положении по сравнению с первыми. В частности, все, кто был родом из племени сабинян, считали, что, согласно договору, заключенному Ромулом с Тацием, они получали гражданство на равных с древними поселенцами и им предоставят те же самые блага, что и первым. 3. А вместе с разделением сената оказалась расколотой надвое и толпа клиентов, которые присоединились к соответ-

⁹⁴ Минос — легендарный царь Кносса на о. Крит, ставший после смерти благодаря своей мудрости судьей над умершими.

⁹⁵ Ликург — см. примеч. 41.

⁹⁶ Дикте — гора на Крите, где, по одной версии мифа, куреты охраняли новорожденного Зевса, по другой — этой горой была Ида.

ствующим враждебным группировкам. Но имелась и немалая часть плебеев⁹⁷ из тех, что недавно получили гражданство, которые ни в какой войне вместе с Ромулом не участвовали и от вождя ни доли земли и ни добычи не получили. Эта бездомная, нищая масса бродяг, естественно, была настроена враждебно к более могущественным людям и всегда готова к беспорядкам. 4. Нума, осознав, что основы полиса действительно потрясены в таком водовороте событий, сначала исправил положение бедняков из народа, поделив между ними земли из владений Ромула, а также небольшую часть общественного поля. Затем он прекратил раздоры среди патрициев, нисколько не ущемив их в том, что ввели основатели города, но распространил на новых поселенцев ряд других привилегий. 5. А настроив весь народ, словно инструмент, на стремление лишь к общественному благу и расширив пределы города за счет Квиринальского холма (ведь он до сих пор еще был без стен), он коснулся тогда и других сфер общественного устройства, полагая, что с внедрением двух вещей община будет процветающей и могучей. Во-первых, он приобщил людей к благочестию, убеждая, что боги являются подателями и охранителями всех благ для смертных, а затем — к справедливости, открывая, что благодаря ей блага, исходящие от богов, приносят пользу их обладателям.

LXIII. А на основе каких законов и государственных установлений он добился того, чтобы оба его мероприятия достигли преуспевания, так вот, обо всем этом я не считаю нужным писать, подозревая, что рассказ будет длинным, и вместе с тем видя, что описание их не нужно для эллинской истории; но о главном, что сможет прояснить в целом намерения Нумы, я в основных чертах расскажу, начав с его упорядочения того, что касается божественных дел. 2. Как бы то ни было, все установления Ромула относительно обычаев и законов Нума оставил в силе нетронутыми, полагая, что все устроено наилучшим образом, а то, что, как ему казалось, было там упущено, стал добавлять. Он выделил много священных участков богам, оказавшимся еще без почитания, воздвиг множество алтарей и храмов, учреждая празднества для каждого из богов и назначив жрецов, которым вменялось блюсти очистительные церемонии, узаконивая священные ритуалы, жертвоприношения и очистительные обряды и много прочих служений и почитаний, сколько не имеет ни один не только эллинский, но даже варварский полис, в том числе и те, кто издавна гордился своим благочестием. 3. И самого Ромула, как явившего величие свыше смертной природы, он постановил почитать под именем Квирина возведением храма и ежегодными жертвоприношениями. Ведь когда римляне не ведали, произошло ли его исчезновение по божественному промыслу или по злему умыслу людей, некто по имени Юлий, потомок Аскания, земледелец и муж непорочной жизни, который ни в чем не солгал бы ради своей выгоды, явившись на Форум, возвестил, что когда он возвращался с поля, то видел, как Ромул удаляется из города в полном вооружении, и когда тот

⁹⁷ У Дионисия — «часть демотиков», т. е. возможен перевод «часть народа».

проходил мимо, Юлий услышал следующие слова. 4. «Возвести от меня римлянам, Юлий, что гений, от которого я получил судьбу рождения, возводит меня, завершившего смертный век, в сонм богов; я — Квирин». Изложив на письме все законодательство о божественных установлениях, Нума разделил его на восемь частей в соответствии с разделами священнодействий.

LXIV. Один род священнодействий он вручил тридцати курионам, которые, как я сказал, совершают общественные жертвоприношения за курии. 2. А второй род он отдал тем, кого у эллинов называют стефанфорами⁹⁸, а у римлян — фламинами; их так обозначают по ношению повязок и шапок⁹⁹ — «флам», которые и теперь еще носят. 3. Третий род он назначил начальникам целеров, которые, как я уже говорил, предназначены служить конной и пешей стражей при царях; ведь и начальники целеров отправляют некоторые священнодействия. 4. Четвертый же вид он поручил толкователям ниспосылаемых богами знамений, различающим, чьи указания касаются частных и общественных дел. Их римляне по одному из всех видов гаданий зовут авгурами, мы бы сказали — птицегадателями, у них они являются знатоками всех гаданий, всего, что относится к явлениям на небесах, в воздухе и на земле. 5. Пятый же он вменил девам, охраняющим священный огонь; они называются у них по богине, которой служат, весталками. И сам Нума первым воздвиг для римлян храм Весты, а также назначил дев ее жрицами. Так как изложение того требует, то о них необходимо сказать вкратце самое существенное. Действительно, у многих римских писателей на эту тему есть и такое, что требует рассмотрения. Ведь те, кто тщательно не вник в суть этого вопроса, выносят о нем пустые и необдуманные суждения.

LXV. Как бы то ни было, некоторые из неискушенных писателей приписывают сооружение храма Весты Ромулу, считая невозможным (ибо город был основан мужем, достаточно опытным в пророчествах), чтобы он не построил сначала общий очаг полиса, тем более что основатель был воспитан в Альбе, где с давних времен был возведен ее храм и его мать была жрицей Весты; а те, кто разделяет священнодействия в ее честь на два вида — одни совершаются публично за государственные дела, а другие — частным порядком за домашние дела, — говорят, что Ромул испытывал сердечную необходимость в том, чтобы почитать эту богиню обоими видами священнодействий. 2. В самом деле, для людей нет ничего более насущного, чем общий очаг, и для Ромула, когда он начинал, в соответствии с унаследованными им традициями рода, это ближе всего касалось его, ибо его предки принесли с собой святыни из Илиона, причем мать его была жрицей. И потому-то представляется, что приписывающие сооружение святилища скорее Ромулу, чем Нуме, вообще-то говорят

⁹⁸ Стефанфоры — букв. «несущие венки», а также «венценосцы». В последнем случае это было званием высших должностных лиц, имевших право исполнять обязанности в венке.

⁹⁹ Слово испорчено. Греч. *πίλος*, лат. *pileus* — войлочная шапка. Этимология *flamen* < *pileus* сомнительна.

правильно, ведь когда город заселялся, сначала надо было установить очаг и притом человеком, опытным в божественной мудрости; что же касается сооружения нынешнего храма и прислуживающих богине дев, то этого они не знают. 3. Ведь и не в том месте, в котором сейчас охраняется священный огонь, Ромул почтил богиню (безусловное доказательство чего в том, что оно находится снаружи так называемого Квадратного Рима, который он обнес стеной; но святилища для общего очага все воздвигают в наиболее укрепленном месте города и никто — вне стен). Ромул не установил служения богине с помощью дев, так как, по-моему, он помнил о страданиях матери, которая, будучи служанкой богини, потеряла девственность, так что из-за воспоминаний о собственных горестях он будет лишен возможности наказывать по отечественным законам какую-нибудь из жриц, если обнаружит ее погубленной. 4. Поэтому действительно Ромул не устанавливал общего святилища Весты и не назначал ей жрицами дев, но, сложив в каждой из тридцати курий очаг, у которого приносили жертвы члены курий, он сделал жрецами глав курий, подражая обычаям эллинов, которые еще существуют в древнейших из полисов. Во всяком случае, так называемые у эллинов пританеи¹⁰⁰ являются святилищами Гестии, и заботу о них осуществляют люди, имеющие наибольшую власть в общине.

LXVI. Нума же, приняв власть, не снес очагов курий, но установил один общий для всех в местности между Капитолием и Палатином, поскольку холмы уже объединились в город с единой стеной, а посреди них находился Форум, на котором был сооружен храм, охрану же святынь он постановил осуществлять согласно отечественному закону латинов с помощью дев. 2. Определенное затруднение вызывает как раз то, что охраняется в святилище и по какой причине поручено именно девам? Так вот, некоторые говорят, что ничего, кроме видимого в нем огня, там нет, а то, что охрана его возложена на дев, а не на мужей, естественно, ибо огонь неоскверняем, дева же целомудренна, а наисвятейшим из богов любо чистейшее из смертных. 3. Утверждают, что огонь расположен на очаге, так же как земля, являющаяся божеством, занимает среднее место в мировом порядке и возжигает сама по себе горный огонь. Но некоторые утверждают, что кроме огня в священном помещении богини находятся тайные для многих святыни, о которых знают лишь верховный жрец¹⁰¹ и девы, и основательное подтверждение этого мнения — пожар храма, случившийся во время первой Пунической войны¹⁰², которая была у римлян с карфагенянами из-за Сицилии. 4. Так как когда вспыхнул священный участок и девы спасались бегством от огня, один из Великих понтификов Луций Цецилий, прозванный Метеллом¹⁰³,

¹⁰⁰ Пританей — общественное здание, где собирались выборные должностные лица греческих городов, а также где кормили на общественный счет почетных граждан и иностранцев, как это было в Афинах.

¹⁰¹ Великий понтифик.

¹⁰² Первая Пуническая война Рима с Карфагеном (264–241 гг. до н.э.).

¹⁰³ Луций Цецилий Метелл, консул 251 г. до н.э.

муж консульского достоинства (который привел из Сицилии сто тридцать восемь слонов, захваченных у карфагенян, для своего славного триумфа), презрев собственную безопасность ради всеобщего блага, силой прорвался в пожарище и, схватив оставленные девами святыни, спас их от огня. В связи с этим он получил от города великие почести, как свидетельствует надпись на его статуе, помещенной на Капитолии.

5. Однако признавшие этот случай в качестве достоверного добавили к нему собственные догадки. Одни утверждают, что в храме сохранилась некая часть святынь с Самофракии, что Дардан¹⁰⁴ перенес святыни с острова в им самим основанный город, а Эней¹⁰⁵ во время бегства из Трояды и доставил их вместе с другими в Италию. Другие же заявляют, что это упавший с неба Палладий¹⁰⁶, который оказался у иллионцев, и что Эней доставил его, зная о нем, а ахейцы украли его копию — так вот, по этому поводу очень много историй сложено поэтами и писателями. 6. Я же лично на основании многих данных полагаю, что там имеются какие-то неизвестные толпе святыни, охраняемые девами, а не только огонь, но что это такое, не считаю достойным любопытствовать ни для себя и ни для кого другого из желающих соблюдать благочестие.

LXVII. Прислуживающих богине весталок сначала было четыре, и их выбирали цари по справедливым законам, которые установил Нума, позднее же из-за множества священнодействий, которые они совершают, их стало шесть, и в таком составе они существуют вплоть до нашего времени, проводя жизнь при храме богини; днем они не препятствуют никому из желающих войти в храм, ночью же никому из мужчин пребывать там не позволено. 2. Необходимо, чтобы они в течение тридцати лет сохраняли целомудрие и безбрачие, и воздавали жертвы, и отправляли прочие священные обряды по закону, согласно которому десять лет им надлежало учиться, десять — совершать священнодействия, а остальные десять — учить других. По исполнении тридцатилетия службы ничто не препятствует желающим снять повязки¹⁰⁷ и прочие знаки жречества ради замужества. Поступили так весьма немногие, но конец жизни у них оказался незавидным и не слишком счастливым, так что остальные весталки, усмотревшие в их несчастьях предупреждающий знак, остаются при богине до смерти, но взамен выбывшей снова назначается понтификами другая. 3. Много высочайших почестей воздает им государство, благодаря которым у них нет тоски ни по детям, ни по браку, но и наказания на согрешивших налагаются строжайшие. Дознавать и наказывать их по закону предоставлено понтификам; провинившихся в чем-то малом бьют палками, а потерявших невинность предадут самой позорной и жалкой смерти. 4. Так, еще живых их несут на носилках, исполняя положенное для

¹⁰⁴ Дардан — легендарный герой, сын Зевса, зять первого царя Трои Тевкра, один из прародителей троянцев. См. также примеч. 128 к кн. I.

¹⁰⁵ См. кн. I. 47.

¹⁰⁶ Палладий — деревянная статуя Афины Паллады. См. примеч. 184 к кн. I.

¹⁰⁷ Весталки, подобно другим жрецам, носили головную повязку — лат. *vitta*.

мертвых, шествующие впереди друзья и родственники оплакивают их, доставляют их не далее Коллинских ворот и помещают в устроенный под землей склеп вместе с погребальными приношениями. И они не получают ни надгробной стелы, ни заупокойных жертв и ничего прочего из положенного при похоронах. 5. Кажется, существует немало указаний, что весталки небрежно исполняют свои обязанности, особенно же — угасание огня, чего более всех несчастий страшатся римляне, усматривая в нем знамение гибели города, по какой бы причине оно ни случилось, и вновь приносят его в храм, с помощью многих обрядов умиловывая огонь; об этом я расскажу в подходящем месте.

LXVIII. И очень к месту рассказать здесь о явлениях богини, которая показалась несправедливо обвиненным весталкам; ведь римляне верят этому, если даже это и невероятно, и писатели написали об этом много произведений. 2. С одной стороны, существуют те, кто проповедует безбожную философию, — если и впрямь это можно назвать философией, — кто высмеивает все явления богов, случившиеся у эллинов или варваров, усиленно поднимая на смех такие истории, приписывая их выдумкам людей, так как никому из богов нет, дескать, заботы ни о ком из людей. С другой же стороны, те, кто не освобождает богов от причастности к человеческим заботам, но заключает, что боги благосклонны к добрым, а к злым враждебны, вникнув в суть многих историй, склонны отнести эти явления к вероятным. 3. Так, рассказывают, что однажды, когда погас огонь из-за какой-то небрежности Эмилии, которая берегла его тогда, но передоверила заботу о нем другой весталке из недавно избранных и еще только обучавшихся обязанностям, по всему городу распространились беспорядки, понтифики предприняли расследование того, какая скверна коснулась жрицы огня. И вот тогда, говорят, непогрешившая, но оказавшаяся в трудном положении из-за происшествия дева, простерев руки к алтарю, в присутствии жрецов и остальных весталок взмолилась. 4. «Веста, защитница града римлян, если я благочестно и праведно исполняла для тебя священные обряды без малого тридцать лет, имея чистую душу и непорочное тело, явись мне и окажи помощь, и не позволь твоей жрице умереть жалчайшим образом; если же мной сделано что-либо нечестивое, то, наказав меня, очисти нечестие города». 5. Рассказывают, что она, произнеся это, оторвала от льняной одежды, в которую была одета, перевязь и с молитвой бросила материю на алтарь, и на давно угасшем и ни единой искры не хранившем пепле из льна возгорелось большое пламя, так что городу уже не были нужны ни очищения, ни добывание нового огня.

LXIX. Еще более удивительно, чем это, и более сродни мифу — о чем я намереваюсь поведать. Говорят, что кто-то, кто не мог вынести того, что огонь погас, несправедливо обвинил одну из священных дев по имени Тукция, и не имея возможности оправдаться угасанием огня, какие-то свидетельства и доказательства выставил подложные. Дева же, которой приказано было защищаться, сказала только одно, что она очистит себя от клеветы делами. 2. Сказав это и призвав богиню быть ей предводителем в пути, она с разрешения понтификов идет к Тибру в сопровождении всего населения города. Подойдя к берегу, она осмеливается на дерзость, которая

входит в поговорку в качестве прямо-таки невозможного. Зачерпнув воду из реки решетом, она несет ее до Форума и выливает ее к ногам понтификов. 3. И затем, говорят, хотя произвели усиленные розыски, ее обвинитель не был найден ни живым, ни мертвым. Однако, имея еще много чего поведать в защиту явлений богини, я считаю, что об этом сказано достаточно.

LXX. А шестая часть законодательства о божественных делах была вверена тем, кого римляне называют «салии», которых Нума самолично назначил из патрициев в количестве двенадцати, выбрав юношей самой прекрасной наружности, святилище которых расположено на Палатине, а потому сами они именуются Палатинскими. Агональские же салии, называемые некоторыми Коллинскими, святилище которых находится на Квиринальском холме, были назначены после Нумы царем Гостилием по обету, который он дал во время войны с сабинянами. Все эти салии являются некими плясунами и исполнителями гимнов в честь воинственных богов. 2. Празднество их отмечается примерно во время Панафиней¹⁰⁸ в месяц, называемый мартом, и справляется всенародно в течение многих дней, когда через весь город с пляской и пением жрецы шествуют на Форум и на Капитолий, и во многие другие частные и общественные места. При этом участники по-особому одеваются, стягивая пестрые хитоны широкими медными поясами и застегивая брошами красные плащи, окаймленные пурпуром, которые называются трабеями¹⁰⁹ (это особенная у римлян одежда и знак высокой чести), а на головах у них так называемые апексы¹¹⁰ — высокие войлочные конусовидные шапки, которые эллины называют кирбасиями¹¹¹. 3. И каждый из салиев носит у пояса меч, в правой руке — копье или палку или что-нибудь такого рода, а в левой держит фракийский щит. А он подобен ромбовидному щиту, сужающемуся с боков, какие, говорят, носят у эллинов те, кто совершает священнодействия куретов. 4. Так вот, салии, по моему мнению, являются переводом греческого слова «куреты»¹¹², получившие имя у нас из-за возраста, поскольку они «юноши», а у римлян — по усиленным телодвижениям. Ведь подпрыгивать и скакать у них называется «салире»¹¹³. По той же самой причине и всех остальных танцовщиков, так как им присущи различные прыжки и скачки, обозначают «сальтаторами» —

¹⁰⁸ Панафиней — афинский праздник в честь богини — покровительницы города. Учреждение Панафиней приписывалось Тезею. Праздновались каждые пять лет, затем — в третий год Олимпиады. Состояли из торжественных процессий, переодевания статуи Афины в новое платье, а также из конных, гимнастических и музыкальных состязаний.

¹⁰⁹ Трабея — лат. *trabea*, торжественная тога, украшенная пурпурными полосами, принадлежность царей, всадников и авгуров.

¹¹⁰ Апекс — лат. *apex*, букв. «остроконечная верхушка», навершие жреческой шапки в виде жгутика, обмотанного шерстью.

¹¹¹ Кирбасий — персидский головной убор.

¹¹² Слово «куреты» Дионисий производит от греч. *κῦρος* или *κοῦρος* — *юноша*.

¹¹³ Лат. глагол *salio*, -ui (ii), *saltum*, *salire*.

«прыгунами», связывая название с салиями. 5. Правильно ли мое предположение в объяснении их прозвища, любой желающий может проверить, выведя его из их действий. Ведь они совершают ритмичные движения в доспехах под звуки флейты то все вместе, то попеременно, и одновременно с пляской распевают старинные гимны. А пляску и движения при оружии, а также шум, производимый стуком копий о щит, первыми ввели куреты, и если потребуется, можно это засвидетельствовать с помощью древних рассказов. Однако мне нет необходимости упоминать мифологические истории для людей, знающих о них почти все.

LXXI. А среди щитов, которые носят салии и о которых пекутся специальные их помощники, прилаживая их согласно правилам, один щит, сказывают, упал с неба и найден был, по слухам, в царских покоях Нумы, но никто из людей не приносил его, и никто ранее среди италийцев не знал такой формы щита — вот по этим двум причинам римляне заключили, что оружие это ниспослано божеством. 2. И говорят, что Нума, желая, чтобы это оружие почитали достойнейшие юноши, пронося его в священные дни по городу и производя при этом ежегодные жертвоприношения, но опасаясь как козней врагов, так и утраты его из-за кражи, повелел изготовить еще много щитов, подобных тому, что упал с неба; труд этот взял на себя некий мастер Мамурий¹¹⁴ и выковал неотличимые от первого щиты, которые не смогли бы распознать злоумышленники, позарившиеся на посланное богами. Полное сходство предметов было достигнуто благодаря умению людей. 3. Как я лично полагаю и на основании многих других признаков, но особенно исходя из того, что происходит на торжественных процессиях в цирке и в театрах, римлянам присуще неизмеримо ценить то, что относится к юношеству. 4. В самом деле, во всех таких шествиях отроки, надев неподобающие хитончики, имея шлемы, мечи и легкие щиты, выступают рядами, и есть у них предводители шествий, которые называются лидионами по игре, изобретенной, кажется, лидийцами. Таким образом, думается, создается подобие салиям; хотя у куретов ничего не делается так, как у салиев — ни в гимнах, ни в плясках. Полагалось, чтобы юноши были свободными, местными уроженцами и чтобы у них были живы оба родителя. Такие являются людьми самой что ни на есть удачи. Так что же еще о них писать?

LXXII. А седьмая часть сакрального законодательства отнесена к коллегии так называемых фециалов. Они могли бы, пожалуй, на эллинском языке называться эйренодиками¹¹⁵. Это мужи, избранные из лучших семей, пожизненно посвященные служению. Нума был первым царем, установившим у римлян эту священную магистратуру. 2. Однако взял ли он пример у так называемых эквикулов¹¹⁶, как думают

¹¹⁴ Мамурий Ветурий — легендарный кузнец, изготовитель щитов анцилий. См.: *Овидий. Фасты*. III. 259, 383, 389, 392; *Павел-Фест. О значении слов*. С. 117; *Проперций*. 4. 61; *Плутарх*. Нума. 13.

Имя Мамурия связывают с памятью (memoria), либо с Марсом — осским Мамерсом.

¹¹⁵ Слово составлено из двух: *ἐπίμη* (мир) и *δίκη* (обычай, право, законность).

¹¹⁶ Эквикулы — италийское племя, родственное эквам.

некоторые, или у города ардеатов, как пишет Геллий¹¹⁷, я не могу сказать точно, но следует подчеркнуть только одно, что до правления Нумы у римлян не было еще коллегии фециалов. 3. Они были учреждены Нумой, когда он вознамерился воевать с фиденянами, совершившими набеги и грабеж его страны, на случай, если бы они захотели заключить договор с ним без войны, и сделали они это установление по необходимости. Я думаю, раз уж у эллинов не существует в обычае должность фециалов, то следует сказать, какую власть они имели над главнейшими делами, чтобы тем, кто не знает о благочестии римлян, которому они были тогда преданы, не казалось странным, что все войны у них заканчивались наиболее успешно. 4. Тогда станет ясно, что у римлян все исконные позиции и основания были в высшей степени благочестивы, и благодаря этому они пользовались во время опасностей благосклонностью богов. Так вот, все обязанности, возложенные на римских фециалов, из-за их обилия объять нелегко, если обрисовать их вкратце, то обнаруживается следующее: им надлежало следить, чтобы римляне не начинали никакой несправедливой войны против какого бы то ни было союзного полиса, если же другие вздумают нарушать договор с Римом, то сначала посредством посольства добиваться справедливости словесным образом, если же те не прислушаются к их требованиям, тогда уж решить объявлять войну. 5. Подобным же образом, если кто-либо из римских союзников потерпит несправедливость от римлян и попросит словесно правосудия, этим людям следует разузнать, не претерпели ли они какого-то вероломства, и если фециалам покажется надлежащим обвинить их, то схватить обвиняемых и выдать их обиженным. В их ведении также судить проступки в отношении послов и охранять святость договоров, а также заключать мир, а, если он окажется заключенным не в соответствии со священными законами, отвергнуть его, а незаконные действия военачальников, связанные с клятвами и перемириями, расследовать и очистить их искупительными жертвами, о чем я поведу речь со временем. 6. А что касается послов, всякий раз как они требуют удовлетворения от города, который, по их мнению, совершил несправедливость, — так как недостойно не знать об этом вследствие их ревностного тщания о священном и справедливом — об этом я узнал такое: один из фециалов, которого они сами выбрали¹¹⁸, облаченный в священные одежды и прочее убранство, чтобы он выделялся среди остальных, отправляется в город обидчиков и, встав на границе общин, призывает Юпитера и других богов в свидетели, что он пришел требовать справедливости в отношении полиса римлян. 7. После клятвы, что он придет в город только потому, что тот является нарушителем справедливости, фециал, прокляв себя и Рим страшными проклятиями, если он лжет, вступал на его территорию; потом, призвав в свидетели первого встречного, будь то сельчанин или горожанин, и повторив те же самые проклятия, он направлялся в город и, прежде чем войти в него, тем

¹¹⁷ Гней Геллий — анналист (II в. до н.э.).

¹¹⁸ Римляне называли его *pater patratus*, т.е. «отец отраженный».

же самым способом призывал в свидетели стража у ворот или первого встречного в воротах, затем он следовал на форум и, встав там, начинал возглашать о том, ради чего он явился, сопровождая свое сообщение каждый раз клятвами и проклятиями. 8. И вот, если обидчики оказывали удовлетворение, выдав Риму виновных, он уводил их, став уже другом этой общины, и уходил от них как от друзей; если же они просили время для совещания, то, выделив им на это десять дней, он вновь возвращался к ним и дожидался их решения вплоть до их третьей просьбы. По прошествии же тридцати дней, если община не давала Риму удовлетворения, призвав на помощь небесных и подземных богов, фециал удалялся, говоря только, что римский полис будет держать совет о них, сохраняя спокойную обстановку. 9. И после этого, придя в сенат вместе с другими фециалами, он объявлял, что они выполнили все, что предписано священными законами, и если римляне пожелают вынести решение о войне, никакого препятствия боги чинить не будут. Если же чего-то из надлежащего не сделано, то ни сенат, ни народ не властны вынести решение о войне. Вот все, что мы узнали о фециалах.

LXXIII. Последний раздел уложения Нумы о святых делах касался того, что у римлян получили в ведение те, кто имеет высший жреческий сан и власть. Их на языке римлян по одной из обязанностей, которые они исполняют, а именно, по поддержанию в исправности деревянного моста, называют понтификами¹¹⁹, но они являются главными распорядителями в наиболее значимых делах. 2. Ведь они вершат все суды по священным делам и над частными лицами, и над магистратами, и над служителями богов, а также учреждают законы во всем, что касается священнных обрядов, но неписанные и относящиеся к обычному праву, какие кажутся им подходящими в качестве законов и обычаев; и они следят за высшими магистратами, на кого возложены какие-либо жертвоприношения или отправление обрядов, а также за всеми жрецами, и понтики стоят на страже того, чтобы помощники их, которых привлекают при совершении священнодействий, ни в чем не погрешили против священных законов; а для всех частных лиц, которые не знают ритуалов, относящихся к богам и божествам, они являются истолкователями и прорицателями; а если они узнают, что кто-то не повинуется их установлениям, они налагают на них наказание, обращая внимание на действия каждого. И они не ограничены ни в каком суде в определении наказаний, не отдавая отчета относительно священных дел ни сенату, ни народу. 3. Так что, если кто захочет назвать понтификов учителями священнодействий или знатоками священных законов, или охранителями их, или, как мы считаем, иерофантами¹²⁰, не погрешит против истины. Когда же кто-нибудь из них уходит из жизни, на его место назначается другой, избранный не народом, но ими самими, и это тот, кто кажется им наиболее подходящим из членов общины. И он

¹¹⁹ Понтики — см. примеч. 115 к кн. I.

¹²⁰ Иерофанты — верховные жрецы-понтики.

принимает на себя жреческий сан, пройдя проверку, если птицы¹²¹ явят ему благоприятные знамения. 4. Таково величайшее и значительнейшее, помимо менее значительных, законодательство Нумы о божественных делах и распределение священнодействий среди разных групп общества, благодаря чему город преисполнился благочестием.

LXXIV. Установления Нумы, что направляют каждого человека к умеренности и к благоразумию и возбуждают в нем чувство справедливости, сохраняющей римскую общину в согласии, более чем многочисленны, частью они закреплены в письменных законах, а частью не записаны, но вошли в обычай и долговременное употребление. Обо всех них поведать — дело непростое, но достаточно двух свидетельств, наиболее достойных памяти, — и остальные станут ясными. 2. Чтобы люди стремились к самодостаточности, а не посягали ни на что чужое, об этом было законоположение об определении границ имущества. Для этого Нума, приказав каждому описать свое имение и установить на границах его межевые камни, посвятил их Юпитеру-Охранителю границ и предписал, чтобы все совершали различные жертвоприношения в его честь, ежегодно в определенный день собираясь вместе, а также учредил весьма почитаемый у римлян праздник в честь богов границ. 3. Римляне нарекают терминалиями от слова «границы», а сами межевые камни они называют «терминами», заимствовав слово из нашего языка с изменением одной буквы¹²². Если же кто-нибудь уничтожит или передвинет эти камни, то, по установлению Нумы, совершивший это посвящается богу, чтобы тот, кто пожелает, мог убить нарушителя, как святотатца, и ему обеспечивалась безопасность и не налагалось очищение от скверны. 4. А право это он установил в отношении не только частных имений, но и общенародных, обозначив и их межевыми камнями, чтобы боги границ отличали как римскую землю от соседской, так и общую от частной. И римляне сохраняют памятники этого вплоть до нашего времени по причине святости. Поскольку они считают межевые камни богами и приносят им ежегодно жертвы, притом никакого вида из живых — ибо нечестиво обгагрять кровью камни, — но Цереровы пироги¹²³ и некоторые другие первинки плодов. 5. И надо было еще охранять дело, ради которого Нума признал богами надлежащие границы их владений, чтобы другие не присваивали себе чужого ни силой, ни хитростью. Теперь же иные люди не лучшим образом, не как завещали предки, отделяют свое от чужого, не закон, а страсть к обладанию всем является для них границей их владений, т.е. позорное дело. Однако рассматривать это предоставим другим.

¹²¹ Т.е. птицегадания.

¹²² Лат. *termini*, -inis = *terminus*, -i = *termo*, -onis (пограничный камень), во мн. числе — «граница», «пределы», и греч. *τέρμων*, -ωνος = *τέρμα*, -τος (предел) являются словами общего индоевропейского корня.

¹²³ В римском обиходе Церера считалась богиней земледелия и хлебных колосьев. В посвященный ей праздник Цереели устраивались угощения.

LXXV. Посредством этих законов Нума направил полис к умеренности и благоразумию; чтобы подчинить законности дела, касающиеся сделок, он изыскал средства, неведомые никому из основателей самых отменных государственных устройств. Ибо, видя, что те из соглашений, которые заключаются явно и при свидетелях, охраняются совестью и уважением присутствующих и редко когда нарушаются, а те, которые составляются без свидетелей, и кстати, гораздо более многочисленные, чем первые, имеют единственную защиту в виде ручательства договаривавшихся, он подумал, что ему следует позаботиться об этом более всего и сделать доверие достойным божественного почитания. 2. Так, он считал, что богиня Справедливости¹²⁴, Юстиция¹²⁵, Немезида¹²⁶, и по-эллински нареченные Эриниями¹²⁷, а также все, сколько ни есть им подобных, в достаточной мере обожествлены и освящены предками. Фидес¹²⁸ же, чувства к которой в людях являются наивысшими и наисвященнейшими, не почиталась тогда еще ни в общественной области полиса, ни в сферах частных отдельными людьми. 3. Придя к такому выводу, Нума первым из людей воздвиг храм Общественной Фидес и учредил в ее честь жертвоприношения, как и другим богам, на общественный счет. А значит, он намеревался со временем ввести в городе общий обычай и верный и надежный образ мыслей, который станет присущим как всем вместе людям, так и отдельному человеку. По крайней мере настолько священным и чистым признается доверие, что сильнейшая клятва, сделанная частным лицом по собственной воле, становится более крепкой, чем всенародные свидетельства, так что всякий раз, как появлялось какое-то сомнение при заключении договоров без свидетелей один на один, взаимное доверие унимало ссору тяжущихся и не позволяло развиться вражде. И магистраты, и суды в большинстве случаев прибегали к клятве на основе доверия. 4. Эти установления, введенные тогда Нумой, поощряя умеренность и понуждая законность, превратили римское государство в наиболее упорядоченное общество из наилучших в обитаемом мире.

LXXVI. А то, о чем я намереваюсь теперь рассказать, так это то, что Нума предоставил в качестве заботливого попечения земледельцам, исходя из необходимости и блага. В самом деле, этот муж, обратив внимание на то, что общине, которая будет держаться справедливости и жить благоразумно, надо предоставить необходимые средства к жизни, разделил всю землю на так называемые паги и установил в каждом из пагов управителей — надзирателя и охранителя частных наделов. 2. И они, часто обходя поля, описывали, какие хорошо или дурно обработаны, и докладывали царю,

¹²⁴ Дика — греческая богиня справедливости, дочь Зевса и Фемиды, в римской религии, возможно, соответствует богине Эквигас.

¹²⁵ Юстиция, соответствует Фемиде — греческой богине права и законности.

¹²⁶ Немезида — греческая богиня судьбы, позднее — возмездия.

¹²⁷ Эринии — греческие богини мщения, соответствуют римским Фуриям.

¹²⁸ Пистис — греч. «вера, верность», у римлян ей соответствует Фидес (Fides), божество верности.

а он заботливых земледельцев хвалил и окружал благорасположением, ленивых же, порицая и наказывая, побуждал лучше обрабатывать землю. Поэтому люди, не занятые войнами и леностью, освобожденные от обязанностей в отношении государства, платящие вместе с позором пеню за лень и вялость, все становились деятельными и начинали понимать, что достаток от земли является более справедливым и более сладким, чем от военного дела, лишенного надежности. 3. Поэтому Нуме выпало на долю быть любимым своими подданными и примером для подражания соседям, а также остаться в памяти потомков; и благодаря наилучшим и удивительнейшим установлениям ни междоусобная вражда не нарушала согласия внутри общины, ни война с иноплеменниками не тревожила ее. В самом деле, соседи настолько были далеки от мысли, что римляне в своем мире и спокойствии предпримут нападение на них, что, когда у них начиналась какая-нибудь война друг с другом, они делали римлян своими посредниками и считали, что с помощью Нумы в качестве примирителя вражда закончится. 4. Так вот, лично я не постыдился бы поставить этого человека на первое место из тех, кто прославился счастьем. Ведь он происходил из царского рода и имел царский облик, а также получил надлежащее воспитание, благодаря чему научился вести благочестивую жизнь и предаваться разным добродетелям. 5. Он же удостоился принять власть над римлянами молодым, призванный и приглашенный ими, благодаря тому что славился доблестью и провел всю жизнь, сохраняя убеждение подданных в благодетельности своего правления. Он дожил до преклонных лет в полном здравии, ни в чем не терпя зла от судьбы, и умер легчайшей из смертей, угаснув от старости, поскольку гений-хранитель, с самого начала данный ему в удел, оставался с ним вплоть до того, как он покинул людей. Он прожил свыше восьмидесяти лет, а процарствовал сорок три года, и оставил потомство, как пишут многие, — четырех сыновей и одну дочь, род которых еще сохраняется, а Гней Геллий сообщает, что он оставил после себя одну только дочь, от которой родился Анк Марций, ставший третьим после него римским царем. 6. Когда Нума умер, община выказала по нему большую печаль и устроила роскошнейшие похороны. Лежит же он на Яникуле, по ту сторону реки Тибр. Вот все, чем мы располагаем о Нуме Помпилии.

Книга III

Происхождение Тулла Гостилия, избранного царем — Предоставление земли римлянам, не имеющим надела — Объявление альбанцам войны — Опасность, грозящая обеим сторонам извне — Переговоры альбанцев с римлянами о мире — Спор обеих сторон о первенстве полуса — Разрешение спора с помощью оружия — Братоубийственное состязание за верховенство полуса — Неожиданные повороты судьбы дома Горациев — Военные действия Тулла — Коварные планы альбанцев — Спасение римского войска Туллом и сокрушение всех замыслов противников — Суд над Меттием Фуфетием и его сообщниками в предательстве — Окончательная победа Тулла над фиденянами. Второй триумф Тулла — Начало и предлог новой войны Тулла — Третий триумф Тулла — Война римлян с сабинянами и ее завершение во времена правления Тулла — Конец жизни Тулла Гостилия — Принятие власти Марцием, по прозвищу Анк — Войны между латинами и римлянами. Другие военные деяния Марция — Действия Марция, направленные на то, чтобы Рим стал не только прибрежным, но и морским городом — Историки о Лудии Тарквинии, принявшем власть после смерти Марция — Походы Тарквиния — Потери и приобретения попеременно у тех и у других враждующих сторон — Битвы Тарквиния с латинами. Победоносное шествие Тарквиния — Тарквиний против сабинян — Заключение перемирия с сабинянами, борьба с другими недругами — Победа над тирренами. Условия мира, продиктованные Тарквинием — Пятилетняя война с сабинянами. Подчинение сабинского народа — Мирные деяния Тарквиния — Решение, принятое Тарквинием, о строительстве храма — Наука птицегадания. Невий — самый известный из птицегадателей. Память об этом прорицателе — Убийство Тарквиния. Наказание злоумышленников

1. После кончины Помпилия сенат, оказавшись во главе общины, собрался и постановил, чтобы форма правления сохранялась неизменной, а поскольку и народ не вынес другого решения, то назначил из числа сенаторов тех, кому надлежало исполнять в течение определенного числа дней должность, именуемую междуцарствием; а междуцари провозгласили царем того, кого предпочитал и весь народ — Тулла Гостилия. А происходил он из такого вот рода. 2. Некий муж благородного происхождения и богатый, по имени Гостилий, перебравшись жить в Рим из города Медуллии¹, что был основан альбанцами, а Ромул, взяв этот город по договору, превратил в колонию римлян, берет в жены женщину из сабинского рода, дочь Герсилия, избранную в свое время соплеменницами умолять отцов за мужей во время войны сабинян с римлянами. Как считали, именно дочь Герсилия поспособствовала тому, чтобы между предводителями установились дружественные отношения². Гостилий, разделив с Ромулом тяготы многочисленных войн и великие деяния, отличившись в сражении с сабинянами, умирает, оставив единственного сына, еще ребенка; хоронят же его рядом с царями, в самом почетном месте Форума, удостоив стелы, надпись на которой запечатлела его подвиги. 3. А когда этот единственный сын достиг зрелого возраста и взял жену славного происхождения, то у него родился сын, Тулл Гостилий, который и был назван царем сенаторами и выбран голосованием граждан, каковое было проведено на основании законов и поелику божество благоприятными знаменениями одобрило то, что было решено народом. А принял власть во второй год двадцать седьмой Олимпиады³, на которой в беге на стадий победил афинянин Эврибат, а архонтом в Афинах был Леострат. 4. Царь Тулл проявил величайшую щедрость, сам же одновременно с воцарением получил в удел и полнейшую бедность народа, и внутреннюю смуту. А было так. Цари до него имели обширный и плодородный участок земли, выделенный в их пользование, с доходов от которого они устраивали шествия и жертвоприношения богам и получали в изобилии все, что требовалось для своей частной жизни. Этот участок учредил Ромул, отобрав землю в результате войны у прежних владельцев, а когда сам скончался бездетным, землей стал пользоваться Нума Помпилий, воцарившийся после него. И этот участок не был общественной собственностью, а постоянным наделом царей. 5. Эту землю Тулл предоставил тем римлянам, у кого не было никакого надела, разделив ее по количеству мужей, причем объявил, что ему самому достаточно отцовского владения и для жертвоприношений,

¹ Медуллия — город в Лации, располагавшийся, видимо, к северо-востоку от Рима. Существует мнение, что это был сабинский город. См.: *Тит Ливий. История Рима от основания города*. М., 1989. Т. 1. С. 514. Комментарий. 106 к кн. I. Однако Дионисий не сомневается в его латинском происхождении. О «латинизме» Медуллии косвенно свидетельствует и Ливий. См. также: *Ливий*. I. 33. 4.

² Ср. *Дионисий*. II. 45. 2 и след.; *Ливий*. I. 13. 1—5. Ливий о Герсилие не упоминает.

³ Примерно 672 г. до н.э., согласно Дионисию (мы принимаем традиционное начало Олимпийских игр в 776 г. до н.э.). О происхождении Антеми, Теллен, Фиканы, Тибуря см.: D. M. I. 16.

и для расходов на жизнь. И с таким вот человеколюбием он восстановил положение тех граждан, кто очутился в стесненных обстоятельствах, положив конец их кабале у чужих людей. А чтобы никто не оставался без жилища, он присоединил к городу холм, который назывался Целием⁴, где все римляне, кто не имел домашнего очага, получив по жребию достаточное количество земли, устроили себе жилища. И сам Тулл имел дом в этом месте. Вот что, достойное упоминания, передаю я о свершениях сего мужа, касающихся управления Римом.

II. В памяти людей сохранились и военные, и всякие прочие его деяния, но величайшие из них — это те, о которых я собираюсь рассказать, начав с войны против альбанцев. Зачинщиком же того, что города рассорились и прервали родственные связи, стал альбанский муж по имени Клуилий, наделенный высшей властью. Тяготясь тем, что у римлян — изобилие всяческих благ, будучи не в силах превозмочь зависть и по природе заносчивый и чрезвычайно сумасбродный, он надумал начать войну между общинами. 2. Не зная, как убедить альбанцев разрешить ему вывести войско против римлян, так как не имелось ни справедливых, ни законных предлогов, Клуилий замышляет следующее. Самым бедным и самым дерзким альбанцам он позволил грабить римские поля, суля им безнаказанность, и, чтобы разжечь в пограничных краях грабительские набеги, набрал немало таких людей, кто предпочитал получать не сопряженные с опасностями барыши, но от которых те не желали отказаться даже из страха. 3. И, как показало развитие событий, затеял он это расчетливо и словно само по себе. Ведь Клуилий сообразил, что римляне не потерпят грабежей, но будут действовать оружием, и у него самого появится возможность обвинить римлян перед своим народом в том, что якобы развязали войну они, а большая часть альбанцев, завидуя своим колонистам из-за их преуспевания, с радостью воспримет повод для раздоров и поведет против римлян войну. Так и вышло. 4. Ведь так как злоумышленники из обоих городов уводили и уносили добычу с территории противника, римское войско однажды вторглось в землю альбанцев и многие из грабителей при этом были или перебиты, или пленены. Тогда Клуилий созвал народ на собрание. На нем он и многоречивое обвинение против римлян выдвинул, и бесчисленных раненых предъявил, и родственников убитых и похищенных привел, а еще больше приврал по поводу свершившегося, решив сначала потребовать от римлян удовлетворения⁵ за то, что произошло, а в случае отказа начать с ними войну.

III. Но когда послы прибыли в Рим, Тулл, заподозрив, что они будут требовать удовлетворения, решил опередить их, стремясь переложить на них вину за то, что они разорвали соглашения, которые были заключены с колонией. Ведь между общинами

⁴ Ливий говорит то же самое (ср. *Ливий*. I. 30. 1). Однако Цицерон приписывает присоединение Целия Анку Марцию, царствовавшему сразу после Тулла Гостилия (*Цицерон*. О государстве. II. 18. 33).

⁵ Греческому выражению *δίκας αἰτήσασθαι* соответствует латинское *res petere* (*Ливий*. I. 22. 4). Данные Дионисия примерно соответствуют Ливию (I. 22—41).

действовали утвержденные при Ромуле договоры⁶, которые содержали различные справедливые условия — в том числе и то, чтобы ни один из городов не начинал войны; а город, обвиняющий другой в какой бы то ни было несправедливости, может требовать удовлетворения у поступающего несправедливо, и если не получит его, то имеет право вести законную войну⁷, поскольку договоры уже считаются разорванными. 2. Заботясь о том, чтобы римляне не выглядели повинными, когда у них первых потребуют удовлетворения, а затем не оказались виноватыми пред альбанцами, Тулл поручил самым знатным из своих друзей принять альбанских послов как гостей, со всем радушием, и удерживать их у себя в домах, а сам, сославшись на какие-то неотложные дела, уклонился от встречи с ними. 3. Когда же наступила ночь, он отправил в Альбу самых знатных мужей вместе с фециалами, наказав им, что надо предпринять, дабы потребовать от альбанцев удовлетворения за то, в чем римляне претерпели ущерб. Посланцы еще до восхода солнца завершили путь и, когда утренний форум наполнился народом, встретили находившегося там Клуилия и, изложив все, в чем римляне претерпели несправедливость со стороны альбанцев, принялись требовать, чтобы те исполняли то, что было условлено между городами. 4. Клуилий же, поскольку-де альбанцы первыми отправили в Рим тех, кто потребует удовлетворения, но ответа не удостоились, приказал римлянам как стороне, нарушившей договор, удалиться и объявил им войну. Но глава посольства, которого как раз и изгоняли, пожелал услышать от Клуилия только одно, признает ли тот, что первыми нарушают договоренности те, у кого потребовали удовлетворения, а римляне не собираются нарушать ничего из того, что освящено богами. 5. Клуилий это признал, и тогда глава посольства воскликнул: «Теперь я призываю в свидетели богов, которых мы сделали свидетелями договоренностей, что для римлян, которые первыми не получили удовлетворения, война против тех, кто нарушил договор, будет освященной богами, а вы будете обвиняемой стороной, о чем вопиют все обстоятельства. Ведь, когда и у вас потребовали удовлетворения, вы первыми не дали его и первыми объявили нам войну. А посему недолго вам ждать тех, кто будет мстить вам с оружием в руках». 6. Выслушав вернувшихся в Рим послов, тогда-то Тулл и повелел пригласить альбанцев, чтобы те сообщили, по поводу чего они заявили. Когда же они известили об упомянутом поручении Клуилия и пригрозили войной, если не получат удовлетворения, Тулл изрек: «Я раньше вас сделал это и не получил ничего из того, что предусмотрено соглашениями, кои явно вы первыми

⁶ Имеются в виду какие-то договоренности, вероятно, заключенные при выселении близнецов из Альбы (Дионисий. I. 85. 2), на основании которых дед выслал Ромулу войско для помощи в войне с сабинянами (Дионисий. II. 37. 2).

⁷ «...тогда может вести войну по закону». Война считалась несправедливой и нечестивой, если она не была надлежащим образом объявлена. О войнах справедливых и несправедливых подробно писал Цицерон: Об обязанностях. I. 11. 36; О государстве. II. 17. 31.

разорвали и обратили в ничто: вот поэтому я объявляю альбанцам законную и справедливую войну».

IV. После таких предварительных действий обе стороны начали готовиться к войне, не только вооружая свое собственное войско, но и призывая ополчение от союзных им общин. Когда же у них все было приготовлено, противники устремились навстречу друг другу и стали лагерями на расстоянии сорока стадиев от Рима: альбанцы — у так называемых Клуилиевых рвов (они еще сохраняют имя того, кто их соорудил), а римляне — выбрав наиболее пригодное для стоянки место немного ближе к Риму. 2. Когда же и те и другие обнаружили, что войска противника и числом людей не уступают друг другу, и на оружие не поскупились, и в прочем снаряжении не испытывают нехватки, то они отказались начать сражение немедленно, дабы натиском обратить противника в бегство, как предумышляли поначалу, но стали больше заботиться об обороне, нежели о том, чтобы напасть первыми, и принялись воздвигать высоченные частоколы. А самые кроткие из воинов задумались над тем, что они предпринимают не лучшее, и начали порицать власти предержавшие. 3. А пока время тянулось впустую — ведь они не тревожили друг друга ни вылазками пехотинцев, ни стычками всадников, ничем, что было бы достойно упоминания, — Клуилий, которого считали виновником войны, тяготясь бесполезным сидением в лагере, решил вывести войско и первым вызвать врагов на битву, а если они не примут вызова, атаковать их укрепления. 4. Подготовив все для сражения и соорудив все необходимое на случай надобности штурмовать стены, Клуилий с наступлением ночи лег спать в своей палатке — кстати, и стража, полагавшаяся ему, бдила, — а на рассвете его нашли мертвым, причем на теле его не оказалось никаких следов ни ножа, ни яда, никакого другого насилия.

V. Поскольку происшествие произошло неожиданно, естественно, искали причину его; ведь никому не пришло в голову винить в смерти Клуилия перенесенную ранее болезнь. Одни, возводя всякую человеческую участь к божественному промыслу, уверяли, что он умер от гнева богов, потому что разжег желание метрополии воевать против колонии, желание войны и несправедливой, и незаконной. Другие, считая войну весьма прибыльным делом и горюя о потере немалой добычи, относили происшедшее к злым козням и зависти человеческой, обвиняя каких-то политических противников в том, что они, отыскав неизвестный яд, против которого трудно найти противоядие, с его помощью отравили Клуилия. 2. Третьи же говорили, что он, подавленный печалью и не зная, что делать, избрал добровольную смерть, когда все пошло у него из рук вон плохо и ничто из ожидаемого не складывалось так, как было задумано вначале, когда он только приступил к делу. Но те, кто не был с военачальником ни в дружеских отношениях, ни во враждебных, имели свое суждение о произошедшем. Им казалось, что скорее всего мужа этого сразил не божественный гнев, не каверзы политических соперников и не безысходность в делах, но закон природы и необходимость исполнить обязательное предопределение, которое

суждено всем рожденным. 3. Таким образом, прежде чем проявилось присущее его происхождению благородство, Клуилий встретил подобную кончину, а вместо него всеми, кто находился в лагере, был назначен диктатором Меттий Фуфетий — и на войне неумелый полководец, и в деле сохранения мира муж ненадежный. Поначалу он не меньше любого альбанца стремился к раздору между городами — почему его и сочли достойным командования после смерти Клуилия, но, получив бразды правления и осознав, что все в предпринятых делах идет тяжело, переменил былое мнение и посчитал необходимым продолжать боевые действия с отсрочками и промедлениями, заметив к тому же, что и альбанцы уже не все горят воинственным пылом и что результаты жертвоприношения его во имя войны не сулили ничего хорошего. 4. Наконец, узнав, что если и альбанцы, и римляне не прекратят войну, то им угрожает опасность извне, пренебрежение которой может привести к уничтожению обоих войск, Фуфетий решил призвать врагов к примирению и первым отправил вестников. Опасность же эта состояла в следующем.

VI. Вейяне и фиденяне, владея большими и многочисленными городами, еще в царствование Ромула развязали войну с римлянами⁸ за власть и господство, после которой, сгубив свое сильное войско и лишившись в наказание части земли, были вынуждены перейти под власть победителей. Об этом я подробно рассказывал в предыдущей книге. Но, воспользовавшись долгим миром в правление Нумы Помпилия, они приумножили и людей, и имущество, и прочие виды благосостояния. И вот, вдохновленные этим, они вновь возжелали свободы, возгорелись непомерной гордыней и начали готовиться к тому, чтобы отпасть от римлян. 2. До поры до времени их замыслы об отпадении все же оставались тайными, в период же войны с альбанцами они вышли наружу. Разведав, что римляне со всем войском отправились на битву с альбанцами, они решили, что настал самый подходящий случай для нападения и составили тайный план во главе с самыми могущественными людьми, чтобы все способные носить оружие собрались в Фидены, передвигаясь скрытно и небольшими группами, дабы как можно дольше не быть обнаруженными теми, против кого они злоумышляли. 3. Собравшимися решено было ожидать удобного момента, когда войска и римлян, и альбанцев, покинув укрепления, выдвинутся на поле сражения. А известить их об этом должны были с помощью условных знаков лазутчики, устроившие дозоры в горах. Когда же знаки будут поданы, условились с оружием в руках поспешить против и римлян, и альбанцев, тем более что дорога, ведущая от Фиден к лагерям, была не длинной, и пройти по ней можно было самое большее за два-три часа, и, появившись на месте битвы, когда та уже будет подходить к концу, разумеется, ни одну из сторон не рассматривать как дружественную, напротив, кто бы ни побеждал — альбанцы или римляне — истребить победителей. Вот о чем договорились

⁸ О войнах с Вейями и Фиденями см.: Дионисий. II. 53. 2—4; I. 54. 3—55. После победы Ромула над Вейями был заключен мир на 100 лет, см.: Дионисий. II. 55. 6.

правители общин. 4. Так вот, если бы альбанцы с большим рвением устремились на битву, презрев римлян, и помышляли бы все разрешить в одном сражении, ничто не могло бы помешать тому, чтобы подготовленная для них западня осталась тайной, и оба войска были бы уничтожены. Но ныне как неожиданное для всех затягивание войны, так и длительность подготовки развеяли их замыслы. Ибо некоторые из участников заговора, то ли преследуя собственную выгоду, то ли завидуя своим вождям и тем, кто присоветовал им стать заговорщиками, то ли испугавшись доноса (что многим доводилось изведать в столь многолюдных и затянувшихся заговорах), то ли принужденные божественным внушением, которое не позволяет, чтобы несправедливое дело возымело счастливый конец, — донесли о западне противнику, то есть альбанцам.

VII. Как только Фуфетий узнал об этом, он еще больше заторопился заключить перемирие, так как, по его мнению, у них не оставалось другого выбора. Но и царю Туллу поступил донос от друзей из Фиден о том же заговоре, так что и он, более не медля, принимает предложение Фуфетия. Тогда они оба сошлись в местечке, отстоявшем на равном расстоянии от обоих лагерей, каждый сопровождаемый советниками для помощи в вынесении решения, сначала поприветствовав друг друга по обыкновению и выказав дружеское и родственное благорасположение, оба повели речь о перемирии. 2. Вначале заговорил альбанец: «Мне кажется, необходимо прежде всего объяснить причины, по которым я первым посчитал нужным говорить о перемирии, — хотя и в сражении не был побежден вами, и ничто не мешало мне подвозить себе припасы, и никакая иная необходимость не принуждала меня к этому, — чтобы вы не возомнили, будто я признаю слабость моего войска, а вашу мощь неодолимой, и ищу благопристойного прекращения войны. Ведь вас из-за вашей спеси трудно было бы вынести, если бы вы надумали что-либо этакое про нас и не пожелали бы предпринять ничего разумного, словно уже побеждаете в войне. 3. Поэтому, чтобы вы не измысливали ошибочных представлений относительно моего намерения, т. е. о том, почему я считаю обоснованным прекращение войны, — выслушайте истинные причины. Я, назначенный отечеством диктатором, как только вступил в должность, начал размышлять о поводах, вовлекших наши города в распрю. Видя же, что они мелки, даже ничтожны и не способны разорвать нашу дружбу и родство, я полагаю, что верным не было решение ни альбанцев, ни ваше. 4. Но отчетливее я понял это и осознал страшное заблуждение нас обоих, когда приступил к делам и начал подмечать пристрастия каждого. Дело в том, что я обнаружил, что и на частных, и на общих сходках не все альбанцы придерживаются единого мнения о войне. А к растущему недовольству, понятному по человеческой природе, добавились еще более неблагоприятные божественные знамения относительно войны, которые мной получены во время жертвоприношений, что усилило мои глубокую печаль и колебание. 5. И вот, сознавая это, я воздержался от битвы, но начал прибегать к отсрочкам и промедлениям в военных действиях, надеясь, что вы первыми заведете разговор о дружбе. И следовало бы, о Тулл, сделать это вам, а не ждать,

пока начнет метрополия, ибо вы — наши колонисты. Ведь какие почести заслуживают от детей отцы, таких же ожидают от колонистов основатели полисов. 6. Но пока мы медим и взираем друг на друга, выжидая, кто же выступит зачинателем благоразумных речей, иная угроза, совершенно неподвластная человеческой воле, овладевает нами и объединяет нас. Я узнал о ней, когда она еще была от вас скрыта, и уже не помышляя более о необходимости искать благовидные предлоги для перемирия. Ведь вокруг, о Тулл, плетутся страшные заговоры, и против нас обоих задумана хитрая ловушка, что без борьбы и без труда может сокрушить и уничтожить все дела рук наших при нападении на нас по праву огня и воды. 7. Зачинщиками же нечестивых козней являются правители фиденян и вейян, составившие заговор. А каков был характер их преступного намерения и откуда я узнал о тайных помыслах, слушайте».

VIII. Выказав это, он дал некоторым из присутствующих огласить письма, которые ему доставил кто-то от его гостеприимцев в Фиденях, и предъявил посланца. Когда же с письмами ознакомились и приведенный поведал обо всем, что услышал непосредственно из уст их отправителей, слушателями овладело страшное смятение, как обычно случается при столь большой беде, поскольку свалилась она на них неожиданно. Фуфетий, немного выждав, продолжил речь: 2. «Вы выслушали, римские мужи, сведения о причинах, по которым я до поры до времени откладывал столкновение с вами, а теперь посчитал нужным первым завести речь о дружбе. А вы уже после этого размышляйте, следует ли продолжать непримиримую войну из-за похищения бычков и овец, войну с отцами-основателями вашего города, в которой вы погибнете — хоть побежденными, хоть победителями, — либо, прекратив вражду с сородичами, выступить вместе с нами против общих врагов, которые замыслили не только отпадение, но и нападение на вас: не претерпев ничего ужасного, не опасаясь претерпеть, они собираются напасть на вас не открыто, как требует общий закон войны, но под покровом скрытности, когда меньше всего можно ожидать осуществления их злого умысла и предостеречься. 3. Уверен, в том, что против этих нечестивцев следует нам выступить со всей решимостью вместе, прекратив вражду — ведь полагать иначе сродни безумию — теперь, когда вы все узнали, вас не надо больше убеждать и побуждать к действию. А почему перемирие может стать полезным и подобающим обоим городам — ведь вы хотите услышать также про это, — я теперь попробую сказать. 4. Я считаю, что наилучшими и наиболее приемлемыми для родичей и друзей в отношении друг к другу являются такие условия мира, в которых не содержится ни гнева, ни злопамятства, поскольку все искренне простят всем то, из-за чего спорили и за что пострадали. Менее приемлемыми являются те условия, при которых простой народ освобождается от ответственности, а тех, кто совершил несправедливость, принуждают понести наказание и по обычаю, и по закону. 5. Мне кажется, нам подобает избрать наиболее выгодные и благородные условия мира и принять решение ни за что друг другу не мстить. Но если ты, о Тулл, не желаешь замиряться на таких основаниях, но предпочитаешь решать судьбу тех, кто виноват

с обеих сторон, судом, знай, что альбанцы готовы, прекратив взаимную неприязнь, пойти и на это. Если же ты способен, наряду с этими условиями перемирия, предложить какие-то другие, лучшие и более справедливые, так поспеши их назвать, и я буду нижайше тебе благодарен».

IX. Когда Фуфетий завершил речь, римский царь, взяв слово, начал говорить: «И мы, о Фуфетий, понимаем, что навлечем на себя тяжелую участь, если будем принуждены к тому — разрешать ссору между сородичами кровопролитием и резней, да и вид жертв при жертвоприношениях перед началом войны не позволяет нам начать сражение. И о нечестивых заговорах фиденян и вейян — а составлялись они против нас обоих — мы провели пораньше тебя от наших гостеприимцев, которые там находятся. Поэтому мы не окажемся пред врагами беззащитными, мы подготовились к тому, чтобы и самим не претерпеть какого-либо ущерба, и их за козни достойно покарать. И не меньше тебя мы хотим закончить войну без сражения, не силой оружия. 2. Но я подумал, что не нам первым отправлять посольство по поводу перемирия, поскольку не мы первыми и начали войну, — мы защищались от тех, кто ее начал. Но если вы складываете оружие, мы с радостью принимаем ваши предложения и никоим образом не будем перечить при обсуждении перемирия, но согласимся на наилучшие и благороднейшие условия, изгнав из города альбанцев всякую несправедливость и всякое прегрешение, если на самом деле следует называть общими прегрешениями полиса то, в чем был виновен ваш военачальник Клуилий, который и за вас, и за нас получил достойное воздаяние от богов. 3. Так вот, пусть будет отринута всякая возможность обвинения и частного лица, и всей общины в целом, и пусть изгладится память о какой бы то ни было прошлой обиде, как и тебе, о Фуфетий, следует поступить. Но одного этого, то есть раздумий, как бы нам прекратить существующее между нами недоброжелательство, недостаточно. Требуется еще подготовить все для того, чтобы уже никогда более нам не начать войны. Ведь мы собрались не ради того, чтобы отсрочить беды, но во имя того, чтобы избавиться от них. Так вот, о том, какое завершение войны будет прочным и какое именно предложение в нынешних обстоятельствах и нас, и вас и теперь, и в будущем навсегда сделает друзьями, ты, Фуфетий, в своей речи умолчал, я же попробую присовокупить и это. 4. Если альбанцы перестанут завидовать римлянам из-за тех благ, которыми те обладают, обрета их не без серьезных опасностей, и не без упорных трудов (в самом деле, вы, не испытав с нашей стороны никаких обид, ни больших, ни малых, завидуете нам именно потому, что вам мерещится, будто мы счастливей вас), то римляне перестанут подозревать альбанцев в постоянных кознях и остерегаться их, словно врагов; ведь никто не бывает надежным другом тому, кому завидует. 5. Так как же всему исполниться? Только не в том случае, если мы запишем обо всем нужном в тексте договора, и не в том, если и мы и вы поклянемся святынями, ведь они сами по себе на деле — слабая и немощная защита, но лишь в том случае, если мы объединим наши судьбы. Ведь одно только есть лекарство от скорби человеческой,

проистекающей от созерцания чужих благ, — это то, чтобы завистники не считали блага тех, кому они завидуют, чужими. 6. А чтобы это произошло, я уверен, римлянам следует объединить с альбанцами все те блага, которыми они обладают сейчас и которые обретут впоследствии, а альбанцам — с радостью принять то, что им дают, и, главное, стать всем — либо большей и лучшей части жителей Альбы — членами общины римлян. В самом деле, ведь сабинянам и тирренам не было выгоды, бросив собственные города, перебраться к нам на житье. Но вам-то, самым близким нашим родственникам, разве это не будет самое выгодное? 7. Если же вы не сочтете верным делом проживать в одном с нами городе, который уже велик, а будет еще больше, но захотите остаться у отцовских очагов, то поступите следующим образом: выберите единый сенат для принятия решений от имени обоих полисов, а первенство отдайте одному из них, который сильнее и может принести пользу более слабому. Я считаю все это оправданным, и, если это осуществится, тогда, я думаю, мы будем крепкими друзьями, населяя же два города, на равных первенствующие, как теперь, мы никогда не придем к согласию».

Х. Выслушав это, Фуфетий потребовал время для совещания и, удалившись с места встречи вместе с присутствующими там альбанцами, начал обсуждать, следует ли им принимать предложенное на выбор. Узнав мнение всех, кто там был, и возвратившись, он сказал: «Нам, о Тулл, не угодно покидать отечество и оставлять без попечения святыни, отчие очаги и место, которым наши предки владели почти пятьсот лет⁹, и ни война не заставит нас так поступить, ни иное ниспосланное богами бедствие. Поэтому нам не подходит и учреждение общего сената, и образование единого полиса. 2. Поэтому, если угодно, пусть это условие будет записано в договоре и да будет уничтожен всякий повод к войне». Хотя они в этом пришли к соглашению, но начали спорить, какая из общин должна обрести первенство, и много по этому поводу было произнесено речей с обеих сторон, так как каждый считал справедливым, чтобы именно его собственная община правила другим. Скажем, альбанец приводил такого рода доводы: 3. «Мы, о Тулл, достойны править и целой Италией, потому что вобрали в себя эллинский народ, величайший из всех народов, что населяют эту землю, и народом латинов. А если и остальными народами считаем мы справедливым предводительствовать, то не самоуправно, но согласно общему человеческому закону, который нам всем дала природа, иными словами, чтобы предки правили потомками. Мы уверены, что помимо всех прочих колоний, которые вплоть до нынешнего времени нам не в чем было упрекнуть, нам положено управлять и вашим городом, ибо мы вывели его в качестве колонии не столь давно, чтобы забылось и изгладилось из памяти то, что род ваш пошел от нас за три поколения до нас. А если природа,

⁹ Альба-Лонга была основана через тридцать лет после Лавиния (Дионисий I. 66. 1), заложенного еще Энеем (Дионисий. I. 59. 2). О тридцатилетнем сроке, прошедшем между основанием Лавиния и Альбы, сообщает и Ливий (Ливий. I. 3. 4).

поправ людские мерилы правоты, установит, чтобы молодое повелевало старым, а потомки — предками, тогда и мы согласимся, чтобы метрополия подчинялась колонии, но не ранее того. 4. Итак, предлагая такое, единственно правильное обоснование власти, мы охотно не отказываем вам и в другом. К тому же поймите, что говорится это не в обиду или в порицание, но по очевидности. Каким род альбанцев был во времена основателей города, таким он и остается до сих пор, и никто не сумеет назвать хоть одно человеческое племя — помимо эллинского и латинского, — которому мы передали бы наше государство!¹⁰ Вы же строгость общественных уз у самих себя разрушали, приняв к себе и тирренов, и сабинян, и всяких прочих бездомных бродяг, и немало просто варваров, так что ваше коренное население, пришедшее из нашего города, намного уменьшилось по сравнению с пришлым и иноплеменным. 5. Поэтому передади мы власть вам, чужой род будет править коренным, варварский — эллинским и пришлый — урожденным на этой земле. Вам ведь нельзя заявить в оправдание, что, дескать, вы никогда не позволяли толпе пришельцев обрести власть в общине, а сами как уроженцы этой земли и полисом правите, и в сенате заседаете. Вы же, напротив, и царями избираете чужеземцев, и большая часть сената состоит у вас из пришельцев, ни об одном из которых вы не можете утверждать, будто терпите его по доброй воле. Кто из более сильных добровольно ставит над собой власть более слабого? И было бы немалой глупостью и бедствием для нас по доброй воле принять то, что вы, можно сказать, терпите по безвыходности. 6. Последнее слово мое таково. Ни единая часть политического организма города альбанцев, заселенного вот уже на протяжении восемнадцати поколений¹¹ и сохраняющего в надлежащем порядке все, что привычно и установлено предками, уже не подвержена потрясениям, ваш же полис еще не упорядочен и не обустроен, будто он только что возник; он состоит из множества народов, и ему требуется еще много времени и разных испытаний, чтобы порядок устоялся и он перестал бурлить и пребывать в смятении, как сейчас. Любой подтвердит, что умиротворенным пристало управлять находящимися в раздорах, проверенным — еще не прошедшими проверку прав, и здоровым — теми, кто охвачен недугом. Если же вы считаете верным противоположное этому мнению, вы совершаете ошибку».

XI. После того как Фуфетий произнес это, Тулл, взяв слово, сказал: «Право доблести от природы и предков у нас и у вас, о Фуфетий и мужи альбанские, — общее: ведь мы превозносим одних и тех же прародителей, так что не должно, кому-то из нас требовать большего почета. Всегда ли метрополии управляют колониями, что, по вашему разумению, является установленной законом непреложностью — так это и не соответствует истине, и несправедливо. 2. И действительно, встречается много

¹⁰ Здесь Дионисий фактически модернизирует историю древнейшего Рима, называя членов альбанской общины гражданством, а родоплеменную общину Альбы государством (полιτεῖα).

¹¹ Это и соответствует пятистам годам.

среди рода людского племен, у которых метрополии не управляют, но подчиняются колониям. Безусловный и самый наглядный пример того — полис спартиатов, считающий верным править не только остальными эллинами, но и всем дорийским племенем, откуда сам произошел. Что же говорить о прочих? Ведь и сами вы, основавшие наш город, являетесь колонистами лавинийцев. 3. И если в самом деле существует закон метрополии управлять колонией, может быть, сначала лавинийцам надлежит учреждать законы для нас обоих? Для ответа на ваш первый довод, хотя он и не лишен известной соблазнительности, сказанного довольно. Но когда ты, Фуфетий, принимаешься противопоставлять образ жизни наших общин, заявляя, будто благородное происхождение альбанцев всегда обеспечивает неизменность вашего устройства, а наши устои губит примесь иноплеменного, и что чужеземцы не достойны управлять коренными жителями, а пришлые — уроженцами данной земли, знай, что и этот ваш принцип в высшей степени ошибочен. 4. Ведь мы совершенно не стыдимся, объявляя наш город открытым для желающих, но, наоборот, гордимся этим, ибо не сами изобрели такой путь к счастью, но взяли пример с государства афинян, слава которого среди эллинов является величайшей, а вслед за этим примером не в меньшей, если не в большей степени, — и само государственное устройство. 5. И у нас это обстоятельство, став источником многочисленных благ, не вызвало ни недовольства, ни раскаяния, что случилось бы непременно, соверши мы ошибку. И правит, и царствует, и остальными почестями пользуется у нас не тот, кто стяжал обильные богатства, и не тот, кто готов перечислить целый ряд местных предков, но всякий, кто достоин подобных отличий. Ведь мы считаем, что благородное происхождение проявляется не в чем ином, как в доблести. Весь прочий народ есть тело, придающее мощь и силу тому, что решено лучшими людьми. И наш город возрос из малого и стал грозой соседей из крайнего ничтожества благодаря именно такому человеколюбию. А первенству этому, которое у нас не оспаривает никто из латинов, положило начало у римлян как раз то общественное устройство, которое ты, Фуфетий, охаиваешь. 6. Ведь сила гражданства покоится на мощи оружия, а сама эта мощь исходит от изобилия живых людей. Малым же и малочисленным, а вследствие этого слабым, не должно править другими, да и собою им не следует управлять. 7. В целом же я разумею, что положено хвалить общественный строй других, а свой восхвалять тогда, когда можешь доказать, что свой собственный город, крупный и благополучный как раз потому, что претворяет в жизнь все, о чем говоришь, а другие, которые оговариваешь, — бедствуют из-за того, что не избрали такой же стези. В нашем же случае все обстоит наоборот! Именно ваш полис, начав с великой славы и обретя безмерные богатства, утратил свою значительность, а мы, незначительные вначале, в недолгий срок превратили Рим в сильнейший из соседних городов, причем с помощью того общественного устройства, которое ты порицаешь. 8. И наши внутренние волнения, если ты и их, Фуфетий, приписываешь к обвинениям, порождаются не к гибели и унижению общин, но к их спасению и

процветанию. Ведь мы соперничаем — молодые со старшими и прибывшие на проживание с теми, кто нас пригласил, — ради того, кто сотворит больше добра для всех. 9. Говоря вкратце, тем, кто намеревается владычествовать над другими, надлежит располагать двумя вещами: силой для ведения войны и рассудительностью для принятия решений, — и мы этими вещами располагаем. И это не пустая похвальба с нашей стороны, о чем свидетельствует опыт, который убедительнее всякого слова. Конечно, невозможно было городу достичь такой величины и мощи спустя лишь три поколения после основания¹², если бы у него не имелось в избытке мужества и рассудительности. А засвидетельствовать силу его могут многие города, что принадлежат к роду латинов и ведут свое начало от вас. Так вот те, кто, презрев ваш город, перешел к нам, убеждены, что лучше находиться под управлением римлян, чем альбанцев, поскольку мы умеем исполнять оба обязательства — хорошо обходиться с друзьями и плохо с врагами, а вы не способны ни на то, ни на другое. 10. Я еще мог бы наговорить, о Фуфетий, немало резкостей относительно тех идей, которые ты выдвинул, но вижу, что слова мои тщетны в равной степени потому, что многое мне надо вам сказать в немногих словах, и потому, что в качестве судьи о справедливости вы — наши противники, а посему я заканчиваю. Но понимая, что лучшим и единственным способом рассудить наш спор является тот, к которому прибегало немало эллинов и варваров при возникновении распрей — одни из-за власти, другие из-за спорной земли — я подведу итог объяснением этого способа. 11. Решить судьбу войны надлежит сражением отдельных отрядов из наших войск, причем самой малой численности: и из какого города окажутся победители, тому и передать управление другими. Ведь столь великое дело не разбирается словами, а решается оружием».

XII. Таковы были высказаны обоими военачальниками доказательства первенства того или иного полиса. В итоге сошлись на предложении римлянина. Ведь все присутствовавшие на встрече альбанцы и римляне, хотевшие положить скорейший конец войне, надумали разрешить спор с помощью оружия. А когда пришли к согласию в главном, задумались о количестве бойцов, причем каждый из военачальников имел на этот счет свое мнение. 2. Так, Тулл желал, чтобы исход войны был решен наименьшим числом людей: иными словами, единоборством славнейшего альбанца с доблестнейшим римлянином, — и готов был сам сражаться за свое отечество и призывал альбанца к такому же подвигу, заявляя, что тем, кто взял на себя командование войском, в высшей степени пристали битвы за власть и господство не только в том случае, когда они побеждают, но и в том, когда терпят поражение от храброго. Он также перечислял полководцев и царей, которые решили подвергнуть собственную жизнь опасности за свои общины, считая недостойным изведывать почестей много, а опасностей — мало. 3. Альбанец же полагал правильным, чтобы города рисковали малым числом мужей, но относительно сражения один на один не соглашался. Он за-

¹²То есть около 82 лет.

являл, что тем, кто предводительствует войском и стремится получить верховенство лично для себя, битва за власть один на один годна и необходима, но для государств, коль скоро они спорят о первенстве, риск единоборства — повезет им больше или меньше — не только ненадежен, но и позорен. 4. И он предложил, чтобы от каждого города боролись между собой на глазах у всех альбанцев и римлян трое избранных мужей. Потому как такое число наиболее подходит для разрешения всякого спора, ибо заключает в себе и начало, и середину, и конец. С этим мнением согласились и римляне, и альбанцы, после чего встреча была закончена, и участники разошлись каждый по своим лагерям.

XIII. Затем, созвав войска на собрания, военачальники разъяснили своим воинам то, что они обсудили лично между собой и на каких условиях порешили закончить войну. И после того как оба воинства с большим воодушевлением утвердили соглашение, центурионами и рядовыми овладело удивительное рвение, поскольку очень многие желали отличиться в сражении и спорили не только на словах, но и на деле, выказывая свое честолюбие, так что военачальники пришли в замешательство в выборе наиболее достойных. 2. Дело в том, что каждый, кто гордился славой предков или выдавался телесной крепостью, либо создал себе славу своими руками или смелостью, либо чем-то еще, иначе говоря, всяк, кто был чем-то отмечен, считал правильным, чтобы именно его включили первым в число этих троих. 3. Этому соперничеству честолюбий, долгое время будоражившему и то и другое войско, положили конец военачальник альбанцев: он проникся тем, что какое-то божественное провидение, с давнего времени предвидя будущую распрю между городами, позаботилось, чтобы появились на свет те, кто первым подвергнет себя опасности за них. Принадлежали они к небызывестным домам и в воинских делах проявили доблесть, и наружностью были прекрасны, и рождение у них отличалось от большинства и было редкостное, удивительное и необычное. 4. Ведь за Горация, некоего римлянина, и Куриация, родом альбанца, одновременно выдал замуж своих дочерей — двойняшек альбанец Сикиний. Этим двоим их жены, в одно время забеременев, родили первенцев — тройняшек мужского пола. Родители, восприняв их как добрый знак и для общины, и для своих домов, стали растить и воспитывать их. И бог, как я сказал вначале, поспособствовал им и красотой, и телесной крепостью, и доподлинным благородством духа стать не хуже любого благородного по рождению. Этим юношам Фуфетий и решил вручить судьбу первенства общин и, призвав царя римлян на беседу, сказал ему.

XIV. «О Тулл, похоже, какой-то бог, заботясь о наших городах, проявил свою благосклонность и во многих делах вообще, и в отношении к этой битве в частности. Ведь то, что нашлись те, кому предстоит схватка, — и родом не хуже любого, и в воинских делах доблестные, и на вид совершенны, и при этом и те и другие имеют общих прародителей, произошли от одного деда, рождены сестрами и чудеснейшим образом одновременно появились на свет: у вас — Горации, у нас — Куриации, —

все это подобно несказанному и незримому поразительному божественному благоденствию. 2. Так что же мы, в самом деле, не подчиняемся этому попечению божества и не выводим на бой за первенство городов тройни братьев? Ведь все возможное, что нам хотелось бы видеть в участниках благороднейшего поединка, присуще этим мужам — они не покинут сражающихся, преодолевая трудности, поскольку они братья, и им сделать это будет легче, чем любому другому римлянину или альбанцу; таким образом и спор остальных юношей, который иным способом прекратить трудно, скорее разрешится. 3. Ведь я догадываюсь, что и у вас, как и у альбанцев, многим любо померяться доблестью, и если мы сумеем убедить их, что некое божественное провидение уже опередило стремления людей, так как само указало на тех, кто на равных примет битву, мы без труда уговорим всех».

XV. После того как Фуфетий высказал это, все одобрили его решение — так как оказалось, что от обеих сторон при сем присутствовали наиболее знатные римляне и альбанцы, — Тулл, немного поразмыслив, отвечает: «Мне кажется, Фуфетий, почти все продумано верно: действительно, достойно удивления, что по некоему предопределению в обоих городах произошло такое нигде еще не случавшееся рождение в одном поколении: однако одно тебе, похоже, невдомек — та глубокая нерешительность, которая охватит юношей, если мы посчитаем их достойными сражаться между собой. 2. Ведь мать наших Горациев — сестра матери альбанских Куриациев, и младенцами их вскормили грудью обе женщины, и юноши ласково принимают и любят друг друга не меньше, чем многие своих собственных родных братьев. Смотри же, как бы не оказалось в чем-то нечестиво раздать им оружие и звать их к взаимному убийству, при том что они — двоюродные и к тому же молочные братья. Ибо если юношей вынудят запятнать себя взаимным кровопролитием, тяжесть святотатства в отношении родственных уз падет на нас, потому что мы принудили их». 3. Фуфетий ему в ответ: «И от меня не тайна, Тулл, родство между юношами, и я готов к тому, чтобы не принуждать их сражаться против двоюродных братьев, если они сами не пожелают участвовать в этой схватке, но как только мне на ум пришел такой выход, я послал за альбанцами Куриациями и сам лично выяснил, желают ли они такой битвы. Когда же я вознамерился объяснить замысел и объявить о нем открыто, они восприняли мои слова с каким-то невероятным и трогательным воодушевлением; и тебе я советую поступить так же — устроить проверку вашей тройне и узнать их мнение. 4. Если и они по доброй воле вручат свою жизнь и окажутся готовыми пойти на смерть ради своего отечества, прими этот дар. Коли же они откажутся, не принуждай их никоим образом. Но я предвижу, что их решение будет тем же, что и наших, если они в самом деле таковы, как молва о них, — подобны немногим из благороднорожденных и отважны в воинских делах: ведь слава об их подвигах дошла и до нас».

XVI. Разумеется, Тулл принял совет и, наметив себе срок в десять дней для совещаний разузнать намерения Горациев, возвращается в свой город. В дальнейшем

он держит совет с лучшими людьми — а большинству показалось правильным принять предложение Фуфетия, — тогда царь посылает за тройней близнецов и обращается к ним: 2. «Мужи Горадии, альбанец Фуфетий, посетив меня для беседы на последней сходке в лагере, поведал, что в двух городах по божественному промыслу появились на свет по три доблестных мужа, которые отдадут свою жизнь опасности во имя своих отечеств. А мы не сумели бы найти других, кто был бы более благородным и подходящим для этого, чем из альбанцев — Куриации, а из Рима — вы. И по его словам, он сам, постигнув это, сначала выяснил, желают ли ваши двоюродные братья отдать свою жизнь отечеству, а узнав, что они готовы на битву во имя всеобщего блага с огромным рвением, сразу же огласил это во всеуслышание и просил, чтобы и я испытал вас: желаете ли вы подвергнуть себя риску ради родины, вступив в схватку с Куриациями, либо вы уступите эту честь другим. 3. Я же, памятуя о мужестве вашем, чего вам и не скрыть, желал бы более всего, чтобы именно вы согласились принять на себя тяжкое бремя во имя тех почестей, которые получит победитель, но опасаясь, как бы для вас в вашем воодушевлении не стало препоной родство с альбанской тройней, испросил отсрочку для обсуждения сроком на десять дней. А когда я пришел сюда, то, созвав сенат, предложил обсудить это дело сообща. И в соответствии с мнением большинства было решено, что если вы по доброй воле примете на себя этот бой, который блистателен и пристал вам и в котором я сам готов сражаться за всеобщее благо, то возблагодарить вас и принять вашу жертву. А если, стыдясь осквернить себя убийством родственников (к тому же отнюдь не дурные люди признают, что существует такое чувство), вы посчитаете нужным призвать кого-нибудь не из вашего рода, то обязуемся не допускать по отношению к вам никакого принуждения. И так как сенат проголосовал за это, так и не во гнев ему будет, если вы не сразу примете на себя это бремя, и сенат всемерно возблагодарит вас, коль вы решите, что отечество более ценно, чем родство, — так пусть воля ваша будет в добрый час».

XVII. Выслушав царя, юноши отошли в сторону и, посоветовавшись немного друг с другом, вернулись с ответом, который от имени всех изложил старший: «Коль ты, о Тулл, предоставил нам возможность принимать решение о бое с двоюродными братьями, то будь мы свободными и хозяевами наших помыслов, мы не медля уже дали бы тебе ответ о наших намерениях. Но ведь у нас жив отец, и без него мы не считаем возможным ни предпринимать, ни говорить ничего, а поэтому мы закликаем тебя потерпеть немного с нашим ответом, пока мы не переговорим с отцом». 2. Тулл похвалил их за почтительность и приказал поступить именно так, после чего они отправились к отцу. Сообщив ему о предложении Фуфетия и о посулах Тулла, а также о своем собственном окончательном выборе, они взмолились услышать его собственное суждение. 3. Выслушав их, отец ответил: «Вы поступаете благочестиво, сыны мои, тем, что при моей жизни не предпринимаете ничего без моего благоволения; но уже настал черед вам самим поразмыслить о том, сколь великое деяние зависит

от вас. Понимая, что жизнь моя уже на закате, разъясните мне ваше личное предпочтение, без отца делая выбор в ваших собственных делах». 4. Старший из сыновей заявляет в ответ: «Мы, отче, предпочли бы вступить в бой во имя главенства нашего отечества и готовы претерпеть все, что угодно божеству. Мы скорее приняли бы смерть, нежели остались жить, став недостойными и тебя, и предков. Родство же с двоюродными братьями не нам предстоит разорвать, но лишь смириться с тем, что оно расторгнуто судьбой». 5. Если Куриации ставят родство ниже чести, то и для Горациев род не кажется ценнее, чем доблесть». А отец, узнав их помышления, пришел в восхищение и, простерши руки к небу, воскликнул, что испытал огромную благодарность богам за то, что они позволили его детям стать благородными и доблестными; затем, целуя и обнимая сыновей и расточая им нежнейшие ласки, он вымолвил: «Так ведайте и мое мнение, о благородные дети, и возвратившись назад, дайте Туллу достойный и славный ответ». 6. Сыновья, ободренные словами отца, удалились и, явившись к царю, дали согласие на битву. Царь же созвал сенат и, воздав многочисленные похвалы юношам, отправляет послов к альбанцу с вестью, что римляне принимают его предложение и предоставят Горациев, которые будут состязаться за верховенство полиса.

XVIII. Так как повествование требует в подробностях описать сражение и страсти, подобные театральным драмам, которые за ним последовали (и описать не равнодушно), я попытаюсь обо всем рассказать как можно точнее, насколько это в моих силах. Итак, когда наступил срок вступления в силу статей соглашения, войско римлян вышло в полном составе, а вслед за ним выступили вперед молодые люди и, воздав молитвы отчим богам, двинулись вместе с царем, и весь народ, что оставался в городе, превозносил их и осыпал цветами их головы. 2. Но уже выходило и войско альбанцев. Когда они разбили лагерья неподалеку друг от друга и провели рубеж, отделяющий войско римлян от войска альбанцев, то сначала, совершив жертвоприношения, при сжигании жертв поклялись возлюбить ту участь, которая достанется каждому из городов в итоге поединка двоюродных братьев, и хранить соглашения нерушимыми, не замышляя против них никаких козней, — и самим им, и роду, от них идущему. Когда же они исполнили все, что положено совершать в честь богов, то, сложив оружие, с обеих сторон двинулись из лагерей те, кому предстояло наблюдать за боем, а в середине для состязающихся оставили участок в три или четыре стадия. В скором времени прибыли военачальник альбанцев, сопровождающий Куриациев, и царь римлян, ведущий Горациев, которые были блестяще вооружены и вообще облачены наподобие того, как люди одеваются в предчувствии близкой смерти. 3. Сошедшись, они вручили мечи оруженосцам и бросились в объятья друг друга, обмениваясь ласковыми именами, так что все присутствующие заплакали и стали немилосердно винить и себя самих, и вождей за то, что при возможности решить исход сражения с другими участниками, они превратили соперничество городов в резню родственников и в святотатство в отношении родовых уз. Но молодые

люди, оборвав ласки, взяли мечи у отошедших недалеко оруженосцев и, выстроившись по старшинству, ринулись друг на друга.

ХІХ. До поры до времени оба войска сохраняли спокойствие и молчание. Но вскоре начали раздаваться частые возгласы с обеих сторон: то подбадривание тех или иных бойцов, то проклятия и скорбные вопли — словом, непрерывный гам, который возникает у зрителей сражения: у одних по причине происходящего и очевидного всем, у других — по поводу предстоящего, о чем еще только догадываются. Распаленное воображение преувеличивало неизмеримо происходящее. 2. Поединок велся на значительном удалении и виден был весьма смутно. Поэтому каждый оценивал маневры бойцов со своей стороны, исходя, как и положено, из собственного сочувствия. Бесперывные выпады и отскоки сражающихся, которые мгновенно менялись и внезапно чередовались, не позволяли прояснить течение боя. И так продолжалось очень долго¹³. 3. И Горации, и Куриации оказались равными в крепости тела и в благородстве души. Они были облачены в искуснейшие доспехи, не оставлявшие незащищенной ни одной части тела, ранение в которую было бы смертельно. Так что многие римляне и альбанцы из честолюбия и сострадания к своим, сами того не замечая, заполучили свою долю испытаний, как и те, кто подвергся реальной опасности, и предпочитали стать участником состязания, а не зрителями. 4. И вот, наконец, старший альбанец вступает в схватку с ближайшим противником и, обменявшись чередой ударов, поражает римлянина, сразив его мечом в пах. А тот, и без того израненный, от последнего смертоносного удара падает без сил и умирает. 5. Увидев это, наблюдавшие за сражением зрители тотчас же подняли всеобщий крик: альбанцы — уверенные, будто бы уже побеждают, римляне — переживая, будто бы терпят поражение. Ведь они возомнили, что двое их воинов станут легкой добычей для трех альбанцев. Но в тот момент, когда это случилось, сражавшийся рядом с павшим римлянин, заметив, как альбанец ликует своей удаче, немедленно бросается на него и, нанеся ему множество ран, хотя и сам крайне израненный, поражает врага ударом меча в горло и умерщвляет его. 6. Так судьба в столь краткий миг изменила и силы бойцов, и чувства зрителей — римляне приободрились после недавнего уныния, альбанцы же растеряли кураж. Но тут новый, неудачный для римлян жребий ослабил их надежды, но поднял дух противников. Ибо когда альбанец пал, брат его, что бился рядом с ним, вступил в схватку с его убийцей, и оба они, одновременно, страшными ударами поражают друг друга: альбанец воткнул римлянину меч в спину до самых внутренностей, а римлянин в ответ на удар противника перерубает ему голень.

¹³ Далее описание битвы у Дионисия отличается от варианта Ливия (*Ливий*. I. 24—25): у последнего один Гораций остается перед лицом трех Куриациев (*Ливий*. I. 25. 6). Возможно, при изложении сражения Дионисий пользовался альбанской, «куриациевой» версией легенды, а Ливий — «горациевой», родом из Рима. См. подробнее: *Фомичева Н.Г.* Данные традиции о правлении Тулла Гостилия и Анка Марция // *Общество и государство в древности и средние века*. М., 1986. С. 35—50.

XX. Получив смертельную рану, римлянин кончается сразу, а раненный в колено альбанец уже не способен прочно стоять на ногах, но, хромя и опираясь на щит, все-таки продолжает бой и вместе с уцелевшим братом устремляется на оставшегося римлянина. Они обступают его, один спереди, другой сзади. 2. Последний Гораций испугался стать легкой добычей окружавших его врагов, так как ему предстояло сражаться с двумя, которые приближались с двух сторон. Но так как он еще оставался невредим, то его осенило, как разъединить противников и биться с каждым по отдельности. И ему показалось, что их легче разъединить, внушив им видимость своего бегства, — и тогда его будут преследовать не оба альбанца, но один, поскольку он увидит, что брат его уже не крепок на ноги. Едва его осенил такой маневр, Гораций побежал изо всех сил и напал на врага, не обманувшись в своих ожиданиях. 3. В самом деле, один из альбанцев, который получил лишь легкие раны, со всех ног бросился за ним, а второй, который не мог передвигаться, значительно отстал. И пока альбанцы подбадривали своих, а римляне поносили своего бойца — первые и пеаны распевали, и венками себя увенчивали, словно битва уже завершилась успешно, а вторые горевали, что судьба более уж не вознесет их, — римлянин, дождавшись удачного момента, внезапно поворачивается и прежде чем альбанец сумел изготолвиться к защите, успевает ударом по руке отсечь ее до локтя. 4. Лишь только рука вместе с мечом коснулась земли, он нанес еще один, но смертельный удар и убил альбанца, после чего ринулся на третьего и закалывает почти полумертвого последнего Куриация. Стянув доспехи с трупов двоюродных братьев, Гораций направился в город, страстно стремясь первым известить о своей победе отца.

XXI. И сложилось же так, что и он — ибо он все же человек — не испытал всей полноты счастья, но испил свою чашу по воле ревнивого божества, которое в краткий миг из простого смертного сделало его великим и вознесло к удивительной и внезапной славе, но в тот же самый день стремительно низвергло сестроубийцей в пучину ужасного несчастья. 2. Дело в том, что Гораций, приблизившись к воротам, узрел и толпу народа, высыпавшую из города, и при этом сестру свою, мчавшуюся впереди. Вначале он был раздражен самим зрелищем того, что девушка брачного возраста¹⁴, оставив дом, где ей подобало находиться рядом с матерью, бросилась в толпу, словно последняя простолюдинка. Но перебрав мысленно множество нелепых объяснений ее поступка, Гораций, наконец, снисходительно нашел ему оправдание в жажде первой обнять избежавшего гибели брата и чисто по-женски вызнать у него подробности о подвигах погибших братьев, а потому она и пренебрегла приличиями. 3. Но сестра рвалась не к братьям, а устремилась в неизвестное, охваченная любовью к одному из двоюродных братьев, которому была сосватана в жены отцом. Она таила недозволенную страсть, но, прознав от кого-то из очевидцев жуткие подробности сражения, перестала сдерживать себя и, выскочив из дома подобно

¹⁴ Брачный возраст для девушек наступал в те времена обычно в 12 лет.

менаде¹⁵, понеслась к воротам, не оглядываясь на кормилицу, которая взывала к ней и бежала следом. 4. Очутившись за городом, она увидела ликующего брата, на голову которого царь возложил венок, и его спутников, несущих доспехи убитых, а среди добычи — узорчатое одеяние¹⁶, которое она сама вместе с матерью выткала и отправила жениху в подарок к будущей свадьбе, ведь облачаться в разукрашенные узорами плащи было принято у латинов для тех, кто шел за невестами. Так вот, узрев этот плащ, обгаренный кровью, она разорвала на себе хитон¹⁷ и, колотя себя руками в грудь, принялась оплакивать двоюродного брата и взывать к нему, так что всех окружающих охватила оторопь. 5. Оплакав же участь жениха своего, она поднимает на брата пустые глаза и молвит: «Сквернейший человек, ты веселишься, пролив кровь своих двоюродных братьев, и меня, несчастную родную сестру, лишии замужества, ничтожество! В тебе не теплится жалость к погибшим сородичам, которых ты величал родными братьями. Напротив, словно совершив добрый поступок, лишился ума на радостях и венки на себя возлагаешь за это злодейство. Что же за зверь таится в твоей душе?» 6. Гораций, услышав такое, возразил: «Ведь гражданин любит свое отечество и карает тех, кто желает ему зла, будь то чужой или свой: в их число я включаю и тебя, узнавшую, что мы одновременно испытали и величайшее из благ, и горчайшую из бед — и победу нашего отечества, которую я, твой родной брат, добыл, и гибель братьев. А ты, гнусная, радуешься не общему благу для отечества и не нашего дома горем печалишься. Нет, презрев кровных братьев, ты оплакиваешь смерть жениха — и даже не скрывшись в укромном месте, творя свой позор на глазах у всех, — и меня геройством и венками попрекаешь, братоненавистница, недостойная предков. И раз уж ты не о родных братьях горюешь, а о двоюродных, то хоть телом принадлежишь живущим, а душой находишься с мертвым, то и ступай к тому, о ком слезы льешь, и не пятнай позором ни отца, ни братьев». 7. Выкрикнув это, он переступил грань отвращения к пороку и, обуянный яростью, сразил ее ударом меча в бок, а убив сестру, отправился к отцу. И в самом деле, настолько враждебными к пороку и преисполненными гордыни отличались тогда обычай и помыслы римлян по сравнению с их поведением и образом жизни в наше время, настолько жестокими и суровыми, недалеко ушедшими от звериных нравов, что отец, узнав об ужасном злодеянии, никоим образом не вознегодовал, но вступился за сына, считая его поступок — благим и надлежащим. 8. И он не позволил внести труп дочери в дом и поместить ее в отчую усыпальницу, дабы похоронить в погребальном одеянии и со всем прочим, положенным по закону. Лишь те, кто проходили мимо нее, брошенной

¹⁵ Менада (от греческого *μαινάς* — бешеная, иступленная) — спутница бога Диониса, который почитался также под именем Вакха, от чего менад называли и вакханками. Они принимали участие в шествиях и отличались невоздержанностью в поведении.

¹⁶ Ливий называет эту одежду *paludamentum* (Ливий. I. 26. 2), т.е. военный плащ.

¹⁷ Видимо, Дионисий имеет в виду тунику, т.е. нижнее платье.

в месте смертоубийства, приносили камни и хоронили убиенную в земле как тело, лишенное должного погребения. 9. Таковой оказалась суровость этого мужа, и к этому следует добавить еще кое-что. Суть в том, что за блестящие и счастливые деяния отец в тот же день совершил жертвоприношения отчим богам, принеся жертвы по обету, а также пировал с родственниками на роскошном пиру из разряда тех, что даются при крупнейших торжествах, убежденный, что личные напасти менее значительны, нежели общее благо отчизны. 10. Прекрасно известно, что так поступил не один лишь Гораций, но и многие другие знаменитые римские мужи после него. Я ведаю, когда у них погибали дети, благодаря которым община обретала успех в своих делах, они совершали жертвоприношения, носили венки и проводили триумфы.

XXII. После сражения троих братьев римляне, оставшиеся в лагере, устроили пышные похороны погибших в тех местах, где они пали, и, совершив в честь богов жертвоприношения по случаю победы, пребывали в блаженном состоянии духа. А большинство албанцев, кручинясь тому, что стряслось, и пеняя на вождя за якобы плохое командование войском, проводили этот вечер без пищи и без поддержки. 2. На следующий же день римский царь созвал их на собрание и утешил в том, что не принудит их ни к чему постыдному, тяжкому или противному родственным отношениям, но будет вместе с ними, сообразуясь с их мнением, отстаивать все самое лучшее и наиболее полезное для обоих городов, и правителя их, Фуфетия, оставит в той же самой должности, а затем, не изменив и не порушив ничего из общественных дел, возвратил войско домой. 3. После проведения триумфа согласно постановлению сената, как только Тулл приступил к государственным делам, к нему явились далеко не последние мужи из числа граждан, ведя юношу Горация на суд, так как он не прошел очищения от родственной крови после убийства им сестры. Выступив впереди, они произнесли многословную речь, в которой обращались к законам, запрещающим кого бы то ни было лишать жизни без суда, и приводили случаи того, как все боги обрушивали гнев на те города, где оставляли безнаказанными тех, кто совершил тяжкое преступление¹⁸. 4. Отец же Горация сам принялся судить и рядить по поводу того, что случилось с юношей. Он винил дочь и уверял, будто содеянное сыном рассматривается как месть, а не убийство, полагая верным, чтобы он сам выступил судьей над своими детьми, став как бы отцом обеих напастей. После того как с обеих сторон прозвучало немало доводов, царь пришел в замешательство, какое же решение вынести относительно суда? 5. Ведь он понимал, что раз существуют законы, которые запрещают убийство, равно скверно окажется как снять вину за убийство с того, кто признается, что умертвил сестру до суда, чтобы не запятнать собственный дом проклятьем и кровью того, кто это сделал, так и казнить как человекоубийцу того, кто первым взвалил на себя бремя опасности ради отечества, кто стал творцом

¹⁸ У Ливия (I. 26. 5) — perduellio.

его могущества, к тому же снял грех с убийцы отец, которому природа и обычай первейше предоставили право наказать дочь. 6. Находясь в затруднении и сомневаясь, как же поступить в столь необычных обстоятельствах, царь, наконец, рассудил, что лучше всего передать решение народу¹⁹. И народ римлян, обретя тогда впервые судебную власть и право выносить смертный приговор, присоединился к решению отца и освободил сына от ответственности за убийство. Конечно же, царь, со своей стороны, заявил, что желающим соблюдать все божеские установления недостаточно постановления людей, вынесенного в отношении Горация. Поэтому он послал за жрецами и распорядился умиловить богов и божеств, а юношу очистить с помощью тех обрядов, которые законами предназначены для невольных убийц. 7. Жрецы же воздвигли два алтаря: один — Гере, уделом которой было надзирать за сестрами²⁰, другой — какому-то местному богу, именуемому на местном наречии Яном, эпониму Куриациев²¹ — умерщвленных двоюродных братьев. Совершив при этих алтарях некие жертвоприношения и исполнив прочие очистительные обряды, они напоследок провели Горация под игом²². Ведь у римлян существует обычай, по которому всякий раз, когда они одерживают верх над противником и тот складывает оружие, они вбивают в землю два деревянных столба, третий кладут сверху поперек них, а затем проводят под ними пленных, и тех, кто прошел, отпускают на волю к своим²³. Такое сооружение у римлян зовется игом. Им-то они совершили очищение Горация, воспользовавшись в качестве последнего из очистительных обрядов, предписанных законом. 8. Место города, где они совершили очищение, все римляне почитают священным. Расположено оно на узкой дороге, ведущей от Карин вниз, если идти к Кипрской улочке. Там еще сохранились сооруженные в то время алтари, и на них лежит столб, вбитый в две противоположные стены. Он возвышается над головами проходящих и зовется на наречии римлян «игом сестры»²⁴. 9. И в самом деле, это место — памятник постигшей Горация напасти сохраняется в городе и почитается жертвоприношениями ежегодно. А второе место напоминает о доблести, которую он явил в сражении, — это угловая колонна, начинающая другую колоннаду на Форуме, где хранились доспехи, снятые с троих альбанцев. Так вот, оружие за давностью лет исчезло, а свое название — «Горациево копье»²⁵ — колонна еще сохраняет. 10. В связи с этим бедствием у римлян принят закон, который действует и в мое

¹⁹ Комициям, т.е. народному собранию. См.: у Ливия (I. 26. 8—9).

²⁰ Лат. *Iunona Sororia* (Фест. О значении слов. С. 420).

²¹ Лат. *Ianus Curiatius* (Фест. О значении слов. С. 420).

²² Лат. *sub iugum misit* (Ливий. I. 26. 13). Обычай проведения под игом описывает и Фест (Фест. О значении слов. С. 92).

²³ Так же под игом были проведены и сами римляне, потерпевшие поражение от самнитов в Кавдинском ущелье в 321 г. до н. э. (Ливий. IX. 6. 1—2).

²⁴ Лат. *sororium tigillum* (Ливий. I. 26. 14; Фест. О значении слов. С. 380; Павел. С. 381, 399).

²⁵ Лат. букв.: *pila Horatia* (Ливий. I. 26. 10).

время. Закон, воздавая честь и бессмертную славу упомянутым мужам, повелевает, чтобы те, у кого родится тройня, получали пропитание на них вплоть до достижения ими совершеннолетия из общественной казны. Итак, те удивительные и неожиданные превратности судьбы, что обрушились на долю Горациев, благополучно завершились.

XXIII. Тулл, царь римлян, выждав год, в течение которого он приготовил все необходимое для войны, решил вывести войско против города фиденян под предлогом того, что они, будучи призваны к ответу за составленный против римлян и альбанцев заговор, не подчинились, но вновь подняли оружие, закрыли городские ворота и, призвав к себе союзное войско от вейян, открыто отложились от Рима. Отправленным туда послом узнать о причине отпадения, фиденяне отвечали, что они не имеют более ничего общего с Римом со времени кончины его царя, Ромула, которому они принесли клятву дружбы. 2. Получив такой ответ, Тулл и свое воинство вооружил, и отправил людей за подмогой к союзникам. Наиболее сильное и мощное вспомогательное войско, отлично вооруженное и численно превосходящее все союзные отряды, привел из Альба-Лонги Меттий Фуфетий. 3. Тулл не преминул похвалить Меттия за то, что, дескать, добровольно и из самых лучших побуждений тот решил принять участие в войне, и назначил его своим ближайшим помощником и советником. Но муж сей, прослышавший у своих сограждан виновником в плохом командовании войском во время войны и третий год удерживавший должность диктатора, на самом деле склонялся к предательству. И когда Тулл отдал ему приказ, Фуфетий, мня, что его власть независима ни от кого и что он подчиняется лишь настолько, насколько сам сочтет уместным, замыслил нечестивое дело. 4. Тайно разослав гонцов к противникам римлян, которые еще не осмелились восстать, Фуфетий убедил их не робеть, так как он сам нападет на римлян; причем он и замышлял, и поступал так скрытно от всех. 5. Тулл же, снарядив собственное и союзное войско, двинулся на противника и, перейдя реку Аниен²⁶, расположился лагерем недалеко от Фиден. Перед городом он обнаружил крупные силы и самих фиденян, и их союзников, выстроенные в боевых порядках. Поэтому он дал своим день отдыха, а на следующий — послал за альбанцем Фуфетием и за самыми преданными друзьями и вместе с ними принялся обдумывать, каким образом вести боевые действия. После единодушного мнения, не теряя времени как можно скорее начать сражение, Тулл распределил участки и отряды, которые предназначались для каждого, и назначил битву на следующий день, после чего распустил совет. 6. Поскольку альбанец Фуфетий готовил предательство тайком даже от большинства собственных друзей, то, созвав заслуженных центурионов и командиров альбанских отрядов, он объявляет им свой план: «О мужи центурионы и командиры отрядов, я собираюсь сообщить вам о предприятии грандиозном и неожиданном, которое до поры до времени я скрывал. Поэтому умоляю вас сохранить тайну — если вы отвергнете его, вы покончите со мной, но

²⁶ Лат. Anio, приток Тибра.

ежели вам будет угодно согласиться со мною, то окажите мне содействие. Разглагольствовать нам некогда, поэтому перейду к сути дела. 7. С тех пор как мы покорились римлянам и по сей день, я страдал от стыда и унижения, хотя царь и удостоил меня власти диктатора, которой я обладаю вот уже третий год и, если пожелаю, сохранию ее навечно. Но полагая худшим из зол благоденствовать самому, при том что община прозябает, и ощущая в глубине своей души, что вопреки всем людским установлениям, освященным законом, римляне у нас отобрали первенство, я начал раздумывать, как бы нам возвратить его, по возможности не навлекши при этом на себя серьезных бедствий. Перебрав множество различных способов, я высмотрел один путь, который ведет к быстрому и безопасному результату — если бы на войну против них поднялись соседние города. 8. Очевидно, что ввязываясь в эту войну, римляне будут остро нуждаться в союзниках, и в первую очередь в нас. И вот тут-то я сообразил — в чем нет нужды долго вас наставлять, — что гораздо выгоднее будет предпринять битву за собственную свободу, нежели за римское верховенство. 9. Придя к такой мысли, я втайне подстрекал на войну против римлян подвластных им вейян и фиденян, внушив им взяться за оружие в расчете на мою помощь. И вплоть до нынешнего дня я скрытно от римлян проводил такую линию и по своему усмотрению подгадывал удобный для нападения миг. Просчитайте же ожидаемую пользу. 10. Прежде всего, тайно приняв решение об освобождении, нам следует опасаться любого исхода: как торопливости, недостатка подготовки, а также расчета только на собственные силы, ибо в этом случае мы одни пошли бы на риск во имя общего дела, так и того, что в ходе подготовки и сбора вспомогательных войск уже боеготовые римляне захватили бы их врасплох. Избежав же упомянутых напастей, мы обрели бы пользу и от того, и от другого. А затем мы постараемся сокрушить мощь, что огромна и неодолима, и везение противника не насильственным путем, а тем, который губит все, что кичится собой, и все, что трудно уничтожить силой, а именно путем обмана и хитрости, что не только нами и не первыми придумано. 11. Кроме того, к нашему собственному войску, которое не сравнится по силе и мощи с римлянами и их союзниками, мы присоединим военные силы фиденян и вейян, которые вам очевидны. Мною также устроено все так, чтобы наше стоящее здесь вспомогательное войско всякому придало больше отваги и упрочило оба союза. 12. Ведь вступив в битву не на нашей земле, но сражаясь за себя, фиденяне тем самым защитят и наши владения. А мы обретем то, что нравится людям более всего, но редко кому во все прошедшие века выпадало: получая добро от союзников, мы и сами предстанем их благодетелями. 13. И если дело у нас пойдет так, как задумано, что вполне вероятно, то и фиденяне, и вейяне, избавив нас от тяжкого подчинения, сами возымеют к нам благодарность, словно бы получив все от нас. Вот какой итог долгих раздумий кажется мне достаточно убедительным для того, чтобы придать вам отвагу и рвение к отпадению. 14. Выслушайте же, каким манером намерен я приступить к делу. Тулл передал мне в подчинение отряд, тот, что под горой, и поставил предводительствовать

одним из флангов, а когда мы начнем наступление на врага, я, распустив отряд, устремлюсь к горе, а вы сомкнутыми рядами следуйте за мной. Но вот я захватил высоты и оказался в безопасности, — слушайте меня о дальнейших действиях. 15. Если я увижу, что задуманное выходит по-моему: иначе говоря, и противник осмелел, усмотрев нашу поддержку, и римляне падают духом и трусят из-за нашей измены, так что больше помышляют о бегстве, чем о сражении, как в таких случаях и бывает, — вот тогда я нападу на них и завалю равнину трупами, ибо обрушусь сверху вниз по склону с храбрым войском, сомкнутыми рядами устремляясь на людей, охваченных ужасом и рассеянных на местности. 16. Ведь в войнах вызывает трепет (даже беспричинно) один лишь слух о предательстве со стороны союзников или о нападении новых врагов. И нам известны случаи, когда несметные отборные войска бывали разбиты наголову не от какого иного страшного бедствия, как от простого слуха. А мы не ограничимся ни пустыми словами, ни ложной тревогой, но затеем предприятие, более ужасное, нежели видимость или попытка действия. 17. Но если я увижу, что все пойдет наперекор нашим расчетам — говорят, случается и так, что все противится человеческим замыслам, потому что жизнь наполнена несправедливостями, — то я и сам начну поступать обратно тому, что задумал. Я поведу вас тогда на врагов вместе с римлянами и подсоблю им одержать победу, а для отвода глаз сошлюсь на то, что занял высоты ради окружения врагов. И слову моему будет вера, ибо я, со своей стороны, представляю в качестве отговорки деяния, которые мы сейчас обсуждаем. Так что мы не примем участия ни в одном из этих опасных дел, но обречем при любом исходе лучшую долю. 18. Таково мое решение, и я свершу с помощью богов то, что станет наивыгоднейшим не только для альбанцев, но и для прочих латинов. А вам надлежит прежде всего хранить молчание, а затем, соблюдая порядок и решительно содействуя выполнению приказа, выказать себя ревностными бойцами и сплачивать вокруг себя ваших стойких подчиненных, сознавая, что борьба за свободу не одинаково ценится нами и теми людьми, которым привычно подчиняться другим — ведь такой государственный порядок завещали нам предки. 19. Ведь мы родились свободными, и предки оставили нам в наследство обычай править соседями, сохраняя на протяжении пятисот лет тот уклад жизни, которого и мы не хотим лишать наших потомков. И да не поселится ни в ком из вас страх, если кто-то побоится разрывать договоренности и нарушать клятвы, данные при их заключении. Но пусть каждый осознает, что он должен вернуться к тем договорам, что нарушили римляне, а они стоили немало. Их создала природа человеческая, и подтверждает общий для всех эллинов и варваров закон, а именно, чтобы властвовали и устанавливали справедливость: отцы — для потомков и метрополии — для колоний. 20. И эти-то уговоры, никогда не будут отменены людьми, нарушаем не мы, для которых они продолжают действовать и пребывать в силе, — и никто из богов и божеств не прогневадается на нас за будто бы нечестивое, если мы негодуем по поводу того, что служим рабами у собственных потомков, — но те, кто их первыми непоз-

воительню уничтожил, стремясь вознести закон человеческий выше закона божественного; и гнев божеский прольется, разумеется, не на нас, а на них, и возмездие людей поразит их, а не нас. 21. И так, буде все вы сочтете мой план годным, давайте примемся за дело, призвав в заступники богов и божеств, а если кто из вас рассудил иначе, т. е. либо считает более не нужным древнее положение государства, либо откладывает все в ожидании какого-нибудь другого случая, более подходящего, чем нынешний, то пусть он не медлит и выскажет то, что думает: ибо какое решение вам всем представляется наилучшим, его мы и осуществим».

XXIV. После одобрения этого замысла всеми присутствующими и заверения, что все выполнят, Меттий Фуфетий, взяв с каждого клятву, распустил сходку. На следующий день с восходом солнца и фиденяне, и войска их союзников вышли из лагеря и стали выстраиваться будто бы для сражения. Римляне также выступили им навстречу и начали разворачивать боевой порядок. 2. Сам Тулл и римляне занимали левый фланг напротив вейян, поскольку те стояли на правом фланге противника, а на правом фланге римлян, против фиденян, расположились у горного ущелья Меттий с альбанцами. 3. Когда же они начали сближаться, то более чем на расстоянии полета стрелы альбанцы откололись от остального войска и направились отрядами в боевом строю к горе. Тогда фиденяне, поверив, что посулы альбанцев о своем вероломстве оправдываются, уже гораздо смелее ринулись на римлян, правый фланг которых, покинутый союзным войском, был прорван и оказался в очень трудном положении. Левый же фланг, где находился Тулл, сам сражавшийся среди отборных воинов, дрался изо всех сил. 4. В этот миг какой-то всадник, подскакав к тем, кто сражался вместе с царем, выкрикнул: «У нас, Тулл, ослаб правый фланг. Альбанцы, оставив боевой строй, устремляются к высотам, а фиденяне, супротивники альбанцев, обойдя оголенный фланг, теперь преследуют цель окружить нас». Страх попасть в окружение охватил римлян, как только они услышали об этом и разглядели, как альбанцы уходят к горе, так что им уже стало не до сражения, не до сопротивления. 5. И тогда, передают, Тулл, ничуть не потрясенный столь серьезной и неожиданно возникшей угрозой, выказал смелость, чем не только спас явно обреченное на гибель римское войско, но и сокрушил и уничтожил все злоумышления неприятеля. Едва дослушав вестника, он зычно, чтоб и враги услышали, воскликнул: 6. «Победа за нами, о римские воины! Смотрите, как альбанцы по нашему приказу захватили для нас соседнюю гору, чтобы выйти в тыл неприятеля и напасть на него. Так ободритесь тем, что опаснейшие наши враги и наступающие с фронта, и обходящие с тыла, очутились в удобном для нас месте. Запертые с флангов рекой и горой, они лишены возможности как наступать, так и повернуть назад, и получают от нас достойное воздаяние, а потому навалитесь на них со всем презрением к ним».

XXV. Возвещал царь об этом, обходя все отряды, и сейчас же фиденянами обуревают страх перед новым предательством — страх, что альбанец их обманет. Они наблюдают, что тот и не перестроился и не повернул против римлян, как обещал.

Римлянам же призыв Тулла придал мужества и наполнил сердца отвагой. С громким кличем они все без исключения обрушились на противника. После этого фиденяне обращаются в бегство и в беспорядке бегут по направлению к городу. 2. Римский же царь бросил на них, уstraшенных и приведенных в расстройство, конницу и преследовал их, пока не убедился, что ряды их рассеяны и не имеют ни сил, ни помыслов о соединении. Тогда он оставил бегущих и устремился на ту рать противника, что еще сохраняла единство и продолжала сопротивляться. 3. Вспыхивает блистательная битва пехотинцев и еще более ожесточенная — всадников. Ведь размещенные здесь вейяне не дрогнули, хотя и уstraшились атаки римской конницы, но длительное время оказывали сопротивление. Однако потом, чувствуя, что их левый фланг ослабевает, все войско фиденян и прочих их союзников бежит без оглядки, убоявшись, как бы их не окружили римляне, которые повернули вспять после преследования, а потом и сами фиденяне оборачиваются, ломая боевой строй, и ищут спасения в реке. 4. Кто оказался крепче, не так изранен и был в состоянии держаться на воде, бросив оружие, переплывали поток, кто не обладал этими качествами, погибал в водоворотах, так как течение Тибра у Фиден стремительное и извилистое. 5. Тулл же, отдав приказ одной части всадников рубить тесных к реке, сам ведет войско к лагерю вейян и первым же приступом овладевает им. Вот в каких угрожающих обстоятельствах римское государство обрело неожиданное спасение.

XXVI. А Фуфетий, убедившись, что одолевают сторонники Тулла Гостилия, в свою очередь, спустил с вершин свое войско и набросился на спасающихся бегством фиденян, чтобы предстать перед римлянами действующим, как подобает союзнику, и многих из тех, кто был рассеян в бегстве, он истребил. 2. Распознав его уловку и преисполнившись ненависти к измене, Тулл не посчитал нужным разоблачать его перед множеством свидетелей до тех пор, пока альбанец сам не изобличит себя собственными поступками, так как он оправдывался тем, что совершил все по тончайшему расчету, но для вида стал хвалить его отход к высотам и, отправив к нему часть всадников, потребовал выказать верх усердия и приказал разыскать и уничтожить тех, кто не успел укрыться за укреплениями Фиден, а разбежался по всей округе; а было их очень много. 3. Фуфетий, будто исполнив одно из того, на что надеялся втайне от Тулла, радовался и, долгое время объезжая верхом долину, уничтожал каждого, кто попадался ему на пути, а, после захода солнца завершив преследование и приведя конницу в римский лагерь, всю наставшую ночь провел вместе со своими друзьями во всяческих удовольствиях. 4. Тулл, оставаясь в лагере вейян до первой стражи²⁷ и допросив знатнейших из пленников о том, кто же были вожаки восстания, узнал, что и альбанец Меттий Фуфетий был среди заговорщиков, и решил, что содеянное альбанцем подтверждено сообщением пленных, поэтому вскочил на коня

²⁷ Первая стража длилась от 6 часов вечера до 9 утра. См.: *Гиро II. Частная и общественная жизнь римлян*. СПб., 1995. С. 584.

и, взяв с собой самых верных из друзей, ускакал в город. 5. Затем, еще до полуночи вызвав сенаторов из их домов, он поведал им о предательстве альбанца, представив свидетельства пленных, и описал, каким образом он сам перехитрил и альбанцев, и фиденян. И теперь, поскольку война обрела благополучное завершение, сенаторам надлежит определять на будущее — как следует покарать изменников и как сделать общину альбанцев более благоразумной в дальнейшем. 6. Для всех было очевидно, что справедливо и необходимо наказать тех, кто приложили руку к нечестивым поступкам, а вот то, каким способом это можно сделать и быстрее, и безопаснее, вызвало у них сильное затруднение. Ведь им было очевидно, что невозможно незаметно и тайком предать смерти многих знатных альбанских мужей, и они подумали, что, если начнут в открытую хватать и карать обвиняемых, остальные альбанцы не оставят этого без внимания, но возьмутся за оружие. И римляне не желали воевать одновременно и с фиденянами, и с тирренами, и с альбанцами, у которых был с ними заключен союз. А пока они пребывали в затруднении, Тулл, в конце концов, объявил им свое решение, которое все одобрили и о котором я скажу немного позже.

XXVII. Между Фиденями и Римом было сорок стадиев, и Тулл, что есть силы погоняя коня, прибыл в лагерь прежде чем рассвело, вызвал Марка Горация, единственного оставшегося в живых из трех братьев, и, поручив ему отборных всадников и пехотинцев, приказал вести их к городу альбанцев, войти внутрь стен в качестве друга²⁸ и, после того как подчинит его жителей, разрушить город до основания, не щадя ни единого строения, ни частного, ни общественного, за исключением храмов, из людей же никого не убивать и не обижать, но позволить всем сохранить то, чем они владели. 2. Отправив Горация, Тулл созывает военных трибунов и центурионов и, объявив о том, что решил сенат, составляет из них телохранителей для себя. Немного погодя, приходит альбанец, будто бы обрадованный общей победой, и поздравляет Тулла. А Тулл, все еще храня свое намерение в тайне, хвалит его и заявляет, что он достоин великих наград, и просит его записать имена всех альбанцев, которые совершили выдающиеся подвиги в сражении, и принести этот список ему, чтобы и они получили свою долю наград за победу. 3. И вот Меттий Фуфетий, возрадовавшись, передает Туллу записанные на табличках имена самых верных своих друзей, тех, кого он привлек в сообщники своим нечестивым замыслом. Тогда римский царь созывает их всех на собрание, но без оружия; когда же они сошлись, он приказал, чтобы правитель альбанцев вместе с трибунами и центурионами разместился прямо перед трибуной, а остальные альбанцы приняли бы участие в собрании, расположившись за ними, а позади альбанцев — остальная толпа союзников. И вокруг всех он поставил римлян, в числе которых находились самые родовитые, которые прятали под одеждами мечи. Когда же Тулл понял, что враги расположились так, как ему нужно, поднявшись, он произнес следующее:

²⁸ То есть связанного узами гостеприимства, обусловленными, видимо, его родством с Курициями.

XXVIII. «Римские воины и прочие друзья и союзники, мы с помощью богов покарали и фиденян, открыто осмелившихся подняться на войну с нами, и их пособников, так что одно из двух: или они на всю оставшуюся жизнь перестанут беспокоить нас, или подвергнутся наказанию, еще более тяжкому, чем это. 2. Поскольку с самого начала у нас все вышло по нашему желанию, обстоятельства требуют покарать и остальных недругов, прозванных нашими друзьями, которые были призваны на эту войну, действуя вместе с нами на беду наших общих врагов, но нарушили клятву верности нам и заключили с противниками тайные соглашения с целью всех нас погубить. 3. Ведь как таковые, они намного хуже явных недругов и достойны большей кары: в самом деле, тем, против кого строят козни, легче защититься, и у них есть возможность отразить натиск вступивших врукопашную с врагами; но от друзей, творящих дела, свойственные врагам, и защититься захваченным врасплох нелегко, и возможности отразить их нет. Ведь они — это союзники, отправленные нам городом альбанцев с коварным замыслом, хотя никакого зла от нас они не претерпели, но видели множество значительных благодеяний. 4. Ведь мы, будучи их колонистами, ничего от их господства себе не присвоили, но обрели собственную силу и мощь в собственных войнах, и, став стеною против могучих и воинственнейших народов, мы обеспечили альбанцам безопасность от войн со стороны как этрусков, так и сабинян. И следовало бы им более всего радоваться, когда дела в нашем городе идут хорошо, и печалиться ничуть не менее, чем о своем, когда он бедствует. 5. Но они, очевидно, не только нам из-за нашего преуспеяния все время завидовали, но и себе самим из-за нашего благоденствия, и, наконец, не в состоянии сдерживать коварную вражду свою объявили нам войну. 6. Но, узнав, что мы хорошо подготовились к битве, так что они не в состоянии причинить нам никакого зла, альбанцы стали призывать нас к переговорам и к дружбе и требовать, чтобы спор о первенстве разрешился тремя мужами от каждого города. Мы приняли и эти предложения и, победив в сражении, подучили их город в свое подчинение. Так что же мы сделали после этого? Ведь нам можно было и заложников из их числа взять, и гарнизон в городе оставить, а самых главных из тех, кто поссорил наши города, — одних убить, других — изгнать, и изменить их государственное устройство на удобное нам, а также наказать их отторжением части земли и имущества и, что было бы легче всего, отобрать у них оружие, вследствие чего мы установили бы нашу власть крепко-накрепко. Ничего из этого мы решили не делать, но, обратившись более к благочестию, чем к упрочению нашей власти, и полагая, что благопристойность по отношению ко всем вообще предпочтительнее того, что полезно только нам самим, мы оставили им в пользование все то, чем они владели, и позволили, чтобы Меттий Фуфетий, которого они сами облекли величайшей властью как якобы лучшего из альбанцев, управлял государством вплоть до сего дня. 7. А теперь послушайте, какой за это они отплатили нам благодарностью, когда мы испытывали сильнейшую нужду в благорасположении друзей и союзников. Вступив в тайный сговор с нашими общими недругами, чтобы

в ходе битвы совместно с ними напасть на нас, когда мы стали сближаться с противником, они покинули свое место в строю и бегом устремились к ближайшим холмам, спеша первыми захватить эти укрепления, созданные самой природой. 8. И вот, если бы их попытка удалась так, как замысливалась, ничто бы не помешало уничтожить всех нас, поскольку мы были бы враз окружены и противниками, и друзьями, а итоги бесчисленных битв нашего города, которые мы выдержали за наше первенство, в один день превратились бы в прах. 9. Когда же замысел их провалился, благодаря предупреждению благосклонных богов — ведь я все добрые и достойные деяния возвожу к ним, — после того как моя военная хитрость в немалой мере возбудила во врагах страх, а в вас отвагу — ведь то, что я возгласил тогда в битве: будто бы по моему приказу альбанцы спешат захватить холмы для окружения противника, — это было обманом и моей уловкой. 10. Когда дела пошли так, как нам выгодно, стало ясно, что мы не были бы мужами, какими нам следует быть, если бы не покарали предателей. Ведь помимо неразрывных уз, каковые им надлежало сохранять ввиду нашего с ними родства, они заключили с нами недавно договоры, сопровождаемые клятвами. И вот, не убоившись богов — а они сделали их свидетелями соглашений, — и пренебрегши самой справедливостью и осуждением людей, не принимая в расчет опасность, если вдруг предательство не удастся им так, как задумано, они избрали ужаснейший способ, чтобы погубить нас, отселенцев и благодетелей, и это — основатели нашего полиса, переметнувшиеся на сторону самых ненавистных и крайне враждебных нам людей».

XXIX. Пока царь так говорил, разразились жалобные вопли альбанцев и всяческие мольбы со стороны как народа, уверявшего, что он не знал ничего о том, что замыслил Меттий, так и начальников, которые ссылались на то, что они узнали о позорных решениях только тогда, когда находились уже в разгаре битвы и не в их силах было ни воспрепятствовать его приказам, ни послушаться их, а кое-кто уже ссылался на принуждение вопреки их воле в силу родства и свойства с ними. Тогда царь, повелев им замолчать, продолжил: 2. «И для меня, альбанские мужи, не тайна то, что вы приводите в свою защиту, но я считаю, что большинство из вас не ведали о предательстве, и я догадываюсь, что, хотя многие и стали соучастниками событий, как обычно, позорные замыслы долгое время оставались для них тайной, и думаю, что лишь малая часть трибунов и центурионов оказалась среди злоумышленников против нас, а большая часть была обманута и принуждена действовать против собственной воли. 3. Но даже если это вовсе неправда, но всех альбанцев — и вас, здесь присутствующих, и тех, кто остался в городе, — охватило стремление творить нам зло и не вдруг, но уже очень давно было вами решено, то это поставило перед римлянами тяжелую необходимость терпеть несправедливости с вашей стороны из-за родства с вами. 4. А дабы вы не замыслили еще какого-либо беззакония против нас, либо по принуждению правителей государства, либо обманувшись на этот счет, существует одна возможность защиты и предосторожности: всем стать гражданами

одного и того же государства и всем считать его отечеством, и, пользуется ли оно счастьем или испытывает несчастья, каждому нести положенную ему судьбой долю. Но пока исходя из различных намерений, что ныне и происходит, мы с вами будем выносить решение о большом и малом, не бывать между нами прочной дружбы. Тем более, если те, кто первым замыслив зло, ожидают, что в случае успеха они получат преимущество, а потерпев неудачу, не подвергнутся по причине родства никакому возмездию, в то время как те, на которых совершенно нападение, оказавшись в подчинении, претерпят крайние бедствия, а спасшись, словно враги, не вспомнят зла, что и случается в настоящее время. 5. Так знайте же, что было решено римлянами прошедшей ночью, когда я созвал сенат и предложил сенаторам принять постановление, чтобы город ваш был разрушен и не было дозволено оставить в целости ни одно из строений, ни общественных, ни частных, за исключением храмов; 6. чтобы все обитатели владели теми наделами земли, которыми владеет и сейчас, притом что их не лишат ни рабов, ни скота, ни прочего имущества, и жили бы во все времена в Риме; и чтобы ваша общественная земля была бы разделена между теми альбанцами, кто вовсе не имеет земельных наделов, за исключением владений, принадлежащих храмам, откуда доставляют необходимое для жертвоприношений богам; чтобы я позаботился о строительстве домов, в которых вы, переселившись, будете налаживать свою жизнь, и о том, в каких местах города их расселить, помогая тем из вас, кто более всего нуждается, средствами на обустройство их дел. 7. И чтобы ваш простой люд вошел в состав наших плебеев, распределенный по трибам и куриям, и чтобы в сенат вошли, магистратуры получили и к патрициям были причислены следующие семьи: Юлиев, Сервилиев, Куриациев, Квинтилиев, Клелиев, Геганиев, Метилиев²⁹; и чтобы Меттий и те, кто вместе с ним задумал измену, понесли такое наказание, какое мы установим, рассматривая в суде дело каждого из обвиняемых: ведь мы никого не лишим ни судебного разбирательства, ни слова для защиты».

XXX. Когда царь закончил речь, все, сколько было альбанских бедняков, возрадовались тому, что и в Риме поселятся, и надел земли получают, поэтому они громким криком одобрили то, что предлагалось, а более знатные, имевшие лучшую долю, опечалились, оттого что им придется покинуть породивший их город, оставить прародительские очаги и остаток жизни провести на чужбине; но так как они были поставлены перед тяжелой необходимостью, им ничего не пришлось говорить. Когда Тулл узнал о желании большинства, он приказал Меттию защищаться, если жаждет что-то возразить на обвинения. 2. Меттий же, не в состоянии оправдаться перед лицом обвинений и свидетельств, заявил, что альбанский сенат поручил ему

²⁹ Список, приведенный у Ливия, несколько отличается от этого. Так, в его рассказе к *patres* были причислены Тулли, Сервилии, Квинкций, Гегании, Куриации, Клелии (*Ливий*. I. 30. 2). Такое расхождение может указывать также на существование альбанской и римской версий саги о Горациях и Куриациях.

это сделать тайно, когда он вывел войско на войну, воззвав к альбанцам, для которых он и стремился вновь обрести могущество, помочь ему и не допустить, чтобы отечество было порушено, а знатнейших граждан захватили бы на расправу. Так как в собрании возникло замешательство и кое-кто кинулся бежать за оружием, окружавшие толпу по поданному знаку подняли мечи. 3. И когда все были утрашены, Тулл вновь встал и произнес: «Для вас, мужи альбанские, не остается возможности ни бунт замыслить, ни ошибку совершить. Ведь если вы осмелитесь тронуться с места, вы будете вот ими убиты, — и показал на тех, кто держал мечи. — Так примите же то, что вам предлагают и становитесь отныне римлянами. Ибо вам необходимо сделать одно из двух: или переселиться в Рим, или не иметь более отечеством никакую землю. 4. С рассветом ушел Марк Гораций, посланный мною разрушить ваш город до основания, а всех людей перевести в Рим. А поэтому, зная то, что вскоре случится, прекратите убийства и выполняйте то, что приказывают. А Меттия Фуфетия, который тайно злоумышлял против нас и теперь еще не отказался от того, чтобы звать беспокойных и мятежных к оружию, я покараю так, как приличествует злобной и коварной душе его». 5. От этих слов его возбужденную часть собрания охватил трепет. Лишь Фуфетий, единственный, еще негодовал, пораженный неизбежностью участи, страстно выступал, взывая к договорам, в нарушении которых сам же и был уличен, и даже в несчастях не оставил своей дерзости. Но ликторы по приказу царя Туллия схватили его, сорвали с него одежды и начали стегать бичами, покрыв тело многочисленными рубцами. 6. Когда же такого наказания оказалось достаточно, подъехали две парные запряжки, к одной из них длинными постромками крепко привязали его руки, а к другой — ноги; а когда возничие погнали упряжки в разные стороны, несчастный, которого било о землю и тащило каждой повозкой в противоположном направлении, скоро был разорван на части. 7. Такая выпала Меттию Фуфетию позорная смерть, а над друзьями его и сообщниками в предательстве царь устроил суд и уличенных из их числа казнил по закону о дезертирах и предателях.

XXXI. Во время этих событий Марк Гораций, еще раньше отправленный вместе с отборным войском для разрушения Альбы, быстро пройдя весь путь и захватив незапертые ворота и никем не защищаемые стены, без труда овладел городом. Созвав народ на собрание, он поведал ему обо всем, что произошло во время сражения и изложил постановление римского сената. 2. Хотя люди умоляли его и просили времени, для того чтобы отправить посольство в Рим, Марк Гораций незамедлительно начал разрушать дома и стены, и всякие другие строения, частные и общественные, а людей стал с великой заботой переправлять в Рим, причем они гнали с собой скот и несли свои пожитки. 3. Тулл, возвратившись из лагеря, распределил их по римским трибам и куриям, подготовил им жилища в тех местах города, где они предпочитали, достаточную долю общественной земли отмерил тем, кто работал на чужих людей, и прочими человеколюбивыми деяниями привлек к себе престонародье. 4. Город же альбанцев, который заложил Асканий, сын Энея, сына Анхиса, и дочери Приама

Креусы, просуществовавший со дня основания четыреста восемьдесят семь лет, в течение которых он прирастал и людьми, и богатством, и разными благами процветания, выведя тридцать городов латинян, все время находясь во главе этого народа, был разрушен своей последней колонией и остался пустынным по сию пору. 5. А царь Тулл, переждав следующую зиму, с приходом весны вновь выводит войско против фиденян. Фиденянам никакой помощи открыто ни от одного из союзных городов не пришло, но стеклись к ним из многих мест какие-то наемники, понадеявшись на которых те и дерзнули выйти из города. Построившись в боевые порядки и в сражении многих убив, а много больше понеся собственных потерь, фиденяне вновь были заперты в городе. 6. Но так как Тулл, обнеся их город частоколом и окопав ровом, привел осажденных в крайне тяжелое положение, они были вынуждены сдаться царю на тех условиях, которые он выдвинул. Став таким способом хозяином города, царь виновных в отпадении казнил, а остальных освободил и позволил им пользоваться по-прежнему доходами со всего своего имущества, а также возвратил им государственное устройство, которое они имели прежде, после чего распустил войско и, вернувшись в Рим, провел в честь богов победное шествие с несением трофеев и жертвоприношение, устроив этот триумф уже вторым по счету.

XXXII. Вслед за этой войной на римлян надвинулась другая, со стороны народа сабинян, а начало и предлог ей были такие. Есть храм, почитаемый сабинянами, и латинами и посвященный известной среди них богине по имени Ферония³⁰, которую те, кто перелагает имя ее на греческий язык, называют одни Антофорой, другие — Филостефаной, а третьи — Персефоной. В храм этот из окрестных городов в назначенные дни праздников обычно стекалось много народа: одни приносили богу молитвы и жертвы, другие наживались в дни праздников, собираясь в качестве торговцев, ремесленников и земледельцев, и товары здесь бывали лучше, нежели те, что привозились в другие места Италии. 2. Раз, пришедших на это празднество римских мужей схватили сабиняне, заковали и отобрали у них деньги. Когда же прибыло по поводу этого случая римское посольство, сабиняне не пожелали дать надлежащее удовлетворение, но захваченных людей и деньги удерживали, сами обвиняя римлян в том, что они принимали сабинских беглецов, учредив священное убежище, о чем в предыдущей книге у меня уже рассказано. 3. Итак, вовлеченные вследствие этих обвинений в войну, и те и другие встретились в открытом поле с крупными силами и разразилась между ними битва, они долго сражались с равным успехом, пока ночь не положила конец схватке, оставив судьбу победы неопределенной. А в последующие дни обе стороны, узнав о большом числе погибших и раненых, уже не пытались предпринять вторую битву, но, оставив лагерь, возвратились по домам. 4. И год спустя они вновь вышли друг против друга, с еще более многочисленными

³⁰ В древней Италии — богиня полей, лесов, целебных трав и подземного царства. Наиболее знаменитое ее святилище было в Этрурии. Здесь, видимо, речь идет о святилище в Таррацине (Южный Лаций).

по сравнению с предыдущими войсками, и у города Эрет³¹, в ста шестидесяти стадиях от Рима, между ними происходит бой, в котором многим с обеих сторон суждено было пасть; а так как и это сражение долгое время продолжалось без явного преимущества с чьей-либо стороны, Тулл, простерши руки к небу, дал богам обет, если в этот самый день он победит сабинян, учредить в честь Сатурна и Опс³² общественные празднества, которые римляне проводят теперь каждый год после сбора плодов, а также удвоить число так называемых салиев³³. Это юноши благородных родов, которые в определенные дни с оружием исполняют танцы под флейту и распевают отеческие гимны, как я рассказал в предыдущей книге. 5. После принесения такого обета римляне воспряли духом, они, словно и неутомленные, бросаются на уставших сабинян и уже к позднему вечеру прорывают их боевые порядки, вынуждая передовых бойцов обратиться в бегство. Преследуя их по пути к лагерю, они уничтожили у рвов еще большие сонмы врагов и даже тогда не повернули назад, а продолжили наступившей ночью оттеснять противников от укреплений и овладели их оплотом. 6. После такого предприятия римляне разорили столько сабинской страны, сколько пожелали, но так как никто из сабинян не вышел, чтобы сразиться с ними за свою землю, вернулись домой. После этой битвы царь справил третий триумф, а немного времени спустя, когда сабиняне прислали посольство, Тулл прекратил войну и возвратил от них всех пленных, которых сабинянам удалось захватить во время набегов, перебежчиков и весь скот, и выючных животных, и все прочее имущество, которое было отобрано врагами у земледельцев, взыскав штраф, который установил римский сенат, оценивший ущерб в серебре.

XXXIII. Хотя сабиняне закончили войну на таких условиях и установили в храмах стелы с высеченными на них статьями договора, но когда у римлян началась война с латинскими городами, выступившими сообща, которая вряд ли могла быть прекращена за короткое время, — а по каким причинам, я скажу немного позже, — сабиняне с радостью восприняли происшедшее и забыли об этих клятвах и договорах, словно их вообще не существовало, и подумав, что для них наступил подходящий момент, чтобы отобрать у римлян денег³⁴ гораздо больше, чем те, что они им уплатили, сначала малым числом и тайно выступили и стали грабить пограничную область. 2. А затем сабиняне уже открыто собрались в большем количестве, и раз уж первые

³¹ Эрет — сабинский город к северо-востоку от Рима. Лежал, согласно Страбону, за Тибром, около него соединились позже дороги *via Salaria* и *via Nomentana* (Страбон. География. V. III. 1).

³² У Дионисия Кронос и Рея, которым в латинской мифологии соответствуют Сатурн и Опс, богиня посевов и жатвы, отождествлявшаяся также с Фавной, Фатуей и др. божествами. См. также примеч. 75 и 76 к кн. II.

³³ Коллегия салиев учреждена при Нуме — см. кн. II. 70—71.

³⁴ Возможно, это — модернизация, но есть точка зрения, высказанная Э. Перуцци, что весовые деньги были известны римлянам уже при Нуме. (Peruzzi E. Money in Early Rome. Firenze, 1985. P. 7, 116).

набеги им удались так, как они задумали, а к ополчению земледельцев никакой подмоги не пришло, то, презрев противника, они вознамерились выступить против самого Рима, для чего начали из каждого города собирать военные силы и договариваться о союзе с латинскими общинами. 3. Однако установить с латинами дружбу и военный союз у них не вышло, так как Тулл, проведая об их замыслах, заключил с латинами перемирие и решил против сабинян вывести мощное войско, вооружив благодаря присоединению альбанского населения римлян в два раза больше прежнего и послав к прочим своим союзникам за вспомогательными войсками, сколько смогут выставить. 4. И вот войско римлян сошлось с сабинским, а когда они сблизились у так называемого Злокозненного леса³⁵, то, оставив между собой небольшое пространство, разбили лагерь. А на следующий день вступили в бой и сражались на равных; но уже к позднему вечеру сабиняне дрогнули, теснимые римской конницей, и во время бегства произошла страшная резня. Римляне же сняли доспехи с трупов врагов, разграбили все добро, что находилось в лагере, разорили огромные поля и веси сабинян и вернулись домой. Такое завершение получила война римлян с сабинянами в правление Тулла.

XXXIV. Латинские города впервые тогда превратились в противников римлян, не считая правильным после разрушения Альба-Лонги передавать первенство тем, кто уничтожил этот город. Где-то через пятнадцать лет после уничтожения Альбы римский царь, отправив посольства в тридцать колоний Альбы и подвластных ей городов³⁶, потребовал, чтобы они подчинялись приказаниям римлян, потому что они вместе со всем остальным, чем владели альбанцы, получили и верховенство над народом латинов. При этом он указал на два пути, которыми одни люди приобретают власть над другими — принуждение и добровольность, — и сказал, что римляне обоими путями добились господства над теми городами, которыми владели альбанцы. 2. Когда альбанцы стали их врагами, римляне победили их с оружием в руках, а когда они лишились своего города, предоставили им свой собственный, так что альбанцам, против своей воли или согласно с ней, пришлось уступить римлянам власть над подчиненными им городами. 3. Каждый по отдельности латинские города ничего послам не ответили, но все сообща, созвав собрание племени в Ферентине³⁷, приняли решение не отдавать власть римлянам и сразу же избрали двух диктаторов³⁸,

³⁵ У Ливия *silva Malitiosa* (*Ливий*. I. 30. 9) — местность в сабинской области.

³⁶ О колониях Альба-Лонги см. кн. I.

³⁷ Достаточно распространенный в Центральном Лации топоним. Ферентиной назывался и городок в области герников. Однако здесь скорее всего речь идет об области Ферентина со святилищем богини того же имени. Расположенное, видимо, недалеко от Альбы на Латинской дороге (*Страбон*. География. V. II. 9), святилище было местом собрания латинов (см., например: *Ливий*. I. 50. 1).

³⁸ Ливий об этой войне Рима не сообщает. Однако здесь тоже возможно использование Дионисием традиции, идущей из Альба-Лонги и подвластных ей латинских городов. У Дионисия читаем *στρατηγούς αὐτοκράτορας*, что мы переводим как «диктатор». Этот термин (*dictator*) Ливий применяет по отношению к альбанскому военному предводителю Меттию Фүфетию (*Ливий*. I. 23. 4; 24. 9; 27. 1).

чтобы вершить дела мира и войны — Анка Публиция из города Кора³⁹ и Спурия Вециллия из Лавиния⁴⁰. 4. По таким причинам разразилась война у римлян с соплеменниками и продолжалась она почти пять лет, превратившись в подобие гражданской войны и велась как обычно в старину. Ибо не сходились в решительных битвах целым войском с таким же войском противника, и несчастья и полного истребления людей не происходило, и ни один город из них не испытал, будучи побежденным в войне, ни разрушения, ни порабощения, и никакого другого ужасного бедствия; но, вторгаясь в земли друг друга в пору созревания хлебов и разграбляя поля, они отводили войска домой, обмениваясь пленными. 5. Лишь один город латинского корня, Медуллию, еще в древности, в правление Ромула, ставший колонией римлян, как я рассказал в предыдущей книге⁴¹, но вновь присоединившийся к соплеменникам, царь римлян осадой привел к покорности и вынудил никогда впредь уже не замышлять переворота. Но никаких прочих ужасов, что несут войны обеим сторонам, в то время не произошло. Поэтому перемирие было достигнуто легко и не вызывало никакого гневного чувства, так как и римляне были к этому склонны.

XXXV. Таковы были свершения за время своего правления царя Тулла Гостилия, мужа, в числе немногих достойного восхваления и за мужество в войнах, и за здравомыслие перед лицом опасности, а, сверх того, за то, что, не спеша вступать в войну, окунувшись в нее, он стоял крепко и во всем превосходил противника. Обладая властью в течение тридцати двух лет, он окончил жизнь свою, когда сгорел его дом, и с ним вместе погибли, захваченные огнем, и его жена, дети и вся челядь. 2. Одни сказывают, что дом был зажжен молнией, потому что бог разгневался на небрежение какими-то священнодействиями, — считают, что в правление Тулла перестали совершать некоторые исконные жертвоприношения и что он ввел другие, местные, чуждые римлянам, — но большинство сходится на том, что несчастье произошло вследствие злоумышления людей, относя его на счет Марция, который правил государством после Тулла. 3. Дело в том, что Марций, происходя от дочери Нумы Помпилия, досадовал на то, что, принадлежа к царскому роду, он жил как частное лицо, и, наблюдая за подрастающим в доме Тулла потомством, подозревал, что, случись что-нибудь с Туллом, власть перейдет к его сыновьям. Питая такие мысли, он устроил заговор против царя, имея немало римлян, содействовавших ему в обретении правления. Более того, будучи другом Туллу, причем из наиболее доверенных, выжидал, когда же явится подходящий случай для нападения. 4. А так как Тулл собирался совершить некое жертвоприношение дома, которое по его желанию могли наблюдать только близкие, и так как, по воле судьбы, день этот оказался крайне ненастным —

³⁹ Город в области вольсков на юге Лация.

⁴⁰ О Лавинии см. кн. I.

⁴¹ См. кн. II. 36. 2.

с дождем, с ураганом и глубокой тьмою, так что место перед домом, где должны были находиться стражники, оказалось ими покинутым, Марций, рассудив, что подходящее время наступило, вместе с друзьями, которые скрывали под плащами мечи, вошел в двери, убил царя и сыновей его, и прочих, на кого случайно наткнулся, пустил огонь по дому во многих местах, а содейав это, распространил слух об ударе грома. 5. Но этот рассказ я не принимаю, не считая его ни правдивым, ни убедительным, а присоединяюсь к первому и полагаю, что Тулл встретил такую смерть по воле божества. Ведь невероятно, чтобы ужасное деяние, которое готовилось многими людьми, сохранилось в тайне, да и у того, кто задумал его, не могло быть уверенности, что после смерти Гостилия римляне назовут его царем города. И если бы даже со стороны людей к нему были верность и уверенность в нем, у богов все же не могло быть неведения, подобного человеческому. 6. Ведь после вынесения решения по трибам надлежало и богам одобрить посредством благоприятных знамений получение им царской власти. А кто из богов или божеств захочет позволить мужу нечестивому и столь страшными убийствами запятнанному приближаться к алтарям, и начинать жертвоприношения, и совершать разные богослужения? И вот, из-за этого я отношу происшествие не к людскому злоумышлению, но к божественной воле, однако пусть каждый судит, как пожелает.

XXXVI. После смерти Тулла Гостилия междуцари, назначенные сенатом, избирают по отеческим обычаям царем полиса Марция, по прозванию Анк; и после подтверждения народом решения сената и получения от богов благоприятных знамений, совершив все по закону, Марций принимает правление во второй год тридцать пятой Олимпиады¹², в которой в беге на стадий победил Сфайр Лакедемонец, и в Афинах в это время годичную должность занимал Дамасий. 2. Этот царь, найдя, что многие из священных обрядов, которые установил Нума Помпилий, дед его с материнской стороны, остаются без попечения, и видя, что большинство римлян стали воинственными и корыстолюбивыми и уже не возделывают землю, как раньше, созвал народ на собрание и потребовал, чтобы они снова начали почитать богов, как почитали в царствование Нумы. Он втолковывал, что при небрежении богами многие пагубные болезни обрушились на город и была погублена немалая часть народа, да и царь Гостилий, не проявивший, как следовало бы, никаких предосторожностей, в течение долгого времени страдал из-за разных телесных болезней, и разумом-то своим уже не будучи крепок, потеряв и телесное и душевное здоровье, и сам горестную смерть встретил, и род его. 3. И он восхвалял уклад государства, установленный Нумой для римлян как наилучший, разумный и предоставляющий благодаря честным повседневным трудам средства к жизни каждому, и призывал восстановить этот порядок, развивая земледелие, скотоводство и прочие занятия, которым не присуща никакая

¹²То есть в 640/639 г. до н.э. Согласно Ливию, Тулл Гостилий правил 32 года (*Ливий*. I. 31. 8), что соответствует хронологическим выкладкам Дионисия.

несправедливость, а грабеж, насилие и прибыль, получаемую от войны, — с презрением отвергнуть. 4. Этими и подобными рассуждениями Анк вселил во всех стремление к спокойствию, к жизни без войны и к мудрому трудолюбию. Затем, создав понтификов и взяв у них записи относительно священнодействий, которые Помпилий свел воедино, повелел переписать их на досках и выставить на Форуме, чтобы все желающие их видели. Но они были уничтожены временем — ведь медных стел еще не было, поэтому законы и записи, касающиеся священнодействий, были вырезаны на дубовых досках. Однако после свержения царей они вновь были внесены в официальную запись понтификом Гаем Папирием⁴³, который был надзирателем за всеми священнодействиями. Восстановив пришедшие в упадок священнодействия и обратив праздную чернь к частным трудам, Анк превозносил заботливых земледельцев и порицал как ненадежных граждан тех, кто плохо пекся о собственном имуществе.

XXXVII. Установив такой порядок в государстве и очень надеясь провести без войн и бед всю свою жизнь, как и дед его с материнской стороны, он не возымел судьбы, соответствующей его желаниям, но вопреки своим ожиданиям, вынужден был стать воином и ни единого часа не прожить без опасностей и раздоров. 2. Ведь тотчас же, как только он пришел к власти и стал устраивать правление, свободное от забот, латины, с презрением отнесясь к нему и полагая, что он от отсутствия мужества не способен вести войны, стали рассылать в приграничные пределы римлян разбойничьи шайки, от чьих рук погибло немало людей. 3. А когда к латинам пришли послы царя и потребовали дать римлянам удовлетворение в соответствии с договорами⁴⁴, латины принялись ссылаться на то, что ничего не ведают о тех, кто обвиняется в разбое, поскольку разбой совершался не по общему решению, а также на то, что римляне обвиняют их без всякой на то причины: потому что не с этими людьми заключали они договоры, а с Туллом, а когда Тулл умер, для них и договоренности о мире перестали действовать. 4. И вот Марций, вследствие подобных причин и ответов, был вынужден вывести войско против них и, подойдя к их городу Политорию⁴⁵, взял его на условиях сдачи прежде, чем к осаждаемым пришла какая-либо помощь от остальных латинов. Однако он никоим образом не поступил с людьми жестоко, но, оставив им имущество, всем народом перевел в Рим и распределил по трибам.

⁴³ Понтифик Гай Папирий жил во времена Тарквиния Гордого и записал так называемые «царские законы» (*Двесты*. I. 2. 2. 1).

⁴⁴ Здесь Дионисий говорит об обряде предъявления претензии. Ливий очень подробно описывает его (*Ливий*. I. 32. 3 и след.) и отмечает, что в его время «этим правом владеют фециалы».

⁴⁵ Политорий — латинский город, был расположен южнее Рима. В конце 70-х — начале 80-х годов XX в. на этой территории велись археологические раскопки, которые позволяют с известной точностью идентифицировать ряд таких поселений, как Теллены, Фикану, Политорий (*Studi etruschi*. Firenze, 1977. Vol. 45 (ser. III). P. 432—433; Firenze, 1980. Vol. 48 (ser. III). P. 531).

XXXVIII. На следующий год, так как латины отправили в опустевший Политорий своих колонистов и начали обрабатывать земли политорян, Марций, приняв начальствование над войском, повел его против них. И когда латины вышли из-за городских стен на битву, он, одержав над ними победу, взял город вторично. Лишь после того как он поджег жилища и сравнял оборонительные стены с землей, чтобы уж теперь недруги лишились места, откуда можно вести военные действия, да и землю не обрабатывали, он повел войско назад. 2. Но год спустя латины выступили против города Медуллия⁴⁶, в котором имелись римские колонисты и осадили его и, со всех сторон штурмуя стены, захватили его силой. А Марций в это самое время берет знаменитый город латинов Теллены⁴⁷, одержав победу в регулярном сражении и приступом стен принудив жителей подчиниться, а всех захваченных, ничего из того, чем они владели, у них не отобрав, он переводит в Рим и выделяет им в городе место для устройства жилищ. 3. И Медуллию, в течение трех лет пребывавшую под властью латинов, он на четвертый год получает обратно, вынудив ее после многих крупных сражений к покорности. А спустя короткое время он завладевает городом фиканов⁴⁸, который тремя годами ранее он уже брал на основании договора о сдаче, и всех обитателей перевел в Рим, но ничего в городе не разрушил, чем составил о себе мнение, что желает действовать скорее милостиво, нежели расчетливо. 4. Ведь латины, отправив туда поселенцев и продолжая обрабатывать собственные земли, начали использовать и землю фиканов, так что Марций вновь был вынужден вторично идти войной против этого города⁴⁹ и, став хозяином его с большим трудом, поджег жилища и стены сравнять с землей.

XXXIX. После этого между латинами и римлянами, выстроенными в боевой порядок с огромными силами, происходят два сражения. В первом они бились долгое время и, посчитав, что силы их равны, развели войска и удалились каждый к своему лагерю. В следующем же бою римляне побеждают латинов и преследуют их до самого лагеря. 2. После этих сражений никаких битв в открытом поле у них не возникало, но происходили бесконечные взаимные набеги на пограничные области и схватки между полевой стражей, конницей и легковооруженными. В этих стычках верх чаще одерживали римляне, у которых было готовое к бою войско, размещенное в удобных для несения охраны засадах. Этим войском предводительствовал тирренец Тарквиний. 3. В это же самое время и фиденяне отложились от римлян, не открыто объявив войну, но малым числом людей и скрытно набегами подвергая землю их

⁴⁶ См. кн. I. 36. 3.

⁴⁷ Город в Лации к югу от Рима.

⁴⁸ Город в Лации южнее Рима, т.е. Фикана.

⁴⁹ Дионисий ничего не говорит о первом взятии Анком Фиканы. Возможно, Дионисий смешивает Фикану с Политорием, который, по Ливию, действительно был захвачен латинами, и римляне были вынуждены брать его вторично (*Ливий*. I. 33. 3).

разорению; Марций, ударив на них с легковооруженным войском, прежде чем фиденяне успели подготовиться к войне, разбивает укрепленный лагерь близ города. 4. Поначалу фиденяне попытались оправдываться тем, что знать не знают, за какие провинности надвинулось на них римское войско, но когда царь заявил, что пришел получить от них удовлетворение за разграбление и опустошение его земли, фиденяне стали защищаться, ссылаясь на то, что не все они виноваты, и просили время для определения и поиска виновных. Так они протянули много дней, ничего из обещанного не выполняя, но тайком созывая союзников и занимаясь заготовкой оружия.

XI. Постигнув их замысел, Марций стал рыть подземный ход от своего лагеря под стены города и по завершении работ выстроил войско и повел его на город фиденян, имея для подмоги и военные машины, и лестницы, и прочие приспособления для штурма стен, но не в том месте, где были подкопы, а в другом. 2. Когда же фиденяне всем скопом сбежались в те концы города, что подверглись приступу, и стали мужественно отражать нападение, римляне, размещенные с другой стороны, открыв подземные ходы, оказались наверху, внутри города и, истребив тех, кто ринулся помешать им, отворили ворота осаждающим. 3. После того как многие жители при взятии города погибли, Марций приказал остальным фиденянам сдать оружие и, объявив через глашатаев, чтобы они собрались все в одно место, немногих из них, виновных в отпадении, распорядился наказать плетью и предать смерти и позволил воинам разграбить все жилища и, оставив в городе значительный гарнизон, повел войско на сабинян. 4. Ведь и они в условиях мира не хранили верность договорам, которые заключили с царем Туллом, но, вторгшись в римские пределы, снова стали опустошать их. Поэтому, когда Марций от лазутчиков и перебежчиков получил известия, что наступил благоприятный момент для нападения, поскольку сабиняне рассеялись по полям и грабили их, он сам с пехотинцами подступил к лагерю неприятеля, который охраняла немногочисленная стража, и сходу захватывает укрепление, а Тарквинию приказывает во главе всадников поспешить на сабинян, рассыпавшихся для грабежа. 5. Сабиняне же, проведав, что на них движется римская конница, побросали добычу и остальное добро, какое они тащили и гнали, и бросились к лагерю. А когда обнаружили, что он захвачен пехотой, не ведая, куда бы им кинуться, устремились в леса и горы. Но преследуемые легковооруженными воинами и всадниками, лишь немногие из них спаслись, большинство же погибло. И после столь великого несчастья сабиняне вновь отправляют в Рим посольство и добиваются мира, которого жаждали. Да и для Рима продолжавшаяся война с латинскими городами настоятельно требовала перемирия и прекращения военных действий с остальными врагами.

XII. Примерно на четвертый год после этой войны Марций, царь римлян, во главе общинного войска, а также призвав как можно больше союзников, сколько смог получить, выступил в поход против вейян и опустошил значительную часть их округа. А начали-то те, вторгшись годом раньше в землю римлян, много добра награвив и

принеся многим людям гибель. 2. И когда со стороны вейян подошли многочисленные отряды и разбили лагерь по другую сторону Тибра, у Фиден, царь, подняв войско, двинулся как можно быстрее. Прежде всего, имея превосходство в коннице, он отрезал их от выходов к их землям, а затем, принудив выйти на ближний бой, победил и захватил их лагерь. После того как война удалась ему в соответствии с замыслом, по возвращении в город он провел победное шествие и в честь богов обычный триумф. 3. Когда же двумя годами позже вейяне вновь нарушили перемирие, которое они заключили с Марцием, и стали требовать назад салины⁵⁰, которые они при царе Ромуле оставили по договоренностям, он дал им другое сражение за эти салины, еще более крупное, чем прежнее, и легко одержал в нем победу. С этого времени он безоговорочно стал владеть соляными разработками. 4. Награды за храбрость и после этого сражения также получил начальник всадников Тарквиний, и Марций, считая его храбрейшим из всех мужей, и в остальном постоянно его возвеличивал, даже в число патрициев и сенаторов внес. 5. И с народом вольсков⁵¹ вступил Марций в войну, поскольку от них на римские поля выходили шайки разбойников. Двинувшись на них походом с большим отрядом, он захватил огромную добычу и, осадив их город Велитры⁵², окружил его рвом и обнес частоколом, и, господствуя над открытой местностью, начал штурм стен. А когда вышли послы с оливковыми ветвями⁵³, которые пообещали возместить нанесенный ущерб, как царь посчитает справедливым, и согласились передать для наказания тех, кто признан виновным, Марций, заключив перемирие и получив от вольсков по их доброй воле удовлетворение, устанавливает с ними мир и дружбу.

XLII. Но снова какие-то искусные в войне люди из сабинского народа, что еще не испытали на себе силу римлян, а населяли богатый и счастливый город, не имея оснований предъявлять какие-либо претензии к римлянам, но обреченные на зависть к их преуспеянию, которое оказалось большим, нежели они рассчитывали, собравшись как-то в небольшом количестве, начали с грабежей и набегов на римские поля; затем, прельщаемые добычей, они открыто предпринимают против них поход и, разоряя большую часть пограничной области, наносят римлянам значительный ущерб. 2. Все же им не удалось ни добычу увести, ни самим уйти безнаказанными, потому что римский царь, поспешив на помощь своим и разбив близ укрытия саби-

⁵⁰ Соляные разработки у устья Тибра; видимо, наиболее богатые источники соли находились на правом, этруском берегу Тибра, из-за чего Рим и вступал в войну с Вейями. В тексте Дионисия стоят слова ταῖς ἀλαῖς, семантически связанные со словом ὀ ἄλας, ἄλος («соль»). В латинском яз. им соответствует в именит. падеже — salinae.

⁵¹ Вольски — народ осского происхождения, который обитал в долине реки Лирус на юге Ладия. Рим вел с вольсками постоянные войны, пока в IV в. до н.э. не покорил их.

⁵² Город находился к востоку от Рима.

⁵³ Возможно, Дионисий привносит на италийскую почву греческий обычай. Города Греции отправляли к врагу послов с такими ветвями, выражая покорность или прося пощады. См. также кн. I. 20. 1.

нян лагерь, вынудил их вступить в сражение. 3. И вот разразилась ожесточенная битва, и обе стороны понесли крупные потери, но победили римляне, благодаря и опыту, и трудолюбию, к чему были привычны издавна, они во многом превосходили сабинян и, преследуя по пятам в беспорядке бежавших к лагерю, учинили большую резню. 4. После захвата их укрепления, полного всяческого добра, и возвращения пленников, которых сабиняне захватили в набегах, римляне ушли домой. Говорят, примерно таковы были военные свершения этого царя, которые остались в памяти в сочинениях римлян. А что до государственного управления, то к рассказу об этом я приступаю.

XLIII. Сначала Анк присоединил к городу немалую часть его, обнеся стеной так называемый Авентин⁵⁴. Это высокий холм почти восемнадцати стадий в окружности, который тогда был покрыт смешанным лесом и зарослями прекраснейшего лавра, благодаря чему одно место на нем зовется у римлян Лавретом⁵⁵. Теперь же он весь застроен, и в числе множества зданий там возведен и храм Дианы⁵⁶, а от другого холма из числа тех, что входят в Рим, известного как Паллантий, вокруг которого и раскинулся первоначальный город, он отделен глубоким и узким ущельем. Но в более поздние времена вся долина между холмами была засыпана. 2. Видя, что этот холм предназначен стать как бы пограничной крепостью города для любого подступившего войска, Марций окружил его стеной и рвом и поселил на нем всех людей, переведенных из Теллены и Политория, а также из остальных покоренных городов⁵⁷. И один этот порядок устройства города, введенный царем, представляется отличным и дельным, поскольку благодаря присоединению жителей из других городов Рим значительно расширился и в гораздо меньшей степени стал уязвимым для нападения крупных отрядов врагов.

XLIV. Следующее предприятие гораздо важнее только что описанного градостроительства, которое сделало Рим много богаче во всем, что касается жизни, и что побудило его обратиться к более благородным занятиям. Дело в том, что река Тибр, спускаясь с Апеннинских гор, протекает у самого Рима и изливается на лишенный гаваней берег⁵⁸ Тирренского моря. Река приносит Риму малую и незначительную выгоду из-за того, что в устье у него нет никакого торжища, где бы принимались привозимые по морю и прибывающие вниз по течению товары и где ими могли бы обмениваться торговцы. При этом Тибр доступен для плавания на крупных речных

⁵⁴ Холм лежит к юго-западу от Палатина.

⁵⁵ Собственно, так называлась лавровая роща на Авентине.

⁵⁶ Был возведен Сервием Туллеем (*Ливий*. I. 45).

⁵⁷ В этих размещенных на Авентине поселенцах из латинских (а, возможно, и сабинских) городков можно вслед за Нибуром видеть начало римского плебса — населения, стоящего вне системы римских триб и курий. Возможно, это были не первые переселенцы из Теллен и Политория (см.: *Дионисий*. III. 37. 4; 38. 2), а принужденные к этому после вторичного завоевания (см.: *Ливий*. I. 33. 2–3).

⁵⁸ Страбон пишет, что это происходит из-за наносов Тибра (*Страбон*. География. V. III. 5).

судах вплоть до своих истоков, равно как и вплоть до Рима на тяжелых морских кораблях, поэтому Анк решил основать в месте впадения реки в море стоянку кораблей, используя как гавань само речное устье. 2. Ведь река при впадении в море расширяется, занимая большое пространство, и образует обширные бухты, которые лучше морских гаваней. Но самое удивительное то, что река не отрезана от устья отмелями из наносов песка, от чего страдают многие из крупных рек, и не извивается, блуждая в болотах и топиях, прежде чем соединить свой поток с морем, но постоянно судоходна и впадает в море через единое природное устье, отталкивая волны морского прибоя, хотя дующий с запада ветер здесь бывает сильным и суровым. 3. Так вот, весельные корабли, какими бы большими они ни были, водоизмещением до трех тысяч мер груза⁵⁹, входят в устье Тибра, идут на веслах или их тянут канатами вплоть до Рима; а суда большего размера встают в море на якорь близ устья, затем их разгружают и вновь загружают с помощью речных лодок⁶⁰. 4. И в излучине между рекой и морем царь основал и окружил стеной город⁶¹, который по месту впадения реки в море назвал Остией⁶², или, как мы сказали бы, — «воротами», и тем самым подготовил все к тому, чтобы Рим стал не только прибрежным, но и морским городом, и дал вкусить ему заморских благ.

XLV. Анк Марций обнес стеной и высокий холм, называемый Яникулом⁶³, расположенный на другом берегу Тибра, и поставил на нем достаточно сильную стражу ради безопасности тех, кто плывет по реке: ведь тиррены, владея всеми землями по ту сторону реки, грабили торговцев. 2. Как передают, он перекрыл Тибр деревянным мостом⁶⁴, который был сделан, по обычаю, без меди и железа и крепился только с помощью деревянных брусков. Его римляне сохраняют до сего дня, считая священным. А если какая-нибудь часть моста повреждается, то понтифики⁶⁵ чинят его, исполняя во время ремонта определенные старинные жертвоприношения. 3. Совершив такие достопамятные деяния в свое правление, Анк Марций передал Рим потомкам гораздо более могучим, чем сам принял, и, неся бремя царской власти в течение двадцати четырех лет, умирает, оставив двоих сыновей — одного еще в детском возрасте, а второго немного постарше.

⁵⁹ Дионисий не уточняет меру, которой он определяет водоизмещение судов.

⁶⁰ Точно так же описывает доставку грузов и Страбон (*Страбон. География. V. III. 5*).

⁶¹ Город, расположенный к юго-западу от Рима примерно в десяти римских милях. Считалось, что основан он в IV в. до н.э. Однако недавние раскопки на территории Остии позволяют полагать, что традиция о его рождении в царский период в достаточной степени достоверна.

⁶² Lat. os, -oris — уста, устье.

⁶³ Холм, расположенный на правой стороне Тибра (современный район Трастевере). Возможно, связан с древнейшим культом Януса. Известен римлянам, правда, и до Анка Марция, так как традиция свидетельствует, что именно там был похоронен Нума Помпилий (*Плутарх. Нума. XXII*).

⁶⁴ Pons Sublicius (*Ливий. I. 33. 6*).

⁶⁵ Традиция связывает этимологически латинские слова pons (pont-) и pontificus.

XLVI. После смерти Анка Марция сенат, поскольку народ вновь поручил ему установить такое государственное устройство, какое он предпочтет, решил оставаться при том же самом и назначил междуцарей. А они, созвав народ на комиции, избирают царем Луция Тарквиния. Когда же и знаменья, ниспосланные богами, подтвердили решение общины, тот принимает на себя царскую власть приблизительно во второй год сорок первой Олимпиады⁶⁶, в которой в беге на стадий победил фиванец Клеондас, а архонтом в Афинах был Гениохид. 2. Кто были родителями Тарквиния, в каком отечестве он был рожден, по каким причинам пришел в Рим и благодаря какому образу жизни достиг он царской власти, я поведаю так, как я обнаружил это в сочинениях местных историков. 3. Некий коринфянин по имени Демарат, из рода Бакхиадов⁶⁷, решив заниматься торговлей, отплыл в Италию, ведя собственное торговое судно со своим личным грузом. Распродав товар в тирренских городах, которые были тогда в Италии наиболее процветающими из всех, и получив большую прибыль, он не захотел уже отправляться в другие гавани, но стал непрерывно вести торговлю в том же самом море, доставляя эллинские грузы к тирренам, а тирренские — в Элладу, и в результате он оказался обладателем весьма крупных богатств. 4. А когда в Коринфе вспыхнуло восстание и тиран Кипсел⁶⁸ поднялся против Бакхиадов, Демарат почувствовал, что при тираннии ему оставаться небезопасно, так как он и вообще много чего приобрел и возглавлял олигархическое семейство. И, собрав все имущество, сколько смог, по морю убыл из Коринфа. 5. Так как постоянно поддерживая связи с тирренами, он приобрел среди них много добрых друзей, особенно в городе Тарквинии, который был тогда большим и богатым, он построил здесь дом и вступил в брак с женщиной знатного рода. Когда же у него родились двое сыновей, он дал им тирренские имена — одному Аррунт, другому Лукумон, а также воспитал их обоих в эллинском и тирренском духе, а когда они возмужали, он взял для них жен из славнейших домов.

XLVII. Спустя немного времени старший сын умирает без законного потомства. А через несколько дней от печали заканчивает свои дни и сам Демарат, оставив наследником всего имущества младшего сына Лукумона. Он же, приняв отцовское солидное состояние, возжелал стать гражданином, участвовать в общественных делах и войти в число первых горожан. 2. Но, подвергаясь повсюду гонениям со стороны местных жителей и не считаясь у них не только в числе первых, но и средних граждан, он мучительно переносил бесчестие. Услышав же, что римский полис охотно принимает всех чужеземцев и делает их горожанами, каждого оценивая по заслугам, Лукумон решил туда переселиться, забрал с собой свои богатства и жену, и

⁶⁶ Примерно в 612 г. до н.э.

⁶⁷ Бакхиады, или Вакхиады — древняя коринфская династия, по преданию, основанная Вакхидом, потомком Геркулеса, около 924 г. до н.э. и свергнутая Кипселем в 658 г. до н.э.

⁶⁸ Тиранния Кипсела установилась в Коринфе в 657—627 гг. до н.э.

даже прочих друзей и родственников, кто того хотел, побуждал к тому же. И желающих поехать вместе с ним оказалось много. 3. А когда они приблизились к Яникулу, откуда приезжающим из Тиррении впервые открывается вид на Рим, орел, слетев внезапно вниз, сорвал войлочную шапку с его головы, вновь взмыл вверх кругами и скрылся из виду в небесных высях; затем вдруг птица снова возложила шапку на голову Лукумону, пристроив ее точно на прежнее место. 4. А так как знамение это многим показалось удивительным и странным, супруга Лукумона по имени Танаквиль, которой от предков достались глубокие знания в искусстве птицегаданий, выделила именно мужа из всех окружающих и приветствовала его, наполнив радужными надеждами на то, что он от судьбы простого человека дойдет до царской власти. Однако она посоветовала ему обдумать, как бы получить первенство из рук римлян по их собственной воле, представ перед ними достойным такой чести.

XLVIII. Обрадованный знамением и уже приближаясь к городским воротам, он вознес богам молитвы, дабы пророчества исполнились и вступление его сопровождалось доброй судьбой, и входит внутрь. После этого, приглашенный на прием к царю Марцию, Лукумон сначала рассказывает о себе, кто он таков, затем, что пришел с желанием поселиться в городе и принес с собой все отцовское имущество, которое, как он сказал, намерен передать в общественную казну царю и государству римлян, так как оно больше, нежели возможно владеть одному частному человеку. 2. И так как царь с радостью его принял и приписал вместе с сопровождавшими его тирренами к одной трибе и к одной курии, Лукумон устраивает себе жилище на отведенном ему в городе достаточном участке и берет надел земли. А после того, как он это сделал и стал одним из горожан, он узнал, что каждому из римлян дается обычное имя, а кроме него — другое, которое у них является родовым и происходящим от отца⁶⁹. Желая и в этом уподобиться римлянам, он взял себе в качестве обычного имя Луций вместо Лукумона, а в качестве родового — Тарквиний, по городу, в котором родился и был воспитан. 3. В короткий срок Тарквиний стал другом царя, поднося подарки, в которых, как он узнал, тот больше всего нуждался, и предоставляя средства, которые ему требовались на военные нужды. И в походах он сражался лучше всех, будь то пешие или конные, а когда возникала необходимость в верном совете, он оказывался в числе самых мудрых советчиков. 4. Все же пребывая в почете у царя, он не утратил благосклонности со стороны прочих римлян, но многих патрициев расположил к себе, оказывая им услуги, и добился приветливой обходительностью, приятным обращением и раздачей денег того, что простые плебеи были настроены дружески к нему.

XLIX. Вот таким действительно был Тарквиний и по таким причинам, пока Марций был жив, он стал самым видным из всех римлян, а когда тот умер, все рассудили, что

⁶⁹ Речь идет о преномене, личном имени римского гражданина (их было немного, около 10), и номене — родовом имени.

он достоин царской власти. Когда же он принял на себя власть, то прежде всего повел войну с городом Апиолы⁷⁰, неизвестным среди латинского племени. 2. Дело в том, что апиоланцы и все остальные латины, считая, что после смерти Анка Марция договоренность о мире утратила свою силу, начали разорять римскую землю грабежами и набегами. Желая им за это воздать по заслугам, Тарквиний выступил в поход вместе с крупными военными силами и опустошил большую часть их земли. 3. Хотя апиоланцам от соседних латинов подоспело на подмогу большое войско, он дважды вступает с ними в сражения и, победив в обоих, приступает к осаде города и бросает на стены войска посменно; жители города, сражаясь малым числом против многих и не получая ни единого часа передышки, с течением времени были истреблены. После захвата города силой большинство апиоланцев погибли сражаясь, а меньшинство, сдав оружие, были проданы вместе с остальной добычей, их дети и жены были обращены римлянами в рабство и уведены, а город после разграбления сожжен. 4. Содейвав это и срыв стены города до основания, царь повел войско домой, а вскоре совершил другой поход против города Крустумерия⁷¹. Он был колонией латинов, но в правление Ромула покорился римлянам; а когда Тарквиний вступил на трон, вновь начал склоняться на сторону латинов. 5. И этот город не пришлось ему подчинять себе осадой и напряжением сил. Ведь крустумерийцы, осознавая и превосходство в численности выступившего на них войска, и свою слабость, тем более что никакой помощи от остальных латинов к ним не подошло, открыли ворота, и старейшие и наиболее почитаемые граждане вышли и сдали царю город, прося обойтись с ними справедливо и умеренно. 6. Эта просьба совпала с его желанием, и, войдя внутрь стен города, он ни одного из крустумерийцев не казнил, но лишь совсем немногих виновных в отпадении покарал вечным изгнанием, а всем остальным дозволил и своим государством самим управлять, и римским гражданством пользоваться, как и раньше, а для того, чтобы они еще когда-нибудь не начали возмущаться, оставил у них римлян-поселенцев.

Л. И номентанцам⁷², замыслившим то же, такая же участь выпала. Ведь и они, посылая шайки разбойников на поля римлян, открыто превратились в их недругов, понадеявшись на союзничество с латинами; но когда Тарквиний выступил на них в поход, а помощь от латинов запаздывала, они, не в силах противостоять столь могучему войску, вышли из города с поднятыми масличными ветками и сдались. 2. А жители так называемой Коллации⁷³ попытались выступить с боем против римских войск, для чего вышли из своего города; но, терпя поражение во всех схватках и неся многочисленные потери, они вынуждены были бежать обратно под защиту стен и

⁷⁰ Город Апиолы был расположен примерно в 10 км к юго-востоку от Рима, недалеко от города Телмены.

⁷¹ См.: *Ливий*. I. 10. 2 и след.

⁷² Жители Номенты, города в Лацин, к северо-востоку от Рима.

⁷³ Город, расположенный примерно в 10 км к востоку от Рима близ реки Аннен.

стали рассылать гонцов в латинские города, прося союзнического войска. Но так как помощь от тех шла весьма медленно, а неприятель во многих местах штурмовал стены, коллатинцы с течением времени вынуждены были сдать город. 3. Однако они не встретили такого умеренного обращения с собой, как номентанцы и крустумерийцы, но царь отобрал у них оружие и наказал их денежной пеней, а также оставил в городе достаточно большой гарнизон и поставил править ими с неограниченной властью пожизненно Аррунта Тарквиния, своего племянника от брата, который родился после смерти как своего отца Аррунта, так и деда Демарата и не унаследовал ни из отцовского, ни из дедовского состояния причитающуюся ему долю, и по этой причине был прозван Эгерием. Ведь римляне именуют так нуждающихся и нищих. Но с тех пор как он принял на себя попечение над этим городом, он сам получил прозвище Коллатин и все его потомки. 4. После же сдачи Коллатии, царь Тарквиний пошел походом против так называемого Корникула⁷⁴, города латинского корня. Подвергнув разорению их сельскую округу при полной безнаказанности, понеже никто ее не защищал, он направился к самому городу и призвал горожан к дружбе; но поскольку те не желали прийти к примирению, надеясь на крепость стен и ожидая, что со всех сторон подойдут союзные силы, он полностью окружил город войсками и начал штурм стен. 5. Корникуланцы долгое время оказывали сопротивление, мужественно отбиваясь, и нанесли нападающим большой урон, но они изнемогли от бесконечного напряжения сил, при том что не все уже были единодушны (ведь одним казалось правильным сдать город, другим — держаться до последнего), и более всего ослабленные этой распрей они были захвачены силой. 6. Храбрейшая часть жителей погибла в сражении при штурме города, а трусливая и потому уцелевшая была продана в рабство вместе с женами и детьми, а город их был победителями разграблен и сожжен. 7. После этого латины пришли в негодование и постановили сообща вывести войско против римлян; собрав огромные силы, они вторглись в их лучшие земли, откуда увели множество пленников, и стали хозяевами огромной добычи. Но царь Тарквиний выступил против них во главе легковооруженного войска в полной боевой готовности, однако опоздал перехватить их самих и обрушился на их земли, где поступил точно так же, как и латины. 8. Подобные потери и приобретения многократно претерпевали попеременно и те и другие в военных набегах на пограничные области, но одна битва в боевых порядках со всеми своими силами произошла близ города Фидены; в этом сражении многие пали с обеих сторон, но победу одержали римляне и вынудили латинов ночью, бросив лагерь, отступить в свои городá.

II. После этой битвы Тарквиний с войском в боевом порядке двинулся на их города, предваряя свои действия предложениями дружбы. И латины, не имея собранного

⁷⁴ Корникул — город в старом Лации, к северу-востоку от Рима, расположенный между Римом и Медуллией. См. также кн. IV. 1. 2.

воедино войска и не полагаясь каждый на собственную готовность, внимали его призывам, и некоторые из них предпочитали сдавать города, видя, что тем, кто захвачен силой, достается и обращение в рабство, и разрушение города, а тем, кто сдался на условиях капитуляции — ничего более страшного, как только повиноваться победившим. 2. Поначалу к нему присоединились на справедливых условиях Фикудея⁷⁵ — значительный город, затем Камерия⁷⁶, а за ними последовали другие маленькие городки и укрепленные поселения. 3. Остальные латины, встревоженные этим и опасаясь, как бы весь народ не подчинился царю, собрались на форуме в Ферентине и приняли постановление о том, чтобы не только свои собственные силы вывести от каждого города, но и от соседних народов призвать наиболее сильных, и они отправили посольства к тирренам и сабинянам, прося помощи в войне. 4. Сабиняне же дали обещание, что как только услышат о вторжении латинов на римскую территорию, возьмутся за оружие и начнут опустошать римские земли поблизости от них. А тиррены согласились отправить союзное войско, в котором у тех будет нужда, хотя и не все поддержали это решение, а лишь пять городов: Клузий⁷⁷, Арреций, Волатерры, Рузеллы и наряду с ними — Ветулония.

III. Ободренные надеждами, латины, снарядив собственное многочисленное войско и присоединив к нему тирренские отряды, вторглись в римскую землю, едино- временно города сабинского племени, пообещавшие помочь им в войне, принялись опустошать порубежные края, находящиеся рядом с ними. Поэтому римский царь, сам тем временем подготовив крупное и отличное войско, поспешно выступил на противников. 2. Но он понял, что воевать одновременно и с латинами, и с сабинянами, разделяя войско на две части, небезопасно, решил все его вести на латинов и разбил лагерь поблизости от них. Поначалу и те и другие не осмеливались вступить в битву всеми силами, опасаясь коварства противника, лишь лучники, выходя с обеих сторон за укрепления, вели издали перестрелки, и долгое время успех не склонялся ни на ту, ни на другую сторону. 3. Но спустя некоторое время, вследствие таких стычек и тех и других обуяла жажда победы, и они, поддерживая каждый своих, сначала немногие, а потом вообще все были вынуждены выйти из лагеря. Выстроившиеся для сражения воины не были ни боями истомлены, ни в численности друг другу не уступали, как в пехоте, так и в коннице, преисполнились равным воинственным пылом и верили, что подвергаются крайней опасности, а потому и те и другие сражались отменно и разошлись, когда опустилась ночь, не определив победителя. 4. Однако

⁷⁵ Речь идет о Старой Фикуде (Ficulea vetus) — латинском городе, расположенном к северо-востоку от Рима, лежавшем несколько южнее Крустумерия близ Номентанской (она же — Фикуденская) дороги.

⁷⁶ Камерия — город в новом Лацио, расположенный к северо-востоку от Рима. Возможно, Дионисий смешивает это название с названием южносицилийского города Камарина, конечно же, лучше известного грекам. Был еще город Camerinum в юго-восточной Умбрии, близ Пицены.

⁷⁷ Город Клузий (Clusius) — бывший Camars, или Camers, один из членов Этрусского Двенадцатиградья.

поведение их после битвы оказалось неодинаковым и выказало тех, кто бился лучше другой стороны: ведь на следующий день латины уже не покидали лагерь, а римский царь, выведя войско на равнину, был готов дать следующую битву и долго держал фалангу в боевом строю. А когда выяснилось, что неприятель не выступил сражаться, он снял доспехи с трупов противника, забрал своих павших и с великой гордостью повел войско к своему лагерю.

III. А когда в последующие дни к латинам пришло другое союзное войско от тирренов, произошла вторая битва, намного более значительная, чем первая; в ней царь Тарквиний одержал блистательную победу, причиной которой, как соглашаются все, стал он сам. 2. Ибо когда римская фаланга уже устала и на левом крыле была прорвана, царь, узнав о том, что римляне терпят урон (а ему случилось сражаться на правом крыле), повернул отборные отряды всадников и самых сильных пеших воинов, провел их по тылам собственного войска и, обойдя левое крыло, устремился дальше вперед, за фалангу. Затем, повернув вправо и дав стрекала лошадям, он ударил в бок отрядов тирренов (так как они, сражаясь на правом крыле противника, обратили в бегство стоявших напротив) и, неожиданно представ перед ними, породил сильный ужас и смятение. 3. В это время пехота римлян, оправившись от недавнего испуга, двинулась на противника, после чего произошла кровавая резня тирренов и полное бегство их правого фланга. А Тарквиний, приказав командирам пехотинцев следовать в строю и шагом, сам поскакал к лагерю, что есть силы погоняя лошадей и, опередив тех, кто спасся во время бегства, овладел укреплениями сразу же, с первого удара, так как те, кто там был оставлен, не ведая о несчастье, что постигло их войска, и ввиду внезапного появления римлян не имея возможности рассмотреть приближающихся всадников, позволили им ворваться в лагерь. 4. После захвата лагеря латинов те, кто после бегства возвращался в лагерь как в безопасное убежище, были убиты захватившими его всадниками, а те, кто намеревался спастись из лагеря на равнину, пали жертвой римской фаланги, которая двигалась навстречу. Большинство же латинов, толкая и топчая ногами друг друга, самым жалким и трусливым образом погибли у частоколов и во рвах. Таким образом, те, кто остался в живых, лишенные возможности найти хоть какое-либо средство к спасению, были вынуждены сдаться победителям. 5. Тарквиний же, овладев множеством пленников и огромной добычей, пленников продал, а то, что было захвачено в лагере, отдал воинам.

IV. Одержав такую победу, Тарквиний повел войско на латинские города, чтобы в сражении подчинить тех, кто не покоряется ему; но ему даже не пришлось осаждать их. Дело в том, что все обратились к покорным просьбам и мольбам и, сообщив отправив послов к нему, стали заклинять прекратить войну на тех условиях, какие он пожелает, и передали ему города. 2. А царь, став господином городов на основе этих договоренностей, поступил с ними в высшей степени справедливо и умеренно. Ведь он никого из латинов не предал смерти, не принуждал к изгнанию, деньгами не наказал и разрешил им с их земель извлекать доходы, даже позволил использовать

государственное устройство, доставшееся от предков. Но он повелел, чтобы латины выдали римлянам перебежчиков и пленников без выкупа и вернули хозяевам слуг, которых они захватили во время набегов, а имущество, отобранное у земледельцев, возместили и восстановили, если что-нибудь еще повредили или погубили при вылазках. 3. Выполнив сказанное, они будут друзьями и союзниками римлян, делая все, что те ни прикажут. Таким образом начавшаяся война римлян с латинами пришла к своему завершению, а царь Тарквиний справил триумф в честь победы в этой войне⁷⁸.

LV. На следующий год, набрав войско, Тарквиний повел его против сабинян, которые давно уже прознали о его замысле и приготовлениях против них. Не дожидаясь, пока война придет на их землю, но в свою очередь собрав достаточно сильное войско, они выступили ему навстречу. На границе их владений между ними произошло сражение до самой ночи, ни одна из сторон не взяла верх, но и те и другие понесли серьезные потери. 2. По крайней мере, в ближайшие дни ни военачальник сабинян, ни царь римлян не выводили войска из лагеря, но и тот и другой снялись с лагеря и вернулись по домам, не нанеся землям противника никакого ущерба. Но замысел у обеих сторон был одинаков: с наступлением весны вывести на территорию неприятеля новое, еще большее войско. 3. Сделав необходимые приготовления, первыми выступили сабиняне, усиленные достаточно мощным союзным тирренским войском, и остановились близ Фиден у слияния рек Аниен и Тибр, разбив два лагеря напротив друг друга, но связанные между собой. Между ними протекал единый поток из обеих рек, через который был перекинут деревянный мост, державшийся на лодках и плотах, что делало переходы друг к другу быстрыми, а укрепленный лагерь — единым. 4. Услышав об их вторжении, Тарквиний вывел римское войско и встал несколько выше их лагеря, у реки Аниен, на укрепленном холме. И хотя и те и другие рвались на врага со всем пылом, между ними не произошло никакой регулярной битвы, ни большой, ни малой. Ведь Тарквиний, благодаря своей сметливости военачальника, сокрушил все предприятия сабинян и захватил оба укрепления. А военная хитрость этого мужа была следующей.

LVI. Он собрал на одной из рек, у которой сам встал лагерем, лодки и плоты, наполненные сухой древесиной и хворостом, а также смолой и серой. Затем, дождав-шись попутного ветра в час утренней стражи, он приказал поджечь в них древесину и пустить эти лодки и плоты по течению реки. И они за короткий срок достигли расположенной в центре переправы, натолкнулись на мост и зажгли его во многих местах. 2. Увидев внезапно плывущее огромное пламя, сабиняне ринулись на под-могу и стали готовить все, что было пригодно для тушения огня. Тарквиний же выступает с рассветом, ведя уже выстроенное в боевом порядке римское войско и

⁷⁸ У Ливия говорится, что Тарквиний провел триумф после победы над сабинянами (*Ливий*. I. 38. 3), которая предшествовала войне с латинами (Там же. I. 38. 4).

нападает на один из лагерей, а так как большинство воинов оставили охрану, поспешив к пожарищу, и лишь немногие обратились к защите, то царь без труда овладевает им. 3. В то время, пока это происходило, подоспело еще одно римское войско и захватило второй сабинский лагерь, который находился на другом берегу реки; это войско было отправлено Тарквинием с началом ночи и перешло единое русло, образовавшееся из двух рек, переправляясь на лодках и плотках в такой его части, где можно было скрыться от сабинян, и появилось близ второго укрепления как раз в тот момент, когда увидели пожар на мосту — ведь он и послужил для них сигналом к нападению. 4. А из застигнутых одни были изрублены римлянами в схватках, другие бросились в воду, но не в силах преодолеть водовороты потонули; однако какая-то часть их погибла и от огня, спасая мост. А Тарквиний, заняв оба лагеря, позволил воинам разделить между собой захваченное в лагерях добро, а пленников, которых было весьма много из числа как самих сабинян, так и из тирренов, отослал в Рим, где велел держать под сильной охраной.

LVII. Сабиняне, принужденные тогдашними несчастными обстоятельствами, отказались от своего прежнего намерения и, отправив послов, заключили перемирие в войне, оговорив в договоре его срок в шесть лет. Но тиррены, раздраженные не только тем, что римляне частенько побеждали их, но и тем, что Тарквиний не возвратил им пленников, хотя они и отправили посольство, но удерживал в качестве заложников, вынесли постановление, что все тирренские города сообща начинают войну против римлян, а город, не принявший участия в военном походе, исключается из союза. 2. Утвердив это решение, тиррены вывели войско и, переправившись через Тибр, делают привал у Фиден. Овладев этим городом путем предательства, поскольку в нем были распри среди граждан, они захватили многих людей и, угнав огромную добычу из римских земель, они возвратились домой, оставив в Фиденях достаточную стражу. Ведь им представлялось, что город этот станет для них оплотом для ведения войны против римлян. 3. Но царь Тарквиний в наступившем году вооружил поголовно всех римлян, от союзников получил столько людей, сколько было возможно, и вывел их на врагов в начале весны, до того как те собрались из всех своих городов против него, как поступали раньше. Он разделил все воинские силы на две части, и сам во главе римского войска выступил в поход на тирренские города, а своего родственника Эгерия назначил командующим над союзным войском, большую часть которого составили латины, и приказал ему идти на противника, что засел в Фиденях. 4. Союзное войско из-за презрения к врагу разбило лагерь близ Фиден в незащищенном месте и едва целиком не погибло; дело в том, что стража, находившаяся в городе, тайно вызвав другое войско от тирренов себе на помощь и дождавись подходящего случая, вышла из города, приступом взяла лагерь противника, который плохо охранялся, и зверски поубивала многих из римлян, кто был послан добыть пропитание. 5. Но римское войско под предводительством Тарквиния опустошило и разграбило земли вейян, унеся оттуда большую добычу. Когда же на

помощь вейянам из всех тирренских полисов пришла многочисленная рать, он вступил с ней в сражение и одержал бесспорную победу. Вслед за тем, пройдя по землям неприятеля, римляне стали безбоязненно разорять их, захватив множество людей и обрета огромную добычу, поскольку она была из процветающих земель, и уже в конце лета возвратились домой.

LVIII. Потерпев в этом бою серьезное поражение, вейяне более уже не высывались из города, но сдерживали себя, взирая, как разоряют их земли. А царь Тарквиний предпринял три вылазки и три года подряд лишил вейян возможности пользоваться плодами их земель, когда же он превратил большую часть страны в пустыню и никакого еще ущерба не мог нанести, повел войско против города цэрийцев, который раньше, когда его населяли пеласги, назывался Агилла, а после того как он очутился под властью тирренов, был переименован в Цэре⁷⁹, и был он богат и многолюден, как никакой другой из городов Тиррении. 2. Оттуда сразиться за свою землю выступило огромное войско, но, уничтожив много врагов, а еще больше своих потеряв, оно бежало обратно в город. Римляне же, овладев их землей, которая в изобилии снабдила их всем возможным, провели здесь много дней и с приходом времени отправляться назад, вернулись домой, ведя с собой столько добычи, сколько смогли. 3. Тарквиний же, поскольку его поход против вейян прошел так, как и был им задуман, выводит войско против неприятеля в Фиденгах, собираясь выбить находящуюся там стражу и горя желанием отомстить тем, кто сдал городские укрепления тирренам. Поэтому у римлян с теми, кто вышел из города, произошли и регулярное сражение, и упорная битва при взятии стен. 4. Однако город был захвачен силой, и его гарнизон вместе с прочими тирренскими пленниками был заключен под стражу, а тех из фиденян, кого сочли виновными в отпадении, одних публично подвергли позорному избивению плетью и казнили отсечением головы, а других наказали вечным изгнанием; имущество же их получили по жребию оставленные здесь колонисты из числа римлян.

LIX. Последнее сражение между римлянами и тирренами состоялось у города Эрета⁸⁰ в земле сабинян. Ведь через него тиррены отправились в поход против римлян, так как его правители заверили их в том, что сабиняне будут сражаться вместе с ними. Поскольку заключенное ими с Тарквинием шестилетнее перемирие уже потеряло силу, у многих сабинян възыграло желание исправить прежние неудачи, так как в городе уже подросло достаточно молодежи. 2. Однако же из этого начинания у них не вышло ничего согласно их задумке, поскольку римское войско появилось стремительно, а тирренам ни один из городов не сумел направить союзное, и лишь какие-то немногочисленные добровольцы, соблазненные большой платой, пришли к ним на помощь. 3. Благодаря этому сражению, которое оказалось крупнейшим из всех бывших ранее в войнах между обеими сторонами, дела римлян возымели

⁷⁹ Город расположен на территории Этрурии к северо-западу от Рима.

⁸⁰ См. примеч. 30.

настолько достойный удивления успех, так как они одержали славнейшую победу, что сенат и народ приняли постановление о том, чтобы царю Тарквинию провести победный триумф. А гордыня тирренов пала, потому что отправили они войска на битву от каждого города, но назад приняли лишь малое число спасшихся из многих. Поскольку одни пали, сражаясь в боевых рядах, а другие, очутившись при отступлении в непроходимой местности, откуда не было выхода, сдались победителям. 4. Однако, испытав столь великое потрясение, влиятельнейшие мужи, что были в этих городах, повели дело как разумные люди. Ибо когда царь Тарквиний двинулся против них новым походом, они, собравшись на одной площади, вынесли решение начать с ним переговоры о прекращении войны и отправили самых уважаемых людей от каждого города, дав им неограниченные полномочия для заключения договоров о мире.

LX. Царь выслушал тирренов, обильно излагавших обстоятельства, каковые должны были возбудить его снисходительность и умеренность, и напомнивших ему о родстве с их народом, отвечив, что желает узнать от них только одно: ведут ли они еще споры относительно равных прав и готовы ли заключить договоры о мире лишь на определенных условиях, или же признают, что они побеждены и вручают города ему. И так как они уверяли, что не только города ему передают, но и миром будут довольствоваться на тех условиях, на которых он его заключит, Тарквиний, весьма обрадованный этому, сказал: 2. «Выслушайте теперь, на каких условиях я прекращу войну и какие милости вам окажу. Я не горю желанием ни казнить кого-либо из тирренов, ни отправить в изгнание из отечества, ни наказать тем, чтобы отобрать то, чем он владеет, и города отдаю вам все, не помещая в них гарнизонов и не облагая поборами, и управляться они будут по их собственным законам, и я разрешаю им сохранить древний порядок государственного устройства. 3. И предоставляя вам это, я полагаю, что вы обязаны позволить мне за все то, что я даю, одно — главенство над городами, владыкой которых я буду даже против вашего желания, поскольку я сильнее в оружии, но я предпочитаю получить это главенство с вашего согласия, нежели вопреки ему. Объявите это городам, а я обещаю установить с вами до вашего возвращения перемирие».

LXI. Получив такой ответ, послы удалились, а через несколько дней возвратились, не только со словами, которые мало значат, но и неся с собой знаки власти⁸¹,

⁸¹ Ливий говорит об этих символах власти применительно к Ромулу (*Ливий*. I. 8. 2—3). Однако между сообщениями Ливия и Дионисия нет противоречия. Во-первых, Ливий в рассказе о Ромуле просто упоминает о курьном кресле и окаймленной тоге (*Ливий*. I. 8. 3), не утверждая, что в Риме они появились уже при первом царе, а, во-вторых, и сам Дионисий ссылается на существовавшее мнение об установлении обычая несения фасций ликторами уже Ромулом. Возможно, что при каждом серьезном поражении этруски вручали победителю эти символы власти как подтверждение того, что они подчиняются его воле. И, видимо, в этом сообщении Дионисия отразилась та линия традиции, которая приписывала этрускам восточное происхождение и называла их родиной Малую Азию. Подробнее об этом см.: *Модестов В.И.* Введение в римскую историю. СПб., 1902. Ч. I; 1904. Ч. II.

которыми сами они украшают своих царей, доставив и венец золотой, и кресло из слоновой кости, и скипетр с орлом наверху, и пурпурный, отделанный золотом хитон, и пурпурный же, украшенный разноцветными узорами плащ, какие носили лидийские и персидские цари, только все же не четырехугольный по покрою плащ, как было у тех, а полукруглый. Такой вид одеяний римляне называют тогами, а эллины — тебеннами, не знаю, откуда взяв это слово: ведь название это не представляется мне эллинским. 2. И, как рассказывают некоторые, они принесли ему двенадцать секир, взяв по одному от каждого города. Ведь, кажется, существует тирренский обычай, чтобы перед каждым из царей города шествовал ликтор, который вместе с пучком фасций нес и топорик; если же собирается общее войско от двенадцати городов, то двенадцать секир передаются тому, кто принял на себя единоподержавную власть. 3. Однако же не все соглашались с теми, кто говорит так, но утверждают, что обычай нести перед царем двенадцать секир древнее правления Тарквиния, и что установил его Ромул сразу же, когда принял на себя власть. Но ничто не препятствует тому, что это — изобретение тирренов и что впервые перенял его применение у них Ромул, и Тарквинию были доставлены вместе с остальными знаками царского достоинства двенадцать секир, как и сейчас римляне даруют царям скипетры и диадемы, подтверждая таким образом их полномочия, хотя, конечно, цари обладают этими знаками власти и не получая их от римлян.

LXII. Тарквиний, получив эти почести, не сразу воспользовался ими, как пишет большинство римских историков, но передал сенату и народу право решать, можно ли их ему оставить, и принял их только тогда, когда всем это показалось удобным, и с того времени до самой смерти он носил золотой венец, одевался в расшитые пурпурные одеяния, со скипетром золотым в руках восседал в кресле из слоновой кости, и двенадцать ликторов, держащих секиры с фасциями, стояли перед ним, когда он вершил суд, и шли впереди, когда он шествовал. 2. Этот порядок полностью сохранялся и при тех, кто принял царскую власть после него, и после изгнания царей при ежегодно избираемых консулах, только кроме венка и расшитых одеяний: единственное это у них было отнято, так как представлялось пошлым и ненавистным. Но есть исключение — те, кто одерживает победу в войне, удостоиваются от сената триумфа и тогда не только золото носят, но и в расшитые пурпурные платья облачаются. Так вот война, что была у Тарквиния с тирренами и тянулась девять лет, получила такое завершение.

LXIII. Но оставалось еще только сабинское племя, соперничавшее с римлянами за господство, отличавшееся и воинственными мужами, и обширными и плодородными землями, которые раскинулись неподалеку от Рима. Поэтому Тарквиний возымел желание и их привести под свою власть и объявил им войну, вменяя сабинским городам в вину, что они не желали выдавать тех, кто пообещал тирренам, если те придут на их земли с войском, сделать так, что с ними их отечество поведет себя как друг, а с римлянами — как враг. 2. Сабиняне охотно войну принимают, не

считают достойным быть мишенью могущественных людей из их городов, и еще до того, как к ним подошло римское войнство, сами выставляют против него войско. А царь Тарквиний, услышав, что сабиняне перешли реку Аниен и разграбили всю округу близ их стоянки, взял с собой наиболее легковооруженную римскую молодежь, спеша изо всех сил, повел ее на рассеявшихся в поисках добычи по полям сабинян. 3. Многих из них убив и отняв добычу, что они вели, царь разбивает лагерь рядом с сабинским, и, выждав несколько дней, пока к нему из города не присоединилось остальное войско и от союзников не собрались вспомогательные силы, он стал спускаться на равнину, чтобы дать сражение.

LXIV. Узрев римлян, с воодушевлением идущих на битву, сабиняне и сами начали выводить свои отряды, не уступая противнику ни в численности, ни в доблести. Вступив в бой, они сражались, выказывая высшую отвагу, до той поры, пока у них продолжалась битва с противостоящими один на один. Потом, узнав, что с тыла к ним подходит другое вражеское войско в боевом строю, сабиняне, побросав свои значки, обратились в бегство. Ведь позади сабинян появились те, кто были отборными римскими воинами, пешими и конными. Их Тарквиний ночью оставил в засаде в подходящих для того местах. 2. И вот, испугавшись этих воинов, которые неожиданно возникли перед ними, сабиняне больше уже не предпринимали никаких благородных деяний, но, словно уже побежденные хитростью врагов и повергнутые несчастьем, которое обрушилось на них без боя, попытались спастись каждый сам по себе, и в это время произошло большое кровопролитие, потому что римская конница преследовала их и отрезала им пути со всех сторон; так что, конечно, лишь немногим из них удалось укрыться в близлежащих городах, большая же часть, те, что не пали в сражении, оказались в руках римлян. Поскольку и резервы в лагере не отважились отразить наступление противника и даже не попытались вступить в бой, но приведенные в смятение бедой, что свалилась на них вопреки их надеждам, сами сдались без боя и укрепление сдали. 3. Конечно, города сабинян, будучи побеждены военной хитростью и лишенные недругами победы не доблестью, но обманом, стали готовиться к тому, чтобы вновь отправить еще большее войско и более опытного военачальника. Но Тарквиний, прознав об их замыслах, быстро собрал свое войско и, прежде чем те собрались все вместе, раньше них перешел реку Аниен. 4. Узнав про это, сабинский военачальник, подняв только что собранное войнство насколько возможно быстро, разбивает лагерь поблизости от лагеря римлян у высокого крутого холма, но начинать сражение не пытается, до тех пор пока не подойдут остальные силы сабинян; однако, постоянно отправляя кого-нибудь из всадников против римлян, грабивших поля, и устраивая засады в лесах и ущельях, ему удалось удержать римлян от вторжения в свою страну.

LXV. И, поскольку сабинянин прибегнул к такому способу ведения войны, множество схваток вспыхивало между небольшими отрядами легковооруженных воинов и всадников, но решительной битвы не было вообще. А так как время шло, Таркви-

ний, гневаясь из-за пустой его траты, решил направить войска на вражеские укрепления и постоянно предпринимал атаки. 2. Затем, сообразив, что силой захватить их нелегко по причине их прочности, он вознамерился подавить тех, кто находился внутри укреплений, лишив их съестных припасов. Расставив стражу на всех дорогах, что вели к лагерю, не позволяя им ни за дровами выбраться, ни корм для лошадей запасать, ни всего остального, что необходимо брать с полей, он вверг их в жестокую нужду во всем; таким образом, сабиняне вынуждены были, дождавшись непогожей ночи с ливнем и ветром, позорно бежать из лагеря, бросив там вьючных животных, палатки, раненых и все снаряжение. 3. На следующий день римляне провели об их уходе и, без боя став хозяевами лагеря, разграбили палатки и возвратились в Рим, ведя с собой скот и пленников. Эта война продолжалась пять лет и велась без перерыва, в ней обе стороны постоянно опустошали территорию противника и постоянно сходились в сражениях, менее и более значимых, причем сабиняне имели удачу в битвах редко, а римляне — в большинстве случаев; и в последнем сражении эта война получила окончательное завершение. 4. Ведь сабиняне выступили на войну не так, как прежде, по очереди, а разом, все, кто был в возрасте, пригодном для военной службы, и римляне все вместе, взяв войска и латинских, и тирренских, и прочих союзников, выдвинулись навстречу неприятелю. 5. И вот сабинский военачальник, разделив войско на две части, разбивает два лагеря, а царь римлян, составив три легиона и расположив три укрепления недалеко друг от друга, сам принимает предводительство над римскими силами, Аррунта же, своего племянника, он назначает военачальником над союзным войском от тирренов; 6. а над латинами и остальными союзниками он поставил начальствовать мужа, необычайно проявившего себя в военных делах и весьма искусного дать нужный совет, но чужеземца, не имеющего отечества. Собственное имя его было Сервий, а родовое — Туллий⁸²; и именно ему римляне после смерти Луция Тарквиния, не оставившего мужского потомства, доверили царскую власть в государстве, восхищаясь этим человеком, преисполненным как мудрости в политических делах, так и доблести в ратных трудах. Но о происхождении сего мужа, о воспитании, о превратностях его судьбы, и о божественном знаменнии, случившемся относительно него, я расскажу, когда дойду до этой части повествования.

LXVI. И вот тогда, когда с обеих сторон было подготовлено все необходимое для боя, они вступили в сражение, причем левое крыло занимали римляне, правое — тиррены, а в центре расположилась фаланга латинов. И хотя битва была упорной и продолжалась целый день, римляне начали решительно побеждать. Убив многих из стана противника, выказавших себя в сражении доблестными воинами, и гораздо больше захватив в плен во время их бегства, римляне овладели обоими укрепленными лагерями и огромным богатством добычи. Без всякой опаски они держали под своей

⁸² Соответственно *praenomen* и *nomen*.

властью всю открытую местность, истерзав ее огнем и мечом, и всеми возможными бедами; когда же лето подошло к концу, снявшись с лагеря, римляне ушли домой. И царь Тарквиний за это сражение справил третий триумф за свое правление. 2. Когда год спустя царь вновь начал готовиться вывести войско против сабинских городов с намерением подчинить их своей власти с помощью осады, уже ни у одного из них не оказалось отважного или пылкого порыва к боям, но все города, придя к общему мнению, решили закончить войну прежде чем ринуться в гущу опасности, чреватой порабощением и разрушением городов. 3. И вот, к царю Тарквинию, уже выступившему со всем войском, явились от каждого города влиятельнейшие сабинские представители и вручили ему стены градов своих, умоляя его сделать условия мира щадящими. Царь же с радостью принял подчинение со стороны этого народа, безо всякой при этом опасности для Рима, и заключил с ними договор о мире и дружбе на тех условиях, на которых раньше взял под свою власть тирренов, и возвратил им пленников безо всякого выкупа.

LXVII. Вот таковы были достопамятные ратные подвиги царя Тарквиния, а вот каковы его мирные деяния, направленные на обустройство гражданства, — ведь я не хочу пренебречь ими и оставить в забвении. Итак, сразу же, как только он принял на себя правление, возжелав настроить толпу плебеев дружественно по отношению к себе, как поступали правившие до него цари, он прельстил ее следующими благодеяниями, а именно: избрав из всех плебеев сто мужей, у которых все засвидетельствовали военную доблесть или мудрость в политических делах, он сделал их патрициями и включил в число сенаторов — и тогда впервые у римлян оказалось триста сенаторов, а до этого их было двести. 2. Затем к священным девам, которые хранят негасимый огонь — а их было четыре, — он добавил еще двух: потому что исполняемые полисом обряды, на которых обязаны были присутствовать жрицы Весты, умножились, и посчитали, что четырех недостаточно. Примеру Тарквиния следовали и остальные цари, и вплоть до нашего времени назначают шесть служительниц Весты. 3. Полагают, что и наказания, которыми понтифики карают жриц, не сохраняющих девственность, он придумал первым либо по собственному размышлению, либо, как кое-кто считает, поверив сновидению; и истолкователи священнодействий уверяют, что после смерти Тарквиния предписания об этих наказаниях были обнаружены в Сивиллиных оракулах⁸³: ведь в царствование его некая жрица Пинария, дочь Поплия⁸⁴, была изблечена в том, что она приблизилась к святыням, не будучи непорочной. Способ же наказания, каким наказывают развратниц, был тем же, что описан мной в предыдущей книге⁸⁵. 4. Также он украсил Форум, на котором

⁸³ Сивиллины книги появились в Риме при Тарквинии Гордом; подробнее см. кн. IV. 62.

⁸⁴ Поплий или Публий.

⁸⁵ О наказаниях весталок Великим понтификом писал и Плутарх, говоря, что провинившуюся секли розгами, а потерявшую целомудрие зарывали живьем в яму у Коллинских ворот (*Плутарх*. Нума. X).

вершили суд, и проводили народные собрания, и решали прочие общественные дела, окружив его лавками и портиками, а стены города, которые ранее были сделаны на скорую руку и непрочной постройки, он первым возвел из камней размером с повозку, сложенных по определенному правилу. 5. Более того, он начал и подземные каналы копать, по которым в Тибр стала отводиться вся стекавшаяся из узких улочек вода, сотворив дела замечательные, превыше всякой хвалы. Я, в свою очередь, причисляю к трем великолепнейшим деяниям, в которых со всей очевидностью проявилось величие этого правителя, отведение воды, мощение дорог и сооружение подземных каналов, принимая в расчет не только пользу от таких предприятий, о чем я скажу в свое время, но и размеры расходов, о чем любой может сделать вывод на основе одного только сообщения, взяв в свидетели [того, о ком нужно сказать] Гая Ацилия⁸⁶, который утверждает, что когда-то рвы были оставлены в небрежении и уже стали непроходимыми и цензоры⁸⁷ отдали подряд⁸⁸ на их расчистку и починку за тысячу талантов⁸⁹.

LXVIII. Тарквиний воздвиг и величайший из ипподромов⁹⁰, который находится между Авентином и Палатином, первым соорудив вокруг него крытые сидения на помостах (до тех пор ведь смотрели стоя), причем под деревянными навесами. Распределив места между тридцатью куриями, каждой курии отвел одну часть, так чтобы каждый следил за зрелищем, сидя в полагающемся ему секторе⁹¹. 2. И этому творению со временем суждено было стать одним из поистине прекрасных и удивительных сооружений города. Ведь длина ипподрома составляла три с половиной стадия⁹², а ширина — три плетра⁹³, а вокруг него вдоль длинных сторон и одной из коротких был прорыт канал для подачи воды глубиной и шириной в десять футов⁹⁴. А за каналом были возведены трехъярусные портики. И на нижних ярусах были каменные

⁸⁶ Гай Ацилий Глабрион — один из старших анналистов (середина II в. до н.э.), написавший несохранившуюся историю Рима на греческом языке.

⁸⁷ Цензоры (лат. censor) — римские магистраты, которые избирались каждые пять лет на срок 18 месяцев. В их обязанности входили перепись населения с оценкой их имущества и проверка списков сенаторов. Ведали также проведением откупов и надзором за состоянием общественных строений.

⁸⁸ Речь идет о мерах по урегулированию системы водопользования, предпринятых при цензорах Марке Порции Катоне и Луции Валерии Флакке (цензорство 184–183 гг. до н.э.). Тогда ими был дан подряд на облицовку водосборных бассейнов, очистку старых каналов и постройку новых на Авентине (*Ливий*. XXXI. 44. 4).

⁸⁹ Один талант весил примерно 36 кг серебра.

⁹⁰ Речь идет о Большом цирке, располагавшемся между Палатином и Авентином. По сообщению Ливия, он был построен на добычу, взятую в латинском городе Апиолы (*Ливий*. I. 35. 7).

⁹¹ Ливий говорит, что были выделены места для сенаторов и всадников (*Ливий*. I. 35. 8), что, впрочем, не противоречит сообщению Дионисия.

⁹² Один стадий равнялся примерно 177,6 м.

⁹³ Плетр — около 29,6 м.

⁹⁴ Один фут составлял около 0,296 м.

сидения, немного возвышавшиеся друг над другом, как в театре, а на верхних — деревянные. 3. Длинные стороны сближаются и соединяются между собой короткой стороной, которая имеет форму полукруга, так что в целом все три стороны образуют единый портик-амфитеатр в восемь стадиев, способный вместить сто пятьдесят тысяч человек. А на меньшей противоположной стороне, оставленной открытой, находятся арочные стартовые ворота, которые открываются все одновременно снятием стартовой веревки. 4. И рядом с ипподромом, снаружи, есть другой, одноярусный портик, в котором располагаются лавки и над ними жилища, и около каждой лавки для тех, кто приходит на зрелище, имеются входы и выходы, поэтому нет никакого беспокойства, что столь многие люди входят и выходят.

LXIX. Царь Тарквиний начал возводить и храм Юпитера, Юноны и Миневры, исполняя обет, данный им богам во время последнего сражения с сабинянами. Холм, на котором он собирался воздвигнуть святилище, требовал много труда (ведь он ни легкодоступным не был, ни площадок ровных не имел, но зато был обрывист и заканчивался острой вершиной), поэтому он со всех сторон окружил его высокими подпорами и насыпал большое количество земли между этими подпорами и вершиной, выровняв его и сделав вполне пригодным для размещения там святилища. 2. Но царь не успел заложить основание храма, ибо прожил после окончания войны только четыре года. Лишь много лет спустя царствовавший третьим после него Тарквиний, который был лишен власти, заложил фундамент храма, и возвел большую часть здания. Но и он не завершил этот труд, и только при ежегодно сменяемых правителях, получивших в третий год консульскую власть, строительство храма было закончено⁹⁵. 3. Но достойно упоминания и происшествие, случившееся перед его строительством, о чем сообщили все те, кто собрал воедино местные истории. Ведь когда Тарквиний решил строить храм, он, созвав птицегадателей, приказал им сперва произвести гадание относительно самого места, чтобы определить, какая местность в городе наиболее подходит для посвящения и в наибольшей мере угодна богам. 4. И после того как они указали на холм, который высится над Форумом и тогда назывался Тарпейским⁹⁶, а ныне Капитолийским, он вновь приказал, чтобы жрецы произвели гадание и сказали, в каком месте холма следует заложить фундамент. А это было совсем нелегко: ведь на нем находились многочисленные, ненамного отстоящие один от другого, алтари богов и божеств, которые надлежало перенести куда-нибудь в другое место и всю площадь отдать под тот священный участок богам, который должен здесь появиться. 5. Птицегадателям показалось правильным производить гадание о каждом из воздвигнутых алтарей по отдельности и в случае позволения передвинуть их. И когда все боги и божества разрешили им перенести свои алтари

⁹⁵ Храм был освящен при консулах Публии Валерии Попликоле и Марке Горации Пульвилле примерно в 509 г. до н. э. (*Ливий*. II. 8. 6–8).

⁹⁶ О Тарпейской скале см.: *Ливий*. I. 11. 6–9.

в другое место, боги Термин и Ювентас⁹⁷ не согласились уступить свои места, хотя гадатели и просили их усиленно, и даже настаивали. Вот потому-то их алтари и были включены в круг святилища, и теперь один находится в пронаосе Миневры, а другой — в самой священной ограде, рядом со статуей богини. 6. И из всего этого прорицатели заключили, что никакая причина ни границ римского города не сдвинет, ни поры расцвета не переменит; и на протяжении вот уже двадцати четырех поколений вплоть до моего времени и то и другое истинно.

LXX. А самый известный из птицегадателей, кто и алтари передвинул, и священный участок для храма Юпитера определил, и вообще всегда божественную волю народу объявлял посредством прорицания, звался первым именем Невий, а родовым — Аттий⁹⁸. Считали, что из тех, кто блюдет это искусство, он стал наиболее угодным богам и достиг величайшей славы, не единожды доказав невероятную силу науки птицегадания. Из всего этого я, выбрав, расскажу об одном случае, которому я очень и очень дивился, предварительно сообщив, какой судьбы этот муж был в начале своего пути и какое побуждение от божества получил, стяжав столь великую известность, что всех, кто был одного с ним поколения, показал просто жалкими. 2. Его отец был бедняком, возделывавшим скудный клочок земли, и Невий, будучи ребенком во всех делах ему помогал, насколько ему хватало сил в его возрасте, и свиной выгонял на пастбище. И однажды он задремал, а проснувшись и недосчитавшись нескольких свиней, сначала заплакал в страхе перед побоями отца, а потом, подойдя к воздвигнутому на этом участке небольшому храму героям⁹⁹, взмолился помочь ему разыскать свиней и пообещал им, если это произойдет, лучшую виноградную кисть с этого участка. 3. Спустя немного времени он отыскал свиней и решил исполнить обет, данный героям, но очутился в большом затруднении, так как не в силах был найти лучшую кисть винограда. Томимый этим обстоятельством, он попросил, чтобы боги с помощью птиц явили ему то, что он искал. А когда птицы явились ему, по воле божества он разделил виноградник на две части, одну оставив по правую руку, другую — по левую, а затем начал следить за птицами, что находились над каждой частью. Когда же над одной из частей появилось столько птиц, сколько соответствовало его желанию, он снова разделил теперь уже этот участок на две части и повел наблюдение за птицами, появившимися на нем. Используя такой способ деления местности и подойдя к последней указанной птицами лозе, он обнаружил виноградную кисть какого-то невероятного размера, а, когда он понес ее к храмику героев, его

⁹⁷ Культы бога Термина и богини Ювентас были установлены Нумой Помпилием (*Ливий*. V. 54. 7). Дионисий говорит об учреждении Нумой культа Юпитера Термина и празднестве Терминалий (*Дионисий*. II. 74. 2-5; *Плутарх*. Нума. XVI).

⁹⁸ Здесь Дионисий ошибается, так как Навий, или Невий, — имя родовое, т.е. номен, а Аттий (Аппий) — личное.

⁹⁹ Имеются в виду Лары перекрестков.

заметил отец. 4. Когда отец изумился величине кисти и начал расспрашивать, откуда Аттий ее взял, тот рассказал все с самого начала. И отец, сообразив — как это и обстояло на самом деле, — что в сыне природой заложены способности к искусству гадания, привел его в город и отдал наставникам для обучения чтению и письму¹⁰⁰; когда же он в достаточной мере постиг общее образование, передает его самому ученому из тирренских предсказателей, чтобы он выучился искусству наблюдения за птицами¹⁰¹. 5. Поэтому Невий, владея этим искусством от природы, да еще от тирренов обретя в нем дополнительные навыки, в самом деле, как я сказал, намного превосходил остальных птицегадателей, и для всех общественных гаданий жрецы города призывали его (хотя он и не был из их коллегии) благодаря его удачам в прорицаниях и ничего не делали без его одобрения.

LXXI. И когда однажды Тарквиний задумался учредить три новые трибы из числа ранее набранных им самим всадников и дать вновь созданным трибам свое собственное имя и имена своих ближайших сподвижников¹⁰², только Невий, единственный, резко высказался против, чтобы не менять ничего из того, что было установлено Ромулом. 2. А царь в досаде на помеху и в гневе на Невия попытался представить его умение как ничего не значащее, будто бы тот лишь хвастает и не говорит ничего истинного. Придумав это, он вызывает Невия к помосту, когда на Форуме собралась большая толпа. И поговорив до этого со своим окружением, каким способом он сумеет выставить птицегадателя лжепрорицателем, когда тот появился, он принял его с дружескими приветствиями и сказал: «Сейчас удобное время для того, чтобы ты показал нам основательность своего прорицательского умения, Невий. Ибо я задумал взяться за великое предприятие и хочу знать, есть ли возможность для его осуществления. Сейчас удались, а когда проведешь гадание, возвращайся скорее, я же буду ждать тебя, сидя здесь». 3. Птицегадатель сделал то, что ему приказали, и спустя немного времени вернулся с известиями, что знамения он получил благоприятные и объявляя, что дело возможно. Тарквиний же, рассмеявшись при этих словах, вытащил из-за пазухи бритву и точило и говорит ему: «Ты пойман, Невий, на том, что морочишь нас и явно наговариваешь на божество, потому что дерзнул сказать, будто возможны невозможные дела. Ведь я-то загадывал о том, смогу ли разрубить бритвой точило

¹⁰⁰ То, что в Риме в этот период была известна письменность, свидетельствуют как Плутарх, повествуя о книгах, положенных в гроб Нумы (*Плутарх*. Нума. XXII), так и Ливий, говоря о считывании фециалами текстов договоров с военных табличек (*Ливий*. I. 24. 7), а также о белых досках с текстами Нумовых законов, которые выставил на Форуме Анк Марций (*Ливий*. I. 32. 2). Письму в Габиях учились Ромул и Рем (*Плутарх*. Ромул. VI). Новые эпиграфические данные подтверждают в этом традицию.

¹⁰¹ Авгурация существовала и до основания Рима. Возможно, Атт Навий принадлежал к числу родовых авгуров, не вошедших в созданную позже общеримскую коллегию.

¹⁰² Об этом см.: *Ливий*. I. 36. 2.

на куски»¹⁰³. 4. И хотя столпившиеся в круг помоста в один голос начали смеяться, Невий, ничуть не смущенный насмешками и гамом, отвечивал: «Смело ударь, Тарквиний, по точилу, как и решил: ведь оно будет разбито, или я готов претерпеть все, что угодно». И царь, изумившись смелости предсказания, ударяет бритвой по точилу, и острое железной бритвы, пройдя сквозь весь камень, не только расщепляет точило, но даже частично разрезает державшую его руку. 5. Тотчас же все при виде такого невероятного и удивительного явления от потрясения подняли крик, а Тарквиний, пристыженный испытанием умения Невия и желая загладить непристойность своих упреков, прежде всего отказался от всяких нововведений относительно триб, а, кроме того, решил и к самому Невию выказать почтение, как к тому, кого боги возлюбили сильнее всех людей. Он всяческими изъявлениями благоприятствия привлек его к себе и, чтобы память о нем навеки сохранилась у потомков, повелев соорудить его медную статую и установить ее на Форуме¹⁰⁴. Она и при мне еще сохранилась — поменьше человеческого роста, с повязкой на голове¹⁰⁵ — и стояла перед Курией близ священной смоковницы¹⁰⁶. А чуть поодаль от нее, говорят, были спрятаны точило под землей, а бритва — под каким-то алтарем. И место это зовется у римлян Фреар¹⁰⁷. Вот что сохранила память об этом прорицателе.

LXXII. Царь Тарквиний, уже на склоне лет оставивший ратные труды — ведь было ему восемьдесят лет, — погибает, коварно убиенный сыновьями Анка Марция. Они и раньше пытались отстранить его от власти и неоднократно предпринимали такие усилия в надежде, что, если он будет свергнут, правление перейдет к ним, поскольку-де оно принадлежит им как отцовское наследие и достаточно легко будет дано им согражданами. 2. Но так как они обманулись в своих надеждах, то у них родился против него хитрый замысел, которому божество все же не позволило остаться безнаказанным. И я поведаю о способе осуществления этого замысла, начав с самых первых их попыток. 3. Тот самый великий прорицатель Невий, который, как я сказал, некогда воспрепятствовал тому, чтобы царь увеличил число триб, когда он особенно выдвинулся вследствие своего искусства и стал самым влиятельным из всех римлян, внезапно исчез, то ли по причине зависти какого-нибудь соперника, то ли из-за злого умысла врага, а может, какого иного бедствия; и никто из близких не мог ни об участи его догадаться, ни тела его отыскать. 4. И в то время как народ печал-

¹⁰³ См. также: *Ливий*. I. 36. 3–4.

¹⁰⁴ Статуя стоит «...там, где это случилось, на Комиции, на самых ступенях по левую руку от Курии. И камень, говорят, был положен на том же самом месте...» (*Ливий*. I. 36. 5).

¹⁰⁵ Речь идет об обычае покрывать голову во время священных обрядов кроме жертвоприношений Сатурну (*Плутарх*. Римские вопросы. 11).

¹⁰⁶ Руминальская смоковница, около которой, согласно традиции, Фаустул нашел Ромула и Рема, сосущих сосцы волчицы (*Плутарх*. Ромул. IV).

¹⁰⁷ Дионисий дает греческое слово, соответствующее латинскому puteal (буквально — огражденное место, в том числе — ограда колодца, лат. puteus — колодец).

дился, тяжело воспринимал случившееся и питал подозрения против многих, сыновья Марция, ощутив настроение толпы, начали возводить поклеп за святотатство на царя Тарквиния. Но поскольку они не могли привести никакого свидетельства в поддержку своей клеветы, то ссылались на два таких соображения: во-первых, царь замыслил много нововведений, что противоречили законам, касающимся государственного устройства, и решил убрать с дороги того, кто не соглашался с этим, как случалось и раньше; а во-вторых, когда произошло ужасное несчастье с Невием, царь не принял никаких розысков, но пренебрег происшедшим, чего не сделал бы никто, кто был бы невиновен в злодеянии. 5. Собрав вокруг себя крупные шайки сподвижников из числа как патрициев, так и плебеев, которым они расточали свое имущество, и возводя страшные обвинения на Тарквиния, они убеждали народ не допускать, чтобы запятнавший себя муж простирали руки к священнодействиям и осквернял достоинство сана, и что все это он делает, будучи не римлянином, но пришлым и не имеющим родины. 6. Разглаговльствуя обо всем этом на Форуме, мужи дерзкие и не без способностей к ораторству многих из простонародья подстрекали к тому, чтобы они царя, который пришел сюда ради оправдания, попытались изгнать, потому что он, дескать, не чист; но они не были в состоянии побороть истину и не смогли возбудить народ к тому, чтобы сбросить царя и лишиться его власти. 7. А когда царь убедительнейше защищался и отверг облыжное обвинение, а зять его Туллий, кому отдана была одна из его дочерей и кто пользовался величайшим уважением у народа, возбудил в римлянах сострадание, сыновей Анка посчитали лжедоносчиками и низкими людьми, поэтому они с величайшим позором удалились с Форума.

LXXIII. Потерпев неудачу при этой попытке и изыскивая с помощью своих друзей возможность примирения от вражды, — тем более что Тарквиний стойко переносил их необдуманные поступки из-за доброго отношения к себе их отца и предполагал серьезную перемену в образе их мыслей в качестве оправдания их опрометчивого поведения, — братья в течение трех лет поддерживали видимость дружбы. А когда они почувствовали, что наступило подходящее время, замыслили для него такую ловушку. 2. Двух юношей, самых дерзких из заговорщиков¹⁰⁸, одетых в пастушеское платье и вооруженных плотницкими топорами, они среди бела дня отправляют к жилищу царя, подучив их, что нужно говорить и что делать, и наставив, каким образом совершить нападение. Те, приблизившись к царскому дворцу, принялись бранить друг друга, будто бы претерпев какую-то несправедливость; и не удержавшись от рукопашной, громкими криками зывали к помощи царя — а рядом тем временем появилось много заговорщиков, которые были по-деревенски грубы в словах и ругались одновременно с обоими, каждая сторона свидетельствуя в пользу своего. 3. И когда царь призвал их и приказал изложить, из-за чего они ссорятся, они ссылались на то, что спорят из-за коз, но так как они вопили все сразу и оправ-

¹⁰⁸ По Ливию, это просто пастухи из числа приверженцев сыновей Анка Марция (Ливий. I. 40. 5).

дывались по-деревенски грубо, ничего по существу не сообщая, то возбудили у всех присутствующих веселый смех. И поскольку на них перестали обращать внимание, что давало, как им казалось, удобный случай для нападения, они стали наносить удары царю по голове своими топорами, после чего побежали к воротам. 4. Но при этом злодеянии поднялся крик и со всех сторон сбежались на помощь люди, так что им не удалось убежать и их захватили преследователи. После этого, изуродованные пытками, они были принуждены назвать руководителей заговора и со временем получили заслуженную ими кару.

Книга IV

Рассказ о происхождении Туллия, наследника Тарквиния Древнего — Приобретение Туллием царской власти — Раздел римской территории на части. Установление ценза податей — Устройство войска — Государственный порядок, установленный Туллием — Усиление политического единения — Соединение всех полисов, живущих по соседству. Установление законов об их отношениях между собой — Отпадение от Рима городов, передавших ранее власть Тарквинию. Двадцатилетняя война с ними — Прекращение войны. Признание городами власти римлян над собою — Заговор против Туллия. Тарквиний Гордый не достигает успеха — Смерть Туллия — Правление над римлянами принимает Луций Тарквиний — Разрушение и уничтожение Тарквинием обычаев, законов и всего местного порядка, которыми предыдущие цари упорядочили полис — Учреждение общей святыни, и римлян, и латинов, и герников, и вольсков, внесенных в списки союза — Упрочение власти Тарквиния — Многочисленные войны римлян с пограничными областями — Война против габийцев — Знамена и толкования их — Ниспровержение Тарквиния — Совещание по обсуждению вопроса, каким будет правление в общине — Утверждение народом власти. Упразднение царского правления в государстве

1. Итак, царь Тарквиний, став источником немалых и притом значительных благ для римлян, обладая властью тридцать восемь лет, обретает такой конец, оставив после себя двух внуков и двух дочерей, уже замужних. Наследником же власти становится зять его Туллий в четвертый год пятидесятой Олимпиады¹, на которой в беге на стадий победил эпителидец Лакон, а в Афинах был архонтом Архестратид. Теперь настало время сказать о том, что я оставил поначалу, а именно, от каких родителей он происходил и какие совершил деяния, будучи еще частным лицом, прежде чем достичь царской власти. 2. Рассказ же о происхождении его, с которым я совершенно согласен, таков. В Корникуле², городе латинского племени жил некий человек царского рода по имени Туллий, женатый на Окрисии, прекраснейшей и разумнейшей из всех корникульских женщин. После того как римляне захватили его город, этот самый Туллий в сражении с ними погибает, а Окрисию, которая ждала ребенка и которую отделили от прочей добычи, берет царь Тарквиний и отдает в дар своей жене. Та же, узнав все о своей рабыне, спустя некоторое время отпускает ее на свободу и любит и почитает ее более всех женщин. 3. У этой Окрисии, еще в бытность ее рабыней, рождается ребенок, которому, когда он вырос, мать дает по отцу соответственное родовое имя Туллий, а общеупотребительное, т.е. личное, Сервий — по собственной участи, потому что родила она его будучи рабыней. Сервий на эллинский язык можно было бы перевести как «Рабский»³.

II. В местных записях передается еще и другой рассказ, который возводит к мифу то, что говорится о Туллии, он содержится во многих римских исторических сочинениях. Я нашел, что о нем говорят, будто он был любимцем богов и божеств. В этих сочинениях сказано, что в царском жилище из домашнего очага, на котором римляне посвящают отборные кусочки пищи и исполняют другие священные обряды, над огнем поднялся мужской детородный орган, и что Окрисия, неся обычные жертвенные пироги к огню, первой увидела его и сразу пришла к царским особам, чтобы рассказать об этом, 2. и что Тарквиний, услышав это и после увидев знамения, пришел в изумление. А Танаквиль, будучи не только мудрой в остальном прочем, но и, конечно, знающая все, что относится к прорицаниям, получше любого тиррена, объяснила ему, что порождению царского очага суждено стать сильнее человеческой природы из совокупления женщины с видением. И когда то же самое проявилось и в остальных знаменьях, царь решил, чтобы Окрисия, которой первой явилось чудо, вступила с ним в связь. После этого женщину, украшенную так, как велит обычай украшать тех, кто выходит замуж, запирают одну в помещении, в котором видели знамение. 3. Когда в связь с ней вступил кто-то из богов или божеств, Вулкан⁴, как

¹ Согласно Дионисию, в 577 г. до н.э.

² Корникул — см. примеч. 73 к кн. III.

³ От латинского слова *servus* (раб).

⁴ Гефест — в греческой мифологии бог огня и кузнечного дела; в римской мифологии ему соответствует Вулкан.

считают некоторые, или хранитель жилища, и после совокупления исчез, она забременела и в надлежащие сроки родила Туллия. Это повествование, которое кажется чем-то не вполне достойным доверия, делает менее неправдоподобным другой божественный промысел, связанный с этим человеком, удивительный и необычный.

4. Так, однажды, когда Туллий уснул днем во внутреннем портике царского дворца, вокруг его головы вспыхнул огонь, и мать его, и жена царя, проходя через покой, и все, кто оказался тогда вместе с женщинами, увидели, что пламя⁵, осветившее всю его голову, держалось все время, пока рядом не встала подбежавшая к нему мать и не разбудила его, тогда пламя, рассеявшись вместе со сном, исчезло. Вот что рассказывают о его происхождении.

III. Действительно достойно рассказа то, что он совершил, прежде чем стал царствовать, из-за чего и Тарквиний восхищался им, и народ римлян посчитал, что он заслуживает чести унаследовать царство. Так, Туллий отроком в первом же военном походе, который Тарквиний предпринял против тирренов, служил в коннице и так отменно сражался, что сразу же прославился и первым из всех получил награду за доблесть. Потом, когда начался второй поход против того же народа и произошла тяжелая битва у города Эрета⁶, он, явив себя самым мужественным из всех, снова получил от царя в награду за доблесть венки. 2. Когда ему исполнилось примерно двадцать лет, он был назначен командиром союзного войска, которое прислали латины, и принес царю Тарквинию господство над тирренами. И в первой войне, завязавшейся с сабинянами, назначенный начальником конницы, он обратил в бегство вражеских всадников и, преследуя их вплоть до города Антемны⁷, получил и после этой битвы награду за доблесть. Участвуя в других многочисленных битвах с этим же самым народом, во главе то всадников, то пеших воинов, во всех них он проявил себя человеком храбрейшего духа и всегда награждался первым из всех. 3. И когда сабинский народ подчинился римлянам, став им подвластным и вручив их власти свои города, Сервий, по мнению Тарквиния, был главным виновником и этого господства и был увенчан царем победными венками. Кроме того, он был весьма рассудительным в государственных делах и не уступал никому в том, чтобы свое мнение выразить словами, и прекрасно мог приспособиться ко всем поворотам судьбы и к любому лицу. 4. Вследствие этого римляне, проведя голосование, удостоили перевести его из плебеев в патриции, точно так же как и ранее Тарквиния, а еще

⁵ У Тита Ливия говорится лишь о том, что у спящего мальчика Сервия Туллия на глазах у всех вокруг головы запылал огонь, что, по мнению Танахвиль, было знаком его высокого предназначения (*Ливий*. I. 39. 1-3). Данный пассаж Дионисия, как и рассказ о битве Горациев и Куриациев, может свидетельствовать о его знакомстве с альбано-латинской версией традиции о ранней истории Рима.

⁶ Об Эрете см. примеч. 30 к кн. III.

⁷ Антемны — городок в непосредственной близости от Рима, расположенный к северу от него. Антемнаты были среди тех, кто пытался отомстить Ромулу за похищение сабинских девушек (*Ливий*. I. 10. 2-3), а потом Антемны были взяты Ромулом (*Ливий*. I. 11. 1-2).

раньше Нуму Помпилия; а царь сделал его зятем, дав в жены вторую дочь, и все дела, что он из-за болезней или старости не мог исполнять, еще при жизни стал поручать ему, не только доверив собственный дом, но и решив, что тот достоин управлять общественными делами города. Во всем этом он обнаружил верность и справедливость, и члены римской общины совсем не думали о том, кто, Тарквиний или Туллий, заботится об общественном благе: так они были к обоим привязаны за их добрые деяния.

IV. В самом деле, сей муж, наделенный природой, вполне подходящей для верховенства, и получив волею случая большие возможности для того, чтобы проявить себя, когда в результате заговора, устроенного сыновьями Анка Марция, желавшими возвратить себе власть отца, умер Тарквиний, как я уже сообщал об этом, подумав, что самым ходом событий он призван на царство, и будучи человеком решительным, не упустил из рук удобного момента. 2. Та, кто подготовила для него высшую власть и стала основой всего доброго в его жизни, была вдова умершего царя, которая и просто помогала собственному зятю, и из многих пророчеств узнала, что сему мужу суждено судьбой царствовать над римлянами. На ее же долю выпала недавняя смерть юноши-сына, от которого остались два младенца. 3. Горюя об опустевшем доме и опасаясь, как бы Марции, захватив власть, не уничтожили детей и не истребили всю царскую родню, она сначала повелела закрыть ворота царского жилища и поставила при них стражников, приказав, чтобы никто к ним не приближался ни снаружи, ни изнутри. Потом, распорядившись всем остальным выйти из комнаты, в которой положили полумертвого Тарквиния, Окрисию, Туллия и дочь, состоявшую в браке с Туллием, оставила там и, наказав кормилицам принести детей, она и говорит им: 4. «Тарквиний, наш царь, о Туллий, от которого ты получишь и пропитание, и воспитание, ценя тебя больше всех друзей и родственников, пострадав от нечестивых деяний, до конца выполнил то, что определено ему судьбой, и не только ничего из частных дел не устроил, но и об общих государственных делах не позаботился, даже приласкать кого-либо из нас и явить свою последнюю волю не смог. Он оставляет после себя одиноких и осиротелых, поэтому несчастных детей, жизнь которых подвергается немалой опасности: ведь если Марциям, которые убили деда их, будет принадлежать управление государством, дети ужасным образом погибнут от их рук. И если те, кто убил царя, завладеют властью, ваша жизнь не будет безопасной, потому что вам Тарквиний дал в жены дочерей, пренебрегши ими, а также жизнь остальных друзей и родственников его, и нас, несчастных женщин: всех нас явно и тайно они постараются уничтожить. 5. Итак, принимая все это в расчет, нам необходимо не взирать на то, как его убийцы, ужасные и враги для всех нас, получили бы столь великую власть, но противодействовать и помешать этому, прибегнув теперь к обману и уловкам — ведь в этом сегодня есть нужда, — а когда первый шаг нам удастся совершить так, как задумано, тогда и открыто всей силой и при оружии мы двинемся на них, если и это будет надо. Но это и не понадобится, если мы решим сегодня

делать то, что необходимо! 6. Так что же это? Прежде всего мы скроем смерть царя и скажем всем, что у него нет никакой смертельной раны, и лекари будто бы сказали, что через несколько дней он выздоровеет; потом я, выйдя, открыто скажу также, будто Тарквиний мне поручил сообщить, что он назначает управителем и хранителем всех своих частных и общественных дел, пока он сам не залечит раны, второго из своих зятьев, назвав твое, Туллий, имя, и оно не встретит возражений у римлян, которые предпочтут, чтобы государством управлял ты, который и раньше часто им правил. 7. Когда же мы предотвратим текущую опасность, сообщив, что жизнь царя вне угрозы, — ты, приняв ликторские фасции и военную власть⁸, созови членов сената и оповести народ о попытке убить Тарквиния, начав речь с детей Марция, и назначь им суд. Покарав же их всех смертью, если народ примет такой приговор, а если он отвергнет это решение, что, я полагаю, они скорее всего сделают, то пожизненным изгнанием и лишением имущества, устанавливая затем все, что касается власти, завоеывая толпу ласковым обхождением и человеколюбием, а также заботясь о том, чтобы не было никакой несправедливости, и привлекая к себе неимущих граждан разного рода благодеяниями и дарами. Потом, когда мы поймем, что наступило подходящее время, мы объявим, что Тарквиний скончался и открыто похороним его. 8. Что до тебя, Туллий, то ты вскормлен и воспитан нами, приобщен ко всем благам, которые сыновья получают от матери и от отца, и живешь в браке с дочерью нашей, а если еще станешь и царем римлян, потому что и в этом я тебе помогу, то стань по-отечески благосклонен к находящимся здесь детям, а когда они повзрослеют и станут достаточно способными к занятию государственными делами, старшего из них назначь правителем римлян».

V. Сказав это, она каждого из детей передала в руки зятя и дочери, вызвав глубокое сострадание обоих. Когда наступило подходящее время, она вышла из спальни и обратилась к домочадцам, чтобы они подготовили все необходимое для лечения и созвали лекарей. Выждав ночь, на следующий день, когда большая толпа сбежалась к царскому жилищу, она подошла к окошку, выходящему на улочку перед воротами, и сначала поведала присутствующим о тех, кто замышлял убийство царя, и представила связанными тех, кого они отправили для свершения этого дела. 2. Потом, увидев, что многие оплакивают несчастье и проникаются ненавистью к тем, кто это сделал, она заявляет, что у них в конце концов не вышло ничего из нечестивых замыслов, так как они не смогли убить Тарквиния. Когда все возрадовались этому известию, она представляет им Туллия как назначенного царем управлять всеми частными и общественными делами, пока сам царь не выздоровеет. 3. Народ же расходится в ликовании, что с царем не произошло ничего ужасного, и долгое время остается при таком мнении. А Туллий с изрядным отрядом впереди себя и в сопровождении царских ликторов вступил на Форум и через глашатаев огласил повеление Марциям

⁸ Речь идет о принятии Сервием Туллем знаков царского достоинства. Ср.: *Дионисий*. III. 62. 1.

прийти выслушать приговор. Так как они не подчинились, он через глашатаев известил их о позорном изгнании⁹ и, передав их имущество в общественную казну, уже прочно стал держать власть Тарквиния в своих руках.

VI. Я хочу, прервав ход повествования, изложить основания, по которым я не согласился с Фабием¹⁰ и с остальными историками, которые пишут, что оставленные Тарквинием дети были его сыновьями, чтобы кто-либо из тех, кто натолкнется на эти исторические сочинения, не принял бы за мою небрежность то, что я написал не «сыновья», но «внуки» его. Ведь пишущие о них рассказывают эту историю совершенно необдуманно и легкомысленно, не проверив ничего из невозможного и необычайного, что перечеркивает ее. 2. Тарквиний переселился из Тиррении, собрав весь свой дом, в полном расцвете лет. Ведь передают, что он был достойным и заниматься государственной деятельностью, и иметь власть, и вершить общественные дела и что он оттуда ушел из-за того, что не пользовался в государстве никаким почетом. 3. Кто-то другой считает, будто он был в возрасте, по меньшей мере, тридцати лет, когда покинул Тиррению: ведь именно с этих лет законы призывают тех, кто стремится управлять и вести общие дела. Я же считаю, что он был еще на пять лет моложе, и сказал бы, что он переселился в возрасте двадцати пяти лет, а в том, что он привел с собой жену-тирренку, на которой женился, когда еще был жив его отец, согласны все, кто пишет римскую историю. 4. Появляется он в Риме, когда царем был Анк Марций, в первый год его царствования, как повествует Геллий¹¹, а как пишет Лициний¹² — в восьмой. Пусть он пришел в тот год, о котором пишет Лициний, и не раньше. В самом деле он не мог бы появиться в более позднее время, если на девятый год своего царствования Анк отправил его начальником конницы на войну против латинов, как говорят и те и другие писатели. Если же он прибыл в Рим в возрасте не более двадцати пяти лет, а царю стал другом в восьмой год его правления, то семнадцать остальных лет он жил при нем: ведь Анк царствовал двадцать четыре года. А Тарквиний обладал царской властью тридцать восемь лет, как повествуют все, и он должен был быть восьмидесяти лет, когда умер. Ибо такое число получается из сложения годов. 5. А если жена была на пять лет моложе его, что правдоподобно, то ей исполнилось бы в действительности семьдесят пять лет, когда скончался Тарквиний. Если же самого младшего из сыновей, последнего, она родила пятидесяти лет — далее этого времени ведь женщина уже не рождает, есть такой предел для деторождения, как пишут те, кто это исследовал, — этот сын, таким образом, был бы в возрасте не менее двадцати пяти лет во время смерти отца, а старший,

⁹ Согласно Ливию, Марции были изгнаны в Суэссу Помецию (*Ливий*. I. 41. 7), город, принадлежавший вольскам.

¹⁰ Квинт Фабий Пиктор — см. примеч. 14 к кн. I.

¹¹ Гней Геллий — см. примеч. 18 к кн. I.

¹² Гай Лициний Макр, — см. примеч. 16 к кн. I.

Луций, — не менее двадцати семи лет. Следовательно, Тарквиний не оставил после себя малолетних сыновей, рожденных от этой жены. 6. Ну так вот, если сыновья были уже взрослыми во время кончины их отца, не была же их мать столь жалкой и безумной, чтобы отнять у своих детей ту власть, которую им оставил отец, и облагодетельствовать все же чужака, рожденного от рабыни. И сами сыновья, лишенные отцовской власти, не перенесли бы легко и просто несправедливость, находясь в цветущем возрасте, позволяющем и говорить и действовать; да и Туллий, рожденный от матери-рабыни, не был более благородного происхождения, чем они, и в возрасте имел не слишком большое преимущество, будучи лишь тремя годами старше одного из них, так что они по собственной воле не уступили бы ему царскую власть.

VII. Это дело отличается какими-то другими странностями, о которых было неизвестно тем, кто писал римскую историю, за исключением одного, имя которого я назову немного позже. Ведь рассказывают, что после смерти Тарквиния Туллий, приняв на себя царскую власть, владел ею в течение сорока четырех лет, так что, если во время лишения власти старшему из Тарквиниев-потомков исполнилось двадцать семь лет, то, когда он убил Туллия, ему было более семидесяти лет. 2. Но историки сообщили, что он находился тогда в наилучшем возрасте, и, говорят, что он, вынеся Туллия из здания сената наружу, кинул его вниз с высоты. Свергли же самого Тарквиния на двадцать пятый год после этих событий, в тот самый год, когда он, отправляясь в поход, начал войну против ардеатов и вершил все дела самолично: а ведь не было случая, чтобы люди участвовали в войнах, прожив девяносто шесть лет. 3. И после лишения власти он еще не менее четырнадцати лет воевал с римлянами и, как говорят, участвовал в общественных делах, что противоречит общему мнению. И срок его жизни оказывается таким, будто он прожил более ста десяти лет, а о таком долголетии не сообщают и современные нам записи. 4. Некоторые римские историки, понимая, что это нелепо, попытались разрешить несурязицу с помощью других нелепиц, делая не Танакиль матерью Тарквиниевых детей, но какую-то Геганию, о которой не осталось никаких сведений. И опять тут появляются неподобающий возрасту брак Тарквиния, только что перешагнувшего восьмидесятилетний рубеж, и невероятность рождения детей у людей столь преклонного возраста. А ведь он не был бездетным, чтобы всей душой желать детей, но имел двух дочерей и они уже были отданы замуж. 5. Размышляя над каждым из этих невероятных и странных сообщений, я и пишу, что дети были не сыновьями Тарквиния, но внуками, согласившись в этом с Луцием Пизоном Фруги¹³. Ведь он единственный написал в работе, где погодно изложил события истории, что в действительности дети были внуками царю, но он усыновил их, и это стало причиной ошибки у всех прочих, кто писал римскую историю. После того как об этом сказано, время продолжить повествование.

¹³ Луций Кальпурний — см. примеч. 19 к кн. I.

VIII. Когда же, приняв на себя заботу о царстве и изгнав приверженцев Марциев, Туллий посчитал, что уже прочно владеет властью, он царя Тарквиния, будто бы тот недавно скончался от ран, почти пышными похоронами, сооружением памятника с надписью и прочими знаками уважения и в то же время, будучи попечителем детей из царского рода, вел их частные дела, как и общие дела полиса, с заботой и осторожностью. 2. Для патрициев происходящее, однако, не было в радость, напротив они испытывали негодование и с трудом Туллия переносили, считая неправильным, что он сам как-то приобрел для себя царскую власть, при том что ни сенат не голосовал, ни все остальное не было проведено согласно закону¹⁴. И частенько наиболее влиятельные из них, собираясь, заводили разговоры промеж себя о свержении незаконной власти и полагали, что как только их соберет в сенат Туллий, то они бы вынудили сего мужа сложить фасции и остальные знаки власти; когда же это случится, надо будет назначить тех, кого называют междуцарями, и посредством их избрать того, кто будет править городом на основании законов. 3. Туллий, проведая про их расчеты обратился к увещиванию народа и услуживанию бедным гражданам, с помощью которых он надеялся удержать власть, и, созвав плебеев на народное собрание, он поставил перед трибуналом¹⁵ также детей и произнес такую вот речь:

IX. «Возникла, граждане, серьезная необходимость в том, чтобы мне позаботиться об этих малых детях. Ведь Тарквиний, их дед, принял меня, не имеющего отца и отчизны, кормил, ставя не ниже кого-либо из детей своих, вторую из дочерей дал мне в жены и в течение всей своей жизни продолжал почитать меня и любить, будто я родился от него, как вы это знаете. И так как ему выпала участь пасть жертвой коварного заговора, он доверил мне заботу о детях, если с ним случится то, что уготовано людям. 2. Итак, кто же сочтет меня незапятнанным перед богами и справедливым перед людьми, если я оставлю и предам сирот, которых обязан так сильно благодарить? Но я не предаю доверие ко мне и не оставлю одинокими детей, насколько мне хватит сил. Но будьте справедливы и вы, помните о благодеяниях, которыми дед их облагодетельствовал общину, подчинив вам те грады латинские, которые вели спор с вами из-за власти, покорив всех тирре-нов, наиболее могущественных из всех окрестных народов, и принудив народ сабинский покориться вам, и все это совершив в условиях бесчисленных и тяжелых опасностей. 3. Так вот, когда он был жив, вам подобало воздавать ему благодарность за благодеяния, а когда он окончил жизнь — вернуть в ответ должное родственникам его и не хоронить вместе с останками бла-

¹⁴ Это значит — без назначения сенатом интеррекссов, без избрания царя народом в собрании и без утверждения сенаторами этого выбора. См.: *Ливий*. I. 22. 1; 32. 1. Дионисий же почти ничего не говорит о «протоколе» вступления на царство, видимо, не будучи знаком с этой обрядностью. Правда, по сообщению Ливия, Сервий Туллий позже запросил народ о своем царствовании, и народ провозгласил его царем (*Ливий*. I. 46. 1).

¹⁵ Трибунал — возвышение, на котором восседали должностные лица.

годетелей память об их деяниях. Примите же решение о том, что вы все вместе остаетесь опекунами детей и упрочьте для них ту власть, которую оставил дед. Ведь им не столько пользы от одного покровительства, сколько от защиты со стороны вас всех вместе взятых. 4. Я был вынужден сказать это, чувствуя, что некоторые объединяются против них и желают передать власть другим. Полагаю, что вы, римские мужи, помня о моих сражениях, которые я вел за обретение первенства Рима — а они были не ничтожны и не малочисленны, — о них, я думаю, нечего говорить вам, знающим все это, воздадите этим детям причитающуюся мне за эти сражения благодарность. Ведь я предпочитал не личную власть для самого себя (которой, пожелай я ее получить, достоин не меньше кого бы то ни было), а стараюсь помогать роду Тарквиния и вершить дела на благо общества. 5. Я предстаю перед вами просителем не оставить сирот теперь, когда они подвергаются опасности из-за власти, ведь, если первая попытка их врагов удастся так, как ими задумано, дети будут изгнаны из города. Но поскольку вы узнали об этом и сделаете, что нужно, я думаю, нечего больше тут рассуждать. Услышите же от меня о том, что я приготовил сам во благо вам и ради чего я созвал народное собрание. 6. Тем из вас, кто уже будучи должником в силу своей бедности не может вернуть долги, я хочу помочь, поскольку они — сограждане и изведали великие тяготы ради отечества; так вот, чтобы не лишиться личной свободы те, кто упрочил нашу общую свободу, я даю собственные средства для освобождения их от кабалы. 7. А в отношении тех, кто впредь будет брать взаймы, я не позволю, чтобы их уводили в рабство за долги, и установлю закон, дабы никто не ссужал в долг за свободу человека, полагая, что достаточно для кредиторов иметь власть над имуществом тех, кто заключил сделку. А чтобы поступающие в собственную казну налоги, которые обременяют бедняков и вынуждают влезать в долги, вы в будущем переносили бы легче, я прикажу всем оценить имущество и каждому вносить то, что ему следует, как, я узнал, происходит в величайших и хорошо управляемых государствах. Ибо я уверен, что справедливо и на пользу обществу, чтобы те, кто владеет многим, много и вносили бы в казну, а те, кто имеет мало, и платили бы мало. 8. Мне кажется правильным, чтобы и общенародной землей, которую вы имеете, обретя ее с помощью оружия, владели бы не самые бесстыдные, как теперь, получив ее в дар или купив ее, а те из вас, кто не имеет ни единого клочка земли, чтобы вы не поденщиками работали, будучи свободными, и обрабатывали не чужие владения, но собственные: ведь благородный дух не родится у людей, нуждающихся ежедневно в самом необходимом. 9. А кроме всего этого я решил сделать права гражданства равными для всех и справедливость во всем одинаковую для всех. Ведь некоторые дошли до такой степени высокомерия, что считают возможным держаться надменно с простолюдинами и не считать свободными тех из вас, кто беден. А чтобы люди более высокого положения в обществе получали правосудие и подвергались наказанию наравне с людьми более низкого положения, я установлю законы, препятствующие насилию и защищающие справедливость, и сам никогда не прекращу заботиться о равноравии для всех».

Х. После таких слов в народном собрании возникло шумное одобрение: у одних — за его верность и справедливость по отношению к благодетелям, у других — за человеколюбие и благородство к бедным, у третьих же за то, что он воздержан и дружески относится к людям самого низкого происхождения, а у всех вместе с любовью и восхищением за то, что он законопослушный и справедливый правитель. 2. После роспуска народного собрания в последующие дни Туллий приказал переписать должников, которые не могли сдержать слово и вернуть долг, с указанием, кому и сколько они были должны; когда же он получил список, то, велев поставить на Форуме стол, на глазах у всех подсчитал долги кредиторам. 3. Покончив с этим, он оглашает царское распоряжение, чтобы с общенародной земли ушли те, кто пользуется ею и держит ее в личном владении в течение определенного времени, и чтобы те из граждан, кто вообще не имеет надела, подали ему письменно сведения о себе. И он записал законы, возобновив некоторые из числа древних, введенных еще Ромулом и Нумой Помпилием, которыми пренебрегали, а другие составив сам. 4. То, что он таким образом управлял государством, патриции воспринимали враждебно, видя, что рушится власть сената, и стали вынашивать замыслы, но не те же самые, а противоположные прежним. 5. Ведь ранее они стремились отнять у него незаконную власть, назначить междуцарей и при их посредстве выбрать того, кто будет иметь власть на основании закона. Теперь же они думали, что нужно довольствоваться тем, что есть, и ничего не предпринимать. Так как они считали, что, если сенат поставит во главе дел того, кого сам выбрал, народ при подаче голосов, выступит против; если же они предоставят выбор царя народу, то все курии проголосуют за Туллия, и о нем сложится мнение, что он правит по закону. Патрициям показалось более полезным, чтоб этот муж являлся человеком, крадущим власть и обманывающим граждан, что это лучше, чем если б он обладал ею, уговорив граждан и получив ее открыто. 6. Но ничего из того, на что они рассчитывали к своей выгоде, у них не вышло: вот так Туллий перехитрил их и стал обладателем царской власти против их желания. Дело в том, что он заранее озаботился тем, чтобы распространять по городу слух, будто патриции строят ему козни, и вышел на Форум в грязной одежде и преисполненный печали, сопровождаемый своей матерью Окрисией, вдовой Тарквиния Танаквиль и всей царской родней. Поскольку на неожиданное зрелище стеклась огромная толпа, он созвал народное собрание, взошел на трибунал и произнес вот такую примерно речь:

XI. «Мне приходится опасаться уже не только за детей Тарквиния, как бы они не претерпели чего ужасного от врагов, но меня охватывает страх и за самого себя, как бы я не получил горькую расплату за свою справедливость. Ведь против меня злоумышляют патриции, и мне доносят, что некоторые из них составили заговор с целью убить меня, не имея возможности обвинять меня ни в каком — ни в большем ни в малом — преступлении, они удручены и возмущены тем, что я уже сделал на благо народа и что еще приготовился сделать. 2. Кредиторы сердиты на то, что я не

позволил им бедных из вашего числа бросать в тюрьму и лишать за долги свободы; а те, кто захватил народную землю и овладел тем, что вы добыли своею кровью, возмущены необходимостью оставить ее, как если бы у них отбирали отцовское имущество, а не возвращали чужое; а освобожденные от военного налога недовольны тем, что их вынудили оценить имущество и в соответствии с оценкой вносить налог; а все вместе — тем, что их хотят приучить жить по законам, воздавая вам справедливость и получая ее на равных, и что они не смогут кроме того пользоваться бедняками, будто купленными за деньги рабами, как они поступают сейчас. 3. И патриции, собрав все эти обвинения воедино, посоветовались и составили заговор, с тем чтобы возвратить изгнанников и передать царскую власть детям Марция, а ведь вы же вынесли постановление лишить их огня и воды за убийство Тарквиния, вашего царя, человека полезного и любящего свое отечество, и совершив столь великое преступление, они избежали заочно вынесенного приговора и наказали сами себя изгнанием¹⁶. И враги мои намеревались, если бы донос, сделанный мне об этом, не упредил их, с помощью чужеземного войска возвратить изгнанников среди ночи в город. 4. Все, что произойдет за этим, очевидно, даже если бы я ничего не сказал, а именно, что Марции объединившись с патрициями, без труда овладеют государством, а так как в своей природе имеют много дикого и тиранического, они сначала захотят схватить меня, защитника царей и вершителя правосудия над ними, а затем убить этих детей и всех остальных родственников и друзей Тарквиния, жен же наших, матерей, дочерей и всю женскую родню сделать рабынями. 5. Если же и вам по сердцу, сограждане, возвратить убийц и избрать их царями, а детей благодетелей изгнать и лишить власти, оставленной им дедом, мы стерпим эту участь. Но ради всех богов и божеств, которые следят за человеческой жизнью, мы все вместе с женами и детьми, представ просителями перед вами, во имя того многого, что ваш благодетель Тарквиний, дед этих детей, вам предоставил, и того многого, в чем я и сам по мере моих сил оказался вам полезным, желаем, чтобы вы дали нам единственный дар — прояснить вашу собственную волю. 6. Если же вы решите, что кто-то иной, нежели мы, более заслуживает такой награды, то дети и остальная родня Тарквиния уйдут из оставленного вам города. Я же приму относительно себя самого другое, более благоразумное, решение. Ведь я уже достаточно пожил, и с доблестью, и со славой, и я не считаю для себя достойным с позором жить среди каких-то других людей, обмануться в вашей любви, которую я предпочитаю всем прочим благам. Заберите же ликторские фации и отдайте их, если желаете, патрициям: я же не буду беспокоить вас своим присутствием».

XII. После того как он это сказал и готов был сойти с трибунала, раздался единодушный неудержимый вопль, и посыпались мольбы вперемешку со слезами, чтобы

¹⁶ Дионисий допускает неточность, так как пишет выше (IV. 5. 3), что наказание юным Марциям как раз и состояло в изгнании.

он остался и правил, не опасаясь никого. А затем некоторые, расставленные по его плану на Форуме, подняли крик, — избрать его на царство и требовали собрать курии и провести голосование. Вслед за тем, как они показали пример, весь народ тотчас пришел к такому же мнению. 2. Туллий, узнав об этом, не стал уже дожидаться надлежащего срока, но, сказав, что он чувствует к ним сердечную благодарность за то, что они помнят его благодеяния, и пообещав, что сотворит еще больше добра, если они его выберут царем, назначил день для выборов и наказал, чтобы в этот день все люди с полей присутствовали здесь. 3. Когда народ собрался, он вызвал курии подать голоса каждую по отдельности. Так как всеми куриями было определено, что он достоин царской власти, он принял ее от народных масс, пренебрегая сенатом, объявив при этом, что не посчитал нужным, чтобы тот подтверждал решения народа, как обычно делается. Обретя таким образом царскую власть, он становится зачинателем многих других государственных нововведений и крупной приснопамятной войны с тирренами. Я же прежде всего начну рассказ о его делах по устройству государства.

XIII. Сразу же после вступления на трон Туллий разделил общественное поле среди тех римлян, кто работал поденщиком¹⁷; потом он утвердил в куриях законы о договорах и правонарушениях; а было их числом что-то около пятидесяти, из которых сейчас я не считаю нужным упомянуть ни одного. 2. К городу он присоединил два холма, один назывался Виминал¹⁸, другой — Эсквилин¹⁹, из коих каждый размером с добрый город, и поделил их территорию среди бездомных римлян для строительства жилищ. Там же и сам он в лучшем месте Эсквилина построил себе дом. 3. Этот царь последним раздвинул границы города, присоединив к пяти холмам еще два после совершения птицегаданий, как того требовал закон, и отправления прочих необходимых церемоний в честь богов. За эти пределы постройки города уже не продвинулись, потому что, как говорят, этому воспрепятствовало божество. Но вокруг города раскинулись еще населенные пригороды, многочисленные и обширные²⁰, не прикрытые и не защищенные стенами, так что подступившим врагам легко было их захватить. 4. И ежели кто-нибудь, глядя на эти пригороды, пожелает определить размеры Рима, он будет вынужденно введен в заблуждение, так как не найдет никакого точного знака, по которому можно бы проследить, до какого предела простирается город и откуда начинается то, что уже не является городом. Так город и сельская местность объединяются, и это порождает у наблюдателя впечатление, что город

¹⁷ У Ливия на этот счет есть лишь глухое упоминание о подушном разделе среди народа захваченной у врагов земли (*Ливий*. I. 46. 1).

¹⁸ Холм к востоку от Палатина.

¹⁹ Холм к северо-востоку от Палатина.

²⁰ Ливий пишет, что Сервий обвел город валом и стеной и раздвинул померий (*Ливий*. I. 44. 3). И ранее строить на померии — полосе земли по обе стороны стены — ничего не разрешалось. Впрочем, Ливий сетует, что в его время это правило уже не соблюдается (I. 44. 4).

тянется бесконечно. 5. Если же кому-нибудь вздумается сравнить Рим по длине городской стены, которую трудно отыскать из-за окружающих ее со всех сторон построек и которая хранит еще во многих местах следы древней кладки, с кольцом стен, охватывающим Афины, то окружность римской стены ему покажется ненамного большей. А о величине и красоте города, каков он в наш век, лучше будет сказать в более подходящем месте.

XIV. Когда Туллий окружил стеной семь холмов, он разделил город на четыре части, дав этим частям названия по холмам: одной — Палатинская, другой — Субуранская, третьей — Коллинская, а четвертой из частей — Эсквилинская, — тем самым он сделал так, чтобы город состоял из четырех триб, в то время как до этого имелось три трибы²¹. 2. И он предписал, чтобы люди, проживающие в каждой из четырех частей, подобно сельским жителям не меняли своего места жительства на другое и не платили подати где-нибудь в другом месте. Он ввел также набор воинов и взимание средств на военные и прочие нужды, которые каждому надлежит вносить в общественную казну уже не по трем родовым трибам, как раньше, но по четырем местным, им учрежденным, и назначил в каждой из них предводителя, как бы начальника трибы или пага, которым приказал весть, в каком доме каждый живет. 3. Потом он повелел, чтобы на всех перекрестках соседями были устроены часовни для Ларов²² перекрестков, и предписал совершать ежегодно им жертвоприношения, а каждому дому вносить жертвенный пирог. Повелел он также, чтобы тем, кто исполняет священные обряды от имени соседей, прислуживали на священнодействиях не свободные, а рабы, поскольку служение рабов рассматривалось как угодное Ларам. 4. Римляне еще и в наши дни справляют это весьма всеми почитаемое и роскошное празднество через несколько дней после празднества Сатурналий, именуя его Компиталиями, по перекресткам — ведь они зовут перекрестки *compta*. Они сохраняют эти обряды в соответствии с древним обычаем, умиостивляя Ларов освобождением рабов в эти дни от всего рабского, чтобы те, становясь покорными благодаря такому человеколюбию, несущему печать некоего величия и святости, лучше бы относились к своим господам и меньше бы тяготились своей печальной участью.

XV. А как сообщает Фабий, Туллий разделил всю сельскую округу на двадцать шесть частей, которые нарек также трибами, прибавив к ним четыре, что были в самом городе, так что, по его словам, при Туллии оказалось тридцать триб. Но, как

²¹ Это были трибы, якобы установленные Ромулом по «этническому» признаку, т.е. племена. Сервий, таким образом, вводит территориальные трибы. Ливий также говорит, что Сервий разделил город на четыре части по населенным холмам (*Ливий*. I. 43. 13), и даже само название «триба» возводит к слову *tributum* (*подать*). (Там же. I. 43. 13). Сервий, кроме того, возвел и стену вокруг города (I. 44. 3).

²² Лары — в латинской мифологии божества-покровители различных, в том числе, соседских общин и соседских взаимоотношений. Им сооружались на перекрестках святилища с отверстиями для жертвоприношений в числе, соответствующем числу усадеб. Греки отождествляли Ларов с героями, откуда и такое словопотребление у Дионисия.

рассказывал Венноний²³, Туллий разделил римскую территорию на тридцать одну часть, так что вместе с городскими число триб достигло тридцати пяти и продолжает сохраняться вплоть до нашего времени. Однако Катон, более достоверный, чем оба автора, говорит, что все тридцать триб появились при Туллии, и не определяет количество частей страны. 2. Итак, Туллий, разделив на определенное количество частей (сколько бы их ни было) землю, устроил убежища на крутых холмах, которые могли обеспечить земледельцам совершенную безопасность, назвав их греческим словом «паг»²⁴. Туда все сбегались с полей всякий раз, когда случалось нападение врагов, и там большей частью ночевали. 3. Они также имели управляющих, в обязанности которых входило знать как имена земледельцев, входивших в данный паг, так и имущество, доставлявшее им средства к жизни. И как только возникла необходимость призвать сельских жителей к оружию или взыскать подушные военные налоги с каждого человека, управители собирали людей и взымали деньги. А чтобы численность их было не трудно определить, но легко подсчитать и выявить, он приказал им соорудить алтари богов, попечителей и защитников пагов, которых он повелевал чтить общественными жертвоприношениями на ежегодных всеобщих собраниях, для чего и учредил всеми весьма почитаемое празднество, нареченное Паганалиями²⁵. Он также издал законы о соответствующих священных обрядах, которые римляне все еще соблюдают. 4. Для расходов на жертвоприношения и всеобщее собрание членов одного пага он приказал вносить подушный определенный денежный взнос, одна сумма для мужчин, другая — для женщин, третья — для несовершеннолетних. После подсчета этих взносов руководителями священнодействий обнаруживалась численность людей и по полу, и по возрасту. 5. Как передает Луций Пизон в первой книге «Анналов», царь, желая знать количество тех, кто проводит жизнь в городе, а также рожденных, умерших и внесенных в списки взрослых граждан, установил, какой именно взнос нужно вносить родственникам за каждого: в сокровищницу Элетейи, которую римляне называют Юноной Светоносной²⁶, за новорожденных; в сокровищницу Венеры, нареченной Либитиной²⁷, расположенную в священной роще, — за умерших; в сокровищницу Ювенты²⁸ — за достигших

²³ Венноний — автор из числа так называемых средних анналистов, творивших во второй половине II в. до н.э.

²⁴ Собственно *pagus* — «село», «деревня»; возможно от глагола *pagus* (*вбивать, вколачивать*). Дионисий сближает его с греческим *πάγος* (*лес, юра, холм*), отдавая дань, как и многие другие греческие авторы, ложным этимологическим построениям.

²⁵ Паганалии праздновали 25–26 января, а в качестве жертвы для очищения сел приносили пирог, полбу и внутренности свиный (*Овидий*. *Фасты*. I. 669–672).

²⁶ Юнона Лудина — «выводящая ребенка на свет», родовспомогательница, один из эпитетов Юноны.

²⁷ Либитина — в латинской мифологии богиня похорон. В ее сокровищнице хранились похоронные принадлежности. См. также: *Плутарх*. *Нума*. XII.

²⁸ У Дионисия Неотита — римская Ювента, богиня молодежи.

совершеннолетия. Исходя из подсчетов, царь намеревался узнавать ежегодно как общее количество людей, так и сколько из них были в возрасте, годном для несения военной службы. 6. Введя эти установления, Туллий приказал, чтобы все римляне записывались и оценивали свое имущество в серебре²⁹, дав установленную обычаем клятву, что они все оценили на самом деле истинно и добросовестно. И он повелел, чтобы записывали, от каких отцов они происходят, и указывали свой возраст, а также имена жен и детей, и добавляли бы сведения о том, в какой трибе города или в каком паге сельской местности каждый живет. Для того, кто не подвергся цензу³⁰, он назначил наказание в виде лишения его имущества и продажи в рабство после бичевания³¹; и у римлян этот закон сохранял силу в течение долгого времени.

XVI. После того как все было оценено, он составил цензовые списки и определил по ним количество людей и размеры их состояния; Туллий ввел самое мудрое из всех государственных устройств, ставшее, как показал ход событий, источником наивысшего благоденствия римлян. 2. А государственное устройство было таково: он отделил из всех одну часть людей, имущество которых было самым крупным и оценивалось не менее чем в сто мин³². Распределив их в восемьдесят центурий, он предписал им иметь вооружение в виде арголийских щитов³³, копий, медных шлемов, панцирей, поножей и мечей. Разделив их пополам, он образовал сорок центурий из молодых, на которых возложил вести войну на поле брани, а сорок составил из людей более пожилых, которые должны были, когда молодежь выступает в поход, оставаться в городе и охранять пространство внутри стен. 3. Это был первый разряд войска — в боевых действиях он занимал место впереди всей фаланги. Затем из оставшихся воинов он отобрал вторую часть, цена имущества которых была до десяти тысяч драхм³⁴, но не менее семидесяти пяти мин. Распределив их в двадцать центурий, он предписал им носить такое же оружие, как и первым, но лишил их панцирей и вместо круглых щитов дал продолговатые³⁵. И из них, отделив людей старше сорока пяти

²⁹ Комментаторы к Ливию (*Tit Livius*. История Рима от основания города. М., 1989. Т. I. С. 516) считают это анахронизмом. Однако изыскания итальянского ученого Э. Перуцци показали, что римляне в это время были знакомы с деньгами, и пересчет на серебро был вполне возможен (*Peruzzi E. Money in Early Rome. Firenze, 1985*).

³⁰ Ценз (лат. *census*) — перепись граждан обоого пола, проходившая раз в пять лет. Ценз был призван оценить имущественное положение гражданина; на основе ценза производилось налогообложение и набор войска (*Ливий*. I. 42. 5).

³¹ Ливий же говорит, что уклонившихся от ценза наказывали оковами и смертью.

³² Одна мина — 0,6 кг серебра. По Ливию — 100 тыс. ассов (*Ливий*. I. 43. 1). Ливий говорит, что к первому разряду были добавлены две центурии ремесленников, которые несли службу без оружия; им было поручено доставлять для нужд войны осадные сооружения.

³³ Арголийский щит (лат. *clipeus*) — круглый гоплитский щит (*Ливий*. I. 43. 2).

³⁴ Одна драхма — шесть грамм серебра.

³⁵ Лат. *scutum* (*Ливий*. I. 43. 4).

лет от тех, кто принадлежал к призывному возрасту, царь составил десять центурий из более молодых, которые должны были воевать вне города, и десять — из старших, на которых он возложил охрану стен. Это был второй разряд, и в боевых порядках он занимал ряд после передовых бойцов. 4. Третий же разряд он составил из прочих, которые имели ценз до семи тысяч пятисот драхм³⁶, но не меньше пятидесяти мин. У них он уменьшил вооружение за счет не только панцирей, как у вторых, но и поножей. 5. Он распределил и этих по двадцати центуриям и разделил их таким же образом, что и предыдущих, по возрасту — десять центурий предоставил более молодым, десять — старшим. Место же и боевые порядки этих центурий располагались в третьей линии за передовыми бойцами.

XVII. Снова же отделив от оставшихся тех, кто обладал имуществом от пяти тысяч драхм до двадцати пяти мин³⁷, царь составил четвертый разряд. Разделил он и их на двадцать центурий, десять создал из тех, кто находился в цветущем возрасте, а десять — из пожилых, подобно предыдущим. Он обязал их носить в виде вооружения длинные щиты, мечи и копья, и их ряд в сражениях был самым последним. 2. А пятый разряд, у кого имущества насчитывалось от двенадцати с половиной мин³⁸ до двадцати пяти мин, он распределил в тридцать центурий. Но и они были разделены по возрастам: пятнадцать центурий из них включали в себя старших, а пятнадцать — младших. Он установил, чтобы они с дротиками и пращами сражались вне боевого строя. 3. И царь приказал, чтобы четыре центурии, не имеющие никакого вооружения, сопровождали вооруженных; из их числа две центурии были подразделениями оружейников и плотников и прочих изготовителей всего, что необходимо на войне; две же центурии были трубачами и горнистами, а также побуждающими к битве с помощью прочих инструментов. Ремесленники были приданы ко второму цензовому разряду, разделенные так, что одна центурия сопровождала старших, другая — младших. 4. А трубачи и горнисты были добавлены к четвертому разряду³⁹. И у них одна центурия была из старших и одна — из младших. Из всех центурий были выбраны центурионы, наиболее выдающиеся в ратном деле, и каждый из них держал свою центурию прекрасно готовой к выполнению приказа.

XVIII. Таково было устройство пешего войска, состоявшего из тяжеловооруженных и легковооруженных воинов. А личный состав всадников Сервий набрал из тех, кто имел высший имущественный ценз и был знатным по рождению. Царь распределил их в восемнадцать центурий⁴⁰ и добавил их к первым восьмидесяти центуриям

³⁶ По Ливию, 50 тыс. ассов (I. 43. 5).

³⁷ По Ливию, 25 тыс. ассов (I. 43. 6).

³⁸ По Ливию, 11 тыс. ассов (I. 43. 7).

³⁹ Эти данные встречаются только у Дионисия. Ливий же просто говорит о существовании трубачей и горнистов в пятом разряде (*Ливий*. I. 43. 8).

⁴⁰ По Ливию, Сервий «из виднейших людей государства» составил двенадцать всаднических центурий. Еще он образовал шесть других центурий взамен трех, учрежденных Ромулом, и под теми же

тяжеловооруженных воинов; и они возглавлялись центурионами из самых знатных. 2. Остальных же граждан, которые имели имущества меньше двенадцати с половиной мни, но были гораздо многочисленнее предыдущих, свел их всех в одну центурию, Туллий освободил от военной службы и сделал свободными от всяких налогов. Всего оказалось шесть разрядов, которые римляне называют «классами», производя от эллинского слова *kleseis* (призыв): ведь мы, придавая речи повелительную форму, произносим «*kalei*», а они говорят: «*kala*», и «классы» в древности они называли «*kaleseis*». 3. Центурий же, из которых состояли разряды, насчитывалось сто девяносто три. К первому разряду вместе с всадниками относились девяносто восемь центурий; ко второму — двадцать две вместе с ремесленниками; к третьему — двадцать, к четвертому — опять двадцать две с трубачами и флейтистами; к пятому — тридцать; а к устроенной для всех прочих — одна центурия бедняков.

XIX. Используя такое устройство, Туллий составил списки воинов в соответствии с делением на центурии, а налогообложение — соответственно оценке имущества людей. Всякий раз как случалось, что ему требовалось десять или двадцать тысяч воинов, он, распределив это количество по ста девяноста трем центуриям, приказывал, чтобы каждая центурия выделяла пришедшееся на нее число людей. Рассчитав средства, которые будут тратиться на снабжение воинов продовольствием и на военные расходы, сколько чего будет достаточно, и разделив их тем же самым способом между ста девяноста тремя центуриями, Туллий велел, чтобы все вносили подати в соответствии с цензом каждого. 2. И вот, тем, кто обладали большим имуществом, но сами находились в меньшинстве, и были разделены на большее число центурий, выпало и воевать в большем количестве походов, без передышки, и средств вносить больше остальных; а тем, кто обладал средним и малым достатком, которых было больше числом, но в меньшем количестве центурий, и нести службу приходилось редко и попеременно, и налог вносить малый, а те, кто нажили менее того, что достаточно, были освобождены от всякого бремени. 3. Делал же царь все, о чем говорилось, не без причины, но будучи убежденным, что для всех людей наградой в войнах является имущество, и ради защиты его все претерпевают лишения. Поэтому он считал справедливым, чтобы те, кто подвергается опасности за большие награды, переносил бы больше телесных тягот и материальных затрат, а те, кто за меньшие — меньше бы страдали и в том и в другом; а те, кто не опасается ни за что, ничего и не претерпевает, будучи освобожденным от налога по бедности, а от военной службы — из-за неплатежеспособности. Ведь тогда римляне не получали из общественной казны плату за участие в походах, но воевали на собственный счет. 4. Туллий считал нужным, чтобы не вносили подати те, кто не знает, из чего их выплачивать, но нуждается в самом необходимом ежедневно, а также чтобы ничего не давшие не воевали бы за чужой счет, словно наемники.

освященными птицегадателями именами (*Ливий*. I. 43. 8—9). Таким образом, Сервий, соблюдая традицию, все же сумел сделать то, что не удалось Тарквинию Древнему (см.: *Дионисий*. III. 71. 1).

XX. Когда царь, возложив таким образом все бремя опасностей и издержек на богатых, увидел, что они негодуют, он другим способом утолил их печаль и смягчил гнев, даровав преимущество, на основании которого они стали бы хозяевами всего государственного порядка, и отстранили бедняков от общественной деятельности; и предпринял он это втайне от плебеев. Преимущество же было в отношении народных собраний, в которых народ принимал важнейшие решения. 2. Мной уже было сказано раньше, что по древним законам народ ведал тремя важнейшими и насущнейшими делами — выбирал должностных лиц и в городе, и в войске, законы — одни поддерживал, другие — отменял, и выносил решения о начале и прекращении войны. Римляне проводили обсуждения и принимали постановления об этом голосованием по куриям; и те, кто владел малым, при подаче голосов были равны тем, кто имел богатейшее состояние. Так как богатых, как всегда бывает, было немного, бедняки при голосовании побеждали, будучи гораздо многочисленнее тех. 3. Туллий, поняв это, передал перевес при голосовании богатым. Ведь всякий раз, когда он считал нужным назначать магистратов, спрашивать мнение относительно законов или объявить войну, он созывал народное собрание по центуриям, а не по куриям. Первыми же он призывал для высказывания мнения первые центурии, приписанные к высшему цензу, в числе которых были восемнадцать центурий всадников и восемьдесят — пеших. 4. Если все приходило к одному мнению, так как их было на три центурии больше, чем остальных, то они побеждали других, и их решение было окончательным. Если же они не все приходили к одному и тому же мнению, он призывал к голосованию еще двадцать две центурии от второго имущественного разряда. Если же и тогда голоса разделялись, он созывал людей третьего разряда, и четвертыми — от четвертого. И царь продолжал до тех пор, пока единогласными не оказывались девяносто семь центурий. 5. Если же вдруг этого не случилось вплоть до пятого разряда, но голоса ста девяноста двух центурий разделялись, он призывал последнюю центурию, в которую входила толпа бедных и потому освобожденных от военной службы и от внесения налога граждан; к какой из частей примкнет эта центурия, та и одерживала верх. Но это было редко и немногим отличалось от невозможного. В большинстве случаев конец уже достигался при голосовании первого призыва и редко доходило дело до четвертого разряда, пятый же разряд и последний оставались в стороне.

XXI. Такой вот государственный порядок установил Туллий, чем и предоставил столь большое преимущество богатым скрытно от народа, как я сказал, победив хитростью и отстранив бедняков от общественных дел. Ведь все думали, что имеют равную долю политических прав, когда каждого одного за другим спрашивали о его мнении в его собственной центурии, но они были обмануты, потому что вся центурия целиком имеет всего один голос — и при малом числе граждан в ней, и при весьма большом; и народ был обманут еще и потому, что первыми вносят голос центурии, имеющие высший имущественный ценз, которые числом превосходили остальных,

но состояли из гораздо меньшего числа людей; а больше всего потому, что бедные имеют один голос, хотя они более многочисленны, и призываются последними. 2. И так случилось, что богатым, которые несли большие расходы и не получили никакого освобождения от военных опасностей, выпало меньше тягостей, потому что они стали обладать очень многим и всю силу отняли у тех, кто не делал того же самого, что и они. А беднякам, обладавшим самой малой долей политических прав, выпало на долю разумно и кротко переносить потерю значения в обществе, так как они были освобождены от налогов и военной службы; полису выпало то, что те же самые должны теперь решать, что нужно для государства, потому что они участвуют в опасных предприятиях больше остальных, и исполняют, что необходимо. 3. Этот порядок в государстве сохранялся римлянами на протяжении многих поколений. К нашим же временам он изменился и больше повернулся в сторону плебеев; это пришлось сделать в силу суровой необходимости, причем цензурии не были распущены, но призыв их уже не сохраняет древней точности, как я узнал, часто присутствуя на их собраниях по выбору магистратов. Но прибавлять что-то к сказанному сверх этого — не время.

XXII. После того как Туллий установил ценз, он распорядился, чтобы все граждане сошлись на самую большую равнину перед городом⁴¹ при оружии и, расставив всадников по их отрядам, пеших воинов — в фаланге, а снабженных легким вооружением — каждого в свои собственные цензурии, он совершил обряд их очищения жертвоприношением быка, барана и козла. Приказав, чтобы эти жертвенные животные были трижды проведены вокруг войска, он принес их в жертву Марсу, владеющему Полем. 2. И в мое время после проведения цензов римлян таким же образом очищают те, кто обладает высшей священной властью, называя это Люстром⁴². А общее число римлян, прошедших ценз, как сообщается в цензовых списках, оказалось восемьдесят пять тысяч без трехсот. 3. Именно этот царь немало позаботился о возрастании политического коллектива, обратив внимание на то, что все цари до него упускали из вида. Ибо они принимали иноземцев и возлагали на них равные с римлянами политические права, не пренебрегая ни природой, ни судьбой их, чем привели город к многолюдству. 4. А Туллий позволил даже отпущенным на волю рабам, если те не хотели возвращаться в свои края, приобщиться к правам в Риме наравне с его гражданами; поскольку он обязал их вместе со всеми прочими свободными подвергнуться цензу и распределил их по четырем городским трибам, по которым вплоть до нашего времени продолжает созываться сословие вольноотпущенников, сколь бы велико оно ни было. Царь также предоставил им возможность участвовать во всех общественных делах, открытых и для остальных плебеев⁴³.

⁴¹ Марсово поле.

⁴² Лат. *Lustrum* (*Ливий*. I. 44. 2).

⁴³ Значит, вольноотпущенники оказывались на положении городского плебса.

XXIII. Так как патриции были огорчены такими обстоятельствами и сетовали, царь, созвав граждан на народное собрание, заявил, что он дивится на тех, кто недоволен, которые считают прежде всего, будто свободный отличается от раба по природе, а не по участи, а затем, что они признают кого-либо достойным благ не по обычаю и праву, а по случайности, видя, что удача является делом непостоянным и быстро меняющимся, и никому из совершенно счастливых невозможно с легкостью сказать, сколько времени он будет счастлив. 2. И Туллий призвал их посмотреть, сколько полисов — и варварских, и эллинских — уже пришли к свободе из рабства, а сколько из свободы — к рабству. И он заметил, что это большая глупость с их стороны, если они, отпуская достойных людей из числа рабов на свободу, отказывают в гражданских правах для них; а также посоветовал им, если они считают тех дурными, не делать их свободными, а если хорошими, — не пренебрегать ими, как чужаками. 3. Он заявил, что они поступают нелепо и нерасчетливо, позволяя всем иноземцам войти в состав гражданства, не выясняя их судьбу и не проявляя любопытства, не стали кто-либо свободным из рабов, тех же, кто поработен своими, считают недостойными такого дара. И он утверждал, что те, кто считает, будто они мудрее остальных, не видят самого простого в известном всем, что очевидно и для самых простодушных, т.е. того, что хозяевам не принесет много хлопот не освобождать кого-либо с легкостью, поскольку они даруют освобожденным величайшее из благ, существующих у людей. А рабам будет еще больше присуще стремление быть верными господам, если они осознают, что в случае, если их посчитают достойными свободы, они скоро станут и гражданами счастливого и большого государства, и что и то и другое благо они получают от хозяев. 4. Подытоживая, он произнес увещевания, напоминая тем, кто уже проникся пониманием, и поучая еще не осознавших, что именно для государства, чающего владычества и достойного великих свершений, полезно, а также о том, что более всего насущно многолюдство, чтобы иметь возможность во всех войнах пользоваться в достаточном количестве собственным войском и чтобы не расточать средства на оплату жалования наемным войскам. Именно поэтому, пояснил он, прежние цари предоставляли гражданство всем иноземцам. 5. Если же римляне этот закон примут, — говорил он, — то у них возрастет количество молодежи из вольноотпущенников, и никогда уже в государстве не будет недостатка в своих войсках, но там всегда хватит воинских сил, даже если придется воевать против всего человечества. 6. Помимо всеобщей пользы, самым богатым римлянам, в частности, это принесет много выгоды, разреши они вольноотпущенникам участвовать в общественной жизни, добиваясь, чтобы те их поддерживали и в народных собраниях, и при подаче голосов, и при прочих политических мероприятиях, каждый раз, как они будут в этом нуждаться, и оставляя своим потомкам клиентов, которые вышли из вольноотпущенников. 7. Когда он это сказал, патриции согласились на то, чтобы установить такой обычай в государстве, и вплоть до нашего времени он продолжает сохраняться как один из священных и неколебимых устоев.

XXIV. Теперь, когда я подошел к этой части повествования, мне кажется необходимым сообщить, что у римлян имелись тогда обычаи, касающиеся рабов, чтобы кто не подумал, будто царь, принявшись за это дело, первым сделал порабощенных гражданами, и чтобы никто не обвинял тех, кто принял данный закон, будто они необдуманно расточают блага. 2. В самом деле, римляне приобретали рабов совершенно законным образом. Либо они получали из общественной казны тех, кто «продается под копьём» в составе добычи, либо, когда военачальник разрешал воинам, захватившим вместе с другой добычей пленников, владеть ими, или же они покупали их у других, которые стали владельцами рабов тем же самым манером. 3. И ни Тулий, установивший данный закон, и ни те, кто его принял и сохранил, не считали, что совершают нечто позорное или вредное для общественных интересов, если те, кто в войнах лишился отечества и свободы, станут потом благодарными поработившим их или купившим их у работодателей, когда означенные дары выпадут от хозяев. 4. Ведь очень многие получили свободу даром, вследствие их добронравия и хорошего поведения — и это был лучший способ освобождения от хозяев: некоторые же уплачивали выкуп, определяемый незапятнанным и честным трудом. Но в наше время все обстоит не так, дела пришли в столь великое расстройство, и благо римского государства так поругано и запятнано, что те, кто занимается грабежами, мошенничеством, распутством и всякими другими позорными делами, получают свободу с помощью добытых таким образом средств и сразу становятся римлянами. 5. Иные делаются сообщниками и помощниками господ и получают от них дар свободы за отравления и убийства людей и несправедные поступки в отношении богов или государства, другие за то, что, получая хлеб, который ежемесячно выдается беднякам на общественный счет, или иное какое-нибудь благодеяние со стороны руководителей государства в отношении бедных граждан, приносят его в благодарность за свое освобождение, третьи же — из-за легкомыслия и пустого тщеславия господ. 6. А я знаю, что некоторые позволили всем рабам стать после своей смерти свободными, чтобы их, умерших, называли добрыми и чтобы множество народа с войлоком на голове⁴⁴ сопровождало их носилки на погребальной процессии; а среди тех, кто шел в таких процессиях, как я слышал от сведущих людей, встречались и злодеи, недавно вышедшие из тюрем, совершившие то, что достойно тысячи смертей. Действительно, многие, взирая на эти трудно счищаемые с государства пятна, проявляли недовольство и, обвиняя обычаи, ссылались на то, что не подобает государству, достойному править и властвовать надо всем миром, создавать для себя подобных сограждан. 7. Кто-то мог бы посетовать и на многие другие обычаи, которые были мудро задуманы древними, но худо используются ныне живущими. Но я не думаю, что следует отменять этот закон из-за того, что какое-то большее зло смогло возникнуть для общества. Однако я говорю, что нужно восстановить то, что можно, и

⁴⁴ Войлочный головной убор был символом свободного человека.

закрывать доступ в государственное устройство для великого срама и трудно смываемой грязи. 8. И, я считал бы, что об этой части граждан прежде всего должны заботиться цензоры, если же не они, то консулы — ведь требуется какая-то значительная магистратура. Они проверяли бы ежегодно тех, кто становится свободным, кто они такие, по какой причине и как были освобождены, подобно тому как проверяют поведение в жизни всадников и членов сената; потом же тех, кого посчитают достойными гражданства, запишут в трибы и позволят пребывать в городе; а запятнанный и нечистый сброд выбросят из города, дав этому действию благопристойное название колонии. Вот это, по-моему, поскольку обстоятельства того требуют, необходимо и справедливо сказать тем, кто порицает обычаи римлян.

XXV. А Туллий проявил свое народолюбие не только в этих государственных нововведениях, при которых сократилась и власть сената, и господство патрициев, но и в том, что он урезал царскую власть, лишив самого себя ее наполовину. 2. Суть в том, что предшествовавшие цари считали возможным брать на рассмотрение любое судебное дело и вести судопроизводство по преступлениям как частным, так и общественным по собственному усмотрению, а Туллий, отделив общественные дела от частных, самолично начал рассматривать дела о тех, кто приносит вред общине, а для частных дел учредил специальных судей, установив для них ограничения и правила, которые сам записал в виде законов. 3. После того как при нем дела в городе были устроены наилучшим образом, он возымел желание предпринять нечто выдающееся и навечно оставить потомкам память о себе. Поразмыслив о памятниках древних царей и государственных мужей, которые принесли им известность и славу, он не восславил ни ассирийскую жену за возведенную вавилонскую стену⁴⁵, ни царей Египта за пирамиды в Мемфисе, ни кого-либо другого, за те или иные свидетельства о богатстве или множестве подданных человека, имеющего власть. Но все это он посчитал незначительным и кратковременным, не достойным усилий и обманом зрения, неправдой жизни, а не помощью в делах, поскольку прославления правителей ассоциируются только с воздвигнутыми ими сооружениями. Но поняв, что похвалы и подражания достойна работа мысли, чьи плоды служат весьма многим и чьей помощью пользуются долгое время, он из всех таких трудов более всего восхитился замыслом элина Амфиктиона, который, видя, что эллинский род немногочисленен и варвары, что живут по соседству, могут очень легко его погубить, собрал союз, названный по его имени Амфиктионией, и установил всеобщее празднество, помимо тех собственных, что имел каждый полис, и общие для всех законы, которые называют Амфиктионийскими⁴⁶, благодаря чему эллины между собой постоянно

⁴⁵ Речь идет о Семирамиде (ассир. Шаммурамат), царице Ассирии конца IX в. до н.э., и ее «висячих садах».

⁴⁶ Дионисий связывает происхождение амфиктионий с мифическим царем Афин Амфиктионом, сыном Девкалиона и Пирры. Но, скорее всего, слово «амфиктиония» — союз племен или полисов.

остаются друзьями и поддерживают друг друга больше делами, чем на словах, а для варваров они суровы и грозны. 4. А ионийцы, переселившиеся из Европы в приморские области Карию, и дорийцы, основавшие города поблизости, последовавши примеру того союза, устроили храмы на общественные средства: ионийцы — храм Артемиды⁴⁷ в Эфесе, а дорийцы — храм Аполлона на Триопии⁴⁸. Собираясь туда вместе с женами и детьми, в назначенные сроки они совершали жертвоприношения, устраивали празднества и конные, гимнастические и музыкальные состязания, а также одаривали богов общественными приношениями. 5. После просмотра состязаний и завершения празднеств, и взаимного получения различных знаков дружбы члены союза, буде между тем или иным полисом возникали какие-либо недоразумения, призывали судей уладить спор. Они также держали совет и по поводу войны с варварами, и по поводу общего согласия городов между собой. 6. Под влиянием таких и тому подобных примеров Туллий и сам возымел желание собрать и объединить все города латинского народа, чтобы соседние варвары не смогли лишить их свободы, в случае если у них возникнут внутренние распри или завяжется война между собой.

XXVI. Рассудив так, Туллий собрал самых влиятельных людей от каждого города, объявив, что созывает их стать ему советчиками в делах великих и общих для всех. Когда же они сошлись, он созвал вместе римский сенат и тех, кто пришел от общин, и произнес речь, призывающую к единству, наставляя, как прекрасно, когда многие города пользуются единым мнением, но позорно зрелище враждующих между собой родственников. Он доказывал, что согласие является основой силы у слабых, а взаимное уничтожение обессиливает и самых мощных. 2. Сказав об этом, Туллий поучал их тому, что латинам нужно править над соседними народами и, поскольку они эллины, им следует установить для варваров правосудие, а римлянам должно стоять надо всеми латинами не только потому, что они превосходят их размерами города и важностью деяний, но и оттого, что божество к ним благосклонно больше, чем к другим, вследствие чего они и достигли такой славы. 3. Затем царь посоветовал им устроить в Риме на общественные средства священное убежище, в котором города, ежегодно собираясь, совершали бы как свои собственные, так и общие жертвоприношения, и справляли бы общие праздники в то время, какое они определяют; а если возникнет между ними какое-то недоразумение, разрешать его на

объединившихся вокруг одного святилища и имеющих между собой дружественные отношения, произошло от понятия *ἀμφιτόνοες* (*те, кто живет по-соседству*). (Павсаний. Описание Эллады. X. 8. 1). Наиболее известны были Дельфийский, или Пилейский, союз, члены которого собирались в Дельфах (Страбон. География. IX. 720), Делосский союз с центром в храме Аполлона.

⁴⁷ Эфес был заселен карийцами в конце XII в. до н.э. Храм Артемиды Эфесской в 356 г. до н.э. был сожжен Геростратом, но вскоре восстановлен.

⁴⁸ Триопий — мыс в Карию с храмом Аполлона Триопийского. Дорийцы проникли сюда, видимо, уже к 900 г. до н.э.

основании священного обычая, поручив остальным городам выносить решения по жалобам. 4. Разъяснив это и сколько других благ они получат, если назначат совет, он убедил всех, кто находился в собрании полисов. Позднее на средства, внесенные всеми городами, он возвел храм Дианы⁴⁹ на самом большом из всех холмов в Риме — на Авентине. Царь также составил для полисов законы об их взаимных отношениях и установил, каким образом будет выполняться все прочее относительно празднества и общего собрания. 5. А чтобы ход времен не уничтожил бы их, он поставил медную стелу и высек на ней как постановления участников собрания, так и названия городов, входящих в союз. Эта стела вплоть до моего времени все еще находилась в святилище Дианы, сохраняя очертания букв, которыми пользовалась Эллада в древности. Одно это могло бы считаться безусловным доказательством того, что те, кто засели Рим, не были варварами; ведь будучи таковыми, они не могли бы использовать эллинских букв. 6. Таковы были государственные деяния этого царя, памятные величием и блистательностью, вместе с другими, менее значительными и известными, а теперь я хочу рассказать о военных, которые были начаты против одного из тирренских народов.

XXVII. После смерти Тарквиния, города, вручившие ему власть, не пожелали более сохранять договоры с Туллием, не считая за честь подчиняться человеку низкого рода и рассуждая, что враждебность патрициев к правителю принесет им немалые выгоды. 2. Первыми отпали от Рима те, кого называют вейянами. Пришедшим от Туллия послам они ответствовали, что у них нет никакого договора с ним ни по поводу передачи ему верховенства, ни по поводу дружбы и союзничества. Этого было достаточно, чтобы цэрийцы и тарквинийцы последовали за ними, и, наконец, подняла оружие вся Тиррения. 3. Война сия продолжалась без передышки в течение двадцати лет, и все это время обе стороны совершали частые вторжения на территорию противника с крупными войсками и вступали в ближние сражения одно за другими. Однако Туллий, имея успех во всех битвах, сколько бы их ни происходило как с каждым городом отдельно, так и со всем народом в целом, и удостоенный трех славнейших триумфов, наконец, на тех, кто не считал достойным добровольно подчиниться тому, чтобы ими правили, вынуждает надеть узду. 4. Таким образом, на двадцатый год двенадцать городов, потеряв в войне множество людей и совершенно истощив свои средства, собрались вновь, и решили передать верховенство римлянам на тех условиях, какие принимали ранее. И при этом от каждого города были выбраны люди, которые с оливковыми ветвями в руках явились передать их Туллию и просили, чтобы тот не задумал против них чего-либо совсем уж ужасного. 5. А Туллий ответствовал, что они из-за недомыслия и нечестивости по отношению к богам, коих сделали поручителями договора, нарушили соглашения и достойны серьезной кары,

⁴⁹ Ливий говорит, что Сервий всячески восхвалял союз греков вокруг храма Артемиды (Дианы) Эфесской (*Ливий*. I. 45. 2).

но ввиду снисходительности и умеренности римлян, а также поскольку они признали, что поступили несправедливо, и с венками и молитвами просили прощения за свой гнев, то теперь ни в коей мере не испытают несчастий. 6. Сказав это, Туллий прекращает войну против них, а всем прочим городам, оставшимся верными договорам, заключенным с ними царем Тарквинием, предоставляет просто и без всякого гнева управлять своими внутренними делами и пользоваться своим имуществом; а три города из их числа, которые сами восстали первыми и других подстрекали начать войну против римлян — цэрийцев, тарквинийцев и вейян — наказал, отняв у них землю, которую и распределил между римлянами, что недавно получили гражданство. 7. Совершив такие деяния и в мирное время, и на войне и воздвигнув два храма Фортуны⁵⁰, чьей благосклонностью он, считалось, пользовался на протяжении всей жизни: один — на форуме, который назывался Бычьим, другой — на берегах Тибра (той самой Фортуны, которую он прозвал «Мужской», как и теперь она зовется римлянами), — достигнув преклонного возраста и уже находясь на пороге смерти, каковую несет сама человеческая природа, царь погибает в результате заговора, подготовленного его зятем Тарквинием и собственной дочерью. Я раскрою, какого рода был этот заговор, но сначала вернемся несколько назад.

XXVIII. У Туллия было две дочери, родившиеся от жены Тарквинии, которую выдал за него замуж царь Тарквиний. Этих девушек, когда они вошли в брачный возраст, Туллий выдал замуж за племянников их матери, то есть за внуков Тарквинии, соединив старшую со старшим, а младшую — с младшим, в надежде, что таким образом девушки лучше всего подойдут мужьям. 2. Но случилось так, что каждый из зятьев оказался, по несчастью, связан с женой непохожего на него нрава: Луцию, старшему, который был дерзким, своевольным и деспотичным по природе, досталась жена добрая и благоразумная, любящая отца, а у Аррунта, младшего, который был и кротким, и умным, супруга оказалась нечестивая, отца ненавидящая и готовая на все. 3. В результате каждому мужу выпало, с одной стороны, следовать собственной природе, но с другой — испытать на себе обратное влияние супруги. Так, испорченного супруга, жаждавшего лишиться тестя царства и все для этого измышляющего, жена отговаривала мольбами и плачем, а доброго, который считал, что по отношению к тестю нельзя совершать злодеяния, но надо ждать, пока не прервет его жизнь природа, который и брату не позволял творить несправедливое, нечестивая жена уговорами, бранью и обвинениями в трусости увлекала к совсем иному. 4. Так как ни мольбы благоразумной супруги, настойчиво упрасивавшей неправедного мужа, ни понукания скверной особы, призывавшей к нечестивым делам от рождения неис-

⁵⁰ Лат. *Fortuna virilis*. Фортуна в римской мифологии — богиня счастья, удачи. Считалось, что Сервий был возлюбленным Фортуны, отчего он, якобы, и был изображен в храме с закрытым лицом (*Овидий. Фасты. VI. 569–580*). Один храм Фортуны находился на Бычьем форуме у подножия Палатина. Другой, видимо, был в Остии, основанной его предшественником (*Дионисий. III. 44. 4*).

порченного, ничего не достигли, и тот и другой жили сообразно с собственным характером и тяготились супругами, которые желали противного их природе. Поэтому одной сестре оставалось плакать и терпеть свою ниспосланную божеством судьбу, а дерзкой — негодовать и попытаться освободиться от своего мужа. 5. В конце концов скверная по природе, в безрассудстве посчитав, что сестрин муж лучше всего подходит к ее собственному характеру, посылает за ним для разговора о неотложном и важном деле.

XXIX. Когда тот пришел, она, отослав прочь домашних, чтобы побеседовать с ним наедине, молвила: «Могу ли я, Тарквиний, откровенно и без опаски поведать обо всем, что я думаю по поводу выгодного нам обоим дела, и сохранишь ли ты в тайне те речи, которые услышишь? Или мне лучше промолчать и не раскрывать тебе требующие секретности советы?» 2. Когда же Тарквиний позволил ей говорить напрямик и поручился клятвами, которые та пожелала получить, что он сохранит в тайне ее речи, уже ничего не стыдясь, она заявляет ему: «Доколе, Тарквиний, лишенный царской власти, ты думаешь медлить? Или ты рожден от низких и безвестных предков и из-за этого не считаешь возможным замыслить великое для себя? Но все знают, что вашим прародителям, которые были элинами и произошли от Геракла, досталось единодержавно властвовать над счастливым Коринфом на протяжении многих, как я имею сведения, поколений; а деду твоему Тарквинию, который переехал к нам от тирренов, вследствие его доблести выпало царствовать над нашим городом; ты же, как старший внук, должен быть наследником не только состояния его, но и царской власти. 3. Или тело твое по болезни и немощи вдруг стало не способно на подобающие царю деяния? Но у тебя есть и сила, свойственная от природы одаренным людям, и наружность, достойная царского рода. Или ни то ни другое, но слабосильная молодость, совершенно неспособная рассуждать о том, что надлежит, терзает тебя и из-за нее ты воздерживаешься от занятий делами государства — ты, кому лишь немногих лет не достаает до пятидесяти? А люди от природы склонны мыслить лучше всего, достигнув именно этого возраста. 4. Ну, разве что благородство того, кто ведает государством, и преданность к нему самых влиятельных граждан, из-за которой к нему трудно подступиться, вынуждают тебя медлить? Но и в том, и в другом оказалось, что ему не повезло и он сам не заблуждается на свой счет. Более того, отвaga и склонность к опасностям присущи твоему нраву, а эти качества очень нужны тому, кто хочет быть царем. Есть у тебя и богатство солидное, и друзья многочисленные, и много других важных для ведения дел качеств. 5. Так что же ты еще медлишь и дожидаясь, будто само собой наступит время, которое придет и принесет тебе без затраты малейших усилий царскую власть после кончины Туллия? Словно удача ждет, пока люди медлят, или природа наша приносит каждому смерть сообразно его возрасту, напротив, исход всех человеческих деяний туманен и неведом. 6. Так вот, я признаюсь откровенно, даже если ты окрестишь меня дерзкой, в том, что представляется мне причиной того, что ты не стремишься ни к чести, ни к

славе. Жена у тебя совершенно не подходит твоему характеру, она, очаровывая тебя и умищая, изнежила тебя, и ты незаметно под ее влиянием превратился из мужчины в ничто. Также и у меня муж робкий и не обладающий ничем, что пристало мужчине, и меня он унижает, хотя я достойна великого и красива телом, но увяла по его вине. 7. Но если бы была возможность взять тебе в жены меня, а мне выйти за тебя замуж, то мы прожили бы наш век не как частные люди. И что же мы не исправляем ошибку судьбы, поменяв наши браки, — ты лишив жизни свою жену, а я сделав то же самое со своим мужем? А когда они будут убиты, мы соединимся тут же и уже в безопасности обсудим остальное, избавившись от того, что нас тяготило. Ведь если некто и не решается поступать беззаконно во всем остальном, никого, кто ради царской власти отважился на все крайние меры, порицать нельзя».

XXX. Так рекла Туллия, а Тарквиний охотно делает выбор в пользу ее предложения и, обменявшись речательствами верности и совершив перед нечестивым браком предварительные жертвоприношения, сразу же удаляется. А после недолгого времени, погибают одним и тем же способом старшая из дочерей Туллия и младший из Тарквиниев. 2. Здесь я снова вынужден вспомнить о Фабии и высказать ему упрек за небрежность в отношении хронологии. Ведь, заведя речь о кончине Аррунта, он ошибается не только в том, как я сказал ранее, что написал, будто Аррунт был сыном Тарквиния, но и в другом, заявив, что после смерти он был похоронен своей матерью Танакиль, а она в это время уже не могла быть живой. 3. Ведь Танакиль, как указано было вначале, когда почил царь Тарквиний, было семьдесят пять лет; а к этим семидесяти пяти надо добавить еще сорок других лет; поскольку из погодных записей мы узнали, что Аррунт умер в сороковой год правления Туллия. Выходит, что Танакиль должно было исполниться сто пятнадцать лет. Таким образом, в рассказе Фабия выявляется мало усилий в отыскании истины. 4. Так вот, после всего этого, уже не медля, Тарквиний берет Туллию себе в жены, взяв ее от нее самой, поскольку ни отец ее не утвердил их брак, ни мать не одобрила. 5. Как только эти нечестивые кровожадные характеры слились воедино, они начали выискивать пути, чтобы скинуть Туллия с царского трона, если он по доброй воле не захочет передать власть. Собирая товарищества сторонников из числа тех патрициев, кто враждебно относился к царю за его народолюбивые нововведения, и вербуя беднейших из плебеев, которые были далеки от дум о какой-то там законности, путем подкупа их деньгами, Тарквиний творил все это не под покровом тайны. 6. Взирая на это, Туллий не только терзался за себя, опасаясь, что с ним вдруг что-то стрясется, потому что его застигнут врасплох, но не меньше досадовал на то, что ему придется начать войну против дочери и зятя и наложить на них кару, словно на врагов, и он часто призывал Тарквиния вместе с его друзьями на беседы и то увещевал, то упрекал, то убеждал зятя не совершать против него никакого зла. А так как тот не обращал на это внимания, но заявил, что выскажет ему то, что считает справедливым, на заседании сената, царь, созвав сенат, заявил: 7. «О мужи сенаторы, для меня стало очевидным, что

Тарквиний собирает против меня тайные союзы и стремится лишить меня власти. Я хочу в присутствии всех вас узнать у него, какое зло или какую несправедливость лично он претерпел или, по его мнению, испытало государство по моей вине, раз уж он готовит все это против меня. Отвечай же, Тарквиний, ничего не утаивая, в чем можешь меня упрекнуть, ведь ты требовал, чтобы сенаторы все выслушали».

XXXI. Тарквиний отвечает ему: «Моя речь, Туллий, будет короткой и справедливой. Поэтому я решил произнести ее перед этими людьми. Тарквиний был моим дедом и получил власть над римлянами, предприняв во имя нее много великих ратных подвигов. Он умер, а я являюсь его наследником по общим для всех, как эллинов, так и варваров, законам. И мне надлежит владеть как наследнику не только деньгами, но и царской властью его, подобно всем остальным, кто получает дедовское наследство. 2. Ты же деньги, оставленные им, мне передал, а царскую власть у меня отнимаешь и удерживаешь ее уже столь долгое время, получив ее не по праву: ведь тебя не назначили междуцари, и сенат не провел голосование по поводу тебя, и не в положенных по закону народных собраниях получили ты эту власть, как дед мой и все, кто был царем до него; но подкупив и развратив всеми способами бездомное, бедное, лишенное всех прав гражданства в наказание за преступления и долги отродье, которому не было заботы ни о каком общественном благе, конечно, не говоря, что ты добываешь господство для себя, но оправдываясь, будто станешь хранить его для передачи нам, потому что мы были тогда сиротами и детьми, и что ты приступил к делам, обещая во всеуслышание, что когда мы вырастем, ты передашь власть мне, поскольку я — старший. 3. Ты был обязан — ежели ты действительно хотел творить добро, — передавая мне дом деда, вместе с имуществом передать и царскую власть, пользуясь примером хороших и добрых опекунов, которые, приняв царских детей, оставшихся без родителей, когда те становились мужчинами, правомерно и законно отдавали им власть, принадлежавшую их отцам и предкам. 4. Пусть тебе казалось, что я не могу еще здраво рассуждать о своих обязанностях и по молодости лет не способен еще управлять столь великим государством, но когда я достиг расцвета телесных и умственных сил, по исполнении тридцати лет, одновременно с заключением моего брака с твоей дочерью ты должен был мне верить и дела государства. И это именно тот возраст, когда ты начал и семью мою опекать, и о царской власти заботиться».

XXXII. Ведь тебе, сделай ты это, было уготовано то, что сначала о тебе говорили бы, что ты благочестивый и справедливый, а, кроме того, ты царствовал бы вместе со мной и получал бы все причитающиеся тебе почести и слышал бы все, сколько их есть, почетнейшие прозвания, которые даются людьми за добрые дела — что ты и благодетель, и отец, и спаситель, а не то, что отнял у меня принадлежащее мне вот уже сорок четвертый год, — у меня, и телом не увечного, и рассудком не слабого. А потом ты осмеливаешься спрашивать меня, по какой причине я считаю тебя врагом и за что я обвиняю тебя. 2. И вот ответ мне, Туллий, за какую вину ты не считаешь меня достойным наследовать дедовские почести, на какой благовидный предлог

ссылаясь? Или ты считаешь, что я по рождению не принадлежу к этому роду, но подкидываешь какой-то и незаконнорожденный? Но что же ты тогда был опекуном чужака в роде и хозяйство ему передал, когда он стал мужчиной? Или же полагаешь, что я осиротелое дитя и не в состоянии вести общественные дела, я, едва ли не достигший возраста пятидесяти лет? Да отбрось же насмешки бесстыдных вопросов и перестань вести себя бесчестно. 3. И, если ты в состоянии возразить нечто справедливое на мои слова, я готов обратиться к этим вот судьям — ведь ты не мог бы сказать, что есть в городе другие мужи лучше этих; но, если ты ускользнешь отсюда и побежишь спасаться к толпе, которую ты всячески привлекал на свою сторону, как ты привык поступать, я тебе этого не позволю. Ведь я подготовился не только к тому, чтобы высказать праведное, но и к тому, чтобы применить силу, если ты не захочешь подчиняться».

XXXIII. Когда он закончил, Туллий, взяв слово, сказал: «Следует, судя по всему, сенаторы, всякому человеку ожидать всевозможных неожиданностей и не считать ничего невероятным, в то время как этот вот Тарквиний горит желанием лишиться меня власти; тот самый Тарквиний, коего я взял к себе дитятей, когда против него злоумышляли враги, спас его и воспитал; а когда он стал мужчиной, я посчитал возможным принять его как зятя, и хотел, если бы со мной что-нибудь случилось, оставить наследником всего своего имущества. Но так как все пошло против моих ожиданий и меня самого упрекают, будто я поступаю несправедливо, то пусть я потом судьбу свою буду оплакивать, но правду ему сейчас скажу. 2. Я принял попечительство над вами, Тарквиний, когда вы остались детьми, не по доброй воле, но вынужденный к этому обстоятельствами: когда те, кто имел притязания на царскую власть, открыто убили деда вашего, они говорили, что тайно злоумышляют против вас и против остальных ваших родственников; и все близкие ваши соглашались, что те, добившись власти, не оставят семени Тарквиниевого рода. А попечителя и защитника у вас никакого не было, разве что жена Тарквиния, мать вашего отца, сама по старости своей нуждавшаяся в других попечителях; так что вы остались, имея единственным защитником в вашей беспомощности меня, которого теперь ты называешь чужим и не имеющим к тебе никакого отношения. 3. Вот при каких обстоятельствах я покарал тех, кто убил вашего деда, а вас довел до возмужания, и поскольку не было у меня потомков мужского пола, я решил сделать вас хозяевами всего своего имущества. Ты ведешь речь об опеке, о Тарквиний, так не пытайся сказать, что я в чем-то лгу.

XXXIV. А что касается царской власти — поскольку именно в этом ты меня обвиняешь, — выслушай, каким образом я обрел ее и по каким причинам не передаю ее ни тебе, ни кому-либо другому. Когда я взвалил на себя заботу о гражданстве, узнал, что против меня возникают всякие заговоры, тогда я решил передать вершение дела народу; созвав всех на собрание, вручил им власть в обмен на безопасный покой себе вместо этого ненавистного и тягостного, имеющего гораздо больше неприятного, чем заманчивого предводительства. 2. Римляне не приняли этого вопреки моему

желанию и не посчитали возможным назначить кого-то другого главой общины, но удержали меня на этой должности и царскую власть — свою, не вашу, Тарквиний, собственность, — проведя голосование, передали мне⁵¹. 3. Именно так же и деда вашего они ввели в дела, а он был чужеземец и не приходился родственником царю, который был до него, хотя царь Анк Марций после себя оставил сыновей, которые находились в самом расцвете сил, а не внуков и не младенцев, как оставил вас с братом Тарквиний. И если бы был общий для всех закон, по которому те, кто наследует владения и состояние почивших царей, вместе с тем обретали бы и их царство, то не Тарквиний, ваш дед, получил бы предводительство по смерти Анка, а старший из его сыновей. 4. Но народ римлян призвал к обязанностям не наследника своего отца, но того, кто достоин править. Ибо народ полагал, что деньги принадлежат тем, кто их приобрел, а царская власть — тем, кто ее дал; и надлежит, чтобы состояние в случае смерти владельца получали наследники внутри рода или по завещанию, а власть по кончине принявших ее переходила к тем, кто ее дал. Если, конечно, ты не сможешь высказать никакого законного основания, что ваш дед получил царскую власть на определенных условиях, чтобы и самому обладать ею как владычеством, которое должно передавать дальше от него, и оставить его вам как потомкам, и народу быть не властным в том, чтобы, отняв ее у вас, передать мне. 5. Ведь, если ты способен что-то подобное сказать, что же не объявишь нам об этих договоренностях? Но ты не можешь их предъявить. Если же я, как ты говоришь, не самым лучшим образом получил царскую власть: и междуцарь-то меня не назначал, и сенат-то не вручал мне отправление дел, и ничего прочего не было, что требовалось по закону, то именно я, без сомнения, этих людей оскорбляю, а не ты, и они вправе меня лишить власти, а не ты. Но ни их, ни кого другого я не оскорбляю. 6. А свидетель того, что власть и тогда была отдана, и теперь принадлежит мне по праву — время (а это уже сорок лет), за которое никто из римлян не считал, что я когда-либо поступил незаконно, и ни народ, ни сенат не покушался отнять у меня власть.

XXXV. Но чтобы все это рассмотреть и перейти к твоим словам, будто я отнял у тебя дедово достояние, отданное мне им на хранение, и удерживал его вопреки всякой человеческой справедливости, нужно было бы тебе, представ перед теми, кто вручил мне принадлежащую тебе царскую власть, негодовать и обвинять как меня, за то что я владею тем, что не является моим, так и тех, кто меня этим наделил, ибо они даровали то, что принадлежит другим: ведь ты очень легко убедили бы их, если бы смог сказать что-нибудь правдивое. 2. А если ты не веришь моим словам и все еще считаешь, что не по праву полис находится под моей властью, и что ты сам больше подходишь для того, чтобы принять заботу об общине, тебе надлежало

⁵¹ Согласно Ливию, Сервий запросил народ о своих полномочиях уже обладая несомненною царскою властью, осуществив после удачной войны с этрусками проведение ценза и установление общего культа Дианы и подушного раздела земли (*Ливий*. I. 46. 1).

сделать вот что: исследовав мои ошибки и перечислив свои собственные деяния, призвать меня на суд. Но ничего подобного ты не сделал, вместо этого, спустя столь долгое время, словно протрезвев от длительного опьянения, ты заявляешься сейчас обвинять меня, да и теперь-то приходишь не туда, куда нужно. 3. Ведь тебе следует говорить об этом не здесь — и не сердитесь на мое мнение, сенаторы. Я не отнимаю у вас право решения, но, желая сделать очевидными клеветнические измышления этого вот человека, говорю такое. Итак, нужно было бы тебе, велев мне созвать народ на собрание, обвинять меня там. Однако, поскольку этого избегал ты, это сделаю я относительно тебя, и, созвав народ, назначу их судьями для рассмотрения твоего обвинения меня, и опять-таки предоставлю право ему решать, кто из нас больше подходит для того, чтобы держать власть; и что все они решат, так я и поступлю. 4. На этом достаточно для тебя: ибо для неразумных противников много ли вещать справедливого или мало — все равно. Ведь обычные слова не способны убедить их стать добрыми.

XXXVI. Но я удивился бы, отцы-сенаторы, если бы среди вас нашлись такие, кто возжелал бы отрешить меня от власти и кто объединился бы с этим вот против меня. И мне приятнее было бы узнать от них, из-за какой обиды они враждебны ко мне и за какое из моих прегрешений сердятся на меня: то ли потому, что знают о многих погибших без суда при моем правлении, то ли о лишившихся отечества или о потерявших имущество, или о несправедливо испытанных еще какое-нибудь несчастье. Или они не могут сказать, что все эти грехи, свойственные тиранам, явлены мною, но стали очевидцами каких-то дерзостей с моей стороны по отношению к замужним женщинам или посрамления невинных дочерей, или другого какого насилия в отношении свободных людей? Конечно, если я виноват в чем-то таком, было бы заслуженно лишить меня вместе с властью и жизни. 2. Так что же, я слишком высокомерен и несносен из-за суровости, и своеволие, проявляющееся во время моего правления, никто не в состоянии переносить? Кто же из царей, бывших до меня, оставался столь умеренным и человеколюбивым по отношению ко всем согражданам, чтобы, как милостивый отец, обходиться с ними точно со своими сыновьями? Я даже власть, что вы мне дали по обычаю отцов, не всю полностью пожелал иметь, но, установив законы о главнейших делах, какие вы все утвердили, в соответствии с ними передал право давать и получать правосудие, и сам первый, испытав на себе то, что я определил для других людей, повинуюсь им как частное лицо. И я не был судьей, разбиравшим все преступления, но отдал вам расследование частных дел, чего никто из царей раньше не делал. 3. И похоже, что не было никакой несправедливости, из-за которой кто-нибудь был бы недоволен мной, но скорее тревожили вас мои благодеяния по отношению к толпе плебеев, из-за чего я часто оправдывался перед вами. Но теперь нет никакой надобности в этих речах: если же вам кажется, что этот вот Тарквиний, приняв на себя управление, будет лучше заботиться о государстве, я не откажу согражданам в превосходном руководителе. Возвратив же власть

народу, ранее вручившему ее мне, и став частным лицом, я постараюсь показать вам, что могу не только хорошо править, но и благоразумно подчиняться».

XXXVII. Сказав об этом и весьма устыдив тех, кто строил козни против него, Сервий распустил заседание и после этого, призвав глашатаев, наказал им обойти все закоулки и созвать народ на собрание. 2. После того как толпа со всего города сбежалась на Форум, он, выйдя к трибуне, произнес длинную и вызвавшую сочувствие речь, где перечислил свои военные деяния, которые он совершил еще при жизни Тарквиния и после его смерти, и рассказал о каждой в отдельности мере по управлению государством, посредством чего, по его мнению, государство получило много огромных выгод. 3. Так как все, о чем он говорил, встречало одобрение, и все старались понять, из-за чего он обо всем напоминает, Сервий в конце концов заявил, что Тарквиний его обвиняет, будто бы он не по праву обладает царской властью, принадлежащей самому Тарквинию, которому дел, умирая, оставил-де вместе с деньгами и главенство, а народ не имеет полномочий отдавать чужое другому. 4. Поскольку при этом со всех сторон раздались крики и вспыхнуло со всех сторон негодование, Сервий, повелев им замолчать, попросил не испытывать неудовольствия по поводу его слов и не возмущаться, но, если Тарквиний может сказать нечто правомерное, — вызвать его, и если после того, как он им все изложит, они посчитают, что с Тарквинием поступают несправедливо, и он более подходит, чтобы править, пусть передадут ему главенство над полисом. А сам он, — добавил царь, — отказывается от власти и передает ее тем, кто владеет ею, и от которых он ее и получил. 5. После того как Сервий все это высказал и хотел спуститься с трибуны, поднялся всеобщий шум и слышались слезные заклинания, чтобы он никому не уступал власти; некоторые из них призывали забросать камнями Тарквиния. Но тот, опасаясь близкой расправы и видя, что толпа уже готова броситься на него, обратился в бегство вместе с сотоварищами, а Туллия вся толпа сопровождала с радостью, с шумом и с большим благоговением, пока не довела до дому.

XXXVIII. Так как и в этой попытке Тарквиний не достиг успеха, встревоженный из-за того, что никакой помощи от сената, в которую очень верил, не поступило, он какое-то время сидел дома, беседуя только со своими друзьями. Потом, когда жена убедила его ни в чем не проявлять малодушия и не колебаться, но отбросив слова, приступать к делу, прежде всего с помощью этих друзей-товарищей достигнуть примирения с Туллием, чтобы тот, поверив, будто он стал его другом, меньше остерегался бы его, Тарквиний решил, что она предложила наилучший план, и начал оправдываться, что якобы раскаивается в содеянном, и через своих друзей упорно убеждал Туллию простить его. 2. Легко убедив в своих добрых намерениях Сервия Туллия, который и по природе был миролюбивым, и не считал правильным вести непримиримую войну против дочери и зятя, Тарквиний уловил подходящий момент, когда народ рассеялся по полям для сбора урожая, вышел вместе с друзьями-заговорщиками, которые имели под плащами мечи, и, дав некоторым слугам топоры,

сам, обрядившись в царские одеяния, присовокупил себе прочие знаки власти. Придя на Форум и встав перед зданием сената, он приказал вестнику звать сенаторов на заседание. И действительно, у него были предварительно подготовленные соучастники в деле, и многие из числа патрициев поторопились на Форум. 3. Они собрались на заседание, а кто-то тем временем явился к Туллию, который находился дома, и сообщил, что Тарквиний выступил в царском одеянии и призывает сенаторов на собрание. Тот же, удивившись дерзости Тарквиния, вышел из дома в окружении немногих людей более поспешно, нежели разумно. Войдя же в собрание и узрев Тарквиния, восседавшего в царском кресле и имевшего прочие царские знаки отличия. 4. Сервий воскликнул: «Кто, о нечестивейший из людей, дал тебе право надеть это одеяние?» На что Тарквиний отвечал: «Твоя дерзость и бесстыдство Туллий, ибо ты не будучи свободным, но являясь рабом и сыном рабыни, которую мой дед приобрел из добычи, дерзнул провозгласить себя царем римлян». Когда же Туллий услышал это, разгневанный ответом, он устремился к нему, чтобы заставить его сойти с кресла. 5. А Тарквиний, довольный увиденным, вскочил с кресла, схватил старика, который закричал и стал призывать на помощь слуг, и понес его. Когда он вышел из Курии³², то поднял ввысь Туллия, сам будучи мужчиной в расцвете сил, и бросил его вниз к основанию здания, фасад которого выходил к месту народных собраний. 6. С трудом встав после падения, старый человек увидел, что все заполнено приятелями Тарквиния, а его друзья отсутствуют, и побрел в слезах, причем лишь немногие поддерживали и провожали его. По пути он потерял много крови, ведь удар при падении был сильным, и крайне плохо себя чувствовал.

XXXIX. О последующем даже страшно слышать, настолько удивительное и невероятное было совершено, как сообщают о делах его нечестивой дочери. Ведь она, проведая, что отец отправился в Курию, и стремясь узнать об исходе событий, села в повозку и прибыла на Форум. Выяснив, что случилось, и увидев Тарквиния, который встал перед зданием сената у его цоколя, она первая громким голосом приветствовала его как царя и вознесла моление богам, чтобы получение им власти содействовало бы пользе римского государства. 2. После того как прочие, помогавшие ему в достижении владычества, приветствовали его как царя, она отвела его в сторону и сказала: «Первое тебе удалось, Тарквиний, но нельзя надежно обладать царской властью, если Туллий уцелеет. Ведь он вновь призовет против тебя народ, если хоть сколько-нибудь времени в этот день останется в живых: ты же знаешь, что все плебен преданы ему; но пока он не добрался до дома, отправь тех, кто устранил его». 3. Сказав это и снова сев в повозку, она удалилась; а Тарквиний, посчитав, что нечестивейшая супруга советует правильно, посылает кое-кого из слуг с мечами вслед за Сервием Туллием. Они поспешно опережают царя в пути и, настигнув Туллия

³² Речь идет о Курии, месте заседаний сената, построенной царем Тулом Гостилием (Цицерон. О государстве. II. 17. 31). Она находилась на Форуме у подножия Капитолия.

уже недалеко от дома⁵³, закалывают его. Когда только что умерщвленное и еще трептавшее тело царя было брошено, появилась дочь. 4. Так как улочка, по которой должна была проехать ее повозка, была очень узкой, мулы, увидев труп, испугались, а идущий впереди них погонщик остановился и со страданием во взоре посмотрел на госпожу. Но когда та спросила, почему он не ведет упряжку дальше, тот ответил: «Не видишь, о Туллия, что отец твой лежит мертвым и что нет другого проезда, кроме как через труп?» 5. Она же, рассердившись и схватив подставку из-под ног, кидает ее в погонщика и вскрикивает: «А ты, наглец, не переступишь через мертвого?» И тот, застонав больше из-за ужасного несчастья, чем от удара, через силу ведет мулов по трупу. Этот переулочек, прежде называвшийся «Orbius», из-за этого ужасного и гнусного происшествия был назван римлянами на языке отцов «Преступным»⁵⁴.

XL. Такую вот смерть принял Туллий, обладавший царской властью в течение сорока четырех лет. Римляне говорят, что этот муж первым изменил обычаи и установления предков, получив власть не от сената и народа, как все до него, но от одного только народа, привязав к себе бедняков и подкупам, и всяческим иным угождением — и это правда. 2. Ведь в прежние времена, всякий раз когда умирал царь, народ отдавал власть собранию сената, чтобы оно выбрало, какое государственное устройство установить. Сенат же назначал междуцарей. А те называли царем наилучшего мужа или из местных, или из чужеземцев. Если же и сенат одобрял такой выбор, и народ подтверждал голосованием, и с помощью птицегаданий это определялось, тот принимал на себя власть. Но если чего-то из этих условий не хватало, междуцари называли второго, а если и он не во всем удовлетворял человеческим и божеским требованиям, то и третьего. 3. Но Туллий поначалу принял образ царского опекуна, как мною уже было сказано раньше, потом различными услугами расположил к себе народ, и им одним был избран царем. Оказавшись мужем благожелательным и справедливым, он последующими деяниями положил конец клевете о том, что он не все делал по законам, и заставил многих думать, что если бы не был так скоро убит, поменял бы форму государственного устройства на народоправство. 4. И говорят, что большей частью по этой причине кое-кто из патрициев злоумышлял против него, и что, не имея возможности другим способом прекратить его правление, они и взяли в дело Тарквиния, и совместно обустроили власть для него, желая ослабить плебеев, достигших благодаря государственным мероприятиям Туллия немало

⁵³ Сервий поселился в Эсквилинском округе (*Ливий*. I. 44. 3). Ливий сообщает, что Туллия поднялась до верха Киприйской улицы, где почти до времени Ливия стоял храм Дианы, и уже поворачивала вправо, к Урбиеву взвозу, чтобы подняться на Эсквилинский холм (*Ливий*. I. 48. 6). Киприйская улица в Риме находилась между Священной дорогой (Sacra via) и Субурой (Subura). Урбийский взвоз (Urbius clivus) — улица в Риме, шедшая от Субуры к Эсквилину.

⁵⁴ Lat. Sceleratus vicus (*Ливий*. I. 8. 7).

могущества, чтобы обратно вернуть собственное почетное положение, которое они прежде занимали. 5. Поскольку из-за смерти Туллия по всему городу начались большое смятение и рыдания, Тарквиний был в страхе, что если мертвое тело понесут через Форум, как это в обычае у римлян, в царском облачении и со всем прочим, что полагается по закону на царских похоронах, гнев плебеев может обратиться против него самого еще до того, как он прочно укрепит власть. Поэтому он не позволил, чтобы Сервий Туллий получил то, что установлено законом. Но жена Туллия, что была дочерью Тарквиния, предыдущего царя, вместе с немногими из числа его друзей, ночью вынесла тело из города, будто останки какого-то простого человека, и, горько оплакивая злую судьбу, как свою, так и его, и расточая тысячи проклятий и зятю, и дочери, зарыла тело в землю. 6. После возвращения домой от могилы она прожила лишь один день после похорон и умерла следующей ночью. Каким именно был характер ее смерти, большинству не известно; одни говорили, что она умерла от горя, собственными руками лишив себя жизни; другие же — что она была убита зятем и дочерью за ее сострадание и любовь к мужу. По таким причинам телу Туллия не довелось получить ни царского погребения, ни заметного памятника. Но деяниям его выпало на долю заслужить вечную память на все времена. 7. И это проявилось в некоем другом божественном деянии, что муж сей был любим богами, из-за чего и появился миф о его происхождении и невероятные предположения, как мною было сказано раньше, которые многими считались правдой. Ведь в храме богини Фортуны, который он сам построил, находилась его деревянная позолоченная статуя, а когда случился пожар и все погребло, она одна осталась никак не попорченная огнем. И уже сегодня храм, хотя и все в нем, что было сделано после пожара сообразно старинному порядку, показывает, что он принадлежит искусству новых мастеров, а статуя, как и прежде, убеждает в том, что она является древним произведением. Оно и сейчас продолжает пользоваться поклонением у римлян. Вот что я услышал о Туллии.

XLI. После Сервия Туллия правление над римлянами принимает Луций Тарквиний, не по закону, но с помощью оружия получив его в четвертый год шестьдесят первой Олимпиады⁵⁵, в которой в беге на стадий победил керкириец Агатарх, а исполнял обязанности архонта в Афинах Терикл. 2. Презрев не только толпу плебеев, но и патрициев, которыми он был приведен к правлению, разрушая и уничтожая обычаи и законы и весь местный порядок, которым предыдущие цари упорядочили государство, он изменил власть на такую, которая признается всеми тиранией. 3. И перво-наперво Тарквиний создал для себя самую охрану из самых дерзких мужей, вооруженных мечами и копьями, как из местных людей, так и из чужеземцев, которые по ночам располагались вокруг царского дворца, и днем, когда он выходил, сопровождали его туда, куда он направлялся, и надежно обеспечивали ему безопасность от злоумышленников. Потом он начал появляться на людях в установленные сроки и не часто,

⁵⁵ Около 534 г. до н.э.

но редко и неожиданно для всех и вел государственные дела зачастую дома, причем в присутствии самых близких ему людей, и очень редко на Форуме. 4. Он никому из тех, кто хотел, не позволял к себе приближаться, если только сам не позовет; с теми же, кто подходил, был не дружелюбным и спокойным, но, словно тиран, тяжелого и сурового нрава, так что впечатление он производил больше свирепое, нежели светлое. И судебные расследования по спорным вопросам, касающимся контрактов, он вел, опираясь не на право и законы, а на свое собственное мнение. Из-за этого римляне дали ему прозвище Суперб, и его предпочтительнее объяснить на нашем языке как «Надменный». Деда же его стали звать Приск, как мы бы сказали, «Старший»: ведь он был тезкой молодого по обоим именам.

XLII. Когда же он решил, что твердо держит власть, подготовив бесчестных сподвижников, с их помощью стал приводить к смертным приговорам многих из числа знатных: первыми же тех, которые враждебно вели себя по отношению к нему и не желали, чтобы Туллия лишила власти; потом же и всех прочих, кого он подозревал, что они считали такую перемену тяжкой, и у кого было большое богатство. 2. Привлекая их к суду, каждого на основании ложных причин, в особенности выставляя предлогом, будто они злоумышляют против царя, обвинители представляли их царю, как судье. Царь же осуждал одних на смерть, других на изгнание, отнимая деньги и у тех, кого убивали, и у тех, кого изгоняли, причем какую-то малую долю жертвовал обвинителям, а большей частью завладевал сам. 3. Итак, многие из влиятельных людей, прежде чем получить «причитающиеся» им наказания, поняв, из-за чего против них строят козни, оставляли тирану город добровольно, и их становилось все больше и больше. Но были некоторые, кто был умерщвлен им тайно, будучи схваченным в доме или в сельской местности, мужи, достойные доброго слова, тела которых так и не были обнаружены. 4. Потом же он уничтожил большую часть сената, предав сенаторов смерти или осудив на вечное изгнание, и создал новый сенат, приведя на почетные места, ранее занятые теми, кто исчез, собственных сподвижников. И даже этим мужам Тарквиний не разрешал ни делать, ни говорить ничего, что он сам не прикажет. 5. Так что много сенаторов, заседавших в сенате, избавившись от тех, кого избрали при Туллии, и до тех пор отличавшиеся от плебеев, которые полагали, что перемена государственного устройства будет им во благо, было наказано (ведь Тарквиний давал им такого рода обещания, обманывая и хитря). Тогда они, поняв, что не участвуют ни в одном из государственных дел, и сами вместе с плебеями лишены свободы слова, начали роптать, подозревая, что будущее — ужаснее настоящего, но были вынуждены терпеть злую силу, что была рядом, не имея возможности препятствовать тому, что происходит.

XLIII. А плебеи, видя это, думали, что те страдают справедливо, и наивно радовались тому, что тирания будет тяжкой только для них, а для самих плебеев она будет безопасной. Но и на них немного времени спустя обрушились еще большие напасти. Ведь Тарквиний отменил все законы, написанные Туллием, по которым плебеи

получали равные права с патрициями и не испытывали никакого вреда от них из-за долгов, даже таблицы, на которых они были записаны, не оставил, но приказал унести с Форума и уничтожить. 2. Вслед за тем Тарквиний упразднил налоги в соответствии с цензом и вернулся к порядку взимания их, который был раньше. Всякий раз, когда ему требовались деньги, самый бедный вносил одинаковую сумму с самым богатым. Это государственное мероприятие разорило многих плебеев сразу же при первом сборе налога, так как каждый был вынужден внести подушную долю в десять драхм. И он запретил впредь собирать все сходки, на которые сходились сельчане, члены курии или соседи, и в городе, и на полях, при исполнении священных обрядов и жертвоприношений, чтобы большое число людей, сойдясь в одном месте, не приняло бы тайных решений о том, чтобы свергнуть его. 3. Он обзавелся повсюду рассеянными некими соглядатаями и доносчиками, следившими скрытно за тем, что говорится и что делается; они подбивали соседей на беседы, и случалось, что, сами высказываясь против тирана, выпытывали мысли каждого. Потом о тех, о ком узнавали, что они тяготеют установленным положением дел, доносили тирану. Месть же царя в отношении тех, кого изобличали, была жестокой и неумолимой.

XLIV. И Тарквинию мало было только того, чтобы незаконно поступать с плебеями; но, отобрав из их толпы всех наиболее верных ему и необходимых для военных нужд, он принудил остальных к общественным постройкам, полагая, что для самодержца весьма опасна праздная жизнь наиболее бедных и нуждающихся, и стремясь вместе с тем закончить во время своего правления оставленную дедом, сделанную лишь наполовину работу, в частности довести до реки водовыводящие каналы, которые при том начали рыть, а Цирк, который ничего еще, кроме фундаментов, не имел, окружить крытыми галереями. 2. Все бедняки трудились на этих работах, получая от царя небольшую толику зерна: одни вырубали камень, другие валили лес, третьи возили эти материалы, ведя повозки и неся на плечах груз; иные выкапывали рвы, возводя над ними галереи; и для этих целей царь держал на общественных работах ремесленников — кузнецов-медников, строителей и каменотесов, оставивших свой труд. 3. Народ, терпя эти тяготы, не получал никакого отдыха; так что патриции, видя эти беды и службу, даже радовались, и отчасти забывали о собственных горестях; и все же ни те, ни другие не пытались препятствовать тому, что происходило.

XLV. Тарквиний, полагая, что тем, кто получил господство не на законном основании, но приобрел его с помощью оружия, необходима охрана не только из местных уроженцев, но и из чужеземцев, позаботился о том, чтобы войти в дружбу с самым знаменитым из латинов и наиболее могущественным из всех, соединив его браком с дочерью. Его звали Октавий Мамилий, род он возводил к Телегону, сыну Одиссея и Кирки, а жил в городе Тускуле⁵⁶ и был рассудительным в государственных делах и

⁵⁶Тускул — латинский город в Альбанских горах, примерно в 25 км к юго-востоку от Рима (позднее — на Латинской дороге).

весьма искусным на ратном поприще. 2. Заимев такого мужа в друзья и приобрета через него в каждом городе наилучших вершителей государственных дел, он, тогда уже пробую силы в открытых войнах, вывел войско против сабинян, которые не желали подчиняться его приказаниям, но считали возможным расторгнуть договоры из-за того, что Тулий, с которым они были заключены, скончался. 3. Поставленный об этом в известность, он приказал через вестников, чтобы те, кто обычно обсуждал общелатинские дела, пришли в назначенный день на собрание⁵⁷ в Ферентину, поскольку он хочет посоветоваться с ними об общих и важных делах. 4. Латины явились, а сам Тарквиний, созвавший их, опаздывает. Так как прошло много времени и многим из заседавших стало казаться, что поведение царя выглядит чересчур высокомерным, некий муж из города Корилле, сильный и состоянием, и друзьями, отважный в ратных делах и способный толковать по поводу государственных дел, по имени Турн Гердоний, поскольку он был противником Мамилия не только из-за соперничества на общественном поприще, но ненавидел и Тарквиния из-за Мамилия, считая, что тот принял последнего в свойственники вместо него самого, стал обвинять римского царя. Он вещал о других поступках, в которых проявлялись суровость и гордость Тарквиния, и о том, что он отсутствует на собрании, которое сам созвал, притом, что все остальные находятся здесь. 5. Но Мамилий выступил в защиту Тарквиния и выдвинул какие-то причины его задержки, обусловленные необходимостью, и посчитал нужным перенести собрание на следующий день, и главы латинских городов, убежденные им, перенесли заседание совета.

XLVI. На следующий день появился Тарквиний, и после того как было созвано собрание, сказав немного о своем опоздании, снова начал речь о главенстве, как о вещи, принадлежащей ему по праву, поскольку Тарквиний, дед его, овладел господствующим положением, обретя его войной, и предъявил договоры, которые города заключили с ним. 2. Много порассуждав о справедливости и о соглашениях и пообещав, что окажет великие милости городам, если они останутся в дружбе с ним, он в конце концов убедил их вместе отправиться походом против сабинского народа. 3. Когда же Тарквиний кончил говорить, выступил Турн, который упрекнул его за опоздание и заявил, что не допускает того, чтобы члены собрания уступили этому мужу власть, так как она и принадлежит ему не по праву, и не идет на пользу латинам. Турн подробно остановился на обоих обстоятельствах, говоря, что договоры, заключенные с его дедом и передавшие ему главенство, прекратили свое существование после дедовой смерти вследствие того, что к соглашениям не было приписано, что они будут пожалованы потомкам Тарквиния; далее Турн заявил, что тот, кто считает возможным быть наследником даров, поднесенных деду, является самым несправедливым и порочным из людей, и перечислил дела царя, которые тот содеял, дабы

⁵⁷ Место собрания городов латинского союза. Обычно находилось в Ариции, городе, расположенном там, где позднее проходила Аппиева дорога (via Appia) близ Неморенского озера.

завладеть властью над римлянами. 4. Итак, насчитав множество ужасных обвинений против Тарквиния, Турн, наконец, начал настаивать на том, что и царскую власть над римлянами тот имел, получив ее не по закону от них, как цари до него, но взяв верх с помощью оружия и насилия и установив тираническое единовластие, причём одних из граждан он предал смерти, других — изгнал из отечества, третьих — лишил имущества, а у всех вместе — отобрал свободу как слова, так и поступков. Турн убеждал еще, что большой глупостью и наивностью будет надеяться и ждать чего-то доброго и гуманного от человека порочного и нечестивого образа действий и считать, что не пощадивший самого близкого родственника, самого родного, пощадит чужого; поэтому он убеждал тех, кто не получил еще до сих пор узды рабства, бороться, чтобы не обрести ее, и дабы они из того ужасного, от чего уже пострадали другие, сделали вывод, что такое же придется перенести им.

XLVII. Так как Турн применил такой способ нападения и многие были задеты за живое его словами, Тарквиний потребовал для защиты следующий день и получил на это согласие. После роспуска собрания он призвал самых близких друзей и принялся обдумывать вместе с ними, как следует поступить в сложившихся обстоятельствах. И вот они подыскивали слова, которые ему нужно говорить в свою защиту и предлагали способы, которыми он сможет успокоить толпу. Но сам Тарквиний заявил, что при таком положении дел ни в чем из предложенного не нуждается, и объявил о собственном замысле — не оправдываться в том, в чем его обвиняют, но уничтожить самого обвинителя. 2. Поскольку все стали восхвалять его замысел, царь, договорившись с ними о том, что касалось нападения с его стороны, принимается за дело, которое менее всего можно было любому человеку предусмотреть и принять меры предосторожности. Вьючных животных и багаж доставляли Турну его слуги, поэтому царь, разыскав среди них самых порочных, подкупил их деньгами и убедил в том, чтобы они, получив множество мечей от него, внесли бы их ночью в гостевую комнату дома и положили там, спрятав среди других вещей. 3. На следующий день, когда было созвано собрание, придя туда, Тарквиний сказал, что его защита от обвинений будет краткой, и начал превращать своего обвинителя в ответчика. Царь заявил: «Этот Турн, члены совета, обвиняет меня теперь в том, от чего, сам став судьей, освободил меня, желая получить в жены мою дочь. 4. Когда же он по справедливости был признан недостойным этого брака — ведь кто из тех, кто имеет разум, оттолкнул бы Мамилия, самого знатного и заслуженного из латинов, а того, кто не может возвести род даже к третьему поколению от деда, удостоил бы обрести такое свойство? Так вот, негодюя на это, Турн пришел теперь возводить напраслину на меня. И следовало бы ему, уж если он стыдился меня такого, каким сейчас выставляет в укоризнах, не стремиться тогда приобрести в моем лице тестя; если же он считал меня хорошим, когда сватался к моей дочери, то не обвинять бы меня теперь в бесчестии. 5. И это вот говорю о себе самом я: вам же, члены совета, во избежание величайшей из опасностей надлежит смотреть теперь не за мной, не выяснять, какой я — хороший

или плохой (ведь это здесь вам можно будет увидеть и после), но за вашей собственной безопасностью и за свободой вашего отечества. Ведь об этом, знатнейшие в своих городах и вершители государственных дел, надо беспокоиться: против вас злоумышляет отменный демагог, который настроился на то, чтобы убить самых заметных из вас и встать у власти над латинами, и подошел уже к осуществлению этого. 6. Не предполагая, но точно зная, извещаю я вас, поскольку прошедшей ночью мне был донос от одного из заговорщиков. Я представляю вам в доказательство своих слов несомненное свидетельство, показав, если вы пожелаете, его гостевую комнату и сокровище в ней оружие».

XLVIII. Когда Тарквиний сказал это, все подняли крик в испуге за безопасность людей и сочли нужным расследовать дело, чтобы не обмануться. Турн же, в неведении не зная о злом умысле, с готовностью заявил, что ждет проверку и призвал предводителей латинов к осмотру комнаты, говоря, что следует произойти одному из двух: или он сам умрет, если обнаружится, что он снабжен оружием сверх необходимого в дороге, или понесет кару его клеветник. 2. На том и порешили, и те, кто пришел в его комнату, обнаружили среди других вещей спрятанные слугами мечи. После этого латины не позволили Турну еще как-то оправдаться, но бросают его в пропасть и, забросав еще живого землей, без промедления умерщвляют⁵⁸. 3. А Тарквиния, восхвалив его в народном собрании как общего благодетеля городов за то, что он спас лучших мужей, назначают вождем латинского народа на тех же самых условиях, на которых ранее назначали и деда его, а после него — Туллия. Начертав на колоннах статьи договора и скрепив его всеобщей клятвой, они распускают собрание.

XLIX. Получив верховную власть над латинами, Тарквиний отправил посольства в города герников и вольсков, приглашая и их к дружбе и союзничеству. И вот герники⁵⁹ все проголосовали за то, чтобы стать союзниками, а из народа вольсков⁶⁰ только два города приняли предложение — Эцетра и Анций⁶¹. Тарквиний, озабочившись о том, чтобы договоренности с городами пребывали в силе на все времена, решил учредить общий храм как римлян и латинов, так и герников и вольсков, внесенных в списки союза, чтобы, сходясь каждый год в назначенное место, вместе праздновать, вместе пировать и участвовать в общих жертвоприношениях. 2. Так как все охотно приняли это предложение, Тарквиний определил местом, где они будут

⁵⁸ Как пишет Ливий, его погрузили в воды Ферентинского источника и утопили, накрыв корзиной и завалив камнями (*Ливий*. I. 51. 9). О похожем виде казни писал Плавт:

*Плетенкой из суков его, как рамою,
Накрыть, а сверху камней навалить, и с ним
Покончить.*

(*Плавт*. Пуниец. 1026–1028).

⁵⁹ Герники — народ, возможно, самнитского происхождения. Жил в восточном Лацин.

⁶⁰ Вольски — см. примеч. 50 к кн. III.

⁶¹ Города к юго-востоку от Рима.

проводить сбор, расположенную почти в середине всех народов высокую гору, над городом альбанцев, и предписал, чтобы на ней каждый год проводились празднества, на время которых заключалось всеобщее перемирие, а также совершались жертвоприношения Юпитеру, нареченному Лациариум⁶², и совместные трапезы; и он установил также, что нужно каждому предоставлять для проведения священных обрядов, и ту долю, которую каждый должен будет получать. Городов же, что приняли участие в празднике и жертвоприношении, оказалось сорок семь. 3. Эти торжества и жертвоприношения римляне совершают до сих пор, называя «Латинскими»; и города — участники в священных обрядах — доставляют для их проведения: одни — овец, другие — сыр, третьи — сколько-то молока, четвертые — нечто в том же роде. После принесения всеми ими сообща в жертву быка, каждый получает определенную долю. Приносят же жертву от имени всех, но верховной властью над святынями обладают римляне.

Л. Когда же Тарквиний упрочил свою власть с помощью подобных союзов, он решил вывести войско против сабинян, набрав из самих римлян тех, кого всего менее подозревал в намерении добиваться свободы, если овладеют оружием, и приняв пришедшее от союзников войско, которое оказалось намного больше войска из римских граждан. 2. Опустошив поля сабинян и одержав над ними победу в битве, Тарквиний повел войско против тех, кого называли пометинцами, что населяли город Суэссу⁶³ и считались самыми удачливыми из всех соседей и из-за столь великого счастья — неприятными и тягостными для всех. Их обвинили в каких-то грабежах и разбойничьих набегах, за которые было потребовано удовлетворение, а ответы от них получены были высокомерные. Но они были готовы к войне и уже во всеоружии. 3. Тарквиний схватился с ними в сражении близ границ и многих уничтожил, а остальных обратил в бегство и запер в стенах города; чтобы они более не вышли оттуда, он разбил лагерь рядом с ними, начал окапывать их город рвом, окружать частоколом и совершать постоянные наскоки на стены. Жители сначала оборонялись и долгое время противостояли тяготам осады; но так как у них стали кончаться съестные припасы, они, ослабев и не получая никакой помощи, не имели отдыха ни днем ни ночью и терпели бедствия, пока не были захвачены приступом. 4. Овладев городом, Тарквиний тех, кто держал в руках оружие, повелел казнить, а жен их и детей отдал воинам в качестве пленников, чтобы те увели их вместе с толпой рабов, которую нелегко было сосчитать. Остальную добычу он велел выносить и выводить из города, кому какую посчастливилось захватить как внутри стен, так и на полях.

⁶² Юпитер Лациарий (Latiaris) — Юпитер латинский, покровитель Лация. Место для его храма было выбрано на Альбанской горе (Mons Albanus). Однако средства на сооружение храма у Тарквиния, согласно Ливию, оказались только после захвата города вольсков Суэссы Помеции. См.: *Дионисий*. IV. 50. 1. 3–4.

⁶³ Имеется в виду вольский город Суэсса (Суэсса) Помеция.

Что до серебра и золота, обнаруженного там, царь распорядился снести в одно место и, отобрав десятую часть на устройство храма, остальные деньги разделил среди воинов. 5. При этом золота и серебра было захвачено так много, что каждый из воинов получил пять мин серебра, а выделенная для богов десятина серебра составила не менее четырехсот талантов.

II. Когда Тарквиний еще проводил время в Суессе, там появился посланец с сообщением, что цвет сабинской молодежи вышел из своей области и двумя крупными отрядами вторгся в римские пределы, грабя поля, причем один отряд возвел укрепление неподалеку от Эрета⁶⁴, а другой — около Фиден; и если какое-нибудь войско им не воспрепятствует, там все погибнет. 2. Получив такую весть, царь оставил большую часть войска в Суессе, приказав охранять добычу и свои пожитки, а остальное легковооруженное войско повел против тех, кто встал лагерем при Эрете, и разбил там неподалеку лагерь на возвышенности. А у сабинских предводителей, отправивших армию к Фиденам, было намерение начать битву рано утром, но Тарквиний узнал про их замысел, так как был захвачен гонец с письмами от предводителей сабинян у Фиден, к тем, кто был у Эрета. И он на такой удар судьбы ответил военной хитростью. 3. Разделив войско на две части, он одну из них ночью скрытно от врагов посылает к дороге, ведущей от Фиден, а другую, оставив с собой, на рассвете выводит из лагеря, будто бы на битву. И сабиняне, набравшись смелости, выступили ему навстречу, видя, что врагов немного, и считая, что их собственное второе войско почти что уже подоспело из Фиден. Войска вступили в битву, и ход ее долгое время продолжался с равным успехом. Но та часть войска, что ранее, ночью, была отправлена Тарквинием, повернула обратно от дороги и стала подходить к сражающимся, заходя в тыл сабинянам. 4. Увидев их и распознав по оружию и значкам, сабиняне, придя в смятение, побросали оружие и попытались спастись. Но большинству спастись не удалось, ибо они были окружены кольцом врагов и римская конница напирала со всех сторон, отрезая их от своих, так что только немногие успели избежать гибели, а большая часть или погибла от рук противника или сдалась. Те, кто был оставлен у лагеря, также не оказали сопротивления, и укрепления были захвачены нетронутые при первом же приступе. Там вместе с собственным имуществом сабинян было найдено и все захваченное у римлян вместе с множеством пленников и возвращено тем, кто потерпел ущерб.

III. Поскольку первая попытка удалась Тарквинию так, как было задумано, он с войском двинулся на тех сабинян, что встали лагерем у Фиден и пребывали еще в неведении о гибели своих собратьев. По случайному совпадению они вышли из лагеря и находились в походе. Но когда они приблизились и рассмотрели насаженные на копья головы своих предводителей (ведь римляне выставили их вперед для устрашения врагов), то поняли, что другой их отряд уничтожен, не стали проявлять

⁶⁴ Город к северо-востоку от Рима. См. примеч. 6 к кн. IV.

чудеса храбрости, а, обратившись к мольбам и заклинаниям, сдались. 2. Поскольку так позорно и безжалостно были истреблены оба лагеря, сабиняне, утратив всякую надежду и опасаясь, как бы сразу не захватили и города, принялись отправлять послов, прося мира и обещая отдать себя под власть Тарквиния и выплачивать впредь дань. Прекратив войну с ними и получив на основе договоров подчинение городов, Тарквиний возвратился к Суессе. Забрав оттуда оставленный отряд, добычу и прочее добро, он увел в Рим отягощенное богатством войско. 3. И после этого он много раз совершал набеги в пределы вольсков, иногда со всем войском, иногда с какой-то частью его, и завладел большой добычей. А когда уже бóльшая часть задуманного завершилась успешно, разразилась война со стороны соседей, и была она долгой по времени (ведь она велась непрерывно семь лет) и значительной по бедствиям, тяжелым и неожиданным. По каким причинам война началась и какой конец имела, так как его достигли и коварным обманом, и неожиданной военной хитростью, я скажу немного погодя.

LIII. Был один город латинского корня, основанный альбанцами, отстоявший от Рима на сто стадиев и расположенный на дороге, что ведет к Пренесте. Назывался он Габиями⁶⁵. Теперь он уже заселен не весь, только та часть, что дает приют близ дороги, а тогда он был многолюдным, как никакой другой, и большим. О его величине и значении можно догадаться, бросив взгляд на развалины домов во многих местах и на кольцо городской стены, ибо бóльшая часть его еще осталась. 2. В него стеклись пометинцы, кто спасся из Суессы, когда их город захватил Тарквиний, и много изгнанников из Рима. Эти беглецы стенаниями и мольбами просили габийцев помочь им, суля великие дары, если случится вернуться к своему имуществу, и уверяя, что свержение тирана возможно и легко, так как с ними объединятся и те, кто в городе, и убедили-таки габийцев. К тому же и вольски содействовали началу войны против Тарквиния, ибо и они прислали посольство, прося союза. 3. После этого габийцы и римляне не раз вторгались с крупными армиями в земли друг друга, вступая, как положено, в битвы, то с небольшими силами с обеих сторон, то со всеми. В них зачастую габийцы обращали римлян в бегство и гнали до самых стен, множество убивая и бесстрашно грабя их сельскую округу, но часто и римляне давали отпор габийцам и загоняли их в город, увозя от них рабов и много другой добычи.

LIV. Так как стычки происходили непрерывно, и те и другие были вынуждены, обнеся стенами укрепления на своей территории, поставить в них стражу, чтобы дать убежище земледельцам. Нападая из них сплоченно на шайки разбойников или высмотрев какую-нибудь отколовшуюся часть большого войска, беспорядочную из-за презрения к противнику, как обычно бывает при сборе фуража, они их уничтожали. Им пришлось все неукрепленные части городов, которые можно было с легкостью захватить при помощи лестниц, обнести стенами и рвами, так как боялись внезапных

⁶⁵ Габии — город около 15 км к востоку от Рима на Пренестинской дороге (via Praenestina).

нападений друг друга. 2. Особенно же в этом преуспел Тарквиний, который укрепил, привлеки множество рабочих рук, часть окружности города, что обращена к габийцам, расширив ров, повысив стены и разместив близко друг от друга башни: ведь казалось, что город был наименьше укреплен именно с этой стороны, в то время как по всей остальной окружности был достаточно надежно защищен и труднодоступен для врагов. 3. И, что обычно случается со всеми городами в затяжных войнах, когда из-за непрерывных вражеских набегов земля опустошается и не приносит плодов, уже грозили наступить как нехватка всякого продовольствия у тех и у других, так и жуткое отчаяние по поводу будущего. Но нужда в самом необходимом тяжелее давила на римлян, нежели на габийцев, и беднейшие из них, больше всех страдая, начали думать, что следует заключить договор с габийцами и завершить войну на тех условиях, которые те пожелали бы.

LV. Пока Тарквиний терзался из-за происшедшего и не мог снести, чтобы война была позорно прекращена, но не в силах был ее продолжать, изобретая всяческие планы и прибегая к уловкам разного рода, старший из его сыновей по имени Секст сообщил одному только отцу свой замысел. Когда же отец согласился позволить ему действовать, считая дело дерзким и рискованным, но не невозможным, Секст притворился, будто он в размолвке с отцом по поводу окончания войны. 2. После того как Секста высекли по приказу отца на Форуме розгами, он, претерпев другие унижения, так что это стало известно всем, первым делом отправил самых верных друзей под видом перебежчиков, чтобы они тайно донесли габийцам, что он решил перейти к ним и воевать с отцом, если получит заверения, что они защитят его, как и прочих перебежчиков из Рима, и не выдадут отцу в надежде вражду с ним разрешить к своей выгоде. 3. Габийцы радостно выслушали речь посланцев и согласились не причинять им никакого вреда. Секст заявился во главе якобы перебежчиков из друзей и многочисленных клиентов, захватив с собой для большего доверия, что он говорит правду об измене отцу, много золота и серебра. К нему присоединялось немало из римских граждан, которые ссылались на то, что спасаются от тирании, и вокруг Секста сплотился уже сильный отряд. 4. Габийцы же подумали, что они получили большое преимущество, так как многие пришли к ним, и понадеялись на то, что спустя немного времени Рим будет им подвластен. Особенно их ввели в заблуждение предприятия отступника от отца, который то и дело совершал вылазки на римскую округу и приносил солидную добычу. Ведь отец, заранее зная, в каких местах он появится, обеспечивал ее, а также неохраяемость местности, и постоянно посылал к нему тех, кто должен погибнуть, выбирая из числа своих граждан тех, кого держал под подозрением. Из-за всего этого габийцы решили, что Секст им верный друг и храбрый военачальник, причем многие, кто был им подкуплен деньгами, подготавливали для него верховное командование.

LVI. И вот Секст, с помощью обмана и лжи став обладателем столь великой власти, тайно от габийцев посылает одного из слуг к отцу, чтобы тот сообщил Тарквинию

о своей должности, которую он получил, и спросил у царя, как нужно действовать. 2. А Тарквиний, не желая, чтобы слуга узнал о том, что он велел сыну делать, провел этого вестника в сад, разбитый перед самым царским дворцом; а в нем как раз созрели маки, уже усыпанные плодами и готовые к сбору; проходя среди цветов, он всякий раз, если мак возвышался над другими, был посохом по нему и сбивал головку. 3. Сделав это, он отослал вестника без всякого ответа, хотя тот много раз спрашивал. Как мне кажется, он напомнил о мудрости Фрасибула из Милета⁶⁶: ведь и тот некогда тирану Коринфа Пернандру⁶⁷, который через отправленного вестника вопрошал, как обрести самую сильную власть, на словах ничего не сказал, но, приказав пришедшему следовать за ним, повел его через поле, засеянное хлебами, где отламывал те из колосьев, что возвышались, и бросал их на землю, тем самым поучая тому, что наиболее влиятельных людей в городе нужно срезать и уничтожать. 4. И вот, когда Тарквиний проделал подобное, Секст, проникнув в замысел отца, т.е. что он приказывает уничтожить выдающихся габийцев, созвал толпу на народное собрание и, долго разглагольствуя о себе самом, заявил о том, что, вместе с другими прибегнув к их речительству, он подвергается опасности быть схваченным и выданным кое-кем отцу и что он сам готов сложить полномочия и желает покинуть город, прежде чем претерпит нечто ужасное, и при этом он оплакивал собственную судьбу подобно тем, кто и взаправду страшится за свою жизнь.

LVII. Так как толпа пришла в возбуждение и выспрашивала с большим пристрастием, кто же тот, кто собирается его выдать, он назвал известнейшего из габийцев — Антистия Петрона, который и в мирное время многократно и деятельно управлял государством, и не раз исполнял обязанности военачальника, а потому стал самым блистательным из всех сограждан; но так как сей муж защищался и уверенный в своей невинности готов был подвергнуться тщательному обыску, Секст сказал, что желает обыскать его дом, отправив туда других, а сам останется в народном собрании, пока не возвратятся посланные для осмотра жилища. 2. А дело в том, что Секст подкупил серебром кое-кого из слуг Петрона, чтобы те, взяв подготовленные на его погибель письма, помеченные печатью отца, спрятали их в доме. Когда же отправленные обыскивать (ведь Петрон не возражал, но позволил обыскать дом), найдя укрытые послания, вернулись в народное собрание со множеством различных скрепленных печатями грамот, написанных Антистию, Секст заявил, что узнал печать своего отца, и велел одно из них дать его писцу для оглашения. 3. Написано же в нем было, что лучше всего выдать царю сына живым и получить обусловленную плату, если же Антистий не в силах будет сделать это, прислать отрубленную голову. И царь уверял, что и ему в ответ за услугу, и тем, кто ему помогает, помимо прочей платы за дело, которая раньше была обещана, царь предоставит гражданские права в Риме, всех

⁶⁶ Фрасибул Милетский — тиран Милета (около 600 г. до н.э.).

⁶⁷ Пернандр — тиран Коринфа (ум. около 586 г. до н.э.).

включит в число патрициев, более того, выделит и дома, и надель, и много других великих даров. 4. Возбужденные этим габийцы, Антистия, который был поражен необычайным поворотом судьбы и от горя не мог произнести ни слова, убивают, закидав камнями⁶⁸; а проводить следствие и осуществить наказание тем, кто давал советы в этом деле Петрону, они доверили Сексту. Он же, поручив собственным товарищам охрану городских ворот, чтобы те, кто подвергся обвинению, не смогли ускользнуть от него, отправив их по домам, принадлежавшим самым знаменитым мужам, и убивает многих из лучших габийцев.

LVIII. В то время, пока Секст делал это, а в городе воцарилось смятение, как будто при великой беде, Тарквиний, узнав из письма о случившемся, повел войско и около середины ночи подошел к городу. Поскольку ворота были открыты назначенными для этого людьми, он вступил в него и без труда стал господином положения. 2. Когда горожане узнали о несчастье, все оплакивали себя в связи с тем, что им предстоит претерпеть, т.е. убийства, обращение в рабство и все ужасы, что постигают захваченных тиранами, и они, если дойдет до крайности, уже смирились с тем, что им уготованы рабская доля, потеря имущества и тому подобное. Но Тарквиний ничего из того, чего они ожидали и боялись, не сделал, несмотря на то что был суров в гневе и неумолим в мести врагам. 3. Ведь он никого не убил из габийцев, не изгнал из города, и не наказал бесчестьем или лишением средств, но, созвав толпу на собрание и сменив тиранический нрав на царский, сказал, что он их собственный город и имущество, которое они имеют, возвращает им и что соглашается даже с тем, чтобы всем предоставить равные права с римлянами, не вследствие, однако, благожелательного отношения к габийцам, но чтобы таким способом крепче держать верховную власть над римлянами, полагая, что лучшей охраной для него самого и для детей будет верность тех, кто был спасен вопреки ожиданиям, и тех, кто возвратил все свое имущество. 4. И чтобы у них уже не осталось ни капельки страха перед будущим и чтобы они не сомневались, останется ли это для них незыблемым, Тарквиний, записав, на каких условиях они будут друзьями, тотчас на народном собрании скрепил их клятвой и жертвоприношением подтвердил ее. Воспоминанием о сих клятвах, находящимся в Риме в храме Юпитера Фидия, которого римляне называют Санком, является деревянный щит, обтянутый бычьей шкурой убитого тогда при принесении клятв быка, а на щите древними буквами написаны установленные у них статьи договора. Сделав это и назначив царем габийцев своего сына Секста, Тарквиний отвел войско. Такой вот конец имела война против габийцев.

⁶⁸ Ливий не пишет о судьбе Антистия Петрона. Провокация же, использованная Секстом, и род казни Петрона очень схожи со случаем с Турном Гердоном (см. IV. 47—48). Это позволяет усомниться в утверждении, будто рассказ о Турне, по словам комментаторов текста Ливия в издании 1989 г. (*Тит Ливий. История Рима от основания города. Т. I. С. 517*), — «позднейший вымысел».

LIX. После этого предприятия Тарквиний дал народу отдых от походов и войн и обратился к постройке храмов, стремясь исполнить обеты деда. Ведь тот во время последней войны с сабинянами дал обет возвести храмы Юпитеру, Юноне и Минерве, если он победит в сражении, и скалу, где хотел поместить храмы богов, укрепил большими подпорами и насыпями, как я описал в предыдущем рассказе, но строительство храмов осуществить не успел. Поэтому, желая завершить это дело на средства из десятой доли добычи из Суессы, Тарквиний приладил всех ремесленников к работам. 2. Как говорят, именно тогда произошло удивительное чудо: под землей, когда были открыты фундаменты и рыли яму уже на большой глубине, нашли голову недавно убиенного человека, у которого лицо было как живое, а текущая из отсечения кровь — еще теплой и свежей. 3. Узрев это чудо, Тарквиний приказал работникам подождать с рытьем; созвав местных прорицателей, он начал выведывать у них, что могло бы означать сие знамение. Но они ничего не смогли объяснить, но воздали должное осведомленности в подобных делах тир-ренов. Тогда царь расспросил их и, выяснив, кто является самым опытным из этрусских толкователей знамений, отправляет к нему послами самых уважаемых граждан.

LX. Когда эти мужи приблизились к дому гарусника⁶⁹, им повстречался некий молодой человек, как раз вышедший из дома, которому они сказали, что они — послы римлян, что желают встретиться с прорицателем и попросили сообщить ему об этом. На что юноша ответствовал: «Тот, с кем вы просите встретиться, — мой отец. Но сейчас он занят. Вам можно будет пройти к нему через некоторое время. 2. А пока вы ожидаете, объясните мне, зачем вы пришли. Если вы опасаетесь, что по неопытности будете как-то путаться в вопросах, у вас есть возможность сейчас получить от меня разъяснение, чтобы ни в чем не ошибиться: ведь в искусстве прорицания верно поставленный вопрос составляет немалую долю правильного толкования». Мужам показалось резонным последовать предложению, и они рассказывают ему о знамении. А он, выслушав и помедлив немного, сказал: «Слушайте, римские граждане, знамение вам отец объяснит и ни в чем не обманет, ведь у прорицателя такое не заведено; а то, что говорить и как отвечать на вопросы и при этом не допустить ошибки и не впасть в заблуждение (ведь вам важно знать это заранее), научитесь от меня. 3. Когда вы опишете ему знамение, он, сказав, что не до конца понимает то, что вы говорите, очертит жезлом ту или иную часть земли; потом он вам речет: “Здесь находится Тарпейский холм, тут сторона его обращена к востоку, там — к западу, эта сторона — северная, а противоположная — южная”. 4. Обозначив их жезлом, он будет спрашивать у вас, на какой именно стороне была найдена голова. И вот что я советую вам отвечать: не подтверждать, что знамение обнаружено в каком-то из тех мест, о которых он вопрошает, указуя жезлом, но настаивать, что “у нас в Риме

⁶⁹ Гарусники — гадалки, предсказывающие будущее по внутренностям жертвенных животных, главным образом печени.

на Тарпейском холме". Если вы будете держаться таких ответов и не поддаваться на его хитрость, он, понимая, что невозможно изменить то, что действительно произошло, объяснит вам знамение, что именно оно показывает, и ничего не скроет».

LXI. Получив такое наставление, послы, как только старец освободился и слуга вышел пригласить их, входят к прорицателю и рассказывают о знамении. А когда он начал хитрить и расчерчивать на земле то закругленные линии, то, наоборот, прямые, и применительно к каждой местности стал расспрашивать о находке, послы, никоим образом не сбиваясь с мысли, держались одного и того же ответа, как им и советовал сын прорицателя, все время называя Рим и Тарпейский холм, так как желали, чтобы прорицатель не истолковал знак по своему произволу, но вещал, основываясь на наиболее точном и истинном. 2. Не сумев обмануть римлян и истолковать знамения так, как хотелось ему, прорицатель говорит им: «О мужи римские, возвестите своим гражданам, что судьбой определено, чтобы то место, где нашлн голову, стало головой всей Италии». С этого времени холм называется по найденной на нем голове Капитолийским. Ведь римляне называют головы «капита»⁷⁰. 3. Услышав такое от послов, Тарквиний поставил ремесленников на работы и успел возвести большую часть храма, но, вскоре сброшенный с царского престола, он не сумел закончить всю работу, однако в третье консульство город римлян завершил ее полностью. Храм сооружен на высоком фундаменте и по периметру протянулся на восемь пьетров⁷¹, с длиной каждой стороны примерно в двести футов; и всякий может найти лишь малую разницу между длиной его и шириной, которая превосходит ширину на неполные пятнадцать футов. 4. И ныне ведь видно, что храм, воздвигнутый нашими предками, после пожара построен на том же самом основании и отличается от древнего храма только большей ценностью материала и тем, что он окружен по фасаду тройным рядом колонн, а с боков — одним. И в нем находятся три параллельно идущих отделения с общими боковыми сторонами: средний принадлежит Юпитеру, а с обеих сторон один — Юноне, второй — Минерве, все покрытые единым фронтоном и под одной кровлей.

LXII. Передают, что в правление Тарквиния также некий второй, совершенно удивительный счастливый случай выпал римскому государству, дарованный кем-то то ли из богов, то ли из божеств: и именно он не краткое время, а на протяжении всего существования государства спасал его от великих бед. 2. Какая-то женщина (не из местных) пришла к тирану с предложением продать девять книг, полных Сивилиных предсказаний⁷². Когда же Тарквиний не счел нужным купить книги по

⁷⁰ Лат. *caput, capitis* — «голова».

⁷¹ Пьетр — сто футов, стопа — фут.

⁷² Сивилла — женщина-пророчица, ясновидящая. Одна из таких сивилл жила близ Кум (Сивилла Кумская). См.: *Вергилий. Энеида*. VI. 98 и след. Традиционно считается, что Сивиллины оракулы были написаны по-гречески гекзаметром.

той цене, которую та затребовала, она удалилась и сожгла три из них; а немного времени спустя принесла шесть оставшихся книг и запросила за них ту же самую цену. Ее посчитали безумной и высмеяли, поелику требовала за меньшее столько же, сколько не смогла получить за большее. Тогда она вновь удалилась и сожгла половину оставшихся и, принеся последние три, потребовала точно такое же количество злата, что и раньше. 3. Тарквиний, удивившись настойчивости женщины, послал за авгурами и, поведав им о случившемся, спросил, что нужно делать. Они же по определенным знакам увидели, что отвергнуто благо, ниспосылаемое богами, и объявили великим бедствием то, что он не купил все книги, а поэтому наказали отмерить женщине столько золота, сколько она просила, и взять уцелевшие предсказания. 4. Отдав книги и посоветовав заботливо хранить их, женщина исчезла с глаз людских, а Тарквиний, выбрав из горожан двух знатных мужей и дав двух общественных рабов им под начало, поручил им охрану книг. Когда же один из сих мужей, Марк Атилий, был уличен общественным рабом в том, что он, как тому показалось, при разборе книг в чем-то поступил неблагочестиво, Тарквиний повелел его, будто отцеубийцу⁷³, зашить в бычью шкуру и бросить в пучину моря. 5. После же изгнания царей община, приняв на себя надзор за оракулами, назначила их хранителями знаменитейших мужей, на которых эта забота возлагалась пожизненно с освобождением их от участия в военных походах и от прочих обязанностей в государстве; и приставили к ним общественных рабов, без которых сим мужам не разрешалось рассмотрение предсказаний. Короче говоря, никакое иное приобретение, относилось ли оно к людям или к богам, не хранили так, как Сивиллины пророчества. И прибегали к ним по постановлению сената, в случае если внутренняя смута потрясет общество или приключится какое-то несчастье на войне, или произойдут какие-то знамения и важные, но с трудом определяемые видения, что бывало нередко. Эти предсказания вплоть до войны, названной Марсийской⁷⁴, оставались лежать в храме Юпитера Капитолийского в каменном ларце под охраной десяти мужей⁷⁵. 6. Но после сто семьдесят третьей Олимпиады, когда храм сгорел то ли по злому умыслу, как считают некоторые, то ли случайно, со всеми прочими приношениями, посвященными богу, огнем были погублены и они. Ныне же существующие — это то, что можно было собрать из многих мест: одни книги были принесены из городов Италии, другие —

⁷³ Преступление, называемое *parricidium*, — убийство близкого родственника или государственная измена.

⁷⁴ Марсы — сабельское племя, обитавшее в Центральной Италии вокруг Фуцинского озера. Речь здесь идет о Союзнической войне 91–88 гг. до н.э., которую иногда называют Марсийской, поскольку особо активную роль в ней играло племя марсов и во главе одной из группировок италиков стоял Марс Помпедий Сион.

⁷⁵ Лат. *decemviri sacris faciendis* — жреческая коллегия, хранившая и толковавшая Сивиллины книги, но числа 10 эта коллегия достигла лишь в 367 г. до н.э., до того жрецов, видимо, было двое (*Ливий*. VI. 37. 12).

из Эритры⁷⁶, что в Азии, когда по решению сената трое послов были отправлены туда за списками с них, а третьи — из других городов, записанные частными лицами. Среди них содержатся и подделки под Сивиллины книги, которые изобличаются посредством так называемых акrostихов. В этом я следую тому, о чем рассказал Теренций Варрон в сочинении, повествующем о божественных делах.

LXIII. Тарквиний совершил все это как в мирное время, так и в войнах, и основал два города как колонии. Один, названный Сигнией⁷⁷, — не по предварительному решению, а случайно, потому что, после того как воины зазимовали в этой местности и расположились здесь лагерем, он не отличался от города; а другой, Цирцею⁷⁸, — по расчету, поскольку она находилась в удобном месте Помптинской равнины, обширнейшей из всех равнин в Лации, да и море к ней близко подходит; и есть достаточно высокая скала, имеющая вид полуострова, выступающая в Тирренское море, на которой, как свидетельствует молва, некогда поселилась Цирцея⁷⁹, дочь Гелиоса. А быть основателями обеих колоний он препоручил сыновьям — Цирцею Аррунту, Сигнию Титу. И все это время царь совсем не боялся за свою власть. Но из-за надругательства над замужней женщиной, какую погубил старший из его сыновей Секст, он был лишен царства и изгнан из города. Божество предрекало, что несчастье обрушится на его дом, посредством многих разных знамений, и под конец таковым: 2. Орлы, прилетавшие по весне в сад, что раскинулся перед царским дворцом, свили гнездо на верхушке высокой пальмы. Когда птенцы у этих орлов еще не оперились, подлетела стая коршунов, которые разорили гнездо и убили птенцов, а орлов, возвратившихся с кормом, отогнали от пальмы, царапая их и колотя лапами. 3. Тарквиний, наблюдая эти знамения и предпринимая все возможное, как бы уклониться от того, что готовит судьба, не нашел в силах одолеть неизбежное. Поэтому, когда патриции выступили против него, а народ согласился с их порывом, он лишился правления. А кто были жожаками его ниспровержения и по каким причинам затеяли такое предприятие, я постараюсь описать в немногих словах.

LXIV. Тарквиний осаждал город ардеатов⁸⁰ под тем предлогом, что тот принимал к себе беглецов из Рима и содействовал их возвращению; в действительности же царь осуществлял свой злобный умысел, потому что город этот процветал благодаря богатству своему более всех общин Италии. Поскольку ардеаты оказывали достойное сопротивление и осада затягивалась, те, кто был в лагере, начали томиться медленным ходом войны, а те, что оставались в Риме, страдали от налогов, так что все уже были

⁷⁶ Эритры — город в Ионии, один из двенадцати ионических городов Малой Азии. Здесь, по преданию, обитала другая известная сивилла — эритрейская (*Страбон*. География. XIV. 1. 34).

⁷⁷ Signia (Сигний) — город примерно в 55 км от Рима, близости от земель вольсков и эвков.

⁷⁸ Цирцея — город примерно в 100 км от Рима на побережье Тирренского моря.

⁷⁹ Греч. Кирка, лат. Цирцея — в греческой мифологии волшебница, дочь Гелиоса и Персеиды.

⁸⁰ Ардея — главный город рутулов, примерно в 26 км к югу от Рима.

готовы к возмущению, буде нашелся бы вожак. 2. И вот в это самое время Секст, старший из сыновей Тарквиния, был отправлен отцом в город Коллацию для выполнения каких-то военных обязанностей и остановился там у родственника, Луция Тарквиния, которого прозывали Коллатинским. 3. Фабий говорит, что этот человек был сыном Эгерия⁸¹, о котором я ранее рассказал, и что Тарквинию, который первым царствовал над римлянами, он приходился племянником со стороны брата, а назначенный правителем Коллации, по пребыванию в этом городе, и сам был назван Коллатинским, и потомкам своим то же прозвание оставил. Я же верю тому, что он приходился внуком Эгерия, если в самом деле был ровесником сыновей Тарквиния, как передали и Фабий, и остальные сочинители; тем более, что сроки подтверждают мое предположение. 4. Так совпало, что Коллатин тогда оказался в лагере, но его супруга, бывшая римлянкой, дочерью знатного мужа Лукреция, приняла Тарквиния как дорогого гостя (ведь он родственник ее супруга), с большой сердечностью и радушием. Сию женщину, самую красивую и разумную из всех римских женщин, Секст вознамерился погубить еще прежде, когда останавливался у родственника, но сдерживался, а тут посчитал, что наступило самое подходящее время. 5. И когда после ужина удалился спать, он выждал большую часть ночи, наконец, решив, что все уснули, поднялся, пошел в спальню, где, как он узнал, она почивала, и незаметно для слуг, спавших у дверей, вошел в комнату, неся с собой меч.

LXV. Когда Секст склонился над ложем, женщина проснулась от шума и спросила: кто это? Тогда Секст назвал свое имя и велел ей молчать и оставаться в спальне, пригрозив заколоть ее, если она вздумает бежать или кричать. Запугав таким образом женщину, он предложил ей на выбор один из двух возможных путей и спросил, какой из них она предпочтет принять — смерть с позором или жизнь в счастье. 2. Он посулил: «Ежели ты согласишься отдаться мне, я сделаю тебя своей женой, и ты будешь царствовать вместе со мной, нынче — над городом, который мне вручил отец, а после его смерти — над римлянами, латинами, тирренами и над всеми остальными народами, которыми он правит. Ведь я знаю, что получу царство, принадлежащее отцу, и это справедливо, ибо я есмь старший из его сыновей. А всеми благами, которыми пристало обладать царям, ты будешь пользоваться наравне со мной. Да к чему же учить тебя, когда ты это хорошо знаешь? 3. А если ты попытаешься сопротивляться из желания сохранить целомудрие, я убью тебя и, прикончив одного из рабов, положу ваши тела рядом и заявлю, что застал тебя, когда ты предавалась разврату с рабом, и наказал, мстя за оскорбление родственника, так что смерть твоя окажется позорной и постыдной, и тело твое не удостоится ни погребения, ни чего другого, положенного по обычаю». 4. И так как он одновременно настойчиво угрожал, просил и клялся, что говорит правду о том и другом, Лукреция в страхе перед

⁸¹ Речь идет о племяннике Тарквиния Древнего, оставшемся без средств к существованию, откуда его имя (лат. *egere* — «нуждаюсь»). См. кн. III. 50. 3.

обещанным им позором, который повлечет такая смерть, была принуждена уступить и позволить утолить его страсть.

LXVI. С наступлением дня Секст возвратился в лагерь, удовлетворив низкую и пагубную похоть, а Лукреция, сторая от стыда за случившееся, как могла скоро села в повозку и отправилась в Рим, облачившись в черную одежду и спрятав под столой небольшой кинжал. Она ни слова не молвила при встрече тем, кто приветствовал ее, и оставляла без ответа тех, кто пытался узнать, что с ней случилось, но была погружена в думы, с потупленным взором и глазами, полными слез. 2. Войдя в дом отца (а у него случайно оказался и кто-то из родственников), она бросилась ему в ноги и обхватив его колени, сначала рыдала без единого слова. Но так как отец поднял ее и спросил, что с ней приключилось, Лукреция призналась: «Претерпев ужасное и непоправимое бесчестие, просительницей становлюсь я твоей, отче, дабы ты отмстил за меня и не оставил в небрежении того, что твоя собственная дочь перенесла несчастье похуже смерти». 3. А когда отец и все остальные удивились и принялись спрашивать ее рассказать, кто оскорбил ее и в чем состоит оскорбление, она отвечала: «Ты услышишь о моих злоключениях, отче, весьма скоро, но прежде окажи мне такую милость: призови как можно больше друзей и родственников, сколь сможешь, чтобы они от меня, жертвы несчастья, а не от других, услышали это. А когда ты узнаешь о постигших меня позорных и ужасных бедах, посоветуйся с ними, каким образом отомстить за меня и за себя самого, и при этом не откладывай надолго».

LXVII. И после того как знатнейшие мужи собрались по спешному и страстному призыву в дом его, как она и просила, она поведала им обо всем случившемся с самого начала. А затем обняв отца, с горькими молениями к нему и к присутствующим, и испросив у богов и божеств быстрой смерти, Лукреция вытаскивает клинок, который скрывала под покровами одежды и наносит единственный удар себе в грудь, вонзив в самое сердце. 2. Вслед за этим женские вопли, причитания и биение в грудь наполнили весь дом, а отец, подхватив ее тело, стал обнимать ее, и звать по имени, и хлопотать, будто она могла оправиться от раны в его объятиях, но та, трепеща и испуская последний вздох, умирает. Присутствовавшим римлянам происшедшее показалось столь ужасным и достойным сострадания, что у всех у них вырвался единодушный крик, что им в тысячу раз лучше было бы умереть за свободу, чем снести такие бесчинства, исходящие от тиранов. 3. Среди них был некий Публий Валерий, потомок одного из сабинян, что вместе с Тацием переселились в Рим, человек деятельный и разумный. Его посылают в лагерь, чтобы сообщить о случившемся мужу Лукреции и вместе с последним поднять все воинство против тиранов. 4. Едва Валерий вышел за ворота, ему попадается навстречу Коллатин, волей божества направлявшийся из лагеря в город, еще в неведении ни об одном из постигших его дом несчастий, а с ним Луций Юний, которому прозвание было Брут⁸² (на эллинское

⁸² Lat. brutus — «тупой», «неразумный».

наречие слово «Брут» можно перевести как «Тупица»). Поскольку римляне считают, что он стал самым ревностным участником изгнания тиранов, необходимо кратко сообщить о нем, кем он был, от кого происходил и почему получил такое прозвище, которое совершенно ему не подходило.

LXVIII. Отцом Брута был Марк Юний, потомок одного из тех, кто вместе с Энеем вывел колонию, и числился вследствие доблести своей среди славнейших римлян, а матерью была Тарквиния, дочь первого царя Тарквиния. Сам Брут получил воспитание и образование полностью местное, и природа его была таковой, что не противилась никакому добру. 2. Но Тарквиний Гордый, убив Туллия, вместе со многими другими благородными мужами и отца его предал тайно смерти безо всякой вины, воспылав страстью к богатствам, которыми тот владел, получив от предков благодаря их давнему преуспеянию. Вместе с отцом он убил и его старшего сына, который являл благородство духа и мыслей и не выдержал бы того, чтобы не отомстить за смерть отца. Поэтому Брут, юный и совершенно лишенный помощи со стороны родственников, предпринял разумнейшие из всех меры, а именно: решил обмануть всех с помощью своего прозвища, означающего глупость. И все последующее время он сохранял видимость слабоумия, до тех пор пока не настал подходящий момент. Эта видимость и защитила его, так что он не претерпел от тирана ничего ужасного, тогда как многие благородные мужи погибли.

LXIX. Ведь Тарквиний, с презрением относясь к глупости, которую в Бруте предполагали, но которая не была ему присуща, отобрал у него все отцовское имущество, оставив лишь малую часть для каждодневных нужд, и держал его в своей власти словно дитя-сироту, еще нуждавшегося в опекунах. Он даже разрешил ему жить вместе с собственными сыновьями, но не почета ради как родственника, что он выставлял напоказ перед близкими, а чтобы тот веселил юношей бессмысленной болтовней и поступками, и в самом деле похожими на поведение слабоумного. 2. Когда же царь послал двоих своих сыновей, Аррунта и Тита, чтобы те спросили Дельфийского оракула по поводу болезни (ведь в его царствование какая-то необычная хворь обрушилась и на девочек, и мальчиков, и многие скончались от нее, но с наибольшей жестокостью и без надежды на излечение — на беременных женщин, убивая матерей во время родов вместе с плодами их чрева), желая вызнать у бога причину хвори и путь освобождения от нее, он отправил Брута вместе с юношами, чтобы было кого осмеивать и унижать. 3. Когда недоросли явились к оракулу и получили пророчания, за которыми были посланы, они одарили бога приношениями и весьма посмеялись над Брутом, потому что он поднес в дар Аполлону деревянный посох (на деле же он втайне от всех весь его, словно флейту, просверлил и вложил внутрь золотой жезл). После этого они стали вопрошать бога, кому суждено принять власть над римлянами. Бог же объявил им, что власть достанется тому, кто первым поцелует мать. 4. И вот молодые люди, не поняв смысла пророчания, договорились друг с другом одновременно поцеловать мать, желая сообща держать царскую власть, а Брут, уразумев, что

хотел объявить бог, как только достиг Италии, пал ниц и поцеловал землю, полагая, что она — мать всех людей. Вот что случилось с этим мужем прежде.

LXX. Когда же он услышал, как Валерий рассказывает о том, что произошло с Лукрецией и о смерти ее, то, простерши руки к небу, воскликнул: «О Юпитер и вы, все боги, что милостиво взираете на человеческую жизнь, неужели же теперь пришло то время, в ожидании которого я вел притворную жизнь? Неужели римлянам суждено от меня, с моей помощью, получить освобождение от непереносимой тирании?» 2. Произнеся это, он поспешно направился к дому вместе с Коллатином и Валерием. А когда Коллатин вошел, то, увидев Лукрецию, лежавшую у всех на виду, и отца, обнижавшего ее, он громко возопил, обхватил мертвую, и начал целовать и призывать ее, и разговаривать с ней, как с живой, поскольку обезумел от горя. 3. Пока он и ее отец долго оплакивали ее поочередно, и весь дом наполнялся стенаниями и сетованиями, Брут, обратив на них взор свой, сказал: «Тысячи возможностей будут у вас, Лукреций и Коллатин, и все вы, близкие жены сей, чтобы оплакать ее, но сейчас давайте позаботимся о том, чтобы отомстить за нее. Ведь нынешнее время требует этого». 4. Всем показалось, что он советует верно, и, оставшись только со своими, а толпу челяди и наемных работников удалив, они стали совещаться о том, что нужно предпринять. Первым завел речь Брут о себе, что известная его тупость была не настоящей, а лишь видимой, и он привел причины своего притворства, так что составил мнение о себе, как о человеке, самом разумном из всех; вслед за этим он начал убеждать принять такое решение — изгнать как Тарквиния, так и детей его из города, высказав много такого, что воспламеняло их. Когда же Брут увидел, что все пришли к единому мнению, он сказал, что, если суждено случиться тому, что следует, то нужда — не в словах и обещаниях, а в делах, и что предводительствовать ими всеми будет он сам. 5. Произнеся это, он поднял кинжал, коим Лукреция заколола себя, подошел к телу ее (ведь это ужасное зрелище находилось еще у всех на виду) и поклялся Марсом и прочими богами, что сделает все, что в его силах, для свержения господства Тарквиниев, что и сам он не примирится с тиранами, и тем, кто примиряется, не позволит этого, и врагом будет считать того, кто хочет иного, и до смерти своей будет врагом и тирании, и тех, кто ей содействует. А если он нарушит клятву, то попросит для себя самого, для детей своих такой же смерти, как та, которую встретила Лукреция.

LXXI. Сказав это, он и всех остальных призвал к такой же клятве; а они, уже совершенно не колеблясь, поднимались и, принимая меч один от другого, клялись. После того как были принесены положенные при клятвах жертвы, они стали вновь допытываться, каким способом им надлежит действовать. И Брут предложил им следующее: «Прежде всего мы должны взять под охрану ворота, чтобы Тарквиний не проведal ничего из того, что говорится и делается против тирании, раньше чем у нас будет все готово. 2. Потом давайте отнесем тело женщины — таким, какое оно сейчас есть, обогренное кровью, — на Форум, положив его у всех на виду, и созовем

народ на собрание. Когда он сойдется и мы увидим, что Форум полон, пусть Лукреций и Коллатин выйдут вперед, горько сетуют на свою участь, поведав обо всем, что случилось. 3. И каждый из остальных пусть затем выходит вперед и обвиняет тиранию, а граждан призывает к свободе. И это станет желанием всех римлян, если они увидят, что у истоков свободы стоим мы, патриции: ведь они много ужасного испытали от тирании и нуждаются лишь в малейшем побуждении, чтобы начать действовать. Когда же мы найдем, что толпой овладела жажда ниспровергнуть монархию, давайте предложим голосование о том, чтобы Тарквиний более никогда уже не правил римлянами, и постановление о сем спешно отправим воинам, находящимся в лагере. 4. Ведь если те, кто держит в руках оружие, узнают, что все в городе враждебны к тиранам, они с воодушевлением ринутся добывать свободу для отечества, уже больше не удерживаемые царскими подачками, как прежде, и не в силах переносить оскорбления от детей и приспешников Тарквиния». 5. После того как он это изъяснил, Валерий, взяв слово, произнес: «Обо всем, Юний, по-моему, ты совершенно правильно рассуждаешь; но вот по поводу собрания хотелось бы уточнить, кто его в согласии с законом созовет и предложит куриям голосование. Ведь право делать это предоставляется должностным лицам, а ни один из нас не занимает никакой должности». 6. Брут же, перебив, ответил: «Так как я, Валерий, начальник целеров, то мне по законам разрешается созывать собрание, когда я захочу⁸³. А дал мне этот — и величайший! — сан тиран, потому что я, якобы, слабоумен и не пойму силы этой власти, а если и смогу уразуметь, то не воспользуюсь; и первым речь против тирана произнесу тоже я».

LXXII. Когда же собравшиеся это выслушали и одобрили, что Брут начал с достойного и законного основания, то посчитали правильным, чтобы он говорил и об остальном. И он сказал: «Поскольку вам представляется верным вершить дело таким образом, давайте далее рассмотрим, какой станет магистратура, которая будет управлять государством после изгнания царей, и каким лицом она будет объявлена, а еще прежде — каково будет государственное устройство, которое мы, освободясь от тирана, создадим. Ведь лучше все определить прежде, чем приступать к столь великому начинанию, и не оставлять ничего ни непроверенным, ни необдуманном. И пусть каждый из вас заявит, что он об этом думает». 2. После этого было произнесено много речей и многими людьми. Одни, перечисляя, сколько добра принесли государству все прежние цари, придерживались мнения сохранить царское управление государством; другим же, кто напоминал о всех беззакониях, присущих тиранам, которые творили в отношении собственных граждан и все другие цари, и самым последним Тарквиний, казалось, что не нужно более вручать государственные дела одному правителю, но следует назначить главой всего собрания сенаторов, как во многих эллинских полисах. 3. А третьи ни одной из этих форм правления не желали,

⁸³ Согласно Цицерону, Брут был частным человеком (*privatus*). См.: Цицерон. О государстве. II. 25. 46.

но советовали установить демократию, как в Афинах, ссылаясь на высокомерие и жадность олигархов и на возмущение людей низкого положения против тех, кто находится наверху. Они доказывали, что для свободного государства равенство всех перед законом является надежнейшей и наиболее пристойной формой государственного управления.

LXXIII. Поскольку выбор оказался затруднительным и нелегко определяемым из-за тех пороков, что сопровождали каждую из этих форм государственного управления, Брут, взяв в заключение слово, произнес: «По моему мнению, Лукреций, Коллатин и все вы, присутствующие здесь мужи, благородные и от благородных предков происходящие, не следует нам вводить нынче какую-то новую форму правления: ибо тот срок, которым мы ограничены в сложившихся обстоятельствах, краток, и за него нелегко сменить весь строй в государстве на лучший, и сама попытка изменения, даже если нам удастся принять на этот счет наилучшее решение, ненадежна и небезопасна. И для нас возможно будет позднее, когда мы освободимся от тирании, определиться в условиях большей свободы и в спокойной обстановке, коль мы хотим обрести лучшее государственное устройство взамен худшего, если действительно есть что-то лучше, чем то, что и Ромул, и Помпилий, и все цари после них установили и передали нам, благодаря чему наш полис остается великим, процветающим и властвует над многими людьми. 2. Но учитывая те тягости, что имеют обыкновение сопутствовать монархиям, из-за чего они и вырождаются в тираническую жестокость и вследствие чего все ими недовольны, так это я вам советую исправить сейчас же и поостеречься, как бы оно не возникло когда-нибудь потом. Но что же это такое? 3. Прежде всего, поскольку многие взирают на названия вещей и под их влиянием одобряют нечто вредное, а полезного избегают, среди какого и оказалась монархия, я советую вам поменять название государственного строя, и тех, в чьих руках будет верховная власть, надо называть уже не царями и не монархами, но дать им какое-нибудь более скромное и мягкое наименование. 4. Затем — не делать волю одного властительницей надо всем, но предоставить царскую власть двум мужам, как, я знаю, поступают лакедемоняне вот уже многие поколения и благодаря такому способу государственного управления живут в справедливости и благоденствуют в гораздо большей степени, нежели все прочие эллины. Ибо двое в меньшей мере будут спесивыми и суровыми, потому что власть разделена надвое, и каждый наделен одинаковой силой; более того, почтение друг к другу, препятствие к тому, чтобы жить в свое удовольствие и рвение к признанию своей доблести, конечно, в наибольшей мере появятся у всякого при такой власти, которая подразумевает равный почет.

LXXIV. А так как знаки отличия, что даются царям, весьма многочисленны, то, если они для многих являют зрелище тягостное и ненавистное, я полагаю, нам следует одни сократить, другие отменить. Я имею в виду как раз скипетры, золотые венцы и пурпурные, золотом расшитые одеяния, кроме только применения их во время определенных празднеств или триумфальных процессий, когда правители

будут носить их во имя почитания богов — ведь это никого не будет раздражать, если используется редко. Кресла же из слоновой кости для мужей, восседая в каковых они станут вершить суд, белое с пурпурной каймой платье и двенадцать секир, которые во время их шествия будут нести впереди, я думаю, надо оставить. 2. А еще в добавление к этому, полагаю, будет наиболее полезным из всего того, о чем было сказано, и в высшей степени поспособствует тому, чтобы те, кто получит власть, не допускали тяжких ошибок, вот что: не позволять, чтобы одни и те же люди занимали должность пожизненно (ведь для всех бессрочная власть обременительна, потому что не позволяет осуществлять проверку того, что делается, что и порождает тиранию), но свести полномочия правителей к годичному сроку, как делают афиняне. 3. Ведь то, что человек попеременно то властвует, то подчиняется власти, и слагает полномочия до повреждения рассудка, усмиряет надменные натуры и не позволяет им опьяняться владычеством. Это поможет нам, если мы все обустроим так, с одной стороны, пользоваться благами царской формы правления, а с другой — избавиться от свойственных ей зол. 4. Но чтобы ради благочестия сохранить название царской власти, существующее у нас как установленное предками и пришедшее в общину вместе с хорошими предзнаменованиями, одобренное богами, пусть кто-то всегда будет назначаться царем священнодействий, кто будет нести эту почетную должность в течение всей жизни, освобожденный от всякой воинской или гражданской службы, исполняя, как “царь” в Афинах, единственную обязанность — руководство свершением жертвоприношений и ничего другого.

LXXV. Каким же будет при этом каждый шаг на пути достижения цели, слушайте меня: я созову собрание, как я и сказал, потому что мне надлежит это по закону, и выскажу свое мнение: чтобы Тарквиний вместе с сыновьями и женой удалились как из города, так и с земли римлян, изгнанные на вечные времена и сами, и род, что от них пойдет. Когда граждане проголосуют за это решение, я изложу им, какой вид государственного устройства мы предлагаем учредить, после чего я выберу междуцаря, который представит тех, кто примет на себя дела общины, и сам сложу с себя власть над целерами. 2. Созвав собрание по центуриям, назначенный мною междуцарь пусть огласит имена тех, кому предстоит осуществлять руководство в течение года, и передаст избрание их гражданам; и если в большинстве центурий выбор лиц обретет законную силу, а прорицания по их поводу окажутся благоприятными, то пусть они, восприняв секиры и прочие символы царской власти, блюдут за тем, чтобы мы жили в свободном отечестве и чтобы Тарквинии более уже не имели в него доступа. Ведь они попытаются, как вы прекрасно понимаете, и убеждением, и силой, и обманом, и всякими другими способами вновь прийти к господству, если мы не будем стоять на страже супротив их. 3. Вот что является важнейшим и насущнейшим из того, что я в настоящее время могу вам высказать и посоветовать принять; а частности, коих множество и не так-то легко изложить их все по порядку (ведь мы попали в опасное положение), я полагаю, нужно разработать в период правления тем, кто примет на

себя власть. 4. Конечно, я должен сказать, что необходимо сим мужам блюсти дела вместе с собранием сената, как поступали и цари, и ничего не делать без вашего совета и чтобы решения сената сообщали народу, как у наших предков было заведено, не лишая его ничего из того, над чем он имел законную силу в прежние времена. Ведь в таком случае их власть будет надежнейшей и наилучшей».

LXXVI. После того как Юний Брут изложил свой замысел, все его одобрили и, сразу же посовещавшись относительно лиц, которые примут на себя предводительство, рассудили назначить междуцарем Спурия Лукреция, отца убившей себя женщины; а им были названы те, кто получит власть царей, — Луций Юний Брут и Луций Тарквиний Коллатин. 2. И они предписали, чтобы эти правители назывались на их собственном наречии консулами. И это название, может быть переведенно на эллинский язык, как «советник» или «член совета», ведь словом «*consilia*» римляне называют наши совещания. А «предводителями» (ἄρχοι) их со временем назвали эллины вследствие объема их власти, потому что они владывают надо всеми и занимают самое высокое положение. Ведь высокое и верховное древние называли «гюпатон». 3. Обсудив и учредив это, и богов в молитвах попросив помочь им, поскольку они стремятся к делам чистым и справедливым, все отправились на Форум. Их сопровождали слуги, которые на носилках, покрытых черным, несли обгаренное кровью мертвое тело женщины. Распорядившись положить ее на возвышение перед Курией, видимой для всех, Брут и Коллатин стали созывать народ на собрание. 4. Когда толпа плебеев собралась, не только те, что оказались на Форуме, но и со всего города (ведь глашатаи разошлись по всем улочкам, созывая народ на Форум), Брут, взойдя на трибунал, откуда вошло в обычай обращаться к народу с речами у тех, кто созывает собрания, и поставив рядом с собою патрициев, возвестил следующее:

LXXVII. «Сограждане, собираясь держать пред вами речь о самых неотложных для общественного блага делах, я позволю себе прежде немного сказать и о себе самом; может, на некоторых из вас — но я точно знаю, что на многих, — я, наверное, произвел такое впечатление, что разум мой замутнен, поелику человек, не в себе от нездоровья и нуждающийся в опекунах, принимается вещать о делах величайшей важности. 2. Знайте же, что общее суждение вас обо мне, как о полоумном, было ложным и создано оно было ни кем иным, как лично мною. А то, что вынудило меня жить не в соответствии с природой, и не так, как подобало мне, но как было желательно Тарквинию и как казалось выгодным мне, — был страх за свою жизнь. 3. Ведь Тарквиний, едва взойдя на трон, обрек на смерть моего отца, чтобы овладеть его состоянием, и немалым, и старшего брата, который способен был отмстить за смерть отца, если бы не был устранен, погубил бесславной смертью. Несомненно, он не пощадил бы и меня, поскольку я лишился самых близких мне людей, если бы мне не пришлось в голову прикинуться недоумком. 4. И эта личина, в которую тиран поверил, защитила меня от того, что они претерпели, и сохранила вплоть до сего

дня. Теперь же первым делом я снимаю эту личину, поскольку пришло время, о котором я молился и мечтал целых двадцать пять лет. И это все обо мне.

LXXVIII. Общественные же дела, по поводу которых я созвал вас на собрание, таковы: Тарквиния, который захватил власть не по нашим отеческим заветам и законам и пользовался ею независимо от способа ее получения не благородно и не по-царски, но спесивостью и буйством превзойдя всех когда-либо существовавших тиранов, мы, патриции, сообща постановили отрешить от сана, что давно надо было сделать. Делая это сейчас, в подходящее время, мы и вас, плебеи, созвали, чтобы объявить о нашем решении и просить вас стать помощниками, которые вкупе с нами созидают свободу для отечества, которой ни раньше, с того времени, как Тарквиний захватил власть, вам не удалось получить, ни потом не достанет, ежели теперь мы не выкажем свою крепость. 2. Имей я столько времени, сколько я хотел, или пожелаю я поведать правду неосведомленным людям, то я исчислил бы все беззакония тирана, за которые в глазах всех правомерно было бы ему погибнуть не единожды, а многократно. Но, поскольку отрезок времени, который предоставляют мне обстоятельства, краток, следует говорить сейчас немного, а сделать много — да и слова мои обращены к людям осведомленным, — скажу, что главнейшие и очевиднейшие из проступков Тарквиния не могут встретить никакого прощения, в этом я вам поклянусь.

LXXIX. Этот вот, о граждане, Тарквиний с помощью ядов ради получения власти умертвил родного брата Аррунта, потому что тот не желал быть бесчестным, и взял в сообщницы для этой мерзости его жену, сестру своей собственной супруги, которую он, противный богам, начал совращать уже давно. 2. Это тот, кто убив теми же самыми ядами, в тот же самый день и законную супругу, разумную и мать своих детей, и, напустив на себя жалостливый вид и легкую видимость траура, не посчитал нужным отчиститься от злобных слухов по поводу обоих отравлений, будто они не им сотворены. Но сразу же, едва совершив такие ужасающие преступления, еще до того как погасли погребальные костры, принявшие несчастные тела, он начал принимать друзей, готовить бракосочетание и мужеубийцу как невесту повел на брачное ложе ее сестры, неколебимо соблюдая по отношению к ней тайные договоренности: первым и единственным он привнес в римское государство деяния нечестивые и проклятые, не имевшие места нигде ни в Элладе, ни в варварской земле. 3. А какие же действия, сограждане, он совершил по отношению к обоим свойственникам, которые пребывали уже на закате своей жизни? Сервия Туллия, самого справедливого из царей и более всех сделавшего вам добра, он открыто убил и не позволил телу его получить ни похоронных обрядов, ни погребения, установленного обычаем. 4. А Тарквинию, жену Сервия, которую ему самому надлежало почитать как мать, потому что она приходилась сестрой его отцу и была доброй к нему, прежде чем она, несчастная, оплакала мужа и совершила все положенное для человека, которого погребают в земле, он умертвил удушением; и так он поступил с людьми, которыми был сохранен, у которых был воспитан и которым должен был бы наследовать после их смерти,

подождав немного, пока смерть не придет к ним в соответствии с естественным ходом вещей.

LXXX. Но что толку упрекать Тарквиния за такие беззакония, что имели место в отношении родственников и свойственников его, если помимо них я могу обвинить его в таких беззакониях, которые совершались против отечества и против всех нас, если, конечно, следует называть их беззакониями, а не разрушением и не уничтожением всех установлений и обычаев. К примеру, для начала, каким образом он получил главенство? Разве же так, как предшествующие цари? Как бы не так! Он, конечно, далек от этого. 2. Естественно, те были приведены к власти вами, согласно отцовским установлениям и законам: это происходило прежде всего после постановления сената, которому было передано право выносить предварительные суждения, затем после избрания междуцарей, которым сенат поручал определить наиболее подходящего из числа достойных власти; а вслед за тем — после голосования народа в народном собрании, по которому законным образом подтверждаются все главные дела; а вдобавок, после того как птицегадания и жертвоприношения, и прочие знаки, без которых не было бы никакой пользы ни от человеческого рвения, ни от человеческой мудрости, оказывались благоприятными. 3. Ну знает ли кто-нибудь из вас, что из всего этого имело место, когда Тарквиний взял власть? Какое такое предварительное суждение сената? Что за выбор со стороны междуцарей? Какое такое голосование народа? Что за благоприятные авгурии? Я даже не спрашиваю, было ли все соблюдено, хотя это все нужно, чтобы все было честно, требовалось, чтобы ничего из того, что в обычае, согласно законам, не было оставлено в небрежении. Но если кто-нибудь смог бы показать, что только одно из всего необходимого имеет место, то я счел бы, что искажаю остальное. Итак, каким образом он пришел к власти? С помощью оружия, насилия и заговоров вместе с бесчестными людьми, что обычно для тиранов, при том что вы этого не желали и тяготились этим. 4. Ну и после того как Тарквиний взял власть в свои руки, оставим в стороне способ ее получения, неужели он воспользовался ею так, как подобает царю, беря пример с предшественников, которые и словом и делом постоянно претворяли в жизнь то, благодаря чему передали город своим наследникам более богатым и более сильным, чем сами получили? И кто, находясь в здравом уме, мог бы такое вымолвить, видя, в какое плачевное и худое состояние мы все им приведены?

LXXXI. И я обхожу молчанием какие бы то ни было наши, патрициев, напасти, узнав о которых, заплакал бы любой из врагов, так как нас осталось в живых совсем немного из многолюдства, и мы из великих превратились в униженных и впали, будучи ранее сильными и счастливыми, в бедность и ужасную нужду, лишившись всех богатств. Ведь из этих блистательных, внушающих благоговейный трепет великих людей, благодаря которым наш город некогда был знаменитым, одни погибли, другие бежали из отечества. 2. Но в каком состоянии находятся ваши дела, плебеи? Разве он не лишил вас законов, не лишил собраний для проведения священных обрядов и

жертвоприношений, не положил конец вашему участию в избрании должностных лиц путем голосования, членства в народных собраниях, касающихся дел общины, но вынуждает, словно купленных за серебро рабов, мучиться тем, что достойно позора, тем, что вы, изнуряемые в преисподних и подземельях, вырубаете камень, валите лес, перетаскиваете тяжести, не получая ни малейшего отдыха от этих тягот? 3. Так когда же настанет предел бедствиям и до каких пор мы будем терпеливо сносить все это? Когда отечество возвратит свободу? Когда умрет Тарквиний? Клянусь Юпитером! И что же настанет у нас тогда не хуже нынешнего? Ведь мы получим трех Тарквиниев от одного корня и во многом более нечестивых, нежели их родитель. 4. Ведь если он, превратившись в тирана из частного лица, сразу стал дурным, знатоком злодеяний, свойственных тиранам, какими же, нужно думать, вырастут те, кто от него родился, у которых и дурное происхождение, и дурное воспитание, и которым ни увидеть, ни выучиться чему-либо, что делается разумно и прилично для гражданина, не довелось? И чтобы вы не изучали их проклятую природу, но точно узнали бы, каких щенков вскармливает на вашу голову тирания Тарквиния, посмотрите на дела одного из них, старшего.

LXXXII. Перед вами дочь Спурия Лукреция, которого тиран, уходя на войну, назначил префектом города, и супруга Тарквиния Коллатина, родственника тиранов, много страданий перенесшего по их милости. И она, конечно, блюдя свое достоинство и любя своего мужа, как и пристало доброй жене, когда на ночь глядя к ней явился Секст, радушно принятый ввиду своего с ним родства, а Коллатин тогда был в отлучке в лагере, не смогла избежать необузданного высокомерия тирании, но, словно пленница, взятая принуждением, претерпела то, чего свободной женщине терпеть не пристало. 2. Негодуя и полагая, что оскорбление невыносимо, она открылась отцу и остальным родственникам в постигших ее горестях и после скорбных просьб и мольб об отмщении за ее беды, она, вытащив спрятанный в складках платья кинжал, плебеи, на глазах у отца вонзила железо в собственное тело. 3. О ты, удивительная и достойная многих похвал за благородный выбор, ты умерла, ты погибла, не вынеся тиранической наглости, презрев все радости жизни, лишь бы не выпало еще раз перенести такое. После всего этого ты, о Лукреция, имея женскую природу, обладаешь духом благородного мужа, а что же мы, родившиеся мужами, оказываемся в доблести ниже женщин? И если тебе, понеже с тобой в одну только ночь обошлись тиранически, отняв у тебя незапятнанную честь, смерть показалась милее и блаженнее жизни, разве нам не придет в голову подумать то же самое — нам, у кого Тарквиний, правя тиранической властью не один день, а уже двадцать пятый год, отнял все удовольствия жизни, лишив нас свободы? 4. Невыносима нам, плебеи, жизнь среди подобных непрерывных несчастий, нам, потомкам тех мужей, которые считали правильным творить добро для других и взвалили на себя ради славы бремя неисчислимых опасностей. Но всем нам нужно выбрать одно из двух: или свободную жизнь, или смерть со славой. 5. И час, о котором мы молили, наступил — Тарквиний

отлучился из города, а патриции предводительствуют в предприятии. И если мы со рвением приступим к делу, у нас ни в чем не будет недостатка: ни в людях, ни в средствах, ни в оружии, ни в военачальниках, ни в каком бы то ни было снаряжении для ведения войны — ведь город полон всего, и позор считать, что мы правим и вольсками, и сабинянами, и великим множеством других народов, а сами продолжаем быть рабами и предпринимаем в угоду Тарквинию многочисленные войны, а для свой свободы — ни одну.

LXXXIII. Итак, какими средствами в этих обстоятельствах мы сможем воспользоваться и какие у нас будут союзники? Ведь осталось сказать лишь об этом. Прежде всего мы возлагаем надежду на богов, чьи святыни, храмы и алтари оскверняет Тарквиний всякий раз, как приступает к жертвоприношениям и возлияниям богам со своими руками, замаранными кровью и запятнанными всяческими преступлениями против ближайших сородичей; затем — надежду на самих себя, которые не малочисленны и не без опыта в ратном деле; а наряду с этим — на помощь от союзников, которые, пока мы их не призовем, не посчитают нужным усердствовать, но если увидят, что мы, со своей стороны, ведем себя доблестно, с радостью поднимутся на войну вместе с нами: ведь тирания враждебна всем, кто желает быть свободным.

2. Но если кто-то из вас опасается, что граждане, которые вместе с Тарквинием находятся в лагере, станут подмогой ему, а с нами учинят войну, то бояться они без всяких на то оснований. Ведь тирания тяжка и для них, а для всех людей естественно стремление к свободе, и любой повод к перемене для тех, кто страдает, достаточно важен. И если вы постановите, чтобы они пришли к нам на помощь, ни страха не останется, который удержал бы их рядом с тиранами, ни признательности к ним, ни чего другого, что принуждает и склоняет людей творить несправедное. 3. Если же в ком-то из них в силу дурной природы или плохого воспитания все же поселится любовь к тирану — а их немного, клянусь Юпитером, — то мы свяжем их столь тяжелыми оковами, что они из плохих превратятся в добрых: ведь у нас в заложниках в городе находятся их дети, жены и родители, которые для каждого дороже собственной жизни. Так что ежели они отступятся от тиранов, мы им отдадим их и, вынеся решение о прощении совершивших ошибки, легко склоним таких на свою сторону. 4. Итак, плебеи, без страха и с добрыми надеждами на будущее поднимайтесь на битву, приняв на себя вот эту, лучшую из войн, какие вы когда-либо предпринимали. И мы, о отчие боги, добрые стражи этой земли, и вы, божества, кому дали нас в удел отцы наши, и ты, град, превыше остальных городов любезный богам, в котором нам выпало родиться и возрастать, мы защитим вас и помыслами, и решениями, и руками, и жизнями, и готовы претерпеть все, что ниспосллют небеса и судьба. 5. Но я предчувствую, что благим начинаниям будет соответствовать счастливый исход. И да будет мужество у тех, кто постиг все величие этого и пришел к единственному решению, — и нас спасти, и самим спастись с нашей же помощью».

LXXXIV. Пока Брут произносил эту речь, из толпы раздавались непрерывные восклицания, свидетельствующие об одобрении его слов, а у очень и очень многих от радости полились слезы, ибо они услышали удивительные и неожиданные речи; и противоречивые чувства охватывали душу каждого, ни в чем не схожие между собой, поскольку горечь смешивалась с радостью, первая — из-за прежних невзгод, вторая — из-за предчувствуемых надежд. И отвага сталкивалась со страхами: первая — вызывая к презрению опасности, чтобы подавить зло, вызывающее ненависть, другие — из-за опасения того, что свержение тирании нелегкое дело, что и всеядно нерешительность. 2. Но когда Брут замолк, все издали один и тот же клич, словно вырвавшийся из одних уст, чтобы он вел их к оружию. И Брут, возрадовавшись, воскликнул: «Но все же было бы лучше, чтобы вы, узнав о том, что решено в сенате, одобрили решение. Ведь мы решили, чтобы и сами Тарквинии были изгнаны из города римлян и из области, над которой римляне властвуют, а также весь род, что идет от них. И относительно возвращения Тарквиниев, чтобы никому не позволено было ни делать что-либо, ни говорить, а если обнаружится, что кто-то действует вопреки этому, то тому погибнуть. 3. И если это ваше единодушное мнение, то разойдитесь по куриям и подайте ваши голоса, и пусть это первое у вас законное постановление станет началом свободы». И голосование началось, а когда все курии одобрили изгнание тиранов, Брут, вновь выйдя вперед, говорит: «Поскольку первое у нас определено так, как следует, выслушайте остальное, что мы решили относительно государственного устройства. 4. Пока мы обсуждали, что за правление будет в общине, нам показалось правильным царскую власть более не устанавливать, но каждый год назначать двух правителей, обладающих царскими полномочиями, и назначать их будете вы на народных собраниях, проводя голосования по центуриям. И если решения совпадут с вашим желанием, проголосуйте!» И это решение народ одобрил, ни одного голоса не оказалось против. 5. После этого Брут, выйдя вперед, назначил междуцарем, который должен позаботиться о народных собраниях по выбору должностных лиц, согласно отцовским обычаям, Спурия Лукреция. И тот, распустив собрание, приказал, чтобы все с оружием и как можно быстрее вышли на поле, где обычно собирались на собрания. Когда же народ собрался, он предложил двух мужей для исполнения обязанностей, что надлежат царям, — Брута и Коллатина. И народ, призванный по центуриям, утвердил власть этих мужей. Вот таким было то, что тогда вершилось в городе.

LXXXV. Услышав от вестников, которым удалось убежать из города, прежде чем были закрыты ворота, сообщения только о том, что Брут проводит собрание и обращается с речами к народу, призывая граждан к свободе, царь Тарквиний, никому ничего не сказав, поспешил туда, взяв сыновей и вернейших из своих друзей, погоняя коней во весь опор, чтобы успеть предотвратить восстание. Но, обнаружив, что ворота закрыты, и на зубцах городских стен полно вооруженных людей, он как можно скорее возвращается в лагерь, стная и жалуясь на нанесенные ему обиды.

2. Но и там, оказалось, дело его погибло. Ведь консулы, предвидя его скорое прибытие в город, послали по другим дорогам письма, призывая воинов в лагере отринуть тирана и уведомляя их о том, какие решения приняты в городе. 3. Получив эти письма, Марк Гораций⁸⁴ и Тит Герминий⁸⁵, оставленные царем заместителями в его отсутствие, огласили их на военной сходке и спросили по центуриям мнения о том, как следует поступить. Когда же всем стало ясно, что принятые в городе постановления имеют законную силу, более уже не допустили возвращения Тарквиния. 4. И царь, лишившись и этой надежды, вместе с немногими укрылся в городе Габии, царем которого, как я говорил ранее, он назначил старшего сына Секста; сам же он был уже старым по возрасту, процарствовав двадцать пять лет. Герминий и Гораций же заключили перемирие в войне с ардеатами на пятнадцать лет и отвели войско домой. Так царское правление в государстве, просуществовав после основания Рима в течение двухсот сорока четырех лет, превратилось при последнем царе в тиранию и было упразднено по описанным причинам и такими деятелями.

⁸⁴ Вероятно, имеется в виду Марк Гораций Пульвилл, консул будущего 509 г. до н.э.

⁸⁵ Тит Герминий у Ливия — сподвижник Горация Коклеса, принявший бой с этрусками во время нашествия Порсены (*Ливий*. II. 10. 6). Возможно, Дионисия ввело в заблуждение постоянное повторение имен Марк Гораций — Гораций Коклес — Спурий Лукреций — Спурий Ларций — Тит Герминий. Но, поскольку Марк Гораций стал консулом, а Тит Герминий сражался вместе с Горацием Коклесом, вполне возможно, что они занимали высшие командные должности и во время осады Арден.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 7

Книга I. Размышления автора о римской державе — Выбор автором исторических изысканий о древности — Описание автором плана своего повествования — Народы, от которых ведет начало римский род — Происхождение племени этруров — Города, в которых сначала жили аборигины — Разногласия, из-за которых между народами возникла война — Происхождение племени пеласгов — Объединение аборигинов с племенем пеласгов. Их завоевания — Начало бедствий пеласгического племени — Происхождение названия племени тирренов — Ошибочное мнение того, что тирренский и пеласгический народ — это одно и то же — Походы и завоевания эллинов — Освящение участков, алтарей и изображений богов. Установление священнодействия и жертвоприношения — Аркады — Приход в Италию эллинов под предводительством Геракла — Рассказ о прибытии Энея в Италию. Ссылки на исторические источники — Поход и деяния троянцев — Свидетельства о приходе Энея и троянцев в Сицилию — Предание об основании троянцами города — Объединение эллинов с аборигинами. Соглашения между обоими народами — Основание аборигинами и троянцами города Лавиний — Различные рассказы древних писателей по поводу тех времен, в какие был основан Лавиний — Война тирренов и рутулов с латинами — Основание Асканием, сыном Энея, города. Легенда о чуде, свершившемся во время основания города, а также относительно троянских святынь — Наследование власти после смерти Энея. Годы правления властителей — Основание Рима. Разногласия относительно времени основания и относительно основателей города. Мифы и легенды — Изложения того, что случилось во время самого основания Рима — Обычай, сохраняемый римлянами при основании городов — Заключение. Об эллинском происхождении римлян 11

Книга II. Народы, владевшие городом римлян — Ромул — основатель города, которому он дает название по собственному имени — Рассмотрение вопроса о порядке управления общиной — Назначение Ромула людьми и богами царем — Порядок управления, введенный Ромулом — Установившиеся обычаи у римлян относительно патроната — Учреждение совета старейшин. Распределение прав и почестей — Упорядочение расселения и быстрота решения военных дел — Установленное Ромулом государственное устройство — Выполнение религиозных обрядов — Закон о браке — Взаимоотношения отцов и детей — Учреждение судов — Решение устроить браки всех римлян с помощью похищения девушек — Первые общины, начавшие против Ромула войну — Учреждение Ромулом победной процессии, названной

впоследствии триумфом — Решение вопроса о покоренных городах — Начало войны римлян с сабинянами — Захват Тацием и сабинянами Капитолия и большей части военных укреплений — Решающие сражения обеих сторон — Решение римских женщин самим начать переговоры о примирении — Заключение договора о дружбе. Соединение в одну общину, с сохранением наименования «Рим» — Относительно общины куритов — Совместное царствование Ромула с Тацием в течение пяти лет — Вторичное единовластие Ромула после смерти Тация — Триумфальные войны Ромула — Различные версии по поводу кончины Ромула, основанные на мифах — Междоусерствие. Приход Нумы на царство — Сферы управления Нумы. Законодательство, касающееся божественных дел — Сооружение святилища. Осуществление охраны негаснущего огня — Мифологические рассказы о явлениях богини несправедливо обвиненным девам — Святилище, расположенное на Палатине — Законоположение об определении имущества — Предоставление необходимых средств жизни 86

Книга III. Происхождение Тулла Гостилия, избранного царем — Предоставление земли римлянам, не имеющим надела — Объявление альбанцам войны — Опасность, грозящая обеим сторонам извне — Переговоры альбанцев с римлянами о мире — Спор обеих сторон о первенстве полиса — Разрешение спора с помощью оружия — Братоубийственное состязание за верховенство полиса — Неожиданные повороты судьбы дома Горациев — Военные действия Тулла — Коварные планы альбанцев — Спасение римского войска Туллом и сокрушение всех замыслов противников — Суд над Меттием Фуфетием и его сообщниками в предательстве — Окончательная победа Тулла над фиденянами. Второй триумф Тулла — Начало и предлог новой войны Тулла — Третий триумф Тулла — Война римлян с сабинянами и ее завершение во времена правления Тулла — Конец жизни Тулла Гостилия — Принятие власти Марцием, по прозванию Анк — Войны между латинами и римлянами. Другие военные деяния Марция — Действия Марция, направленные на то, чтобы Рим стал не только прибрежным, но и морским городом — Историк о Луции Тарквинии, принявшем власть после смерти Марция — Походы Тарквиния — Потери и приобретения попеременно у тех и у других враждующих сторон — Битвы Тарквиния с латинами. Победоносное шествие Тарквиния — Тарквиний против сабинян — Заключение перемирия с сабинянами, борьба с другими недругами — Победа над тирренами. Условия мира, продиктованные Тарквинием — Пятилетняя война с сабинянами. Подчинение сабинского народа — Мирные деяния Тарквиния — Решение, принятое Тарквинием, о строительстве храма — Наука птицегадания. Невий — самый известный из птицегадателей. Память об этом прорицателе — Убийство Тарквиния. Наказание злоумышленников 141

Книга IV. Рассказ о происхождении Туллия, наследника Тарквиния Древнего — Приобретение Туллием царской власти — Раздел римской территории на части. Установление цезна податей — Устройство войска — Государственный порядок, установленный Туллием — Усиление политического единения — Соединение всех полисов, живущих по соседству. Установление законов об их отношениях между собой — Отпадение от Рима городов, передавших ранее власть Тарквинию. Двадцатилетняя война с ними — Прекращение войны. Признание городами власти римлян над собою — Заговор против Туллия. Тарквиний Гордый

СОДЕРЖАНИЕ

не достигает успеха — Смерть Туллия — Правление над римлянами принимает Луций Тарквиний — Разрушение и уничтожение Тарквинием обычаев, законов и всего местного порядка, которыми предыдущие цари упорядочили полис — Учреждение общей святыни, и римлян, и латинов, и герников, и вольсков, внесенных в списки союза — Упрочение власти Тарквиния — Многочисленные войны римлян с пограничными областями — Война против габийцев — Знамена и толкования их — Ниспровержение Тарквиния — Совецание по обсуждению вопроса, каким будет правление в общине — Утверждение народом власти. Упразднение царского правления в государстве 205

Научное иллюстрированное издание

Днионсий Галикарнасский «Римские древности»

Издание в 3-х томах, 20-ти книгах

Том 1 (книги I–IV)

Книги готовились к изданию при участии Центра изучения римского права.

Ответственный редактор и научный руководитель: д. и. н., профессор Маяк И. Л.

Координатор работ по подготовке книг к изданию: к. и. н., д. ю. н., Кофанов Л. Л.

Общая редакция издания: к. и. н. Токмаков В. Н.

Редакция перевода I и II книги: к. и. н. Майорова Н. Г.

Редакция перевода III и IV книги: д. и. н., профессор Маяк И. Л.

Выпускающий редактор издания: к. ф. н. Кофанова Е. В.

Автор серийного оформления: Яковлев А. Т.

Автор рисунков для заставок и концовок к главам: Бисенгалиев В. К.

Компьютерный набор: Сморгков М. К.

Допечатная подготовка выполнена ООО УпаГрафика.

Компьютерная верстка и монтаж: Алексеев С. А.

Технический редактор: Пушаева Л. Д.

Корректор: Ужегова В. Х.

Набрано гарнитурой: Елизаветинская © Paratype Ink

Издательский дом «Рубежи XXI»

127254, Москва, ул. Гончарова, 7-А, кв. 17

Сдано в набор: 04.07.2004 г.

Подписано к печати: 20.02.2005 г.

Формат 70 x 90/16. Печать офсетная. Бумага офсетная № 1.

Усл. печ. л. 17. Тираж 1 500 экз. Тип. зак № 1401

Цена договорная.

Отпечатано в ОАО «Типография «Новости»

105005, Москва, ул. Ф. Энгельса, 46